Фельдмаршал должен умереть

Богдан Сушинский

секретный фарватер

секретный фарватер

Богдан Сушинский

Фельдмаршал должен умереть

Москва
«Вече»
2010

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(4Укр)
С91

Сушинский, Б.И.

С91 Фельдмаршал должен умереть : роман / Богдан Сушинский. — М.: Вече, 2010. — 384 с. — (Секретный фарватер).

ISBN 978-5-9533-4217-9

В основу романа положены малоизвестные факты, связанные с вынужденным самоубийством одного из участников антигитлеровского заговора, бывшего командующего Африканским корпусом вермахта фельдмаршала Эрвина Роммеля, а также с событиями, разворачивающимися вокруг поиска затопленных его солдатами у берегов Корсики контейнеров с африканскими сокровищами, и участием в них легендарного Отто Скорцени.

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(4Укр)

ISBN 978-5-9533-4217-9

© Сушинский Б.И., 2010
© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

После нескольких кровавых схваток африканских легионеров Роммеля с англичанами плато вот уже вторую неделю оставалось ничейным. Мертвые были погребены, подбитую технику оттранспортировали в глубь занятой территории, а вспаханная снарядами возвышенность, с благословения самого Роммеля, получила мрачное название «Африканский жертвенник».

Б. Сушинский. Из романа «Жребий вечности»

1

...Теперь Ливийская пустыня открывалась фон Шмидту как бы с высоты птичьего полёта. Он так и не смог потом вспомнить, куда именно забросило его в эти минуты предутреннее виденье: в «Долину кровавых дюн» под Тобруком; на пустынное, именуемое «Африканским жертвенником» плато под Эс-Саллумом, или на «воинское кладбище» погибших в песчаной буре германских солдат под Эль-Аламейном.

Да какого-то особого значения это сейчас не имело. Главное, что его воспаленное бессонницей и почти смертельной усталостью измученное сознание вновь проплывало над полями битв Африканского экспедиционного корпуса Роммеля, словно всё ещё не упокоившаяся душа одного из погибших ливийских легионеров фельдмаршала.

Барон фон Шмидт так до конца и не понял, что же это на самом деле было — сон или предутренний бред. Зато в памяти его оставались полузасыпанные песками башни подбитых танков с молитвенно тянущимися к небесам жерлами все еще раскалён-

ных орудий; остатки растерзанной бомбовыми ударами автоколонны; каменистый склон прибрежного холма, усеянный телами солдат, так и не сумевших добежать до спасительных кораблей, а посему брошенных здесь в панической спешке на пиршество шакалов.

— Господин оберштурмбаннфюрер, нас обстреливают! — Нет, голос адъютанта доносился не из глубины пустыни и зарождался явно не из предутреннего бреда. — Это и в самом деле обстреливают именно нас!

— Кто бы мог такое предположить?! — на удивление спокойно, не скрывая сарказма, откликнулся все ещё возлежавший на своей кровати-усыпальнице барон фон Шмидт.

Несколько мгновений назад оберштурмбаннфюрер и сам уже проснулся, и именно оттого, что пули, выпущенные длинной автоматной очередью, разнесли окно в соседней комнате, а затем, прошив стену, по-вороньи расклевали потолок прямо над его скромным солдатским ложем.

«А ведь у этого кретина автомат повело! — все с тем же безрассудным спокойствием определил тогда фон Шмидт. — Словно впервые держит его в руках!».

— Но это обстреливают не просто унтер-офицерскую школу! — вновь воскликнул адъютант. — Они явно обстреливают наше пристанище!

Как истинный фронтовик он при первых же выстрелах грохнулся с постели на пол, чтобы еще через мгновение забросить свое щуплое тельце под массивный письменный стол, под которым у него оставались кое-какие шансы уцелеть даже в том случае, если бы нападавшие умудрились швырнуть в окно гранату.

— Это уж точно. Курсанты этой вшивой школы их вряд ли интересуют, — признал его правоту фон Шмидт.

— Причем убийцы прекрасно осведомлены, где именно мы находимся, и вряд ли позволят нам выскользнуть отсюда.

— Только не эти, Вест! Эти не способны даже по-солдатски вежливо покончить жизнь самоубийством.

— По-солдатски достойно?! Разве что. На такое они действительно не способны.

— Это не убийцы, унтерштурмфюрер, это всего лишь залежалое окопное дерь-рьмо! И пусть ими занимается охрана школы.

Свое любимое выражение «окопное дерь-рьмо!» барон всегда произносил раскатисто и с какой-то особой бравадой. Причем только люди, не знакомые близко с бароном, могли опасаться, что этими словами подполковник СС выплескивал свой гнев. Если такое и случалось, то крайне редко, потому что на самом деле фон Шмидт всего лишь изощрялся таким образом в словоблудии, демонстрируя при этом свою фронтовую бесшабашность.

— Но если мы не уберемся отсюда, они попросту перестреляют нас!

— Убираться им придется, адъютант, поскольку пристанище всё-таки наше.

На сей раз автоматная очередь разнесла окно их комнаты так, что осколки стекла легли рядом с широкой, явно не солдатской кроватью фон Шмидта. Но и после этого оберштурмбаннфюрер остался лежать, лишь инстинктивно подтянул одеяло к подбородку, словно мальчишка, прячущийся от ночного приведения.

Теперь на территории унтер-офицерской артиллерийской школы разгорелась настоящая пальба. Но по тому, что ни одна пуля в их домик больше не вонзилась, Шмидт легко определил, что нападавшие отошли, и что это отрабатывает свой хлеб школьная охрана, которой он с первого часа пребывания здесь не доверял и на которую никогда не полагался. Эти разжиревшие на тыловых харчах дармоеды понятия не имели, что такое истинная охранная служба и что такое ночной бой — пусть даже он происходит на рассвете. Они палили так, словно салютовали собственной тупости, суетясь над собственной братской могилой.

— Неужели они хотели убить вас, оберштурмбаннфюрер?! — все еще скулил, сидя где-то под столом, словно щенок в будке, его адъютант.

— Не исключено. Впрочем, могли покушаться и на вас. А что целая банда местных ревнивцев... Не допускаете? И выползайте наконец из своей конуры, — прохрипел фон Шмидт.

— Вы все еще шутите, оберштурмбаннфюрер? — обиделся Вест. — Какие уж тут могли быть ревнивцы?

— Действительно шучу, но совершенно по иному поводу, зная, что все, что здесь происходит в эти минуты, — всего лишь маневры. Другое дело, что и те, кто их замышлял, и те, кто бездарно пытался осуществить, оказались законченными бездарями и залежалым окопным дерь-рьмом!

Еще несколько минут оба эсэсовца молча прислушивались к отдалявшейся от школы стрельбе — это поднятый по тревоге охранный взвод выбивал с территории школы бог весть откуда свалившегося на него противника. Но, лишь убедившись, что опасность действительно миновала, Вест неуклюже выбрался из-под стола и, метнувшись к стене, все еще несмело выглянул в разбитое окно. Он принадлежал к тем воителям, в восприятии которых любое проявление храбрости было равносильно проявлению глупости.

— Это все «африканский клад фельдмаршала», проклятое, не существующее «золото Роммеля», — прогнусавил он, с трудом пробивая слова не через рот, а через вечно забитый, хронически простуженный нос.

— С чего вы взяли, унтерштурмфюрер? — проворчал фон Шмидт, поспешно натягивая на себя сапоги.

— Потому что почти все, кто имел хоть малейшее отношение к африканским сокровищам фельдмаршала, уже погибли.

— Не все, как видите, — проворчал фон Шмидт.

— Или, в лучшем случае, сосланы на Восточный фронт, чтобы уже в ближайшие дни сложить там головы.

«Неужели это нападение действительно связано с «африканским кладом Роммеля»?! — усомнился фон Шмидт. — Странно, я об этом почему-то не подумал, — проворчал он про себя, неохотно выбираясь из своего лежбища. — Не привязал ты «золото Роммеля» к нападению, хотя обязан был. Но если все высшие чины, которым что-либо известно об этом проклятом морском кладе, хоть немного заинтересованы в том, чтобы он достался рейху, тогда кто же, черт побери, заинтересован предать его небытию вместе с тобой?!»

— Хотелось бы и в самом деле знать, кого сюда принесло в такую рань? Неужели англичан? — скорее из желания продолжить

разговор, нежели из стремления узнать истинное мнение адъютанта, пробормотал барон. — Очевидно, англичан. Итальянцы и русские пока что отпадают, им сейчас не до африканских сокровищ фельдмаршала.

— А что, если нападение это организовано кем-то из наших? — неожиданно предположил адъютант.

— То есть как это — «из наших»? Кого вы имеете в виду, Вест? — Ответ барону был известен, однако для него всё еще важно было услышать его из чужих уст.

— Тех, кто давно решил, что после капитуляции «сокровища фельдмаршала» рейху уже не понадобятся. Зато очень пригодились бы им лично.

— Тогда это не офицеры, не патриоты рейха, а залежалое окопное дерь-рьмо!

Достав из кобуры пистолет, фон Шмидт подошел к разбитому окну и, вдохнув полной грудью отрезвляющую рассветную прохладу, так и остался стоять у него, презирая опасность, которой подвергал себя. Оберштурмбаннфюрер уже не сомневался, что ему не дадут дожить до тех дней, когда можно будет спокойно заняться поиском сокровищ фельдмаршала, однако постоянные страхи, подозрения и неизвестность настолько утомили его, что временами барону хотелось только одного: чтобы «всё это» произошло как можно скорее. Слишком уж утомительным представлялось ему подобное ожидание.

«Просто тебе легче смириться с собственной гибелью, нежели с мыслью о том, что еще при твоей жизни сокровища фельдмаршала могут достаться кому бы то ни было другому, — заставил себя признать фон Шмидт. — Но если такая развязка действительно мучительна для тебя, позаботься хотя бы о собственной безопасности, об элементарном выживании. Соберись, сосредоточься, отыщи покровителя, заползай в любую щель, если только в ней можно будет отсидеться до конца этой «Варфоломеевской ночи Третьего рейха»... И в самом деле, чего ты ждешь? Пока один из болванов, которые только что нарвались на охрану унтер-офицерской артиллерийской школы, случайно прошьет тебя автоматной очередью?».

2

В тот день Гитлер буквально в последнюю минуту отказался ехать на аэродром, где ждал самолет, который должен был доставить его в Оберзальцбург, в ставку «Бергхоф». Правда, на сей раз в «Бергхоф» фюрера влекло не желание повидаться с Евой Браун, хотя все приближённые воспринимали его «оберзальцбургские наезды» именно этим влечением.

Адольф знал о подобных толкованиях, однако особого значения им не придавал. Что же касается Евы, то здесь всё было не так просто, как могло казаться «при дворе» фюрера. Чем труднее складывалась ситуация на фронтах, тем всё более тягостными становились и свидания с Евой. Оставаться наедине с этой женщиной, которая ещё помнила его взлёты и жила представлениями о нём как о властелине Европы, а тем более — ложиться с ней в постель немощным полустарцем с трясущимися руками и подёргивающейся щекой...

Постоянно находиться рядом с ней, в окружении скрытых внутренних врагов и фюрероненавистников, которые тягостно оплакивают своё неудавшееся покушение на фюрера. Очередное неудавшееся покушение...

О нет, к столь резкому изменению статуса вчера ещё всемогущего вождя нации он не был готов. Однако все эти страсти и переживания касались только его отношений с Евой Браун. Наведывался же он в Оберзальцбург совсем по другой причине. Приближённые — особенно Мартин Борман и Кейтель — всё упорнее подталкивали Гитлера к мысли, что основную ставку следует перенести туда, на юг Германии, поближе к огромным горным массивам, к границе с нейтральной Швейцарией, единственной страной, которая способна была хотя бы на одном участке прикрыть тылы рейха. Причем очень важно, чтобы прикрытие это оказалось в районе ставки фюрера.

Один из замыслов подобной передислокации главной полевой ставки вождя как раз и заключался в том, что переезд фюрера в «Бергхоф» наконец-то заставит его вплотную заняться созданием давно спланированной «Альпийской крепости» — особого укрепленного района, который должен был бы стать последним оплотом Третьего рейха.

«Альпийская крепость»... Адольф и сам порой вспоминал о ней, как о некоей земле обетованной, к которой еще только следует подступиться. Надежно прикрытый горными хребтами и лесом, почти недоступный для вражеских танков, гарнизон этой огромной естественной крепости сможет держаться до тех пор, пока англо-американцы не поймут, что, несмотря на кровь и вражду нынешней войны, истинный враг их — русские варвары. И вот тогда...

Что произойдет «тогда», фюрер пока что представлял себе весьма смутно, что, однако, не мешало ему на этом рубеже мечтательно закрывать глаза, хоть немного отходя от фронтовой реальности. Тем более что Гитлер видел: порой штаб верховного главнокомандования начинал откровенно паниковать, словно противник уже стоял в предместьях Берлина, и все они оказались в погибельном котле.

...И все же на этот раз от самолёта на Оберзальцбург фюрер отказался. А ещё через час отказался возвращаться в «Вольфшанце». Добираться до Восточной Пруссии становилось всё труднее. «Фюрер-поезд» его уже давно примелькался польским партизанам и вражеским диверсионным службам да и тащился он непростительно долго. В то же время русская авиация пыталась перехватить всякий самолёт, державший курс на главную ставку фюрера. Да и не хотелось ему сегодня покидать столицу, как ещё позавчера не хотелось появляться здесь, покидая обжитый бункер «Волчье логово».

В эти дни Гитлер явственно ощущал, что вновь, как и накануне путча 20 июля, опасность где-то рядом. И что избежать её можно только так — меняя свои намерения, вводя заговорщиков в заблуждение и прибегая ко всевозможным уловкам. После взрыва бомбы в «Вольфшанце», когда вскрылось, что это была далеко не первая попытка покушения, фюрер убедился, что только благодаря непредсказуемости своих решений он уже несколько раз сумел избежать верной гибели от рук террористов.

— Чего вы ждёте, Кейтель? — нервно поинтересовался Гитлер, взглянув на выжидающе уставившегося в какие-то бумаги фельдмаршала.

— Простите, мой фюрер, но мы не были извещены о вопросах, которые выносятся на совещание, — выпрямился, словно от штыкового удара в спину, Кейтель.

— Не были, да, — с вызовом подтвердил Гитлер, не встречаясь взглядом ни с кем из присутствующих.

Главнокомандующий пригласил его вместе с другими генералами в свой кабинет в рейхсканцелярии ещё минут пятнадцать назад. Но с тех пор угрюмо молчал, неосмысленно глядя в пространство перед собой и думая о чём-то своём, далёком от мыслей собравшихся у него людей, от тревог столицы рейха, всё еще приходящей в себя после очередного налёта авиации противника.

— К тому же мы готовились к возвращению в «Вольфшанце».

— Вскоре нам уже некуда будет возвращаться, Кейтель, — резко отреагировал Гитлер. — Вам это должно быть известно не хуже, чем мне.

— Что совершенно справедливо, — безмятежно согласился начальник штаба Верховного главнокомандования германских вооруженных сил. — Русские подошли слишком близко к Восточной Пруссии, и вскоре мы предстанем перед необходимостью окончательно перенести ставку из «Вольфшанце» в Берлин. Или в Бергхоф». Но в любом случае в войсках должны точно знать, где в то или иное время находятся Верховный главнокомандующий и его штаб. Иначе невозможно оперативно докладывать и получать разъяснения, а следовательно, принимать верное решение.

Гитлера оскорблённо покоробило. Кейтель по-прежнему оставался верен себе. Он мог начинать свой монолог с вежливостью учителя младших классов, с каких-то совершенно безобидных второстепенных деталей, а затем незаметно, не меняя тона и манеры изложения, не ожесточаясь, переходить к совершенно откровенным упрекам. Даже если они касались фюрера.

— Ладно, поговорим о деле, — проворчал Гитлер, с трудом подавляя в себе раздражение. — Кажется, вы подготовили список новых назначений?

— Вот он, мой фюрер, — взялся фельдмаршал за лежавшую на столе коричневую папку в толстом кожаном переплете. — Здесь

всего шесть генералов. Два из них только что произведены в генеральский чин, один возвращается в строй после госпиталя, остальные получают повышение в должности. Кроме того, ждут своего назначения восемь полковников.

— Да-да, нам нужны свежие генеральские силы, — не упустил случая высказывать свое мнение Мартин Борман. — Давно ощущается потребность в приливе молодой командной крови.

— Что совершенно справедливо, — едва заметно кивнул Кейтель. — Он прекрасно помнил, что новоиспеченные генералы стали таковыми по личной протекции рейхслейтера. Это были его люди. Чем опаснее и безнадёжнее становились сводки с фронтов, тем всё более яростно Борман вмешивался в кадровые перестановки, стараясь делать так, чтобы командирами частей назначались верные ему генералы, а генеральские чины получали не менее преданные ему командиры полков и всевозможные тыловые оберсты. И он, конечно же, лукавил, когда объяснял: — Может, именно они, эти молодые генералы, способны будут добиться перелома хотя бы на одном из участков фронта. Вспомните, кто становился генералами, и даже маршалами у Наполеона!

Кейтель был убежден, что на самом деле, рассаживая своих людей по командным должностям, партайгеноссе Борман готовит «ползучий» военно-кадровый переворот. Но это подноготная, а пока что фельдмаршал обратил внимание, как, услышав сказанное рейхслейтером, генерал Йодль нервно поёрзал шеей, словно оказался в терновом воротнике.

Для них обоих не было секретом, что единственной книгой о Наполеоне, которую Борман держал в руках, стала брошюрка с кратким изложением биографии императора, изданная специально для слушателей кадетского училища. Да и ту он едва одолел до середины. Зная об этом, фюрер как яростный бонапартист даже запретил ему впредь когда-либо разглагольствовать о Бонапарте. По крайней мере, в его присутствии. Это был один из немногих запретов, которые фюрер решился наложить в отношении своего заместителя по партии.

— М-да, — промычал тем временем Гитлер, внимательно изучая переданный ему фельдмаршалом список. — С этим, пожалуй,

можно согласиться. Хотя я и не вижу здесь ни одного настоящего фронтового генерала. Ни одного, Кейтель, ни одного! Даже раненый генерал Шекрель, насколько мне известно, получил свой осколочек в тылу, во время налёта авиации, причем «осколком» этим оказался камешек. Разве не так?

Фельдмаршал снисходительно пожал плечами и молча осмотрел присутствующих. Гитлер сидел, однако никому из приглашённых кресло не предложил, поэтому все они нервно топтались по обе стороны от стола, кто у окна, кто у сейфа или у самой двери.

— Кому из нас неизвестно, господа, — проговорил начштаба, протирая своё старомодное пенсне, — что все фронтовые генералы то ли всё ещё находятся на фронтах, то ли уже погибли?

Фюрер уставился на Кейтеля слезящимися бесцветными глазами, и трудно было понять, что скрывается за этим взглядом.

— Я тоже просматривал ваш список, фельдмаршал, — неожиданно вмешался в их дуэль многозначительного молчания Гиммлер. — Вы правы, мой фюрер, эти назначения судьбы вермахта не решат. Единственное оправдание сему списку, — что кто-то же должен командовать армиями и дивизиями. Иное дело — что в этом списке нет генерал-фельдмаршала Роммеля.

— Роммеля? — мгновенно ожил фюрер, подозрительно глядя на вождя СС. — При чем здесь Роммель? — уперся он полусомкнутыми кулаками в краешек стола. — Разве мы собрались, чтобы вершить судьбу этого... Лиса Пустыни?

— Просто я решил, что пора бы решительнее подключать его к фронтовым делам, в том числе и на востоке. Как-никак один из самых опытных командующих.

— Мне доложили, что он ранен.

— Уже подлечился.

— А где он вообще-то обитает сейчас? — спросил Гитлер, мрачно, исподлобья посматривая то на рейхсфюрера СС, то на Кейтеля уже как на сообщников фельдмаршала.

— То-то и оно. Как ни странно, мы совершенно забыли о нашем «всеми любимом» Роммеле, — озарилось лицо Гиммлера сердобольной улыбкой инквизитора. — Причем забыли с тех пор, как накануне заговора генералов он неожиданно получил ранение.

— Накануне заговора? — механически переспросил Гитлер.

— Точнее, накануне покушения.

— А ведь и впрямь, с тех пор мы как-то совершенно упустили из вида, что фельдмаршал Роммель, ближайший сподвижник Штюльпнагеля, фон Клюге, Ольбрихта и Бека, — напропалую втискивал фюрер в список давно развенчанных заговорщиков, — всё ещё пребывает где-то в глубинах Германии, вдали от фронта и политики.

— Вроде бы, вдали от политики, — уточнил Гиммлер, и начальник генштаба понял, что тот явно подставляет фельдмаршала под карающий и не всегда праведный меч вождя нации.

— Конкретнее, — настоял фюрер.

— Официально он всё ещё находится на излечении где-то на юге Германии, в своём поместье «Герлинген».

— Почему «официально»? — почувствовал Кейтель надвигающуюся на фельдмаршала опасность. — Он действительно отлёживается там после тяжелого ранения и операции в армейском госпитале.

— Не спорю, пока что отлёживается, пережидает сезон отстрела остальных заговорщиков.

«Роммель!» — вдруг осенило Адольфа Гитлера. Как он мог забыть об одном из главных заговорщиков?!

Разве не о нём говорили следствию генерал-полковник Фромм, Штюльпнагель, Остер, полковник Мерц фон Квиринхейм и прочие предатели? Разве не на него рассчитывал трусливый фон Клюге, покончивший жизнь самоубийством, чтобы не представать перед Судом чести? А ведь действительно Лис Пустыни, Роммель!.. «Герой Африки», черт возьми! — заводился Гитлер, словно бульдог, почуявший появление где-то поблизости пса-чужака.

Роммель — вот откуда исходит сейчас опасность! Именно он, подлечившись, способен затеять новый заговор, как только почувствует, что англичане уже близко. Францию он им сдал почти без боя, ну а пять-шесть генералов, решивших спасать свои шкуры ценой предательства фюрера, в этой стране всегда найдутся.

— Так вы считаете, что Роммель уже достаточно оправился после ранения? — вдруг вполне миролюбиво обратился он к Гим-

млеру. Но именно это его позёрское миролюбие заставило Кейтеля ещё сильнее насторожиться. Он достаточно хорошо знал натуру Гитлера, чтобы понять, что теперь уже над «героем Африки» и в самом деле нависла реальная угроза.

— По слухам, да.

— «По слухам»!.. — проворчал фюрер. — Почему столь долгое время вы ничего не докладывали мне о Роммеле? — он перевёл взгляд на генерала пехоты Бургдорфа, который, являясь его адъютантом, исполнял к тому же обязанности начальника Управления кадров сухопутных сил.

Бургдорф молча поднялся, вытянул руки по швам и виновато, покаянно уставился на фюрера. В ставке давно заметили эту странную манеру генерала: столь же виновато и покаянно он мог глядеть на своего патрона и в том случае, когда ответ был ему ясен, и когда о его личной вине даже речи не заходило.

— Что вы молчите, Бургдорф? — покаянность адъютанта очень редко раздражала Гитлера. Мало того, он только потому и назначал-то Вильгельма Бургдорфа своим адъютантом, что ему давно приглянулась повинно склонённая голова генерала, которую можно было отсечь при первом же удобном случае.

— Считаю, что, если последует назначение, фельдмаршал Роммель подчинится ему. Любому назначению.

— И кем же вы, начальник Управления кадров сухопутных сил, посоветуете назначить его? Командующим Западным фронтом? Чтобы при первой же возможности, вместе со всем своим генералитетом он подался к англичанам? Дать ему группу армий на Восточном фронте?.. История с Паулюсом так ничему и не научила вас?

— Простите, мой фюрер, но никакого отношения к «истории с Паулюсом» я не имею, — вдруг решительно отрубил Бургдорф, очевидно, ужаснувшись этого обвинения.

— Роммель вполне может возглавить войска, находящиеся на территории Германии, — несмело подсказал Курт фон Цейтцлер, вновь подтвердив репутацию человека, совершенно не разбирающегося не только во внешней политике, но и в придворно-штабных интригах. Впрочем, удостоенный одинаково презрительных взгля-

дов со стороны и фюрера, и Гиммлера, он тут же демонстративно пожал плечами — мол, вполне разумный совет. Однако вслух произнёс: — Тогда оставим его в резерве Верховного главнокомандования. Как в своё время фельдмаршала фон Клюге. Приглядимся к его поведению, прислушаемся к суждениям...

— Я тоже считаю, что к нему как к участнику заговора сначала следует основательно присмотреться, — процедил сквозь зубы Гиммлер, держась рукой за занавеску и исподлобья поглядывая в окно, словно они уже находились в осаде, и враги готовились к штурму их здания.

Его немало удивлял тот факт, что Роммель не только до сих пор не наказан за своё предательство, но и что он до сих пор чувствует себя владельцем несметных сокровищ, покоящихся где-то у берегов Корсики. Правда, напомнить о сокровищах рейхсфюрер СС так и не решился. Да и стоило ли распространяться о них в присутствии стольких генералов?

— К разговору о фельдмаршале Роммеле мы, Генрих, еще вернемся, — подвёл черту фюрер.— Тем более что существует один очень важный повод... и предмет для обсуждения.

— Несомненно, мой фюрер, несомненно. «Это он имеет в виду подводный корсиканский клад фельдмаршала», — понял рейхсфюрер СС.

— Что там у нас происходит сейчас на Западном фронте, Кейтель?

Услышав этот вопрос, все облегченно вздохнули и явно оживились, словно самым сложным всё еще оставался не вопрос о натиске союзных войск, а вопрос о том, как поступить с Роммелем.

— К сожалению, англо-американцы теснят нас по всей линии фронта. Хотя на отдельных участках нашим войскам всё же удается сдерживать их.

— «На отдельных участках всё же удаётся сдерживать»! — стукнул кулаком по столу Гитлер. — Вы слышали что-либо подобное, Гиммлер?! И такие доклады мне приходится выслушивать изо дня в день! Чего можно добиться с такой армией?

— Что совершенно справедливо, — остался непоколебимым Кейтель. — То, что вы только что услышали, мой фюрер, — лишь

общая, вводная фраза, характеризующая положение дел на западном пространстве. В действительности же мы обладаем самыми точными данными по каждому из участков фронта, — потряс он кипой донесений.

Гитлер почти с ужасом взглянул на скомканные в волосатом кулаке фельдмаршала бумаги и нервно помахал указательным пальцем.

— Не надо подробностей, Кейтель, не надо. Всё это нам известно. — А немного поразмыслив, произнес: — Гиммлер и вы, Бургдорф, останьтесь. Все остальные свободны. Да, Кейтель, распорядитесь относительно того, что через час мы отбываем в «Вольфшанце».

— Самолётом? Поездом?

— Вы же знаете, что я терпеть не могу самолётов.

— Я подумал о времени, — пробормотал себе под нос генерал-фельдмаршал, с содроганием думая о том, сколько возможностей, сколько шансов будет упущено из-за этого переезда. Сколько их уже упущено из-за бесконечных вояжей фюрера по просторам рейха!

Сейчас он подходил к частым переездам фюрера как начальник штаба Верховного главнокомандования, поэтому считал себя вправе критически оценивать его склонность к совершенно неоправданным вояжам. Кейтель слышал, что в течение всей войны Сталин вообще ни разу не оставлял Москву без самой крайней надобности. Такой стиль жизни Верховного главнокомандующего ему импонировал больше. Будь его воля, он вообще до полного окончания войны запретил бы Гитлеру покидать пределы Берлина. О если бы он мог сказать фюреру: «В дни опасности вы должны находиться там, где обязан находиться в такие дни фюрер Великогерманского рейха!». Если бы он хоть в чем-то мог повелевать фюрером, тогда вся война складывалась бы совершенно по-иному; да что там, вся Европа выглядела бы сейчас по-иному. Вот только фюреру о подобных помыслах и приверженностях своего начальника Генштаба лучше было не знать.

«Значит, основной разговор, касающийся Роммеля, всё ещё впереди, — в свою очередь, напряжённо всматривался в лицо

Гитлера рейхсфюрер СС, ожидая, когда все остальные участники совещания покинут кабинет вождя.— Как, впрочем, и разговор по поводу адмирала Канариса».

3

Тропа упорно пробивалась через каменные завалы и сосновую поросль, чтобы где-то там, на вершине холма, слиться с поднебесьем, с вечностью, и уйти в небытие.

Фельдмаршала Роммеля потому и влекло к ней, что тропа зарождалась у стен древней, позеленевшей ото мха каменной часовни, неподалеку от его родового поместья Герлинген, прямо у подножия усыпальницы знатного рыцаря-крестоносца, над которой, собственно, и была сооружена эта часовня, и уводила... в вечность, в легенды. Всей тайной сутью своей указывая тот, истинный путь, которым прошло множество поколений потомков крестоносца, являвшегося, как утверждают, одним из его, Эрвина Роммеля, предков, и которым, как следует понимать, предначертано было пройти ему самому. Не зря же этот холм называли Горой Крестоносца. Так уж сложилось, что маршальский жезл, выношенный в солдатском ранце Роммеля, вновь и вновь уводил его своей предысторией то к родине рыцарства Франции, то к болотам Мазовии, то к гробницам фараонов, на виду у которых разбивали свои бивуаки маршалы Наполеона Бонапарта.

Остановившись у первого изгиба тропы, Роммель некоторое время прислушивался к боли, которой давала знать о себе рана. Она была какой-то пульсирующей, однако Эрвин воспринимал ее появление совершенно спокойно. Знал бы тот английский пилот, который нажимал на гашетку пулемета, что он расстреливает фельдмаршала Роммеля! Но еще больше он удивился бы, узнав, как признателен был ему командующий группой армий во Франции за то, что вовремя «списал» его с передовой.

И дело не в том, что фельдмаршал вдруг разуверился в своей фронтовой судьбе. Просто еще в то время, когда он находился в военном госпитале во Франции, на стол ему начали ложиться газеты с целыми списками «предателей рейха» и «личных врагов фюрера», осрамивших себя заговором против вождя, среди кото-

рых то и дело мелькали имена генерал-фельдмаршала Витцлебена, генералов Бека, Ольбрихта, Хазе, Гёппнера, Фромма...

Узнав о попытке самоубийства командующего Парижским гарнизоном генерала Штюльпнагеля, он так явственно ощутил приближение гибели, как если бы это происходило в последние секунды жизни, которые он проживал... с собственными внутренностями в руках.

Смерть представлялась ему такой, какой Роммель видел ее однажды вблизи — в образе солдата, стоящего на коленях, с окровавленными внутренностями в руках. Этим несчастным оказался водитель армейского грузовика. Когда в июле, неподалеку от его штаб-квартиры в Ла-Рош-Гюйоне, американский штурмовик спикировал на машину фельдмаршала, собственная гибель почему-то явилась ему именно в таком видении.

Преодолев небольшой овражек, пятидесятитрехлетний фельдмаршал начал медленно подниматься по склону возвышенности. Вообще-то врач всё еще запрещал ему находиться на ногах более получаса и решительно противился его желанию отправляться на прогулки за пределы парка. Однако теперь уже советы медиков Лиса Пустыни не интересовали. Он решил во что бы то ни стало выкарабкиваться. Правда, добиваться этого намерен был таким образом, чтобы в ставку фюрера попасть не раньше Рождества.

Только что командующий прочел статью Геббельса, в которой тот упоминал об акции «Гроза» — второй волне арестов, связанных с покушением на фюрера. Из неё следовало, что теперь уже на гильотину, виселицы и в концлагеря шла мелкая «офицерская труха», то есть всевозможные родственники и знакомые генералов-заговорщиков; кроме того, гестапо яростно прочесывало дипломатический корпус рейха.

Это когда-то гитлеровская Германия содрогалась при воспоминании о «ночи длинных ножей», а теперь она молчаливо содрогалась от ужасов целого «года длинных ножей». Подумать только: Штюльпнагель осужден! Фельдмаршал фон Клюге удачно распорядился своей ампулой с ядом. Многие десятки офицеров из штабов этих командующих казнены, загнаны в концлагеря

или, в лучшем случае, отправлены на Восточный фронт. Но вряд ли в этой кровавой кутерьме фюрер успел забыть, что где-то там все еще обитает «герой Африки». Также невозможно предположить, чтобы его, Роммеля, имя, не всплывало в показаниях путчистов из штаба армии резерва.

Роммель понимал, что вершины холма ему не достичь, тем не менее, упорно, превозмогая боль и усталость, поднимался все выше и выше. Он помнил, что тропа обрывается на самом пике этой возвышенности, у кромки внезапно открывавшегося обрыва, поэтому её издревле называли «тропой самоубийц», хотя нездешнему человеку вообще трудно было понять, что влекло на неё людей. А ведь влекло. Поверье так и гласило: «Стоит один раз подняться на вершину и постоять на краю каменного утеса, как тебя начинает тянуть туда вновь и вновь. Пока однажды какая-то неведомая сила не сбросит тебя с обрыва».

Где-то на полпути к вершине тропу раздваивал огромный плоский валун, и фельдмаршал прикинул, что на первый случай вполне хватит того, что он доберётся до камня, на котором можно передохнуть. А решив это для себя, вернулся к мрачным воспоминаниям.

Свою фронтовую «рану чести» он выхлопотал у бога войны всего за три дня до путча. Если бы не она — он разделил бы ему участь фельдмаршала Витцлебена! Так, может, и впрямь сам Господь наводил ствол пулемета этого английского летчика? Оказавшись в госпитале, Роммель таким образом формально избежал непосредственного участия в путче, но в то же время не предал своих друзей, генералов-заговорщиков. А потому остался «чист» перед армией, Германией, перед самой историей.

Иное дело, что ему давно следовало действовать решительнее. Были минуты, когда Роммель упорно твердил себе: «Ну, все, все, решись! Ты прошелся по Франции, прославился в Африке. Твои солдаты истоптали половину Польши. Какие еще знамения нужны, чтобы ты поверил в свою «звезду Бонапарта?» Так решись же! Отправляйся в Берлин. Врывайся в штаб армии резерва, принимай на себя командование всеми верными заговорщикам частями. В то же время преданные тебе офицеры будут

поднимать части группы армий «В». И тогда Германия увидит, что против фюрера выступил сам Роммель... За тобой потянется лучшая часть генералитета и высшего офицерства...»

Устремляясь со своей дивизией к французскому побережью Ла-Манша, Роммель надеялся, что фюрер назначит его своим наместником в этой стране. Оказавшись в Африке, он даже начал переговоры с вождями некоторых племен, недвусмысленно намекавших ему, что, когда он пойдет на Каир, их люди помогут не только овладеть столицей, но и взойти на египетский престол. Он множество раз просчитывал свои шансы на успех и всякий раз склонялся к тому, что стоит рискнуть, что другого такого случая не представится, что появилась реальная возможность то ли возродить, то ли просто сотворить могучую египетскую империю.

Однако и там «Роммель-Бонапарт» не состоялся. В конечном итоге так и не состоялся! Затем он вновь во Франции. Уже не во главе дивизии, а в качестве командующего группой армий...

Почему он так и не смог решиться? Не хватило воли? Не воли — идеи. Одержимости этой идеей. Той одержимости, которая вдохновляла и морально поддерживала Цезаря, Тамерлана, Македонского, Наполеона, Сталина; Гитлера, наконец...

— Господин фельдмаршал! Вы слышите меня, господин фельдмаршал?!

Роммель вздрогнул от неожиданности и медленно, словно уже оказался на краю пропасти, оглянулся.

У подножия стоял унтер-офицер Штофф. Он жил по соседству и до войны работал в его усадьбе. Теперь же, вернувшись на месячную побывку после тяжелого ранения и контузии, все дни проводил в доме фельдмаршала, добровольно взвалив на себя обязанности адъютанта и денщика.

«Неужели в Берлине действительно вспомнили?! — ледяной лавиной взорвалось давно накапливавшееся предчувствие. — Вспомнили и решили, что пора».

— К вам прибыл полковник Крон!

— Кто?!

— Господин Крон.

— Ах, Крон! — облегченно и в то же время с лёгким разочарованием выдохнул фельдмаршал. Разволновавшись, он не сразу вспомнил, что у него связано с человеком, носящим эту фамилию.

— Так зовите же его!

Вдали, на дороге, пролегавшей мимо усадьбы и холма, замаячила едва различимая в предвечернем мареве одинокая фигура. Еще неделю назад Роммель послал депешу фельдмаршалу фон Рунштедту с просьбой срочно направить к нему полковника Крона. И уже потерял надежду на то, что получит хоть какой-то ответ. Фельдмаршал расценивал молчание штаба как циничное, предательское неуважение. Формально он все еще оставался командующим группой армий. Приказа о его смещении, насколько он помнит, не поступало.

«Ну вот он, "дантист", появился! — как-то сразу просветлело на душе у Роммеля. — Когда эта чертова война кончится и каким-то чудом нам с ним удастся уцелеть, этот полковник может оказаться единственным человеком, которого мне захочется видеть у себя в Герлингене».

— Постойте, унтер-офицер! Полковник прибыл один? С ним никого?

— Один, господин фельдмаршал. Остальные воюют.

— Вы правы, унтер, они все еще воюют, — мстительно улыбнулся Роммель. Мысленно он уже находился далеко от этих мест, от войны. Слишком далеко — во времени и пространстве — он находился сейчас, этот опальный герой рейха, фельдмаршал старой, «наполеоновской», гвардии фюрера. — Или, может, я несправедлив?

— Сама праведность, господин фельдмаршал.

4

— Догадываетесь, почему вы здесь, полковник?

— Д-догад-дываюсь, — произнёс Крон, заметно заикаясь. Когда он волновался, сказывались последствия контузии.

Они сидели в домашнем кабинете фельдмаршала, окна которого выходили на поросшую сосняком холмистую гряду, уже разукрашенную осенним багрецом. Однако оба чувствовали себя так, словно все еще находились в шатре командующего Африканским корпусом, где-то в пустыне под Бенгази, Тобруком или

Эль-Аламейном. Но уже после сражения — того, единственного, решающего, в котором потерпели сокрушительное поражение.

— Все мы очень волновались, как бы вас не сочли связанным с заговорщиками. Особенно нервничала наша гвардия — африканские легионеры.

— Вас все еще называют именно так: «африканскими легионерами»?

— Чаще всего — «легионерами Роммеля». И мы не позволим предать этот титул забвению. Поражение под Эль-Аламейном — когда мы были истощены, остались без прикрытия с воздуха, с двумя десятками издырявленных танков — еще ни о чем не говорит. И в Германии это понимают, что бы там ни твердили о нас по ту сторону Ла-Манша и Атлантики.

— Титул как титул.

Полковник страшно заикался. Каждое слово давалось ему с трудом. Однако нелюбивший многословия фельдмаршал все же терпеливо выслушивал его. Ведь Крон был первым гонцом с фронта, из его штаба. Остальные, даже оказываясь неподалеку, не решались навещать его. Слишком многие, если не знали наверняка, то уж, во всяком случае, догадывались, что Лис Пустыни являлся единомышленником Штюльпнагеля и фельдмаршала фон Клюге.

— Когда меня вызвали в штаб, я решил, что что-то случилось и нужна моя помощь.

— Но я вызвал вас не в связи с заговором, — упредил Роммель дальнейшие расспросы полковника.

— Мне бы хотелось надеяться, что не в связи...

— Африка часто вспоминается? — И Крон заметил, что фельдмаршал с неприкрытой надеждой всматривается в его глаза.

— Почти всегда. Особенно Тобрук. И еще — плато неподалеку Эс-Саллума.

— «Африканский Жертвенник» — так мы его, кажется, называли? Забыть такое просто невозможно, — проскрипел зубами бывший командующий Германским африканским корпусом[1],

---

[1] Официальное название корпуса было именно таким: Германский африканский корпус. — *Примеч. авт.*

словно воспоминания бередили не только его душу, но и старые раны. — Даже там, во Франции, я все еще жил жизнью африканского легионера, подобно тому, как странник-монах — вечными воспоминаниями о своем паломничестве к Гробу Христову.

Роммель взглянул в окно. Чуть откинувшись на спинку кресла, он мог видеть краешек Горы Крестоносца и тусклый, все еще отливающий позолотой шпиль часовни. В Ливии он боялся не гибели, а того, что его вынуждены будут похоронить в песках. Ему же хотелось, чтобы могила располагалась у подножия Горы Крестоносца, напротив часовни. Что было бы естественно и справедливо и перед ним, и перед его славными предками.

— Это и есть наше фронтовое паломничество, — с трудом совладал со своим заиканием Крон.

— И все же в последнее время я слишком часто обращаюсь мыслями не к Ливии, а к Корсике.

— Почему к Корсике? — поморщился Крон.

— Точнее, к судьбе линкора «Барбаросса».

— Вот оно что... — удлиненное, как у крота, лицо полковника, стало еще более крысоподобным. Постоянно выступающий из-под верхней губы частокол длинных узких зубов теперь хищно оголился и замер, будто перед схваткой.

— Значит, Корсика, «Барбаросса»... Там, на Западном фронте, я все время опасался, что меня тоже арестуют. Еще раньше, чем вас. Уже хотя бы потому, что мы с вами в довольно близких отношениях. Вы уж извините, господин фельдмаршал, — нервно передернул плечами полковник, — но после двадцатого июля страх перед крючьями тюрьмы Плетцензее не покидает меня ни на минуту.

— Сейчас он не покидает многих, — сурово заметил Роммель. И массивные челюсти его замерли, словно застыли в бронзе.

— Извините, но я был среди тех, кому пришлось видеть кинохронику казни фельдмаршала Витцлебена. Это не в оправдание, просто к слову...

— Казнь — она и есть казнь, — проговорил Роммель, почти не шевеля желваками. — Такое же солдатское дело, как и все прочее, что связано со смертью.

— Это пострашнее гибели в песках, — отчаянно покачал головой полковник. — П-пос-страшн-нее.

— Так что... неужели среди офицеров действительно ходят слухи о моей причастности к заговору против фюрера? — не удержался Роммель от вопроса, который намеревался задать лишь в самом конце встречи.

— Причём упорные, господин фельдмаршал. Иногда создается впечатление, будто есть люди, которым очень хочется, чтобы ни на Западном фронте, ни в «Вольфшанце» никто ни на минуту не забыл, что вы все еще на свободе, всё ещё живы.

«Вот оно как оборачивается! — проскрипел зубами Роммель. — Полковник прав. Опасности фронта — ничто в сравнении со страхом, который преследует тебя в виде висельничной петли «на крючьях Плетцензее».

— Но, очевидно, это всего лишь маневры. Гитлер не решится. Мы, африканские легионеры, уверены в этом, — несколько запоздало попытался успокоить командующего полковник. Однако фельдмаршал воспринял его слова с мрачной улыбкой обреченного, давно сумевшего презреть и собственный страх, и собственную обреченность.

— Верю в вашу преданность, полковник.

— Преданность всех африканских легионеров. И если вы прикажете...

— В том-то и дело, что не прикажу. Не хватит силы воли.

Крон встревоженно взглянул на фельдмаршала и как-то униженно опустил голову. Он был разочарован. В поместье Роммеля полковник направлялся, как в лагерь заговорщиков, не только на союз, но и на само общение с которыми еще только следовало решиться. Это было непросто, но он решился, а вот Лис Пустыни...

— И все же вернемся на борт линкора «Барбаросса», полковник. Существует нечто такое, что претит вам возвращаться в своих воспоминаниях на борт этого корабля?

— Там я чуть было не погиб. Но это не повод.

— Не повод, полковник. Где мы только «чуть было не погибли». Весь фокус в том, что на борту «Барбароссы» находилось наше будущее. Как в плане «Барбаросса» — будущее рейха. Вы не

забыли, где покоятся контейнеры с драгоценностями? Хорошо запомнили эти места?

Роммель мельком взглянул на дверь. Когда речь шла о сокровищах, он не доверял никому. Даже африканским маскам на стенах своего кабинета. Ибо кто знает, какие духи вселились в них.

— Единственная карта находится у оберштурмбаннфюрера фон Шмидта. У меня есть копия. Но без указания примет. А по системе координат район получается довольно обширным.

— Оберштурмбаннфюрер Шмидт предал меня.

— Мне это понятно было еще на линкоре. Тем не менее, вы — фельдмаршал и можете приказать.

— Не могу. Карту он отдаст только Гиммлеру.

— А ведь был офицером вашего Африканского корпуса... — угрюмо осудил его Крон.

— Этот человек никогда не был африканским легионером. Никогда! Я могу заявить об этом под присягой на Библии. Предатель не достоин именоваться «легионером Роммеля». Поэтому все надежды мои связаны с вами, полковник Крон.

— Во мне можете не сомневаться. Просто раньше, до моего доклада, вы никогда не говорили со мной на эту тему.

— Не до того было. Кроме того, честно признаюсь, я еще рассчитывал на Шмидта. В какой-то степени... рассчитывал. Но сейчас самое время вспомнить о сокровищах. Как только кончится война, о них вдруг вспомнят сотни людей, которые хоть когда-либо, хоть что-либо слышали о таковых. Сознаете это, полковник?

— Начнутся кровавые кладоискательские маневры, — в этом можно не сомневаться. Но кроме меня, Шмидта, капитана корабля и еще лейтенанта Кремпке, вряд ли кто-нибудь сумеет привести водолазов к этой отмели.

— А штурман?

— Наутро, после захоронения сокровищ, нас вновь обстреляли, и он погиб. И если учесть, что оберштурмбаннфюрер и Кремпке — люди Гиммлера...

— Кремпке — нет. Но и нам он тоже понадобится лишь в крайнем случае.

— Боюсь, что, когда закончится война, Гиммлеру будет не до сокровищ. Мы-то с вами солдаты. А Гиммлер со своими эсэсовцами из «Мертвой головы» — военный преступник, на совести которого концлагеря и газовые камеры. Впрочем, «Лондонского радио» вы наслушались и без меня. А между тем до окончания войны осталось три-четыре месяца — не больше...

— Не будем сейчас об этом.

— Что от меня требуется, господин фельдмаршал? — поднялся со своего кресла полковник, однако Роммель жестом усадил его обратно.

Служанке было за пятьдесят, и она явно выглядела ровесницей фельдмаршала, но по тому, как она игриво поводила еще нерасполневшими бедрами и выпячивала не утратившую своей былой задиристости грудь, полковник мог определить, что возраст в их отношениях с хозяином поместья никакой роли не играет. Или, во всяком случае, они стараются не придавать ему никакого значения. Их чувства и связи освящены самой жизнью и, вполне возможно, зарождались еще в сладких мечтаниях детства.

На подносе покоилась бутылка французского коньяка, а в чашках дымился ароматный кофе, оставшийся, очевидно, еще от египетских припасов Роммеля. Чудная домашняя идиллия, которой Крон по-доброму позавидовал: ему бы познать такую, хотя бы на склоне лет.

Когда женщина уходила, Эрвин не удержался и провел ладонью по ее бедру. Причем постарался сделать это так, чтобы полковник не заметил.

— За ваше выздоровление, — молвил Крон, мгновенно овладев бутылкой и лично, вместо служанки и хозяина, наполнив рюмки.

— За Корсику. Я несправедлив?

Они выпили, закусили бутербродами с ветчиной, и полковник вновь задал вопрос, на который так и не получил ответа.

— Так все же, что от меня требуется, господин фельдмаршал? Вы так и не ответили на мой вопрос.

— Уцелеть.

— И все?

— Пока что этого достаточно.

— Ну, если германский бог войны решит, что я все еще недостоин Валгаллы...

— Прекратить, полковник, — в голосе Роммеля зазвучали полководческие нотки, так хорошо знакомые в их Африканском корпусе всякому офицеру, вплоть до взводных. — Я требую уцелеть. Любой ценой.

— Но, видите ли...

— Это приказ, полковник.

— Есть, господин фельдмаршал.

— Не мне нужны эти сокровища. Они пойдут на создание новой армии, создание основ Четвертого рейха. И создавать эту армию выпадет нам с вами.

Роммель сам наполнил рюмки и помутневшим взглядом обвел стены комнаты. Как солдат, оставшийся без патронов, стены своего окруженного, а потому обреченного дота.

— Если вы окажетесь в плену у англичан раньше, нежели там окажется весь ваш штаб, — лично я, ваш командующий, сумею простить вам это.

— Для «легионера Роммеля» это важно, — без какого-либо заискивания молвил полковник.

Это было правдой. Легионеры из Африканского корпуса любили своего командующего той странной солдатской любовью, которую невозможно было разрушить, даже когда они видели, что фельдмаршал посылает их на верную гибель. Потому что знали: сам он много раз оказывался точно в таких же ситуациях и на таких участках фронта, на каких командующий не должен был оказываться.

— Куда бы ни забросила вас судьба, ровно через полгода после окончания войны вы сделаете все мыслимое, чтобы при первой же возможности оказаться рядом со мной. Я буду ждать, я буду рассчитывать на вас.

— Я всегда придерживался девиза Генриха Саксонского: «Приказ должен быть выполнен!».

— Сами извлечь наши сокровища вы не сумеете. Я без вас тоже окажусь нищим. Но лучше пусть они останутся на дне морском,

нежели достанутся «мертвоголовым» из окружения Гиммлера. Этого попросту нельзя допустить. Всё, их время уходит вместе с ним. Можно даже сказать, что оно уже ушло.

Крон натужно повертел шеей, ощущая, как ворот кителя сдавливает её, словно петля виселицы. Он еще никогда не слышал, чтобы кто-либо осмеливался так противопоставлять себя Гиммлеру и вообще эсэсовцам в его присутствии.

— Вы столь решительны, господин фельдмаршал?

— Лучше пусть эти сокровища навечно останутся на дне, полковник. Вы не ослышались. Это наше золото. Наше, наше! В нем кровь моих солдат. Это я, рискуя своей и вашими жизнями, добывал его, извлекая из сундуков арабских шейхов и богатых еврейских торговцев, из музеев и тайных подземелий. Разве я несправедлив?

— В ваших словах, фельдмаршал, всегда таилась высшая солдатская справедливость.

— Однако так будут думать не все.

— Не все. Но это всего лишь маневры.

— Так станут думать далеко не все, полковник, — заводился Роммель, как сотни раз заводился в своих полевых ставках-шатрах, решаясь на совершенно безумные операции, одинаково поражавшие затем и англичан, и штабистов из «Вольфшанце». — Тогда, докладывая мне, вы утверждали, что контейнеры покоятся относительно глубоко.

— Что является святой правдой.

— Хотя можно было подыскать места, менее глубокие.

— Что тоже недалеко от истины.

— Значит, этот паук-навозник Шмидт получил приказ Гиммлера опустить их на такую глубину, чтобы никто не смог найти и извлечь их без помощи профессиональных водолазов и целой эскадры поисковых судов.

Крон был убежден, что никаких указаний на этот счет Шмидт не получал. Тем более — от Гиммлера. Не получал уже хотя бы потому, что рация была выведена из строя. Но даже если бы радист сумел выйти в эфир, то кто и каким образом способен за какие-то считанные минуты разыскать в нем Гиммлера? А ведь

никто иной не имел права знать о том, что произошло с африканскими сокровищами.

Однако возражать фельдмаршалу Крон не решился. Что ж, все может быть. Вдруг такая ситуация была заранее оговорена?

— После войны вы обязаны разыскать меня, полковник. А если я окажусь в плену, сделайте все возможное, чтобы освободить. Найдите наших легионеров, найдите деньги и способы. Нет, я что, несправедлив?!

Никто в штабе Роммеля так и не смог привыкнуть к этому его «Я несправедлив?» И не только потому, что произносилось оно чаще всего именно тогда, когда командующий был откровенно несправедлив. Просто в устах Роммеля, именно в устах фельдмаршала Роммеля, оно воспринималось как нечто совершенно неестественное.

— Отныне я всегда буду там, где находитесь вы. Пусть даже мысленно, — с трудом подыскал Крон приличествующий случаю ответ.

— И помните: кроме вас, о местонахождении сокровищ знают лишь оберштурмбаннфюрер СС Шмидт, командор, лейтенант, то есть теперь уже обер-лейтенант Кремпке и, вполне очевидно, Гиммлер. Только они. Но из этого не следует, что все эти люди обязательно должны дожить до дней, когда смогут прогуливаться вдоль северного побережья Корсики в панамках туристов.

— Совершенно не следует.

— Так что, может быть, я несправедлив?

— Они нам попросту не нужны.

— Я не желаю, чтобы наше золото шло на послевоенную кормежку какого-то повыползавшего сброда из всевозможных тыловых бункеров.

— Понял вас, господин фельдмаршал.

— Это вовсе не обязательно, полковник, чтобы вы понимали всю глубину моих замыслов. Достаточно, чтобы вы прониклись идеей создания Четвертого рейха.

— Который обязательно должен явиться человечеству, но уже без фюрера.

— Рейх не может явиться миру без фюрера, — задумчиво возразил фельдмаршал Роммель.

— Он не может явиться без Гитлера?! — разочарованно уточнил Крон.

— Разве речь шла о Гитлере?

Крон на секунду замялся. Как и всякому германцу, ему трудно было представить себе расчленение этих двух понятий: фюрер и Гитлер.

— Фамилии Гитлера мы не упоминали.

— Новый рейх и в самом деле не может явиться без фюрера. Вопрос лишь в том, кто именно и каким будет этот новый фюрер.

Они встретились взглядами и вновь почувствовали, что являются единомышленниками.

— Вы правы, господин фельдмаршал: рейх без фюрера невозможен. И никто из африканских легионеров не усомнится в том, что этим фюрером должен стать «герой Африки», фельдмаршал Роммель.

— А вот этого вслух не произносить! — налилось суровостью худощавое, аристократически бледное лицо Лиса Пустыни. — Пока... не произносить.

5

Особая разведывательно-диверсионная школа «Гладиатор» располагалась в мрачном старинном особняке, на одном из склонов поросшей кустарником котловины. Внешне она напоминала затерянный в горах монастырь, отрекающийся от мира с такой же фанатичностью, как и мир — от него. Это сравнение вполне могло бы соответствовать действительности, если бы только согласиться с тем, что безбожную науку диверсий и террора здесь постигают последние из монахов-крестоносцев, готовые в обмен на Гроб Господний, подарить тому же Господу миллион новых гробов.

Скорцени удалось провести в «Гладиаторе» всего двое суток, но их оказалось вполне достаточно, чтобы познакомиться почти с каждым из тридцати «гладиаторов», на которых Муссолини

рассчитывал как на будущий костяк разведки и службы безопасности Итальянской фашистской республики.

— Понимаю, что «Гладиатор» вряд ли способен конкурировать с нашими Фридентальскими курсами... — молвил начальник школы — гауптштурмфюрер Зонбах, явно смущенный слишком пристальным вниманием к своему заведению самого обер-диверсанта рейха.

— Вот именно: с «нашими» Фридентальскими, гауптштурмфюрер, — подчеркнул Скорцени то единственно существенное, что могло представлять хоть какой-то интерес в их дальнейшей беседе. — И дело не только в том, что мне хотелось бы пересадить в «Гладиатор» кое-какие традиции и методы обучения. Я не самолюбив, методы могут быть иными, а местные традиции интересуют меня так же мало, как и тонкости местного фольклора. Но принципиально важно, чтобы здесь витал тот же дух, а перед курсантами ставились те же цели, что и перед курсантами Фриденталя.

— В этом, господин Скорцени, можете не сомневаться. В чем угодно, только не в этом.

Начальник школы Питер Зонбах происходил из тех же итальянских германцев, из которых происходили остальные семь преподавателей и большинство курсантов «Гладиатора». Пусть даже некоторые из них приобрели такие же италоподобные фамилии, как у самого Скорцени. В столь изощренном подборе претендентов обер-диверсант рейха склонен был видеть главную заслугу Зонбаха, который и сам в недалёком прошлом числился курсантом Фриденталя.

В дни пребывания в «Гладиаторе» начальника отдела диверсий РСХА гауптштурмфюрер Зонбах держался довольно напряжённо. В общем-то, в этом не было ничего удивительного, если учесть, что Скорцени явился первым «высоким чином из Берлина», посетившим его «Институт девственниц-кармелиток», как порой называли свою школу сами курсанты. Тем более что этим чином оказался прославленный похититель Муссолини. Вот почему шеф «Гладиатора» воспринял появление обер-диверсанта как основательную инспекцию, хотя штурмбаннфюрер сразу же

заверил, что визит частный, ознакомительный, и Зонбах вполне может считать его, «личного гостя Муссолини», еще и своим личным гостем.

— Муссолини и его людей не смущает, что в школе оказалось слишком мало итальянцев?

— Германцам он доверяет куда больше. Особенно это стало заметно после взятия нами «Кампо Императоре» на Абруццо[1]. Да, коль уж речь зашла о сомнениях... У вас возникли какие-то принципиальные замечания по поводу обучения в школе? Всех инструкторов удивило, что вы так и не высказали ни одного серьезного замечания.

Скорцени многозначительно улыбнулся. Он давно догадался, что именно не даёт покоя Зонбаху.

— Какие могут быть принципиальные замечания у личного гостя Муссолини, прибывшего в «Гладиатор» как на экскурсию?!

— У профессионала такого класса — и нет замечаний? В такое невозможно поверить.

— ... Кроме, разве что, двух, — не дал ему договорить Скорцени. — Первое: вы слишком уж рьяно нацеливаете своих диверсантов на борьбу с англо-американцами. Создается впечатление, что собираетесь использовать их ещё в нынешней войне.

Розовощёкий, коренастый Зонбах по-горильи дотопал до изгиба тропы, ведущей от здания школы к небольшому полигону, и непонимающе уставился на штурмбаннфюрера.

— Но мы исходим из того, что на нашем театре военных действий русские уже вряд ли появятся, поэтому наш естественный противник — войска союзников.

— Бросьте, Зонбах: «на театре»!.. На этом «театре» уже давно пора опускать занавес. За кулисами его готовятся к выходу новые актеры. Нетрудно предположить, что те страны — Венгрия, Румыния, Словакия, которые еще недавно числились в надёжных союзниках, очень скоро станут врагами. Присоедините к ним Японию, некоторые страны Африки и Латинской Америки,

---

[1] Название горнолыжного отеля на вершине горы Абруццо, в котором Муссолини содержался под стражей, и откуда в ходе операции «Дуб» Скорцени похитил его. — *Примеч. авт.*

на диверсионно-театральных подмостках которых тоже немало толковых исполнителей.

— Простите, штурмбаннфюрер, но что-то мне трудновато понять вас. Нет никаких оснований считать, что даже в случае нашего поражения англо-американцы позволят русским укорениться в названных вами странах и регионах. К тому же война все еще продолжается.

— Неоспоримый факт. Но мы с вами уже должны готовиться к миру. Запомните, Зонбах, настоящая работа для диверсанта появляется не тогда, когда гремят орудия, ибо, когда они уже гремят, мы с вами оказываемся на вторых ролях. Всё внимание приковывает к себе стадная окопная массовка.

— «Стадная окопная массовка». Прекрасно сказано. Но тогда возникает вопрос: кто хозяин? Кто платит, и кому служим? Вечный гамлетовский вопрос всякой спецслужбы.

— Была бы идея и соответственно подготовленные носители её, а хозяин всегда найдётся. Сейчас нужны люди, которые бы стали носителями нашего опыта и наших идей.

— То есть я так понимаю, что наши «послевоенные идеи» предполагают некие нюансы, исповедовать которые следует уже сейчас?

— Вы тонко уловили суть, Зонбах. Не сунемся же мы в послевоенную Европу с газовыми камерами, концлагерями и маниакальной идеей поголовного истребления всех евреев, где бы они ни обитали? То есть со всем тем, что и сейчас уже в Европе попросту отказываются воспринимать. Даже если это касается всеми нелюбимых цыган, хотя я вполне согласен с фюрером, что — словом, вы помните...

— Фюрер убежден, что истребление цыган — это не преступление, а санитарная чистка общества. Уверен: так считает не только он.

В ответ Зонбах прокряхтел нечто невнятное, однако сделал это с таким воинственным видом, словно при упоминании о цыганах задели его самые сокровенные чувства.

На одном из изгибов тропы образовалась небольшая поляна, на которой стояли будка охранника и шлагбаум. Пост этот был

тренировочным, на нём курсантов обучали снимать часовых, подкрадываться то по устланной листьями тропе, то по осыпи склона, или же перебегая от дерева к дереву.

Любой из этих подходов к часовому был не из простых. Как непросто снять часового и в реальной жизни. Однако удручало Скорцени не то, что курсанты шли на демонстративно зевающего часового, как слоны на водопой, а что само обучение их было поставлено слишком уж традиционно и состояло из азбучных приёмов, на которых обычно стряпали всякого полкового разведчика.

— Что-то не так? — уловил его настроение гауптштурмфюрер, останавливаясь неподалеку от шлагбаума.

— У вас почти отсутствует психологическая обработка «гладиаторов», Зонбах. В лучшем случае вы натаскиваете их для выполнения каких-то конкретных заданий, морально подготавливая к тому, что в случае неудачи им придётся вкусить райского зелья, именуемого ампулой, наполненной цианистым калием. И дело даже не в том, что желающих прислушаться к подобному совету найдется слишком мало. Пришло время готовить супердиверсантов, способных сражаться против всех, выживать при любых обстоятельствах, разить врага всеми доступными средствами даже после того, когда они окажутся без какой-либо связи с центром и резидентом, в полной изоляции, предоставленные самим себе.

— Не возражаю, что такие диверсанты нам очень нужны, как согласен и с тем, что для сотворения подобных воинов нужна особая подготовка.

— Они должны уметь создавать национально-освободительные повстанческие армии, организовывать политические провокации и забастовки, подкупать лидеров националистических движений, спаивать дипломатов, соблазнять их жен и дискредитировать парламентариев.

— Ну, соблазнять жен они умеют, в этом им не откажешь...

— Я сказал: «жён дипломатов». Что не одно и то же.

— Признаю. А в целом, я так понимаю, что программа «Гладиатора» должна быть приближенной к программе «Особых фридентальских курсов»?

— Наконец-то вас осенило, Зонбах. А то казалось, что придется читать вам лекцию до самого взлета моего связного «Хейнкеля».

— Но, во-первых, никто не ставил передо мной такой задачи. А главное, у нас нет соответствующих инструкторов. Из всего состава преподавателей только мне пришлось побывать во Фридентале, да и то...

— ...Да и то вы оказались среди первых его выпускников по ускоренной программе, — не отказал себе в удовольствии напомнить ему Скорцени. — И происходило это во времена, когда названные мною идеи еще не овладели нашими умами. Прозрение «фридентальцев» пришло чуть позже, вместе с прозренческими поражениями большинства наших генералов.

* * *

Отсюда, с высоты горного склона, котловина напоминала ладью викингов, окаменевшую вместе с отмелью, на которую её выбросило десять веков назад. Стоя на ней, на здание школы «Гладиатор» можно было смотреть как на вознесенный к поднебесью замок волшебника. Сама эта местность порождала дух отшельничества, и Скорцени хотелось поскорее вырваться отсюда. Для его собственного отшельничества время ещё не пришло. Видеть себя забытым и заброшенным — явно не для него.

— Говорят, в ваших краях появилось немало русских казаков, — нарушил молчание Скорцени.

— Целый «Казачий стан» — так у них, у русских казаков, это называется. — Они перебазировались из Белоруссии. Но люди Муссолини не стремятся к тому, чтобы превращать «Гладиатор» в международный учебно-диверсионный центр. Для них главное — готовить кадры для Итальянской фашистской республики.

— Успокойте их: наши цели полностью совпадают. Тем более что у белоказаков уже давно действует своя точно такая же школа. Но одного русского я вам всё же пришлю — полковника, князя Курбатова.

— Опытный, проверенный фронтом диверсант?

— Талантливый.

— Странно, бытует мнение, что вы крайне скупы на похвалу.

— При чём здесь похвала? Пределов рейха Курбатов достиг, пройдя диверсионным рейдом от маньчжуро-советской границы до передовой нашего Восточного фронта. И шёл он без какой-либо поддержки: без явок, без заранее подготовленных складов продовольствия и вооружения, без поддельных документов. Широко шёл, с размахом, оставляя после себя просеки из выкошенных врагов. Так увлёкся, что чуть было не прошёлся — причем с тем же размахом — по нашим тылам.

— Не о нём ли это было сообщение во «Фёлькишер беобахтер»[1]?

— И огромная, взахлёб, статья в журнале «Дас Шварце Кор», которую советую прочесть самым внимательным образом. Этот парень, — а он всё ещё непростительно молод, — явление в нашем диверсионном мире уникальное. Сейчас он стажируется у меня во Фридентале, но очень скоро появится у вас в качестве инструктора, специалиста по России. Живая легенда вам не повредит.

— Как знать? — вдруг позволил себе усомниться Скорцени.

— О чем это вы?

— Всё-таки он русский, а всякий русский...

— Это рассуждение домохозяйки, Зонбах. Диверсанты экстракласса национальности не имеют. Они давно отреклись от этого устаревшего атрибута. Это особая каста. Так что пусть ваши «гладиаторы» перенимают опыт его длительного рейда по вражеской территории.

— Но, видите ли, в пропагандистском плане...

— И еще, — повысил голос Скорцени, не желая выслушивать доводы гауптштурмфюрера, — не скрою, что как полковник белой русской армии он вскоре пригодится нам и в качестве «своего че-

---

[1] «Фёлькишер беобахтер» («Народный обозреватель») — газета, орган Национал-социалистической рабочей партии Германии. Кстати, члены этой партии, и вообще немцы времен Гитлера, никогда «фашистами» себя, в отличие от сторонников дуче Муссолини, не называли, это название им приклеила советская пропаганда. Сами же они вполне справедливо считали себя национальными социалистами. — *Примеч. авт.*

ловека» в русской белоказачьей среде. А затем — и в качестве резидента в России, уже послевоенной России, гауптштурмфюрер Зонбах. Кажется, вы порываетесь возражать против появления здесь князя Курбатова?

— Возражать против инструктора, прибывающего в школу по рекомендации самого Скорцени?! — вдруг искренне удивился этому предположению Зонбах. — Чтобы прослыть самоубийцей? Другое дело — что сам полковник, учитывая его чин и опыт, вряд ли сможет с достоинством подчиняться строгому распорядку нашего «монастыря».

— Он и не будет подчиняться ему настолько, насколько это предписывается остальным вашим инструкторам. Мало того, довольно часто ему придется отсутствовать, поскольку в любую минуту может понадобиться мне для выполнения особо важных заданий. Замечу, что теперь он входит в возглавляемую мною группу личных агентов фюрера по выполнению особо важных заданий. А дабы вас, Зонбах, не смущал его высокий чин, я позабочусь, чтобы сорок пятый год вы встретили штурмбаннфюрером — в чине, который отныне для германских диверсантов будет считаться фельдмаршальским, — мрачновато пошутил Скорцени. Сам-то он хорошо помнил о том, сколько раз его майорский чин[1], при столь высокой должности, становился не только основанием для скрытого подтрунивания недоброжелателей, но и причиной всяческих недоразумений.

— Во всяком случае, будем надеяться, что мы с вами всё же умудримся встретить этот самый роковой сорок пятый год, — в тон ему ответил Зонбах. — А то ведь посчастливится это далеко не каждому.

— Кстати, прежде чем отправиться в ваше заведение, Курбатов проинспектирует одну унтер-офицерскую школу в Баварии.

---

[1] Чин оберштурмбанфюрера, то есть подполковника войск СС, Скорцени присвоили только в октябре 1944 года, после того как он сумел похитить венгерского диктатора Хорти и в результате государственного переворота организовать приход к власти в Венгрии (15 октября 1944 года) фашистской партии «Скрещённые стрелы», возглавляемой Ференцем Салаши. Это повышение в чине Скорцени получил вместе с «Золотым рыцарским крестом». — *Примеч. авт.*

Среди прочего во время знакомства с этой школой он будет присматриваться к будущим артиллерийским унтер-офицерам, а вдруг среди них найдется несколько людей, которые подошли бы нам с вами, Зонбах?

Начальник школы намеревался что-то ответить, но в это время из-за поворота тропинки появился мотоциклист.

— Если я не ошибаюсь, штурмбаннфюрер Скорцени — это вы?! — неокрепшим голоском прокричал совершенно юный унтершарфюрер СС, чинно восседавший за рулём.

— Похоже на то.

— Мне приказано передать, что позвонили из штаба дуче. Господин Муссолини готов принять вас в течение ближайшего часа. Если у вас нет машины, можете сесть в коляску...

— У штурмбаннфюрера есть машина, — буквально прорычал Зонбах, поражённый беспардонностью этого унтер-офицера СС. — Кстати, Муссолини мог бы прислать одну из своих машин.

— Так и передам ему, — ничуть не смутился гонец.

— Как-никак речь идет о приезде его спасителя. Который когда-то вырвал его из висельничной петли, — не унимался Зонбах, будто и в самом деле рассчитывал на то, что сейчас шарфюрер всыплет этому зазнавшемуся итальяшке.

— О, так это вы, господин штурмбаннфюрер, похитили тогда этого макаронного дуче из горного отеля «Кампо Императоре»? — без какого-либо восторга в глазах «признал» Скорцени юный мотоциклист.

— Плохо же вы знаете героев нации! — тотчас же пристыдил его Зонбах, однако мотоциклист попросту не обращал на него внимания.

— Так это действительно вы?

— Вам придется смириться с этим, унтершарфюрер.

— Лучше бы он, конечно, там и остался, — поражал гонец Зонбаха своей наивной беспечностью, — но следует признать, что провернули вы эту операцию довольно лихо.

— До чего же беспардонной стала нынешняя СС- молодежь! — незло возмутился Скорцени. — Не находите, гауптштурмфюрер СС?

6

— Господин оберштурмбаннфюрер, нападение группы диверсантов отбито, — появился за спиной фон Шмидта начальник школы гауптман Сольнис. — Нападавшие оттеснены и развеяны.

— Это куда же они «оттеснены» и по каким таким полям сражений «развеяны»?! — язвительно поинтересовался фон Шмидт, благоразумно отступая от окна.

Именно успокоительный доклад гауптмана заставил его предположить, что первая атака могла быть всего лишь разведкой боем. А что, обычное фронтовое дело: выяснить численность охраны, определить огневые точки, телами разведчиков «вспахать» подходы к школе и мертвые зоны.

— Туда... оттеснены, — неопределенно махнул рукой Сольнис, не воспринимая сарказма фон Шмидта. — Выбиты с Артиллерийского холма и оттеснены за ограду, на юго-восток от школы.

— Ах, на юго-восток?! Так вот что я вам скажу, господин начальник унтер-офицерской артиллерийской школы: ваша охрана — дерь-рь-мо! Меня поместили в ваше богоугодное заведение, исходя из высших интересов рейха, исключительно в целях моей безопасности. И в третью же ночь здесь, в глубочайшем тылу, почти в центре Германии, на меня нападают какие-то диверсанты. Вам не кажется это странноватым, гауптман?

— Странно только то, что никогда раньше в нашей школе... — пожал плечами Сольнис, — ничего подобного...

— Тем хуже для вас. Значит, приходили не по мою душу, поэтому вряд ли это нападение вам простится.

— Нападение есть нападение, оберштурмбаннфюрер. Нашей вины в этом нет. Откуда нам было знать, что оно произойдет?..

— Обязаны были знать. Все окрестности школы давно должны быть взяты под контроль.

— Такой задачи передо мной никто не ставил, — ожесточился гауптман. — И вообще в мои обязанности подобные действия не входят. Для прочёсывания школьных окрестностей существуют СД, гестапо, местная полиция, полевая жандармерия и еще бог знает кто. Поэтому пока что докладываю: противник отбит, одна-

ко принадлежность его не установлена. Завтра же этим займется контрразведка...

— Контрразведка — дерь-рьмо! Где ваши пленные? Покажите мне хотя бы один труп.

— Ни трупов, ни пленных, — на удивление спокойно парировал капитан. — Их попросту не оказалось, все ушли.

— Безумные вещи вы сообщаете, гауптман. Что значит: «Все ушли»?! Кстати, почему территория школы не охвачена вышками?

— Только потому, что и пулеметные вышки нашей тыловой школе не положены были, — довольно храбро держал оборону Сольнис. — По крайней мере, до нынешнего нападения парашютистов-диверсантов.

— Что тогда вам «положено»? — уже откровенно язвил фон Шмидт. — И никакие это не парашютисты-диверсанты. Если бы на эту вашу богадельню бросили отряд диверсантов, уже к вечеру половина школы покоилась бы в братской могиле. В том-то и дело, что нападали люди, имеющие смутное представление о том, как это следует делать. Но даже они если завтра разнесут всю вашу школу, то охрана вновь позволит им благополучно уйти.

— Разнести её они могут еще сегодня, до утра, — невозмутимо заверил его гауптман. — Может, тогда и появится хотя бы один труп. А пока что... мы не смогли заставить их увязнуть в стычке. Мой взвод охраны...

— Да не было у вас никакого «взвода охраны», гауптман, — безнадежно, с явной брезгливостью отмахнулся от него фон Шмидт, усаживаясь на кровати. — Это всего лишь сброд! Залежалое окопное дерь-рьмо, которое завтра же отправят на Восточный фронт вместе с вами. Но это последует завтра, а пока что убирайтесь вон!

Как бы гауптман ни храбрился, в его восприятии этот непонятно кем и с какой стати «подсаженный» в их артиллерийскую школу подполковник СС представал немыслимо большим чином. К тому же Сольнис помнил, что по поводу Шмидта ему звонил адъютант самого Скорцени, и прекрасно понимал: если бы сегодня на теле барона осталась хотя бы одна царапина, Восточный фронт показался бы ему спасением. Именно так, спасением.

В своё время Сольнису уже приходилось иметь дело с «фридентальскими коршунами» Скорцени. Эти церемониться не стали бы, так что в руки им лучше не попадать.

— Погодите, погодите! — остановил его фон Шмидт уже у двери. — Понятно: нет пленных, нет трупов, но что-то же установить всё же удалось: форма, речь, тип оружия... Кто они, черт возьми?!

— Кое-что, конечно, удалось. Ясно, что нападали германцы.

Услышав это, Шмидт про себя выругался и вновь поднялся с кровати, поправляя наброшенный на плечи китель.

— Германцы, значит? Но только что вы разглагольствовали о каких-то там парашютистах-десантниках.

— Разве в тыл к нам мало забрасывают бывших германцев?

— Вот именно, бывших. Хотя, действительно, время от времени забрасывают... Значит, нападали, как вы полагаете, германцы? — нервно прошелся фон Шмидт по битому стеклу, усеявшему пол. — Как раз этого-то я больше всего боялся.

— Но даже не удивились моему сообщению. Неоспоримо поверили.

— Скорее, «неоспоримо» выругался по этому поводу. В самом деле, Сольнис, почему вы решили, что нападавшие были германцами? Только потому, что они облачены в вермахтовские мундиры?

— И мундиры тоже смущали. Но главное — в другом: часовой, первым обнаруживший десантников, утверждает, что слышал германскую речь.

— Это не довод. Если бы нападавшие не владели германским языком, они не смогли бы действовать в глубоком тылу.

— Вы не поняли меня, оберштурмбаннфюрер: он слышал правильную, то есть настоящую германскую речь. И поскольку нападавших было трое или четверо, то, по крайней мере, две произнесенные ими фразы часовой расслышал очень четко.

— Какую?

— Один сказал: «Они находятся вон в том домике, что чуть правее штаба». Второй ответил: «Огонь по окнам, и сразу же отходим!». Причем произнесены они были не иностранцами.

— Да черт с ним, с языком! — сдался наконец фон Шмидт. — Хотите убедить, что речь все же шла обо мне?!

— Следует предполагать.

— Какого же дьявола молчали?

— Не знал, как бы поделикатнее изложить.

Сраженный его идиотской наивностью, фон Шмидт поперхнулся.

— «Поделикатнее», говорите? — коротко, едко хохотнул он. — Считайте, гауптман, что вам это удалось. Но в таком случае меня интересует: если это германцы, да к тому же диверсанты, почему они не изберут иной способ избавиться от меня? Что им мешает? У меня ведь нет ни личной охраны, ни двойников-телохранителей. Какого черта они тянут, какую комедию разыгрывают?! — вдруг истерично взвился барон.

— С вашего позволения, я не буду пытаться отвечать на все эти вопросы. Уже хотя бы потому, что они тоже стреляют.

— Кто... стреляет?! — не понял фон Шмидт.

— Вопросы, которыми вы только что стали задаваться.

— Вот оно что! Вы уже и вопросов моих страшитесь.

— Вы тоже... должны страшиться их, барон, — мой вам совет.

Фон Шмидт вновь приблизился к окну и на какое-то время замер там, всматриваясь в лесистые вершины гор, одна из которых, освещенная лучами пока что не видимого для него солнца, напоминала медленно разгоравшийся костер. Барона всегда тянуло в места, которые казались далекими, недоступными и подвластными только неисправимым отшельникам. Именно в образе отшельника Шмидт и представал перед самим собой. Сейчас он видел себя восседавшим на склоне этой вершины, — оторванным от мира, всеми забытым, а потому спасенным.

— Поздно мне страшиться, гауптман, после всего прожитого и пережитого. И потом, это ведь уже не первая имитация покушения на меня.

— Имитация?! — изумленно переспросил начальник школы.

— Вы не ослышались, гауптман.

Сольнис недоверчиво ухмыльнулся и решительно покачал головой:

— Я бы не считал нынешний налет имитацией, господин оберштурмбаннфюрер. Стреляли, как видите, боевыми, и на поражение, подвергая при этом риску вас и себя.

— Вот именно: риску. Что вполне допустимо, но не более того. Весь тот сумбур, в который вылилась данная акция, позволяет усомниться в её боевом характере. Слишком много примитивной театральщины.

— И все же на имитацию нападения это не похоже, — с солдафонским упрямством возразил Сольнис.

С трудом оторвав взгляд от костра отшельника, Шмидт искоса взглянул на начальника унтер-офицерской школы. Хотел бы он знать, какое развитие событий подсказывает гауптману это яростное отрицание «имитации», и почему он так настойчив в своём убеждении? Набычившись, фон Шмидт решительно прошелся взад-вперед по осколкам битого стекла и остановился напротив Сольниса.

— Хорошо, будем считать, что нападение было, хоть и неудачным, но настоящим, без имитаций и театральщины. Мало ли неудачных нападений знала история этой войны? Остановимся только на определении тех, кто нападал. Это были диверсанты?

— Вполне мог бы предположить.

— Причем группу сформировали из германцев?

— После Сталинграда в России германцев не меньше, чем в Германии — русских. Можно создавать целые дивизии диверсантов. Впрочем, скорее всего десант забросили англичане.

Барон фон Шмидт пристально всмотрелся в зрачки гауптмана. В какое-то мгновение тому показалось, что эсэсовец вот-вот выхватит пистолет и пристрелит его.

— Среди ваших солдат, вступивших в схватку с этими диверсантами, есть убитые?

— Нет.

— Много раненых?

— Ни одного.

Фон Шмидт долго, задумчиво кивал головой, подтверждая какие-то свои собственные мысли и догадки, чтобы в итоге прорычать:

— В таком случае я прав: никакие это не диверсанты! Это обычное окопное дерь-рьмо! Как, впрочем, и ваши солдаты.

— Я тоже не поверил бы в версию о диверсантах, если бы не знал, что именно вы являлись начальником особого секретного африканского конвоя фельдмаршала Роммеля.

— А вы и не знаете об этом, Сольнис! — мгновенно побагровел Шмидт, понимая, какой опасности он может подвергаться в этой школе, пока её начальник является носителем такой тайны.

— Я не уведомлен, что это является особой тайной рейха, — пролепетал начальник школы, понимая, что становится заложником чужих секретов и чужих судеб.

— Нет, вы не поняли меня, гауптштурмфюрер. Я сказал, что вы никогда в жизни не слышали о существования подобного конвоя фельдмаршала.

— Если последует подобный приказ...

— Вы даже предположить ничего такого не могли, поскольку вам не позволяла этого ваша фантазия! — всё более резко и агрессивно убеждал его оберштурмбаннфюрер СС, возглавлявший теперь, как объяснено было Сольнису, некую особую охранно-диверсионную команду СД. И подчинялась эта команда лично Скорцени, который по-прежнему оставался личным агентом фюрера по особым поручениям и похоже, никого, кроме самого фюрера, не признавал.

Правда, по утверждению храбрых, но злых языков, фюрер тоже якобы опасался своего обер-диверсанта. Хотя гауптману всё ещё с трудом верилось в такое.

— Заставить замолчать самого себя мне нетрудно, — заверил его Сольнис. — Вопрос в том, как заставить забыть о конвое фельдмаршала всех остальных?

— Не волнуйтесь, заставим. Забудут. Все, кто что-либо помнил, обязательно забудут. А теперь всё, гауптман, всё! Вы свободны!

7

Когда в кабинете остались только Гиммлер и Бургдорф, фюрер вновь усадил их за стол и несколько минут молча вышагивал за спинами.

«Роммель! — всё убийственнее осеняла его догадка. — Вот откуда исходит опасность! Англичане, очевидно, немало подивились тому, что один из наиболее прославленных заговорщиков до сих пор ожидает окончания войны в своём поместье. Живя спокойно, без каких-либо ограничений, без слежки, он принимает у себя давнишних друзей, обсуждает — и, конечно же, осуждает, — карательные операции гестапо и СД против путчистов и выжидает, выжидает...».

— Так что вы скажете по этому поводу, Гиммлер? — наконец остановился вождь нации напротив сидевших рядом, через стул, рейхсфюрера и генерала.

Гиммлер мельком взглянул на Бургдорфа, словно ожидал подсказки, но тот слишком дорожил своим отсутствующим видом.

— Вы правы, мой фюрер, — Генрих понял, что вождь задал вопрос, вытекающий из его размышлений. А о том, что в последнее время Гитлер всё чаще теряет грань между своими мысленными экзальтациями и реальностью — в рейхсканцелярии знал уже каждый, кому приходилось с ним общаться. — Пора принимать решение. Нельзя оставлять без последствий то, что оставлять без последствий попросту невозможно.

— У вас есть доказательства того, что Роммель действительно принимал самое непосредственное участие в заговоре?

— Их более чем достаточно.

«Он что, решил подстраховаться? — почти с презрением спросил себя Гиммлер. — Или же захотелось подставить меня в образе злодея-губителя "любимца армии?"».

— Я имею в виду не поддакивание «народного фельдмаршала»[1] чьему-то мнению за рюмкой коньяку. Не вольномыслие на подпитии... Чтобы обвинить в измене Лиса Пустыни, героя Африки, понадобятся очень серьезные аргументы. Надеюсь, вы понимаете меня.

— Германцы уже смирились с тем, что в числе заговорщиков оказались высокопоставленные военные рейха. Поэтому их не

---

[1] «Народным фельдмаршалом» Роммеля нарёк обер-пропагандист рейха — Геббельс; именно так его чаще всего называли в газетных публикациях и по радио. Он был единственным в рейхе, кто удостоился такого звания. — *Примеч. авт.*

очень удивит, что среди них оказался и Роммель. — Фюрер недовольно покряхтел: аргумент показался ему слишком сомнительным, и потом этот намёк на то, что против фюрера восстала вся военная элита... — Тем не менее, я и начальник Главного управления имперской безопасности Эрнст Кальтенбруннер отдаём себе отчёт в том, что речь идёт о «герое Африки», командире Африканского корпуса, командующем группой армий и всё такое прочее. Да, мой фюрер, я готов официально заявить: имперская служба безопасности располагает достаточным материалом, чтобы дать добро на арест фельдмаршала Роммеля. Если же вы позволите провести хотя бы беглое расследование с правом допроса фельдмаршала...

— Никаких допросов, — болезненно поморщился Гитлер.— Только никаких официальных арестов и допросов. Хватит с нас Штюльпнагеля. Но тот хоть сам стрелялся. Этот же ранен в бою. Да и славу Штюльпнагеля не сравнить со славой «героя Африки» Роммеля.

— Понимаю, мой фюрер.

— Нет-нет, Генрих, — вспыльчиво отреагировал на его согласие Гитлер. — Я решительно протестую против каких-либо санкций. Арест, пытки, казнь... Этого заслуживает любой предатель и заговорщик. Но когда подобные действия коснутся Роммеля, мы лишь деморализуем значительную часть нашего генералитета и офицерского корпуса.

— ...Которая и так уже деморализована, — цинично напомнил ему рейхсфюрер СС.

— Однако оставлять Роммеля не у дел тоже крайне опасно, — заметил Бургдорф.

— Генерал прав, — поддержал его Гиммлер.— Очень скоро англо-американцы найдут его слишком удобной фигурой для переговоров с внутренними врагами рейха, для организации переворота и планов послевоенного переустройства Германии. Пусть даже планов несбыточных, но в наше время крайне нежелательных.

Фюрер наконец-то перестал вышагивать, уселся, но не в своё кресло во главе стола, а чуть сбоку, на которое во время заседа-

ний обычно усаживался Мартин Борман. Этим Гитлер как бы подчеркивал, что не намерен диктовать свою волю, а всего лишь хочет посоветоваться, как бы лучше выйти из создавшейся ситуации.

— Посудите сами, мой фюрер: фельдмаршал почти не сражался на Западном фронте. Он принимал участие в боях во Франции, но по существу сдал англичанам всё французское побережье. Увешан всеми наградами, а потому, попадая в среду солдат, чувствует себя эдаким Бонапартом. К тому же не следует забывать, что из Африки Роммель вывез несметные сокровища.

— Вот именно, и сокровища... — пробормотал себе под нос Гитлер.

— ...Большая часть из которых покоится на дне Средиземного моря, часть — в хранилищах в Южной Германии... Но не исключено, что какую-то часть драгоценностей фельдмаршал припрятал где-то неподалеку от своего поместья.

— Припрятал?! — спросил Гитлер с таким искренним удивлением, словно и мысли не допускал о подобной возможности.

— Не исключено. Скорее всего, припрятал. И в нужное время они могут быть использованы во вред рейху.

— То есть, точных сведений у вас всё ещё нет?

— Однако их можно получить. Судя по всему, Роммель уже сейчас откровенно рассчитывает на благосклонность к нему если не англичан, то хотя бы американцев. Не говоря уже о русских. К тому же известно, что он давний приятель Паулюса. А уж «герой Сталинграда», конечно же, замолвит словечко перед Сталиным по поводу «героя Африки», ничем не насолившего русским.

— ...И даже сражавшегося против их естественного врага — Великобритании, — с видом первооткрывателя подхватил его мысль Гитлер, хлопнув при этом ладонью по столу.

— И что странно: над этим мы как-то совершенно не задумывались, — по-холуйски признал вселенскую мудрость хозяина командующий войсками СС. — Чтобы так, всерьез...

Гиммлер умолк, рассчитывая, что фюрер вновь поддержит его и четко сформулирует приговор. Однако Гитлер задумчиво молчал. Причем рейхсфюрер СС не был уверен, что вождь осмыс-

ливает ситуацию или хотя бы ощущает себя присутствующим здесь.

«Чего он ждет? — возмутился он наконец. — Что я предложу убить фельдмаршала из-за угла? Взорвать вместе с его деревенским особняком?!».

— Что же будем делать? — вернулся из своих душевных блужданий Гитлер. Он спросил это, ни на кого не глядя, отведя взгляд куда-то в сторону.

— Можно лишь сожалеть, что у Роммеля не хватило мужества последовать примеру фельдмаршала фон Клюге или того же Штюльпнагеля, — вновь дождался своего часа Бургдорф.

Адъютант прекрасно понимал, что фюрер не случайно оставил его здесь. Такие вопросы, как убийство фельдмаршала, в присутствии адъютанта — пусть даже это адъютант фюрера — как правило, не обсуждают. Но если уж их посвящают в подобные тайны, то рассматривают при этом только в одной роли — исполнителей. А потом предпочитают убрать, чтобы не оставлять в качестве свидетелей.

Подумав об этом, генерал-майор поежился и передёрнул плечами: «...Только не в убийцы Роммеля!» — мысленно взмолился он.

— Роммель на самоубийство не пойдет, — резко, нервно возразил Гиммлер.

— Почему? Если с ним настойчиво поговорить на эту тему, он, возможно...

— Роммель только что оправился от боевого ранения, которое оказалось весьма кстати. Он только-только вернулся из госпиталя, и весь нацелен на то, чтобы выжить. К тому же это опытный солдат, привыкший выкручиваться из любых, казалось бы, самых сложных, безысходных ситуаций. А ситуация, в которой он теперь оказался, не вызывает у фельдмаршала даже чувства досады, поскольку непосредственного участия в покушении не принимал...

— Но ведь... — попытался возразить Бургдорф, однако Гиммлер не дал ему договорить:

— Я имею в виду — самого непосредственного участия, кем-то засвидетельствованного. — А ранение к тому же списывает

все его мелкие грешки и прегрешения. Госпиталь дарует ему алиби, а слава и награды — индульгенцию на бессмертие. Вот и сидит Роммель в своем Герлингене, как в бункере, и с высоты своей славы взирает на агонию, — как он наверняка считает, — вермахта, агонию Третьего рейха, агонию национал-социализма.

— Значит, вы утверждаете, что на добровольный уход из жизни фельдмаршал Роммель не согласится? — постучал костяшками пальцев по столу Гитлер.

— Уверен в этом, мой фюрер. Понимаю, что один-единственный выстрел помог бы нам решить множество проблем, но, судя по всему, добровольно за пистолет Лис Пустыни не возьмётся.

— А вы что скажете, Бургдорф? — поинтересовался Гитлер, отводя при этом взгляд куда-то в сторону.

— Считаете, что его следует убить? Что нужно подослать убийцу?

Гитлер и Гиммлер разом повернули головы в сторону Бургдорфа. Тот мог поклясться, что только что они подумали именно о таком исходе «дела Роммеля», однако, услышав его вопросы, дружно возмутились:

— Разве речь шла о том, чтобы убить его? — напрягся Гиммлер.

— Кто вам сказал, что Роммеля должен убрать наёмный убийца? — меланхолично как-то возмутился Гитлер, хотя обычно всякое своё возмущение он «играл» довольно артистично, даже в тех случаях, когда внутренне оставался невозмутимым.

— В таком случае, — не стал оправдываться Бургдорф, прекрасно зная, как болезненно реагирует фюрер на подобные попытки, — следует убедить его, что его «уход» — лучший выход для всех нас, для рейха.

— На Роммеля это не подействует, — стоял на своём Гиммлер.

— Значит, следует поставить его перед выбором: смерть во славе, со всеми надлежащими фельдмаршалу почестями, или же гибель в облике предателя рейха и подлого заговорщика, сообщника полковника фон Штауффенберга. И если уж он реши-

тельно откажется от почётного ухода, тогда следует принять все меры, чтобы он не стал вождём ещё одного путча.

— В первой части вашей «речи перед сенатом», генерал, — озарил своё лицо ироничной улыбкой рейхсфюрер СС, — в самом деле, содержится некое зерно благоразумия.

«Всё-таки они вынудили тебя стать инициатором «дела о самоубийстве Роммеля»! — трезво оценил ситуацию Вильгельм Бургдорф. — Теперь потребуют, чтобы ты же довёл это дело до смертного конца».

Внутренне съежившись, Бургдорф настороженно смотрел на фюрера. Однако тот нервно барабанил пальцами по столу и молчал. «А ведь он боится Роммеля, — сказал себе Бургдорф. — Они оба опасаются его. Единственный, кто не опасается его, это ты. Так, может, стоит самому предложить фюреру свои услуги? Нет, только не это! Пусть сначала эти фюреры понервничают, пусть попробуют убедить тебя. Или прямо прикажут».

— Так вы уверены, что сумеете уговорить Роммеля? — вдруг прямо спросил Гиммлер, явно приходя на помощь своему фюреру.

— Я? Простите, рейхсфюрер, но я имел в виду не себя. Даже разница в чине... И потом, в своё время мы были сослуживцами, многие это знают...

— Кого же тогда вы имели в виду? — грубо прервал его Гиммлер. — Может, мне прикажете уговаривать Роммеля?

— Такое мне и в голову не приходило, — поспешно заверил его Бургдорф, обращая умоляющий взор на фюрера. Черты худощавого, с запавшими щеками лица генерала еще больше обострились, очерчивая некий налёт изможденности. — Насколько я понимаю, этот вопрос еще только следует решить. Очевидно, к Роммелю будет направлен кто-то из генералов штаба вермахта.

— Уже всё решено, Бургдорф, — вдруг постучал тыльным концом карандаша по столу Гитлер, вернувшись к тому времени в своё кресло. — Вы, лично вы, займётесь определением судьбы фельдмаршала. Причём приступите к этому немедленно. Не забудьте прихватить с собой кого-либо из генералов, являющихся членами «Суда чести». Чтобы «герой Африки» понимал, что в

случае отказа ему не миновать ни «Суда чести», ни Народного суда.

Побледневшее лицо генерала напоминало мертвеца. Бургдорф вёл себя так, словно ему самому только что предложили покончить жизнь самоубийством. Прошло мучительно много времени, прежде чем адъютант сумел выдавить из себя: «Будет выполнено, мой фюрер».

Из-за стола генерал поднимался так вяло и неуверенно, что в какое-то мгновение Гиммлеру вдруг показалось, что он вот-вот рухнет на пол.

— Вы отправитесь туда в сопровождении нескольких бронемашин СС, — напутствовал его теперь уже Гиммлер. — Они окружат поместье и предотвратят попытку бегства или сопротивления. А главное, произведут нужное впечатление на фельдмаршала.

— Надеюсь, личной охраны у него нет? — встревоженно проговорил адъютант фюрера.

— Откуда ей взяться, генерал?

— Всегда найдутся офицеры, которые готовы постоять за своего командующего, пусть даже бывшего.

— Всё это — ваши фантазии, генерал.

— Вредные фантазии, — окончательно добил его Гитлер. — Вы свободны, Бургдорф. И не советую являться ко мне с докладом о том, что операция по каким-либо причинам сорвалась. Пусть даже в это вмешались бы высшие силы.

Бургдорф глубоко вздохнул, несколько секунд постоял, уткнувшись подбородком в грудь и пытаясь проникнуться мужеством и решительностью, которые, конечно же, понадобятся ему для проведения операции.

— Они не вмешаются, — как можно твёрже заявил генерал.— Операция не сорвётся.

— Будем надеяться, — молвил Гиммлер, — что высшие силы отреклись от Роммеля ещё основательнее, чем от нас с вами.

Генерал уже направился было к двери, но вдруг остановился и, медленно поворачиваясь лицом к вождям нации, спросил:

— Как именно он должен «уйти»?

— Что? — дуэтом переспросили вожди.

— Я спрашиваю, как он должен умереть? Очевидно, по-солдатски, застрелиться?

Вопрос Бургдорфа оказался настолько неожиданным, что Гиммлер и Гитлер растерянно переглянулись. Они попросту не задумывались над этим.

— Стреляться он не станет, не пожелает, это мы уже, вроде бы, выяснили, — первым пришел в себя Гиммлер. — А если и застрелится, то многим это покажется очень подозрительным: стреляться после ранения, после удачного излечения в госпитале... Не логично как-то.

— Но если он будет настаивать, — пожал плечами Гитлер, — то ради бога, предоставьте ему такую возможность.

— Есть более подходящий способ, — заверил их обоих Гиммлер.

— Какой еще «более подходящий»? — проворчал фюрер.

— «Алхимики» из секретной химической лаборатории гестапо изобрели прекрасный, быстродействующий, не вызывающий мучений, с малиново-жасминным, как мне сказали, привкусом, яд.

— С каким, с каким привкусом?! — подался к нему через стол Гитлер.

— С малиново-жасминным, — растерянно пожал плечами рейхсфюрер СС. — А что? Во всяком случае, так мне было сказано.

— Понятно, что убедиться в этом вы не решились.

— Об этом успели сообщить пленники-испытуемые, получавшие яд в небольших, мучительных дозах.

— Яд с малиново-жасминным привкусом! По-моему, алхимики Мюллера явно перестарались. Кстати, не забудьте, генерал, сообщить об этом фельдмаршалу, — как-то странно, не разъединяя губ и всем туловищем содрогаясь, рассмеялся Гитлер. — Убедите его, что яд приятен на вкус. По-моему, Роммель должен быть счастлив.

— Кстати, называется этот яд «гестапином», — молвил Гиммлер.

— Так, может, испытать его стоит на самом Мюллере?

Гиммлер исподлобья взглянул на Гитлера, затем — на генерала и благоразумно промолчал. «Неужели "гестаповского мельника" опасается даже он, рейхсфюрер СС?!» — удивился Бургдорф. А вслух спросил:

— Значит, все-таки будем травить фельдмаршала? — причем в его устах это прозвучало так, словно речь шла о каком-то животном.

— Я прикажу, чтобы вас снабдили ампулой этого «гестапина», как его и в самом деле называют в ведомстве Мюллера. Именно её вы и предложите фельдмаршалу.

— Если такова будет воля фюрера,— ответил генерал пехоты Бургдорф, однако дожидаться реакции вождя Гиммлер не стал.

— Даже при вскрытии следы действия этого яда обнаружить трудно, поэтому врачи склонны списывать смерть на болезнь сердца, на мгновенную остановку его. Тем не менее, до вскрытия дело лучше не доводить, мало ли какой умник в белом халате там выищется! «Смерть в результате внезапной остановки сердца» — это самое благородное, что способно украсить смерть нашего незабвенного «героя Африки» и в то же время пощадить самолюбие всех тех фронтовиков, которые сражались под его командованием. После подобного сообщения всем нам останется лишь скорбеть по поводу безвременной кончины лучшего из германских полководцев XX столетия.

— Гиммлер прав. Яд, генерал Бургдорф, только яд. Ну а затем последуют медицинское заключение, некролог и пышные, достойные фельдмаршала Роммеля, похороны. Кстати, всё это будет происходить под вашим общим руководством, рейхсфюрер СС.

— Я прослежу, мой фюрер, — кротко согласился Гиммлер. — Кстати, могу посоветовать вам, генерал, одного из членов офицерского Суда чести. Это генерал-майор Эрнст Майзель. Человек он нерешительный, но сведущий в юридических тонкостях, что в данном случае немаловажно. Если вам понадобится еще кто-либо из членов Суда чести, обратитесь в штаб вермахта, там подскажут, кого лучше всего прихватить с собой. Но понятно,

что в штабе не должны знать, для чего вам понадобился этот член Суда чести. В данном случае можете сослаться на мой приказ.

— Последую вашему совету, господин рейхсфюрер СС.

8

С очередного восхождения на Гору Крестоносца фельдмаршал вернулся как раз в те минуты, когда в его домашнем кабинете прозвучал телефонный звонок.

— Сейчас я свяжу вас с полковником Румке, — безинтонационно молвил чей-то безразличный голос, не поинтересовавшись, действительно ли у аппарата фельдмаршал Роммель и желает ли он выслушивать неизвестного ему полковника.

— Это еще кто такой? — горделиво возмутился «герой Африки», как именовали фельдмаршала местные газеты.

Однако адъютанту, или кем он там, в самом деле, являлся, похоже, некогда было вступать с ним в какие бы то ни было объяснения.

— Господин фельдмаршал? — послышался уже другой голос, менее уверенный и подчеркнуто вежливый.

— Что произошло? Кто вы такой? — вернулась к Роммелю та, каждому офицеру Африканского корпуса известная, манера общения, при которой всяк объяснявшийся с ним с первых же слов начинал ощущать себя виновным и бессловесным.

— Полковник Румке, — объявил собеседник тоном чиновника по делам сиротских приютов. — Начальник штаба Четвертой армии группы армий «В».

— Ах, это вы Румке?! Хотите сказать, что вас уже назначили начальником штаба армии?

— Вы не знали об этом? Странно. Моё назначение последовало сразу же после ареста генерал-майора фон Летцена, — всё с той же обескураживающей вежливостью объяснил Румке.

Фельдмаршал помнил его еще по тем временам, когда в чине подполковника он командовал одним из батальонов, входящих в состав парижского гарнизона. Судя по отзывам, офицером он был исполнительным, но слишком уж безынициативным. Как при такой аттестации он сумел столь решительно продвинуться по служебной лестнице, оставалось загадкой.

— Значит, и фон Летцен тоже арестован? — едва сумел выдержать привычный командный тон Роммель. — Это выходит за всякие рамки приличия.

— Как и генерал-майор Гофман, — добавил Румке, — полковники Зендирген и фон Нейзекер, а также многие другие.

— В ваших устах, полковник, этот перечень звучит так, словно эти люди пали в бою.

— Если бы в бою, мы с вами могли бы вздохнуть с облегчением. Все-таки по-солдатски.

— Что же у вас там происходит, черт бы вас всех побрал? — неожиданно для самого себя сник бравый командующий.

— То же самое, что и в вашем штабе, господин фельдмаршал, — беспристрастно как-то напомнил ему Румке.

— Вы так считаете?

— Если бы вы сумели связаться с новым начальником штаба, то не удивлялись бы.

— Так вы позвонили только для того, чтобы сообщить, что происходит в моем бывшем штабе?

— Собственно, я по ещё более скорбному поводу, господин фельдмаршал. Мой земляк, известный вам подполковник Крон, просил в случае непредвиденных обстоятельств обязательно связаться с вами и сообщить о том, что с ним произошло.

— Вы не могли бы выражаться яснее и лаконичнее, полковник? Что с ним произошло?

— Вчера вечером подполковник Крон погиб — если уж так, предельно лаконично...

— Что, и подполковник Крон — тоже?!

— Не могу знать, какие имена скрываются за этим вашим «тоже», но произошло это, как я уже сказал, вчера вечером, в пятидесяти километрах от линии фронта. В совершенно бессмысленной автомобильной катастрофе. А ведь, согласитесь, чем катастрофа бессмысленнее, тем она подозрительнее.

В ответ полковник услышал в трубке нечто похожее на сдавленный стон, после которого последовала тягостная пауза, нарушать которую сам Румке не решался.

— Как именно это произошло? — наконец нашел в себе силы спросить Роммель.

— «Опель», в котором он добирался до места службы, был раздавлен танкеткой. Прямо на шоссе.

— Нашей, германской танкеткой? — мрачно поинтересовался фельдмаршал.

— Иначе это называлось бы «смертью в бою». Однако бедняге Крону не позволили предаться даже такой роскоши, как гибель на поле боя. Пусть даже условного... поля боя.

Роммель угрюмо молчал. Он вспоминал своё сомнамбулическое восхождение на Гору Крестоносца. Фельдмаршал и сейчас чувствовал себя так, словно застыл на краю пропасти, занеся ногу, чтобы шагнуть в вечность. А какая-то сила уже подталкивала его к этому шагу, уже вытесняла с Тропы Самоубийц.

— Как я уже сказал, странно во всей этой истории то, — молвил Румке, — что еще неделю назад подполковник Крон попросил в случае его гибели позвонить вам и сообщить о ней, — донесся до фельдмаршала откуда-то из бездны погребально-вежливый голос начальника штаба Четвертой армии. — Причем сделать это просил немедленно.

— Это было правильное решение.

— Как вы понимаете, я не мог не исполнить его просьбу.

— Понятно, понятно, — рассеянно подтвердил Роммель. — Послушайте, полковник, если только это в ваших силах... Сделайте все возможное, чтобы близкие Крона узнали, что он погиб... на передовой. Смертью солдата. Никто не должен заподозрить, что он пал жертвой заговора, что смерть его была умышленным убийством.

— Но я считал, что, наоборот, с вашей помощью смогу организовать надлежащее расследование...

— Да, у вас возникла такая мысль?

— Она не могла не возникнуть. Должна же существовать справедливость, и вообще...

— Ах, справедливость? Послушайте вы, праведник, — вдруг рассвирепел Роммель, — вы ведь не хотите, чтобы ваш «опель» оказался под неудачно приземлившимся «мессершмиттом»?!

Или, может быть, не терпится присоединиться к господину Крону?! Откровенно, откровенно, не стесняйтесь!

Понадобилось несколько мгновений напряженного молчания, чтобы у Румке появилось достаточно благоразумия, вложенного им в весьма лаконичный ответ:

— Честно говоря, не хотелось бы.

— А в ста пятидесяти километрах от линии фронта иногда случается и такое. Или, может, я не справедлив?!

— Простите? — не понял начальник штаба относительно «несправедливости», но Роммель совершенно справедливо решил, что в данном случае какие бы то ни были объяснения излишни.

«А ведь гибель Крона вряд ли связана с заговором против фюрера, — подумал он, положив трубку на рычаг. — Кто-то там, в «Вольфшанце», упорно расчищает путь к моим африканским сокровищам. В таких случаях всегда идут по головам. Может, это и к лучшему, что посвященных в тайну сокровищ остается всё меньше и меньше. Вот только погибнуть должен был не Крон. И если он всё же погиб, следовательно, ставку делают на оберштурмбаннфюрера фон Шмидта, этого несостоявшегося аристократа-боксёришку...».

Роммель вспомнил, как в своё время Крон упорно подталкивал его к идее — послать группу диверсантов в Каир, где, по его сведениям, в сейфе одного из местных шейхов оказался знаменитый бриллиант «Котун-эль-Куфра», название которого переводилось как «Фонтан любви».

Возможно, фельдмаршал и поддался бы этому авантюрному соблазну, да только первый же араб-банкир, с которым он осторожно посоветовался относительно «покупки» бриллианта, сообщил ему, что каждый, кто до сих пор владел этим средоточием красоты и богатство, неминуемо погибал. Причем случилось так, что один из первых владельцев «Котун-эль-Куфра» вынужден был скрываться с ним где-то в глубине пустыни, где в конце концов и погиб... от жажды.

«Похоже, что и мне, владельцу огромных сокровищ, придется умирать от жажды, не имея ни марки, чтобы оплатить спасительный глоток воды, — подумал фельдмаршал, посматривая на теле-

фонный аппарат, словно на мину с часовым механизмом. — Интересно, как будет объяснена моя гибель, когда мой «опель» вдруг окажется под днищем случайно выбросившегося на сушу фрегата? Причем произойдет это в ста пятидесяти милях от моря!».

9

Пока наряд курсантов и школьный плотник приводили в порядок обитель оберштурмбаннфюрера Шмидта, сам он поднялся на возвышавшийся на краю стрельбища артиллерийский холм и осмотрел окрестности. О недавнем присутствии здесь диверсантов уже ничего не говорило, разве что можно было бы поискать свежие патронные гильзы, да только гильз здесь валялось несметное множество.

Однако место сосредоточения выбрано было удачно и вполне профессионально, признал оберштурмбаннфюрер, осматривая с высоты холма территорию школы. Во-первых, отель-казарма, в которой ютились они с адъютантом, просматривалась отсюда почти как с высоты птичьего полёта, во-вторых, выбивать их с высотки, испещренной выбоинами и заваленной останками танка, можно было, только прибегая к штурму. Но самое важное заключалось в том, что отходить с этих позиций можно было под прикрытием холма, по глубокому, извилистому оврагу, пролезая по нему под небольшой каменной оградой.

«То, что разрабатывали эту операцию не дилетанты, — сказал себе барон, — это ясно. Не ясно пока другое: почему она завершилась такими вот полигонно-тренировочными стрельбами в направлении моей обители? Обычно в подобных диверсионных операциях могут быть только две реальные цели: убить или похитить. Какую бы из них ни ставили перед собою эти диверсанты, они выполнили лишь самую легкую часть нападения: проникли на территорию и оседлали господствующую местность. Но какой смысл открывать пальбу по окнам, поднимать на ноги всю охрану и две сотни курсантов, если понятно, что ни одну из задач решить таким способом невозможно?»

Для барона уже не столь важно было узнать, кто этих диверсантов направлял сюда и кто ими командовал во время рейда;

куда важнее представлялась ему сейчас загадочность цели этого организатора: запугать, предупредить, потребовать идти на сотрудничество или, наоборот, затаиться и ни под каким предлогом не засвечиваться?

Так и не найдя сколько-нибудь приемлемого ответа на эти вопросы, барон попытался забыть о предрассветном рейде и сосредоточиться на красоте окружающего мира. Дело в том, что эта изрытая взрывами снарядов каменистая высотка, которую как вражескую, курсанты-выпускники по традиции обстреливали малокалиберными снарядами, подавляя огневые точки противника, приглянулась фон Шмидту с первого дня появления в школе. Отсюда открывался прекрасный вид на невысокий, поросший сосновым лесом хребет, в распадке между двумя грядами которого, сразу же за школьной оградой, синело окаймленное гранитными валунами озеро, подступавшее к небольшому охотничьему замку.

Было что-то магическое в этом распадке и в этом озере, восточная часть которого озарялась сейчас лучами рассветного солнца, а западная все еще отражала в своих глубинах силуэты остроконечных прибрежных скал.

Здесь, стоя на уцелевшем гранитном пятачке, у останков искорёженного прямой наводкой русского танка, барон мог позволить себе забыть о войне и превратностях солдатской судьбы; здесь он вспоминал о том, что является невольным хранителем покоящихся где-то там, в морских глубинах, неподалеку от корсиканского мыса Сенетоса, шести контейнеров с сокровищами фельдмаршала.

Содержимого любого из этих златохранилищ вполне хватило бы ему, чтобы всю оставшуюся жизнь прожить в лучших отелях самых фешенебельных курортов мира, или же, наоборот, блаженствовать в тиши одного из таких вот уединенных горных замков, под надежной охраной бывших диверсантов Отто Скорцени.

Вспомнив о Скорцени, барон лишь грустновато улыбнулся. Первый шанс к осуществлению этих грез судьба ему уже подарила, погубив корабли конвоя и предельно сузив число лиц, причастных к великой тайне фельдмаршала, к которой сам Роммель, собствен-

но, не причастен, поскольку ни картой затопления контейнеров не владеет, ни на местности сориентироваться не способен. Так что теперь осталось дождаться, когда самого фельдмаршала то ли казнят, то ли вынудят пустить себе пулю в лоб, и тогда действовать, самым решительным образом действовать! Тем более что и число «посвященных» к тому времени основательно уменьшится.

«Правда, при этом тебе самому еще надо бы уцелеть на войне, да надежно замести следы после её окончания, — подумал фон Шмидт. — И задача эта будет не из лёгких. В одиночку ты с ней не справишься, понадобится группа захвата, понадобятся люди, способные работать с водолазным снаряжением, наконец, понадобится надежное, кем-то основательно прикрытое судно.

И дай-то бог, чтобы в эту драчку за сокровища Лиса Пустыни не успели ввязаться сицилийская мафия, корсиканские сепаратисты, «Организация бывших членов СС», зародыши которой уже сейчас закладываются в шести-семи странах, не говоря уже о Ватикане, который никогда не позволит себе оставаться в стороне от подобных поисков. Благо, что там неминуемо отыщется немало храмовых произведений.

Так что работать придется на опережение, чтобы справиться с этой задачей то ли еще до завершения войны, то ли в то время, пока уцелевшие в мировом побоище германцы будут посыпать голову пеплом обиды и скорби, а враги их — упиваться победой.

Но, похоже, что сезон охоты на «посвященных» уже начался, и право на их отстрел получено не только в Лондоне и Риме, но и в Берлине — тоже. Именно об этом свидетельствовала сегодняшняя странная предрассветная атака неизвестных на его временное пристанище, о котором знали очень и очень немногие. Как очень немногие знали и том, какую ценность для диверсантов может представлять захват или убийство некоего оберштурмбаннфюрера фон Шмидта.

А ведь после войны такую же «чёрную метку» на отстрел получат группы, которые станут базироваться в Париже, Москве, Вашингтоне и еще черт знает где.

Однако к подробностям операции «Сокровища Роммеля» он еще вернется, а пока что, засмотревшись в овальную чашу озера,

барон фон Шмидт, бывший начальник «конвоя Африканского корпуса» вновь вернулся в те часы, когда суда оставляли африканский берег...[1]

10

...Распрощавшись с Муссолини, первый диверсант рейха вернулся в отведенный ему двухэтажный коттедж, в котором обычно останавливались иностранные гости дуче, и поднялся к себе, на второй этаж. Шёл всего лишь десятый час вечера, и Скорцени, не привыкший ложиться в такую рань, вышел на балкон.

Воздух здесь, на вилле «Фельтринелли», был изумительной чистоты, и время от времени штурмбаннфюрер принимался жадно вдыхать, буквально заглатывать эту горную свежесть, словно раненый кит, с трудом сумевший всплыть на поверхность океана.

Небо всё ещё оставалось по-осеннему ясным и высоким. Таким, каким, по его представлениям, и должно выглядеть небо Италии. Восходящая луна освещала вершину горы, похожую на полуразрушенную кибитку, охватывая частью своего сияния залив озера, перечерченный широкой лунной дорожкой, и двор виллы — с небольшим порталом, статуями и фонтаном, взвивающимся ввысь в виде то ли огромной змеи, то ли морского дракона...

После трех дней, проведенных в резиденции дуче — «временной северной резиденции», как называл виллу «Фельтринелли» сам Муссолини — начальник диверсионного отдела Главного управления имперской безопасности (РСХА) постепенно стал забывать о том, что где-то, словно в августовском лесу, полыхает война. Что под гул авиационных армад по президентским дворцам и министерским офисам то вспыхивают, то угасают остервенелые дипломатические баталии; а под шелест правительственных меморандумов на фронт уходят всё новые и новые дивизии — германцев, англичан, русских, итальянцев...

---

[1] Для полноты воспроизведения ситуации в этом романе использованы, в виде воспоминаний и реминисценций, некоторые эпизоды, связанные с рейдом «Африканского конвоя», которые были описаны в романе «Жребий вечности». — *Примеч. авт.*

Резиденция дуче и в самом деле представала в образе тихого райского уголка, отсиживаясь в котором легко можно переноситься в своих фантазиях то на холмы Древнего Рима, то на поля проигранных сражений в Абиссинии, или в египетскую пустыню, по каменистым взгорьям которой Муссолини когда-то мечталось въехать в Каир на белом рысаке. О том, что Муссолини, привыкший к тому, чтобы все его бредни сбывались, специально для такого случая приготовил рысака, Отто Скорцени знал. И сейчас, вспомнив об этом, саркастически рассмеялся.

«А вот местность для своей Северной резиденции, — подумал Скорцени, — этот правящий полуидиот выбрал почти идеальную. На его месте я бы никогда и ни за что не возвращался в Рим, превратив в свой Северный Рим никому не ведомое раньше селение Рока деле Каминате. Холмов здесь, правда, маловато, зато какие великолепные горы! Какие Богом сотворённые для очередного «Вечного города» берега озера! Да и неплохую армию можно было бы создать из местных итальянцев, пробудив в них дух гордых римлян».

Почти весь вечер Муссолини плакался Скорцени в жилет по поводу того, что верных присяге воинских частей остается все меньше; что пехотинцы и карабинёры демонстрируют прямо-таки невероятную трусость, а последняя его надежда — части чернорубашечников — до того распоясались, что с ними почти невозможно сладить.

— Но ведь пока что вы находитесь за спинами германских солдат, — попытался усовестить его Скорцени. — Так используйте это время. Проведите несколько войсковых учений, расформируйте небоеспособные части, создайте элитные бригады егерей и парашютистов. Не хватает преданных офицеров? Превратите в них вчерашних сержантов, имеющих фронтовой опыт и умеющих показать пример личной храбрости. А кто мешает создать итальянские войска СС?

— Нет, Скорцени, нет, вы не представляете себе, что это за нация такая гнусная! — взбешенно вертел головой Муссолини, мечась по кабинету. — Даже невозможно вообразить себе, чтобы потомки древних римлян дошли до такой гнусной трусости, такого

предательства. Думаете, я не знаю, каким посмешищем считали мои дивизии и ваши солдаты, и русские? «Макаронники», «бабники», «драп-гвардейцы»...

— Не стану отрицать, оценки порой давались нелестные, — признал Скорцени.— Но мало ли что можно выудить из обычного солдатского фольклора.

— Это уже не фольклор, Скорцени, это констатация. А ведь в Россию я посылал всё то лучшее, что способна была обмундировать моя несчастная Италия. Так что вы правы: я всё ещё удерживаюсь на плаву только благодаря мужеству германских солдат. Не будь их, моё трусливое воинство разбежалось бы по домам или же целыми полками прорывало бы швейцарскую границу, предпочитая своему воинскому долгу альпийские лагеря для интернированных.

— Но вам не суждено быть вождём другой нации. Великим дуче вас провозгласил именно этот народ, ваши итальянцы.

— «Великим дуче» я провозгласил себя сам, — огрызнулся Муссолини. — Что вы смотрите на меня с таким удивлением, обер-диверсант рейха?

— Сражён вашей откровенностью, дуче.

— А я и не считаю необходимым скрывать это обстоятельство. — Муссолини наконец прервал свои метания и опустился в глубокое кожаное кресло, буквально утонув в нём. — Да, я провозгласил себя сам, поскольку мои макаронники до такого не додумались бы. Приходится сожалеть, что провозгласил себя всего лишь дуче, а не королём, падишахом, императором Италии, Сардинии, Абиссинии и всех прочих заморских территорий. И тогда не существовало бы короля, который осмеливался бы арестовывать меня, лишать поста премьера. — Муссолини хотел добавить ещё что-то, но запнулся на полуслове, словно только что очнулся, и понял, что в порыве ярости успел наговорить слишком много глупостей. — Словом, стоит ли продолжать? — обессиленно опустился он в кресло.

Скорцени не торопил его, дал время для того, чтобы морально отдышаться.

— И всё же не теряйте времени, — молвил он уже тогда, когда решил, что тот успокоился. — Займитесь реорганизацией своей

армии. Создайте сильную службу безопасности, привлекая для этого как можно больше итальянских германцев.

— «Итальянских германцев»? — удивленно переспросил Муссолини и, углубившись затылком в спинку кресла, воинственно выпятил широкий, небрежно выбритый подбородок. — Вы правы. Почему я не подумал об этом раньше? Странно. Будучи союзниками Германии, мы обязаны были рациональнее использовать твердость и воинственность итальянских германцев.

— Поскольку результаты этой войны ничего хорошего для нас не таят, то уже сейчас создавайте в горах свои опорные пункты и тайные базы, предназначенные для партизанской борьбы.

— Создать можно, — мрачно проворчал дуче, — однако мои макаронники все эти базы сразу же выдадут. А то и сами же разграбят.

— Опасность провала существует всегда, — признал Скорцени, чувствуя, что само общение с этим разуверившимся, совершенно бездарным в военном отношении человеком становится для него тягостным. — Но ведь в течение всей войны в Италии действовало мощное партизанское движение. Значит, в принципе оно возможно. Поэтому ничто не должно останавливать вас. Создавайте такие отряды, которые уже сейчас переходили бы на полулегальное положение и постепенно обживали свои горные партизанские базы, налаживали связи с местным населением и сеть подпольного сопротивления в окрестных городках.

Слушая его, Муссолини изо всей силы сжимал руками голову, словно хотел расколоть свой череп, как спелый арбуз. По его поведению Скорцени понял, что дальнейшие рассуждения на эту тему бесполезны, дуче слишком устал. Не от сегодняшней беседы и тех немногих государственных бумаг, которые удосужился подписать. Нет, он устал в принципе; выдохся, разуверился в самом себе как в вожде, в личности.

«Можно ли, — спрашивал себя обер-диверсант рейха, — оставаться вождём нации и главнокомандующим войсками, когда ты не веришь ни своему народу, ни своей армии, ни личной охране, а главное, когда ты уже не веришь собственному призванию, собственной судьбе?»

Только сейчас, побывав здесь, на вилле «Фельтринелли», и увидев всё собственными глазами, Скорцени понял, какую ошибку совершил Гитлер, освободив дуче из-под ареста и вернув ему власть. «Нет, возможно, из соображений международного престижа Муссолини и следовало освободить, и даже вернуть в Италию, но затем тихонько убрать, назначив на его место того же князя Боргезе или кого-то из еще более властолюбивых и напористых военных. Неужели фюрер не понимает, что, делая ставку на Муссолини, он обрекает остатки фашистского движения в Италии не на возрождение, а на гибель?»

Скорцени вдруг вспомнилась его короткая встреча с фельдмаршалом Роммелем, которая произошла сразу же после прибытия в Берлин вместе с великим дуче. Лис Пустыни встретил штурмбаннфюрера в коридоре рейхсканцелярии, окинул таким оценивающим взглядом, словно решал, можно ли ему доверить командование парадом остатков своего Африканского корпуса и сдержанно похвалил:

— Неплохая выдалась операция, Скорцени, неплохая. Теперь я понимаю, как много потерял, не добившись того, чтобы именно вы возглавили разведку и контрразведку моего Африканского корпуса.

— ...Который и без меня прославился знаменитыми армейскими операциями в Ливийской пустыни, — благодарно напомнил фельдмаршалу о его собственных заслугах.

— В том-то и дело, что масштабным общеармейским операциям не хватало неких ювелирных диверсионных изысков, — азартно пощелкал пальцами Лис Пустыни.

— Например, похищения штаба английского экспедиционного корпуса в полном составе, вплоть до телефонисток? — иронично улыбнулся штурмбаннфюрер.

— Согласитесь, что пользы было бы больше, нежели от доставки в Берлин некоего политического трупа, всё ещё мнящего себя в образе дуче.

— Вы слишком суровы, фельдмаршал, — исключительно из вежливости возразил ему Скорцени.

— Но коль уж это похищение произошло, — ничуть не смутился Роммель, — то теперь фюреру надлежит совершить еще

один, не менее важный ход: превратить Муссолини в своего вечного почетного гостя, а на должность великого дуче Италии назначить вас.

— Простите, не понял.

— А что тут не понимать? Взять и поменять Муссолини на Скорцени! «Великий дуче Скорцени»! Разве не звучит? Многие итальяшки даже не сразу поймут, что произошло.

— Шутить изволите, господин фельдмаршал?

— На мой взгляд, обмен вполне полноценный. Причем уверен, что итальянцы — настоящие итальянцы, истинные римляне — будут счастливы. Заполучив столь храброго и мужественного вождя, итальяшки наконец-то вновь почувствуют себя гордым народом, наследниками Священной Римской империи.

11

Вернувшись в Берлин, генерал Бургдорф не стал обращаться в штаб вермахта, чтобы связаться с кем-то из представителей офицерского Суда чести, а закрылся в своей холостяцкой квартире, которую временно снимал в трех кварталах от Александрплаца.

Оставшись наедине с собой, он почти сутки провел за столом, то погружаясь в полупьяную дрёму, то вновь впадая в полутрезвые размышления. Но в обоих этих состояниях чувствовал себя препаскудно. Особенно в те минуты, когда генерал пехоты вдруг вспоминал, что ему следует отправляться куда-то туда, к австро-швейцарской границе, в роли палача.

С того часа, когда Бургдорф получил особое задание фюрера, действительно пошли уже вторые сутки. Однако его никто не торопил, не инструктировал, не вручал ампулы с ядом «гестапином», не подчинял ему бронемашины с солдатами ваффен-СС. Внемля совету Гиммлера, Он уже трижды связывался с квартирой члена Суда чести — генерала Майзеля, но этот праведник вдруг куда-то исчез. И Бургдорф с уверенностью впадающего в манию величия алкоголика начал подозревать, что вокруг него зреет заговор всеобщего презрения.

Подсунув жребий «убийцы фельдмаршала Роммеля», эта свора тотчас же отвернулась от него, оплела сетью молчания и

теперь предавала генерала-изгоя придворной — пока еще только придворной! — анафеме. Уж чему-чему, а этому в «Вольфшанце» научились.

Бургдорф, конечно же, завидовал славе Роммеля, вместе с которым когда-то начинал свою военную карьеру. Стиснув зубы от ярости, он следил за тем, как Роммеля осыпают чинами, должностями и наградами. Он готов был молиться на ту пулю или осколок, которые прервали бы восхождение «ливийского наполеончика». А сам терпеливо, с душевным трепетом, ждал, когда фюрер наконец заметит, что рядом с ним находится генерал, которому тоже можно доверить любую армию или даже группу армий; который достоин фельдмаршальского жезла не меньше, чем все эти Пуалюсы, Клюге, Роммели и Витцлебены. С той только разницей, что он, Бургдорф, никогда — даже в мыслях — не позволит себе предать фюрера, предать идею Третьего рейха. Но так уж случилось, что вспоминали о нём только тогда, когда в очередной раз нужен был широколампасный денщик.

Отсиживаясь в адъютантах Гитлера, Бургдорф, ясное дело, тоже бредил своим «Африканским корпусом», своим Дюнкерком, своим «штурмом Ленинграда». «На жизнь любого генерала, любого полководца выпадает одна-единственная битва, — исповедовался Бургдорф кристальной чистоте бокала, которая становится его звездном часом. — Судьба преподнесла тебе такое сражение. Она вознесла тебя на гребень власти, окутав мутной придворной пеной; дала тебе шанс добыть собственный маршальский жезл. Однако ты так ничего и не предпринял, чтобы дотянуться до него. А что теперь? Какова твоя должность: палач по особым поручениям? И это ты, генерал Бургдорф?!»

Мысленно произнеся свое определение: «Палач по особым поручениям», Бургдорф вздрогнул и испуганно оглянулся, словно опасался, что в комнате окажется кто-то, кто сумеет прочесть его мысли, а значит, навсегда закрепить за ним это прозвище, это клеймо — «Убийца по особым поручениям».

Телефонную трубку он снимал с твёрдым намерением приказать Майзелю отправляться в Герлинген, в имение Роммеля, и добиться «почетного ухода» фельдмаршала из жизни. Причём

сделать это любой ценой. Повелеть от имени фюрера, насильственно затолкать эту ампулу в рот Лиса Пустыни, пристрелить его, в конце концов, выдавая это убийство за самозащиту при попытке фельдмаршала выстрелить первым...

Бургдорф намерен был нажать на Майзеля, ссылаясь на волю Гиммлера и самого фюрера, а там уж будь что будет... Вот только телефон ангела из Суда офицерской чести опять предательски молчал. Предательски... молчал!

«Нет, — продолжил свою исповедь адъютант фюрера, — кем бы и каким образом ты ни вошёл в историю этой войны, ты ни в коем случае не должен остаться в ней «убийцей Роммеля». Пусть «несостоявшийся генерал пехоты», как назвал Бургдорфа один из завистников, пусть «самый обласканный фюрером неудачник», как позволил себе однажды выразиться «гестаповский Мюллер», но только не убийца Роммеля.»

— Что-то произошло, наш генерал? — появилась в проёме двери двадцативосьмилетняя хозяйка квартиры.

На тридцатом году жизни ее муж умудрился дослужиться до генерал-майора артиллерии, а через две недели после получения этого чина, переброшенный из Франции под Ленинград, скончался от прободения самого банального аппендицита. Вильгельму достаточно было вспомнить о дичайшей несправедливости судьбы по отношению к этому генералу, чтобы все его собственные неудачи и огорчения показались всего лишь мелким недоразумением. А забывать о смерти этого генерала не позволяла сама Альбина Крайдер, иронически называвшая себя не иначе как «Двухнедельной Генеральшей».

— Произошло, фрау Крайдер, только очень давно.

— И всё же вы чем-то расстроены, наш генерал Бургдорф, — не унималась Двухнедельная Генеральша. Вот уже почти год генерал квартирует у этой миловидной женщины, и всё это время она обращается только так: «наш генерал», а чаще — «наш генерал Бургдорф», как ей когда-то представил будущего квартиранта посыльный из штаба Главного квартирмейстера вермахта.

— Не расстроен, а растроган. Вашей заботой, Альбина.

Состояние, оставленное родителями, пенсия мужа, о котором она никогда не скорбела, и, наконец, служба в каком-то министерстве, куда её лишь недавно пристроили и где она обычно проводила не более трёх часов... Всё это позволяло не очень-то красивой, но, несомненно, удачливой, как считал Бургдорф, женщине даже сейчас, в трудное военное время, жить безбедно и почти беззаботно да еще с определенным налётом салонной великосветскости.

Она поставила на стол чашку с настоящим бразильским кофе, который добывала через подругу, работавшую в каком-то посольстве, и остановилась у самых колен Бургдорфа. По опыту генерал уже знал, что под легким японским халатиком у неё, скорее всего, уже ничего из одежды нет. И что стоит ему притронуться к талии — как Альбина тотчас же оседлает его колено и, выпятив ещё по-девичьи упругие, не знавшие губ младенца груди, будет настойчиво вымаливать его поцелуй.

Постельную близость с мужчиной как таковую Альбина почему-то презирала. Брать её генералу всегда приходилось так, словно решился насиловать старую, в молитвах и мнимом безгрешии закоренелую монахиню. Зато наслаждаться её вызывающе упругой грудью мог сколько угодно. Сжимая ногами колено мужчины и прижимая к груди его голову, хозяйка квартиры способна была доводить себя до такого экстаза, которого никогда, ни с одним мужчиной не познавала в постели.

Альбина и в этот раз потёрлась пухлыми коленками о его колени, наклонилась так, чтобы полы халатика распахнулись, и взору мужчины явилась её грудь... Но в ту самую минуту, когда Вильгельм хотел было дотянуться губами до одной из них, сознание его вдруг пронзило невесть откуда зарождавшееся определение: «Вдова! Генеральская вдова!».

— Ну же, наш генерал, ну!.. — настойчиво подбадривала Альбина, жеманно изгибаясь и пытаясь пробиться коленкой между его колен. — Что вы медлите? — соблазнительно поигрывала она персами с розовато-пепельными сосками.

«Вдова! Завтра одной генерал-фельдмаршальской вдовой — фрау Роммель — в Германии станет больше! — Бургдорф по-

вертел головой, пытаясь развеять нахлынувшее наваждение и вспомнить, что перед ним отдающая себя женщина. Она рядом. Как рядышком и её все ещё не одрябшая шея, торчащие в разные стороны груди, похотливо оголённые и раздвинутые ноги, которыми он бредил всю прошлую ночь... — Вдова!» — подумал он с тем же отвращением, какое обычно ощущал, сидя за столом во время поминального обеда.

Брезгливость его не знала предела. Не существовало такой еды и такого ощущения голода, которые могли бы заставить его на поминках отважиться хотя бы на один глоток.

— Да сегодня вы сам не свой. Вы что — не в седле, наш генерал Бургдорф?

— Вы правы, Альбина, не в седле, скорее на лафете, — вспомнил он, что муж её был артиллеристом.

— На лафете обычно хоронят, генерал Бургдорф, — с неоправданно игривой улыбкой напомнила ему Альбина.

— Именно этот ритуал я и имел в виду.

— На лафете уже хоронят, наш генерал Бургдорф. А я всё ещё полна нежности. Причём такой нежности, что, кажется, вот-вот готова родить, прямо сейчас, стоя перед вами, а ещё лучше — прямо в ваших объятиях.

— Только не это, — брезгливо поморщился Вильгельм. — Мысль по поводу лафета мне куда ближе и доступнее, — вновь прибег он к своему ритуальному юмору.

— А ведь ради вас я отпросилась сегодня у своего прямого шефа — заместителя министра, наш генерал Бургдорф, — с укором проговорила Крайдер, то напористо наплывая на него всем своим налитым телом, то сладострастно отдаляясь.

Когда она входила в эротический азарт, оттолкнуть её словом или рукой уже было невозможно. Генерал не сомневался, что вдова и в самом деле отпросилась у своего начальника, чтобы примчаться сюда на его же машине. И прибегла к этому грубейшему нарушению служебной дисциплины ради него, ради них обоих. Но что-то у него сегодня не складывалось в отношениях с этой женщиной.

Правда, под всё то же просительно-мяукающее «наш генерал Бургдорф, наш генерал Бургдорф...» рука Вильгельма всё же на-

чала блуждать по теплому бедру женщины, но в это время громом небесным разразился дверной колокольчик.

— Наверное, прибыл вестовой, с работы! — испуганно отпрянула от генерала Альбина и, уже не виляя бедрами и даже не шевеля плечами, словно кадет на смотровом плацу, двинулась к двери.

«Идиот! — наградил себя за многотерпимое упрямство Бургдорф. — Ради чего?! Всю эту ночь опять будешь грезить её грудью и пухленькими ножками!».

Кто бы мог поверить, что за всё время своего квартирантства, постоянно оставаясь один на один со столь молодой женщиной, он так и не сумел провести с ней в постели ни одной ночи. Любовью они занимались только здесь, в его кресле или на диване, в какой-то странной спешке и нервозности, словно бы опасаясь, что из соседней комнаты вот-вот ворвется кто-то посторонний. По вечерам же Альбина закрывала дверь своей спальни и отстаивала её неприкосновенность как последний защитник — ворота осаждённой цитадели. Уходя на работу, она тоже закрывала спальню на ключ, так ни разу и не позволив Бургдорфу переступить её порог.

— Прощаясь с мужем в последний раз, я поклялась, что ни один мужчина в спальню нашу не ступит, — жёстко объяснила она, отбивая первый, самый бурный натиск генерал-квартиранта.

— Что, вообще никогда?! — не поверил её исповеди Бургдорф.

— Когда-нибудь, возможно, я позволю себе нарушить этот обет.

— Тогда в чём дело? Самое время.

— О нет! Не менее чем через три года после смерти, и только с человеком, который со мной венчается.

— Могу себе представить, с какой лёгкой душой умирал ваш непоколебимый генерал.

К счастью, строгость её клятвы дальше спальни не распространялась, поэтому они с успехом предавались греховным утехам в его комнате, на кухне, в гостиной, в ванной, а однажды ночью умудрились познать их даже на балконе, рискуя перевалиться через перила.

«... И всё же, вдова! — с тоской обречённого подумал генерал, глядя ей вслед и прислушиваясь ко вновь ожившему голосу колокольчика. — Всего лишь вдова. Пусть даже и Двухнедельная Генеральша...».

12

Запрокинув голову, Скорцени погрузил взор в космическую глубину Вселенной, пытаясь вырваться из потока земной суеты и заземлённых мыслей. В эти минуты он чувствовал себя моряком, стоящим на носу корабля, уходящего в мрачную черноту тайфуна. Он мечтательно погружался в погибельную вечность, так и не осмыслив до конца свой земной путь и не отмолив греха перед путем, ведущим в иные миры.

— Скорцени! — Штурмбаннфюрер мгновенно вернулся на землю и, инстинктивно рванув кобуру, оглянулся. — Где вы, Скорцени?

«Лилия Фройнштаг?! — вспыхнула свеча надежды в его сознании. — Не может такого быть! Откуда ей взяться?!»

И всё же этот едва слышимый вкрадчивый голос принадлежал женщине и, чуть повернув голову, Отто увидел, что она стоит у двери, не решаясь ни войти, ни удалиться.

— Вы, синьора Петаччи?! — вернулся он в комнату.

— Можете считать, что не я. Настоящая Петаччи не решилась бы войти к вам в столь поздний час.

— Не будем загадывать. Тем более что вы, синьора Петаччи, все же решились. Вино, коньяк, шнапс?

— Что вы?! Ничего, абсолютно ничего, — почти испуганно проговорила наложница великого дуче.

— Почему столь безнадёжно?

— Хотите, чтобы Бенито догадался, что я побывала у вас? Ночью. И мы распивали вино.

— Если ему донесут об этом, скажу, что у него неверная информация: вместо вина мы пили коньяк. — В подтверждение столь глубокомысленной шутки, штурмбаннфюрер и в самом деле достал еще одну рюмочку и обе наполнил коньяком. — Кстати, коньяк греческий, однако не волнуйтесь, Бенито об этом не узна-

ет, — уже откровенно подтрунивал первый диверсант рейха над своей поздней гостьей. — Иначе не простит нам измены. С Грецией, насколько я понял, у дуче особенно натянутые отношения.

— Вы правы, в Греции он потерпел сокрушительнейшее поражение. Хотя Бенито очень хотелось, чтобы Эллада наконец-то была покорена нами, римлянами. Раз и навсегда

— Какая возвышенная мечта: покончить с Элладой! С самой Элладой! Навсегда. Помнится, в своё время об этом мечтал ещё Александр Македонский. — Повелительным движением руки Скорцени предложил Кларете место за столом, напротив себя, и тоже сел.— Но кончилось-то всё тем, что сам объявил себя эллином и чувствовал себя при этом на седьмом небе.

— Не советовала бы вам расточать поучительность этой притчи в присутствии самого Бенито, — с мольбой в глазах проговорила любовница вождя итальянцев. — Стоит ли смазывать раны горчицей и посыпать молотым перцем?

— Она рассказана исключительно для вас, — в коридоре послышались чьи-то шаги; Кларета и Скорцени тотчас же умолкли и прислушались».

«Ситуация и в самом деле странная, — сказал себе Скорцени. — Между нами еще абсолютно ничего не было, а мы уже начинаем вести себя, как любовники. Семейным скандалом здесь явно не обойдётся, политическим — тоже. Муссолини может прийти в ярость.»

* * *

К счастью, шаги стали удаляться. Очевидно, это прошел кто-то из обслуживающего персонала, не слишком обременявший себя слежкой за дучеиаложницей. Судя по всему, Еве Браун не повезло: в Бергхофе этот процесс был налажен строже.

Убедившись, что опасность миновала, Кларета храбро опустошила свою рюмку и, пробормотав: «Лучше бы позаботились о чашке кофе», подняла глаза, чтобы встретиться взглядом со Скорцени.

Меньше всего Отто хотелось сейчас, чтобы её визит завершился любовной сценой или хотя бы интимными намёками на

будущую дружбу. При всей несомненной очаровательности Клареты, никаких особых чувств она не вызывала. Во всяком случае, таких, ради которых можно было бы терять голову вместе с портупеей.

— Вы, очевидно, догадываетесь, почему я решилась прийти к вам, господин Скорцени?

— Понятия не имею, — ответил тот, наивно глядя прямо в её бирюзовые глазки. — Но ведь вы объясните, не правда ли?

— Хочу, чтобы как можно скорее уехали отсюда.

Скорцени снисходительно рассмеялся.

— Вас это очень удивит, досточтимая синьора, но я стремлюсь к тому же.

— Причем уехали навсегда.

— Это произойдет завтра же. Или, может быть, настаиваете на немедленном выезде?

— Вы отлично понимаете, что я имею в виду, — молвила Кларета, несколько обиженная тем, что Скорцени даже не пытается установить истинную причину её атаки. — Мы, то есть я и те, кто разделяет мои взгляды, не желаем, чтобы вы когда-либо возвращались сюда.

— За что такая несправедливая жестокость? — рассмеялся обер-диверсант рейха. — Вам не кажется, что это уже похоже на политическое изгнание?

— Впредь вы не должны появляться здесь ни для того, чтобы возглавить службу безопасности Итальянской Фашистской республики, ни для того, чтобы стать командующим карабинёров.

— А что, кто-то решился предположить, что я появлялся только для того, чтобы возглавить одну из названных служб? Кого именно вы имели в виду, когда говорили о людях, разделяющих ваши взгляды? Что это за взгляды такие и кто эти люди? — уточнил Скорцени в откровенно издевательском тоне.

— Да, те, кто разделяет... — глаза Клареты сузились, и в них появился азартный блеск игрока, идущего ва-банк.

«А ведь это не пустая угроза, — понял Скорцени. — Судя по всему, Кларета явилась сюда не только из-за собственных предчувствий». Но вместо того, чтобы тотчас же развеять все подозрения синьоры

Петаччи, он решил продолжить этот странный диалог в прежнем духе. Но вовсе не для того, чтобы поиграть ей на нервах. Скорцени стремился понять, кто реально стоит за наложницей дуче: придворные вождя или же обергруппенфюрер Карл Вольф — наместник фюрера в Италии, бывший адъютант Гиммлера?

А что, всё может быть. Столь радушно принимавший его в своей ставке в прошлый раз, когда Скорцени занимался освобождением дуче, генерал-полковник СС Вольф воспринимал теперь его появление в Италии как личную угрозу своему авторитету. Обергруппенфюрер понимал: если Скорцени придётся дуче по душе, он может потребовать у фюрера убрать его, Вольфа, чтобы назначить на пост «высшего фюрера СС и полиции в Италии»[1] своего спасителя. С повышением в чине, ясное дело. А такое восхождение «героя нации» на вершины власти в Италии Карл Вольф допустить не мог. Он и сам уже мнил себя чуть ли не великим дуче Италии.

— Так чем же все-таки вызвано ваше, ну, скажем так... предложение?

— Понимаю, вам неприятно выслушивать его.

— Не скрою, неприятно, дьявол меня расстреляй. В конце концов, я уже умудрился кое-что сделать для того, чтобы вы и ваш дуче наслаждались в эти дни красотами пейзажа в окрестностях виллы «Фельтринелли», а не томились в римской тюрьме в ожидании приговора и казни.

— Не обозляйтесь, Скорцени, не обозляйтесь, — вдруг миролюбиво протянула она ему свою рюмку, которую мужчина должен был наполнить. О том, что Кларета любила и умела выпить, он знал давно. Теперь ему, очевидно, предстояло убедиться в этом. — Я вовсе не собираюсь шантажировать вас.

— Напрасно. Не откажите себе в таком удовольствии, дьявол меня расстреляй.

— Мы с дуче ценим всё то, что вы сделали для его освобождения.

---

[1] Высший фюрер СС и полиции в Италии — именно таковой была официальная должность наместника фюрера в Италии обергруппенфюрера СС Карла Вольфа. — *Примеч. авт.*

— Все мыслимые виды благодарности я уже выслушал от самого Муссолини и его супруги, — «не отказал себе в удовольствии» теперь уже сам Скорцени.

— Вы жестокий человек, — потупила взор Кларета. Однако в этот раз залпом опустошать рюмку не решилась. — Крайне жестокий. Впрочем, я к этому привыкла.

— Как и я — к шантажу. Кстати, не вздумает ли сеньор Муссолини отправиться на поиски вас, синьора?

— Вполне возможно. Сейчас это уже не имеет значения.

«А ведь еще две минуты назад она опасалась этого. Когда же прозвучала ложь? И вообще странно. Не допустить ли, что Кларета явилась по просьбе самого Муссолини, который вдруг передумал восторгаться моим появлением здесь? Правда, я не давал ему никаких обещаний, тем не менее...»

— Буду предельно краткой. Если вы окажетесь достаточно внимательным, то очень скоро поймете, что я имею в виду.

— Начинайте свои псалмопения, Кларета, начинайте, — грубовато согласился Скорцени. Он не любил, когда в его присутствии затевали подобные разговоры. Да к тому же не сами правители, а их любовницы.

— «Псалмопения»? — мягко возмутилась Петаччи.— Впрочем, может, и псалмопения. Хотя никому другому я бы этого выражения не простила. — Ни один мускул на лице Скорцени не дрогнул. Он был весь внимание. — Мы ценим ваши заслуги, Скорцени; вы талантливый диверсант...

— Обойдемся без комплиментов.

— Не мешайте мне! — по-детски обиделась Кларета. — Дайте высказать то и так, как я себе это представляю.

Скорцени демонстративно сжал губы и столь же демонстративно кивнул в знак согласия и покорности.

— Никто не сомневается, что вы будете служить дуче так же преданно, как служите фюреру Германии. — «Никто, кроме меня самого!», — хотелось выпалить Скорцени. — Но моя просьба связана вот с чем. Если вы останетесь здесь, синьор Муссолини как бы окажется в тени вашей славы. Да, к вам потянутся офицеры, генералитет, наши местные германцы. Вас будет обхаживать

местная пресса. Но подумайте, каково при этом самому Бенито, вашему вечному должнику, которого вы спасли, похитив с вершины Абруццо? В состоянии ли он в вашем присутствии чувствовать себя фюрером Италии?

— Не в состоянии, — с убийственной решительностью заверил Скорцени. — Можете в этом не сомневаться.

И опять Кларете понадобилась целая вечность, чтобы как-то прийти в себя.

— В таком случае мы, кажется, начинаем понимать друг друга, — растерянно проговорила она.

— Это вовсе не так сложно, как вам кажется, синьора Петаччи. — Итальянка непонимающе взглянула на штурмбаннфюрера. — Вам, очевидно, доложили, что я дал согласие остаться в Италии, чтобы возглавить службу безопасности?

— Получив при этом чин генерала.

— Вы знаете об этом со слов самого дуче?

— Нет, что вы!

— В таком случае немедленно смените своих информаторов, дьявол меня расстреляй! Сегодня же смените их! Это не информаторы, а крысоловы. Зная об этом моем мнимом согласии, вы и пришли сюда. Вы не ослышались, я сказал: «Мнимом». Поскольку на самом деле я решительно отверг предложение дуче остаться в Северной Италии. Вы что, даже не догадывались об этом?

— Если говорить честно, то, как я теперь понимаю, меня грубо ввели в заблуждение, — едва слышно и почти невнятно пролепетала Кларета.

— А ведь заместитель министра внутренних дел Италии Гуиди Буффарини возлагал на вас большие надежды, считая при этом, что у вас идеальная сеть личных информаторов.

— Не понимаю, о чем вы говорите, штурмбаннфюрер.

— О том, что для меня не составляет секрета тот факт, что в течение нескольких лет вы шпионили за Муссолини. Не сомневаюсь, что и сейчас продолжаете заниматься этим же. Только раньше вы делали это по настоянию заместителя министра внутренних дел Италии синьора Буффарини.

— Причем здесь Буффарини?! — пыталась остановить его дуче-наложница.

— Чье задание вы сейчас выполняете, пока не знаю. Но узнаю не позже, чем через двое суток. Мои люди уже заняты этим.

Скорцени заметил, как побледнело и исказилось в гримасе лицо Клареты. Такого удара она явно не ожидала.

— Кажется, только что вы упомянули имя заместителя министра.

— Станете доказывать, что упомянул всуе?

— Как вам стало известно о наших... ну, скажем так, связях?

— Другая на вашем месте всё же стала бы упорно отрицать, — поиграл желваками Скорцени. — Вы мужественная женщина. Другое дело, что вопрос ваш слишком уж наивен. Я ведь не просто обвинил вас в шпионаже[1]. Но и назвал того, по чьему приказу вы действовали. Какие еще разъяснения здесь нужны?

— Но Буффарини, надеюсь, не работал на английскую разведку или разведку американцев?

— Прямых доказательств такого сотрудничества у меня пока что нет.

— Значит, не сотрудничал, — поспешила облегчённо вздохнуть Кларета. — Вы правы: я действительно время от времени информировала заместителя министра внутренних дел. Но поверьте, делала это исключительно в интересах самого Муссолини.

— В каких таких интересах дуче вы действовали, донося обо всех его действиях министерскому чиновнику?! — изумился Скорцени.

— В интересах его безопасности. Зная о тех или иных планах и намерениях Бенито, в министерстве могли вовремя принимать нужные меры для обеспечения его безопасности.

— И вас сумели убедить в этом? — расхохотался Скорцени, да так, что люстра в комнате замузицировала, как расстроенный орган.

---

[1] Исторический факт. По некоторым сведениям, Кларета Петаччи действительно шпионила за своим любовником, донося заместителю министра внутренних дел Италии о каждом его намерении, каждом решении, каждом государственно-политическом шаге. Кстати, это предательство вовсе не мешало Кларете искренне любить Муссолини, который, судя по всему, так и ушёл из жизни, не узнав о её двурушничестве. — *Примеч. авт.*

— Так мне было сказано.

— Вам что — действительно сумели внушить, что шпионаж за дуче — в интересах его безопасности?!

— Разве это не так? — по тому, насколько простодушно Кларета спросила об этом, Скорцени определил, что она не притворяется. Всё так и произошло — сумели убедить.

— Ладно, синьора Петаччи, не стану разочаровывать вас. А что касается ваших доносов, то пусть синьор Муссолини сам разбирается с вами.

— Надеюсь, пока что вы не говорили с ним на эту тему?

— Разве что меня сумели бы убедить, что убийственный донос на вас послужит вашей же безопасности, — саркастически осклабился Скорцени.

— Безжалостный вы человек, штурмбаннфюрер.

— Завтра же этот безжалостный человек покидает ставку дуче и отправляется в Германию. У меня и в мыслях не было оставаться в вашей благословенной Богом и великим дуче республике. Даже если бы мне присвоили здесь чин фельдмаршала и предложили прокатиться по Риму в коляске триумфатора. Я достаточно убедительно развеиваю ваши подозрения?

— А как же Корсика? — вдруг решительно сменила тему Кларета, заставив Скорцени замереть с приоткрытым ртом.

Несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу, как при игре «Кто моргнет первым?».

«Неужели ей стало известно об операции «Бристольская дева»[1]? — не поверил этому намёку дуче-наложницы Отто Скорцени. — Откуда ей знать об организации поисков сокровищ Роммеля?!»

13

— Как оказалось, это пришли к вам, наш генерал Бургдорф.

— Я никого не ждал, — проворчал адъютант фюрера, недовольный тем, что кто-то осмелился прервать его любовные игры с «Двухнедельной Генеральшей».

---

[1] Такое кодовое название получила операция по переброске африканских сокровищ Роммеля из Северной Африки в Европу в романе «Жребий вечности». — *Примеч. авт.*

— Увы, гости бывают и незваными. — За спиной Альбины Крайдер стоял мужчина лет пятидесяти, в черном, небрежно обвисающем костюме, необыкновенно высокий и тощий. И с таким же — сверхскорбным лицом агента похоронного бюро.

— Незваных нужно расстреливать прямо на пороге. Однако вас это пока что не касается, поэтому проходите, кто бы вы ни были.

Он ожидал, что вошедший представится, но тот спокойно отстранил вдову, прошёл в комнату Бургдорфа и закрыл за собой дверь перед самым носом Альбины.

— Что, собственно, происходит? — откинулся в кресле генерал, так и не поднявшись навстречу гостю.

— На людях я появляюсь редко, но там, где я всё же появляюсь, обычно уже ничего не происходит.

— Это кому же удалось вас в этом убедить? — язвительно поинтересовался адъютант фюрера.

— Напротив, это я сумел убедить в этом всех остальных.

— Тогда кто вы?

— Важно не то, как меня зовут, а то, откуда я. Как вы уже могли догадаться, из гестапо. По личному приказу... Впрочем, это уже не имеет значения. Я специалист, — пришелец оглянулся на дверь и, слегка приглушив голос, уточнил: — специалист по ампулам.

— Специалист по чему?

— По ампулам. — «Черный человек», как назвал его про себя генерал, полез во внутренний карман пиджака, достал кожаный мешочек, прикреплённый к подкладке золотистой цепочкой, и извлёк из него небольшую, продолговатую, похожую на леденец, ампулку.

— Это для меня? — спазматически сжалось горло генерала.

— Разве не вы генерал Бургдорф?

— Что неоспоримо.

— Адъютант фюрера?

— Что еще более неоспоримо.

— Тогда это вам. Как приказано. Совершенно новый состав. — Черный человек приподнял ампулу на уровень глаз и зажал её

между большим и указательным пальцем, словно ювелир — бриллиант на сорок каратов. — То есть в основе яда всё тот же веками испытанный цианистый калий, однако с некоторыми примесями, дарящими малиновый привкус.

— Какой-какой привкус?!

— Ну, такой, специфический, как бы малиновый... — неуверенно принялся объяснять гестаповец.

— Почему... малиновый, — пробормотал Бургдорф, — если он должен быть малиново-жасминным?

— Чем вас не устраивает малиновый, господин генерал?! — искренне возмутился специалист по ампулам. — Что за странная привередливость? И потом, яд, как известно, изобретают не для гурманов.

— Не знаю, не знаю. Но сказано было, что основным признаком нового яда является малиново-жасминный привкус.

— Да плевать мне на такие тонкости! Тоже мне придумали: «малиново-жасминный»! Дегустаторы чёртовы! Какая разница? По-моему, вполне деликатный вкус.

— Даже де-ли-кат-ный?

— И мгновенная, почти без мучений, смерть. Плюс весьма проблематичный диагноз при вскрытии. Особенно в провинциальной больнице, где нет соответствующей лаборатории. «Да ведь это же не для тебя, а для Роммеля, — только сейчас пришёл в себя Бургдорф. — Пока что — для Роммеля. Тебе же подсунут первую попавшуюся, безо всякого там малиново-жасминного привкуса».

— Кстати, вы знаете, для кого именно предназначается эта ваша ампула?

Черный Человек замялся, и впервые на его лице появилось нечто такое, что свидетельствовало о попытке осмыслить происходящее.

— До этой минуты я считал, что для вас, господин генерал.

— Что?! Вы всё же принесли эту ампулу для меня?

— Я так считал. Но теперь понял, что ошибался. Впрочем, у нас в лаборатории не принято интересоваться именем потреби-

теля. Вам как адъютанту фюрера могу сказать только, что приказано изготовить две таких ампулы.

— И кто же этот второй «счастливчик»?

— Я ведь и первого пока что не знаю.

— Вам его лучше не знать.

Брови Чёрного Человека медленно поползли вверх. По движению его губ Бургдорф уловил, что тот порывается произнести имя предполагаемого «потребителя», но так и не решается. Бургдорфу показалось, что гестаповец хотел назвать имя рейхсфюрера СС, однако вымолвить его так и не сумел.

В их разговор вклинился гул авиационных моторов и пальба расположенной неподалеку зенитной батареи. Однако прислушивались к ним генерал и гестаповец без страха и даже без любопытства, слишком уж привычными стали налёты вражеской авиации. Тем более что на сей раз самолёты прошли стороной, обходя этот неплохо прикрытый с земли пригород Берлина.

— Однако вернемся к ампуле, — решил алхимик из гестапо завершить свой инструктаж, как только бомбардировщики стали удаляться. — Раскусывается она легко, с первого раза, а парализует почти мгновенно, — расхваливал он свой замогильный товар. — Оболочка здесь из особого стекла, которое прорывается, точнее, прокусывается, а не рассыпается на мелкие осколки. Такую ампулу легко обнаружить, чтобы удалить, не оставляя никаких следов отравления. С мелкими осколками, как вы понимаете, всё намного сложнее.

— И никаких других ощущений, кроме малинового привкуса? — спросил генерал с любопытством висельника, интересующегося у своего палача надёжностью верёвки.

— Никаких. Кстати, вы правы, один из подопытных самоубийц действительно определил этот привкус как малиново-жасминный. Как я потом выяснил, до войны он был дегустатором французских духов.

— Теперь понятно: возражая против «жасминности» привкуса, вам хотелось уйти от воспоминаний об этом французе, дегустаторе духов?

Гестаповец слегка замялся и, пожав плечами, ответил:

— Человек, раскусывающий ампулу, начинённую цианистым калием, вряд ли станет вдаваться в подобные вкусовые изыски. Но если нашим потребителем решитесь стать лично вы...

— ...То уж для меня вы по-дружески постараетесь.

— По особому заказу. Хотя торопиться не советую...

— Нетрудно предположить, — резко прервал его Бургдорф, не желая прислушиваться к его советам, — что самоубийце будет не до вкуса и запахов яда.

Почувствовав, что генерал так и не решится взять с его ладони ампулу, гестаповец из «Особой химической лаборатории Мюллера» осторожно, словно крупицу золота, положил своё детище на стол и, щелкнув каблуками, молча вышел из комнаты. Не забыв при этом вновь закрыть за собой дверь.

14

— Так почему вдруг вы упомянули Корсику, синьора Петаччи? — как бы игриво, ненавязчиво поинтересовался Скорцени. — Разве с этим островом у вас связаны некие романтические воспоминания?

Опять несколько мгновений выжидающего молчания.

— Связаны, да только не мои. И не столько воспоминания, сколько блистательные грёзы. Мне стало известно, что Муссолини намерен еще раз встретиться с вами. С глазу на глаз. И собирается уже более решительно предложить вам остаться здесь. Пусть даже, для начала, при штабе генерала Вольфа. Кстати, *генерал СС Вольф не возражает.*

— Исключено, — буквально прорычал Скорцени своим камнедробильным басом.

— Тем не менее, сегодня он говорил по этому поводу с «Вольф-шанце».

— Муссолини или Вольф?

— Муссолини, естественно. Подробностей не знаю, но ясно, что речь шла о вас.

«Об операции «Бристольская дева» обергруппенфюреру ничего не известно, — лихорадочно соображал Скорцени. — Во вся-

ком случае, на первом этапе, на этапе самих поисков, он не должен был знать о ней. Тогда откуда утечка информации?».

Еще раз прислушайтесь к доброму совету, синьора Петаччи, смените своих информаторов. Что же касается упомянутого вами разговора Муссолини, только не с Вольфшанце», а с Берлином, то по моей просьбе он договорился с Кальтенбруннером о том, что мне будет предоставлено еще несколько суток для небольшой развлекательной поездки.

— На Корсику, — игриво повела бедрами итальянка. — Обожаю этот остров, ведь это родина Бонапарта.

— Правда, звонить должен был не сам дуче, а кто-то из адъютантов или секретарей.

— Якобы для того, чтобы оставить вас при ставке дуче. Но это так, для дезинформации противника. На самом же деле вас, как никогда раньше, тянет на Корсику, обер-диверсант рейха, туда, поближе... Впрочем, чувствую, что к серьезному разговору на эту тему вы пока что не готовы, — сжалилась над ним Кларета. — Поэтому вернёмся к дуче. Вы согласны со мной? — потянулась через стол Кларета, примирительно прикасаясь пальцами к его руке. Это был жест мольбы.

— В чём?

— В том, что у Италии должен быть один «герой нации». Только один. И этим героем навсегда должен остаться дуче Муссолини.

— А почему вас вдруг так заклинило на его героизме, Кларета? Что происходит?!

— Видите ли, сейчас, когда мы оказались вне стен Рима, приходится учитывать буквально всё, любое обстоятельство, на которое в былые времена, возможно, никто и не обратил бы внимания. Теперь же мы, по существу, являемся изгнанниками Рима. — Женщина вновь притронулась кончиками пальцев к руке штурмбаннфюрера, в которой он держал рюмку с коньяком, и грустно, с извиняющимся видом, улыбнулась.

— Но и в Риме кое-кто тоже чувствует себя изгнанником.

— Уже нет, — решительно и жестко возразила Кларета. —Ситуация изменилась. Теперь те, в Риме, чувствуют себя в седле, так

что мы свое время упустили. Хотя поначалу, когда дуче только вернулся в Италию после побега из горнолыжного отеля «Кампо Императоре», при дворе короля царило полное смятение. Время настолько упущено, штурмбаннфюрер, что теперь уже мы вынуждены говорить самим себе правду.

Кларета поднялась, и Скорцени направился вслед за ней, чтобы проводить. Однако у двери, ведущей в гостиную, женщина так резко и неожиданно остановилась, что чуть было не уткнулась в грудь Отто.

— Только ради бога, не увлекайтесь, Скорцени! — страх, с которым она взмолилась об этом, не мог быть поддельным. — Вы же понимаете, что здесь это ни к чему не приведет, — почти шепотом доверилась она гостю. Здесь — ни к чему. Конечно, можно было бы рискнуть...

— Можно было бы?

— А что — нет? У наших офицеров это называется: «Походный вариант»... Когда они предаются ласкам с женщинами при любых возможных условиях. У вас это называется по-иному? — Не ожидая ответа, женщина вновь сдержанно улыбнулась и едва заметным движением провела пальцами по его руке.

— Походная любовь везде называется походной.

«Кажется, она у меня доиграется! — мелькнуло в возбужденном сознании Скорцени. — Это будет один из самых походных, прямо таки маршевых вариантов...».

— К тому же опасность исходит не только от Муссолини. Мне известно, какие чувства испытывает к вам княгиня Сардони.

Скорцени наткнулся на её слова, как на копье телохранителя, и замер. Кларета заметила это, реакция мужчины явно импонировала ей.

— Княгиня Сардони?

— Мария-Виктория, — с кокетливым ехидством подтвердила наложница несостоявшегося властелина мира. Но при этом игриво скосила глазки, давая понять, что с её стороны тайна сия разглашению не подлежит.

— А что, собственно, вам известно о княгине Сардони? — насторожился штурмбаннфюрер.

— Всё, — победно развела руками Кларета, с озорным триумфом взирая на поверженного диверсанта. — Абсолютно всё! Даже то, что княгиня, с которой вы сдружились еще во время операции по похищению Муссолини и с которой вместе готовили похищение папы римского, уже знает о вашем появлении здесь и очень надеется, что я сумею уговорить вас навестить виллу «Орнезия».

— Так это вы должны уговорить меня встретиться с княгиней Сардони?! — интрига, которая по всем канонам подобных встреч уже, казалось, давно исчерпала себя, теперь вдруг приобретала новый виток и совершенно иной сюжет.

— О том, каким несносным грубияном вы способны представать перед женщинами, княгиня мне уже поведала. Не пытайтесь выглядеть еще ужаснее.

— Она никогда не говорила, что дружна с вами. Хотя любая другая не удержалась бы, чтобы не похвастаться таким знакомством.

— Любая другая — да. Но не княгиня... — повертела головой Кларета. — Эта способна молчать.

— Уж не она ли исполняла роль связной между вами и заместителем министра внутренних дел?

— Наконец-то!

— О чем вы?

— Просто я давно ждала этого вопроса. Вы ведь спросили искренне?

— А как еще можно спрашивать о таком?

— Теперь я уверена, что это не княгиня Сардони выдала мою тайну.

— Какую еще тайну? — рассеянно спросил обер-диверсант рейха.

— Относительно информации, связанной с Муссолини.

— Не она, конечно. Да и виделись мы с ней давно. У меня появились более надёжные источники. Остальное вам известно.

— А вот мне она рассказала всё. Ну, почти всё, — тотчас же исправила свою оплошность Кларета. — Кое-что я, правда, узнала не по её воле.

— Что и заставило затем княгиню разоткровенничаться с вами. То есть вы сумели принудить её к этому.

— Вот видите, а вы ни с того ни с сего напали на меня: «Замените своих информаторов! Замените информаторов!». Оказывается, они тоже кое-чего стоят.

— Наше величие в непобедимости наших врагов. В непобедимости... побеждаемых нами врагов.

— Фюрер любит такие высказывания.

— Ничего подобного. «Наше величие — в непобедимости наших врагов!» — отныне это мой родовой девиз.

* * *

— Кто это приходил к вам, наш генерал? — возникла в проёме двери Альбина, как только провела гостя.

— Бывший сослуживец. Решил проведать.

— «Бывший сослуживец» из гестапо, решивший проведать, чтобы любезно вручить вам ампулу с ядом, — почти злорадно прокомментировала «Двухнедельная Генеральша».

— О чем это вы, фрау Крайдер?!

— Я была в коморке, что за стеной, с которой начинается чёрный ход. За этой хилой стенкой слышимость лучше, чем если бы я была рядом с вами, в комнате.

— Вот оно что, — вяло отреагировал Бургдорф, прекрасно понимая, что это уже не первый случай подслушивания. — Зря вы так рисковали. Представляете, что было бы, если бы гестаповец заподозрил вас в подслушивании? Если бы он изобличил вас?

— Он, естественно, негодовал бы, но вы-то за меня вступились бы, наш генерал Бургдорф.

— Вот оно, коварство женщины.

— Оказывается, вы уже дослужились до того, что к вам на дом доставляют ампулы с ядом, — не стала Альбина обсуждать с ним извечную легенду о непостижимом коварстве женщины.

— Ни о какой ампуле вы только что не слышали, фрау Крайдер, — смертельно побледнел адъютант фюрера. — А если случайно услышали, то сразу же забыли о ней.

— Не раньше, чем сумею убедиться, что она предназначена не для вас.

— Не для меня, естественно. А почему вы спрашиваете? Только что вы утверждали, что прекрасно слышали весь разговор.

— Преувеличивала. К тому же помешал налёт авиации, которой я всё ещё панически боюсь.

— Но теперь вы знаете, что смерть от яда меня не прельщает, — нервно заверил её Бургдорф. Еще несколько минут назад ему не хотелось выпускать из своих рук талию этой женщины, а теперь не мог дождаться, когда она исчезнет с глаз.

— Я действительно могу верить вам? — взволнованно, едва слышно, спросила Альбина.

— Кто заставляет вас верить или не верить? И вообще, причем здесь вы?

— Странный вопрос, наш генерал Бургдорф.

— Опасаетесь, что труп придётся выносить из вашего дома, со всеми неминуемыми хлопотами по поводу похорон? Успокойтесь, всё равно я раскусил бы эту ампулу вне вашей усадьбы.

— Я опасаюсь вовсе не этого, наш генерал, — вдова всё еще держалась довольно воинственно, и генерала это настораживало. — И не советую разговаривать со мной, как с деревенской домработницей. Кстати, в своём министерстве я ведаю секретной частью.

— Вот уж не смел бы предположить...

— Потому и ведаю, что не смеете даже предположить нечто подобное. И ещё должна предупредить: вы не знали о моей должности до сих пор, не должны знать и впредь.

Бургдорф конвульсивно глотнул воздух, словно только что вырвался из удавки, и, взяв ампулу, осторожно опустил её в нагрудный карман своего кителя.

«Малиново-жасминный привкус, видите ли! Вот, оказывается, каковым будет привкус почётной смерти героя Африки, народного маршала, а также кавалера Рыцарского креста и всех прочих высших наград рейха! Пусть попробует после этого не воспользоваться трудами специалистов из «Особой химической лаборатории Мюллера»! И ничего, что для облагораживания

привкуса понадобилось испытывать примесь к цианистому калию на дегустаторе французских духов! Специалист может погибнуть, главное, чтобы зря не погиб его талант».

— *Значит, вы не знаете в точности, кому предназначается эта* ампула, наш генерал Бургдорф?

— Не смотрите на меня такими испуганными глазами, фрау Крайдер. Когда ампулу вручают тому, кто на неё обречён, его заставляют раскусить, так сказать, в присутствии вестника смерти...

— Скажите уж «палача».

— Не ожесточайтесь, Альбина. Не забывайте, что все мы находимся на войне. Присутствие же вестника смерти необходимо для того, чтобы он мог окончательно удостовериться и со спокойной совестью доложить командованию о выполнении задания.

— Так объяснил этот гестаповец? Очевидно, этот момент я тоже прослушала.

— Ему ничего и не нужно было объяснять. Такова традиция.

— Я не слышала о таковой, — простодушно призналась вдова «двухнедельного». — Кто же тогда удостоен такой чести?

— Для меня важно знать, что вам, Альбина, очень не хочется, чтобы ампула предназначалась для меня.

Крайдер широким мужским шагом прошлась по комнате. Остановившись у столика, налила себе в рюмку коньяку и, лишь сделав пару небольших глотков, стоя спиной к Вильгельму, произнесла:

— Вы не совсем верно поняли меня, генерал Бургдорф. Я пока ещё в точности не знаю, кому предназначается эта порция яда, но, если говорить честно, теперь уже предпочла бы, чтобы предназначалась именно вам.

Только теперь генерал оторвался от своего кресла и удивленно уставился в затылок Альбины. Вот этого услышать от «Двухнедельной Генеральши» он не ожидал.

— Что-то я не пойму вас, фрау Крайдер. До сих пор мне казалось, что вы так же небезразличны ко мне, как и я — к вам.

— Только поэтому предпочла бы, чтобы вы ушли из жизни армейским генералом, а не имперским палачом. Лучше уж само-

му достойно уйти от пули или яда, чем представать перед германским народом каким-то там «вестником смерти». Что вы так смотрите на меня, генерал Бургдорф? Не смейте называть это жестокостью.

— В мыслях ничего подобного не было, фрау Крайдер. Это уже не жестокость, это мудрость.

15

Они вышли из здания и ступили на аллею, ведущую к курсантской казарме Фридентальских диверсионных курсов, чуть в стороне от которой, за холмистой частью парка, начинался небольшой учебный полигон. Две шеренги могучих клёнов выстроились по обе стороны её, как молчаливые воины охраны. В зеркале небольшого озерца скупо отражалась синяя туча, очертаниями своими напоминавшая обрубленный с носа парусник, с рухнувшей на корму мачтой. А чуть дальше — учебные вышки охраны, учебные блиндажи, к которым следовало подкрадываться, чтобы затем, без единого выстрела, уничтожать всех их обитателей; учебный «железнодорожный переезд» и шлагбаум на «шоссейной дороге»...

Словом, весь тот набор реальной фронтовой жизни, который всем курсантам, уже имевшим за спиной годы горького окопного опыта, приходилось осваивать заново с помощью ножа, мины, удавки, а главное, звериного оскала сражающегося не на жизнь, а насмерть диверсанта.

На полигоне Скорцени и полковнику Курбатову представили только вчера сформированный отряд коммандос-славян, состоявший в основном из успевших зарекомендовать себя в зондеркомандах и карательных полицейских ротах: русских, украинцев, поляков и белорусов, а также из хорватов и сербов, в своё время сражавшихся в рядах четников и усташей. Кроме того, среди курсантов нетрудно было обнаружить проходивших здесь специальную подготовку словенцев, болгар, чехов, словаков, боснийцев, македонцев и черногорцев, причём для многих из них это уже была вторая, а то и третья диверсионная школа.

Курбатов молча обходил их строй, внимательно всматриваясь в лицо каждого из новоиспеченных «фридентальцев», словно

пытался признать в них хотя бы одного из бойцов своей группы «Маньчжурских легионеров». Что толкнуло их всех на диверсионную тропу? И есть ли среди них хотя бы один диверсант не по воле случая, а по призванию?

— Кто из вас уже успел понять, что оказался в этой школе случайно? — не удержался он, завершив осмотр и встав рядом со Скорцени. — Есть среди вас такие? — повторил он свой вопрос по-немецки.

— В этом строю стоят воины, готовые сражаться за свою Родину, — ответил офицер из хорватского отделения. — Каждый — за свою Родину. Независимо от того, будут они подготовлены в этой школе или вообще нигде не подготовлены.

Услышав этот ответ, Скорцени едва заметно улыбнулся и приказал командиру роты оберштурмфюреру СС увести курсантов на полигон, чтобы начать тренировки.

— Хотя нужно учесть: эти люди решились на подготовку во Фридентале, уже понимая, что война вот-вот закончится, — как бы излил вслух свои сомнения полковник Курбатов.

— Поэтому-то зря вы и смотрели на них с такой сочувственной обречённостью, — ответил Скорцени, провожая взглядом уходящую роту. — Знаете, чем отличается этот славянский легион коммандос от всех остальных, проходивших здесь подготовку со дня открытия этих «Курсов особого назначения»?

— Интересно будет узнать.

— Это уже не те, надёрганные по лагерным баракам уголовники, которым одинаково нечего терять, что по ту, что по эту сторону фронта. Не те растерявшиеся, струсившие, поддавшиеся на агитацию вербовщиков — с одной-единственной мыслью: «Главное —вырваться из лагеря военнопленных или из концлагеря, а там видно будет!..».

— Уверены, что таковых здесь нет?

— Во всяком случае, крайне мало. И не они определяют характер легиона.

— Тогда кто они, эти люди?

— Только что вы видели перед собой будущую элиту славянских народов. Здесь все как один — из аристократических или,

по крайней мере, интеллигентных семей. Это проверено. Кроме диверсионных азов они будут изучать светские манеры, умение вальсировать, со светской непринуждённостью вести беседу с иностранными дипломатами и женами отечественных министров.

Курбатов невольно оглянулся на отдаляющийся строй коммандос. Будущая славянская элита шла, не держа ни шага, ни строя, переговариваясь и даже не пытаясь сохранять аристократическую осанку.

— Вы правы, полковник, — прочёл его мысли Скорцени.— Пока что эти «коршуны Фриденталя» мало напоминают офицеров-аристократов. Но при желании инструкторов и самих курсантов всё это: и осанку, и умение сохранять строй, как и умение держать слово офицера, — можно привить, воспитать, возродить. Среди прочего каждый день они будут просматривать специальные фильмы, которые способны настраивать на восприятие воинской выправки у офицеров русской, имеется в виду царской и белогвардейской, армий, а также у офицеров прусской и других воинских школ, которые помогают усваивать и манеры лондонских аристократов, и жертвенность служения Родине и сюзерену, характерную для японских самураев.

— Сам с удовольствием просмотрю эти фильмы, поскольку во время диверсионного рейда по тылам красных, признаться, основательно одичал.

— Вам тоже будет предоставлена такая возможность. Кстати, здесь, в стенах Фриденталя, я запретил какую-либо пропаганду расовой и национальной исключительности.

— Несмотря на то, что все они по убеждениям своим — закоренелые националисты?!

— Просто я решил, что мы должны приучать этих людей любить свою нацию, не презирая все остальные.

— Даже не презирая еврейскую и цыганскую нации?! — коварно поинтересовался Курбатов у Скорцени уже как у офицера СС.

— Не будем останавливаться на частностях, — спокойно предложил штурмбаннфюрер. — Главное, что курсант этого славян-

ского легиона не должен выходить из Фриденталя с мыслью о том, что ему не повезло, что он родился словенцем или хорватом, а не германцем или шведом.

— Божественная мысль.

— Вернувшись в свои родные края, эти люди должны не просто стать надёжными резидентами, но и создавать вокруг себя новую элиту, мыслящую общеевропейскими, мировыми категориями. Суть новой идеологии, которую мы с вами, князь Курбатов, должны отныне исповедовать, заключается в том, что нет господствующих наций. Иное дело, что в каждой нации есть духовная, творческая, армейская и экономическая элита, которая постепенно должна прийти к власти и в каждой отдельной европейской стране, и в целом в Европе, а затем, возможно, и во всём мире. Только эта элита, движимая общими идеями сотворения нового европейского порядка, со временем сумеет объединить всю Европу. Причём сделает это на основе законов и традиций, близких к законам и традициям Спарты.

— Тут уже просматриваются постулаты новой идеологии.

— Обновлённой, скажем так. Армии, которые они будут формировать, тоже станут основываться на традициях Спарты, Древнего Рима и самурайского Востока. А воспитание молодёжи будет построено на идеалах и принципах воспитания воинов СС, с поправкой, как я уже сказал, на некоторые идеологические особенности. Именно воин СС станет тем образцом, тем идолом, которому будет поклоняться всякий настоящий мужчина. Вы способны поверить в такой поворот «шарнира истории», как любит выражаться фюрер?

— Хочется верить, — не без колебания молвил князь. — Иное дело — насколько подобный подход реалистичен. Не исключено, что у каждой нации возникнет или же возродится своя разновидность идола для подражания: у русских — это офицеры Белой гвардии, у югославов — каста четников и усташей, у украинцев — элитные отряды казаков.

— На каком-то этапе — да, могут появиться национальные разновидности, — не стал вступать с полемику с ним Скорцени. — Как переходная ветвь сотворения воина новой формации

это вполне допустимо. Круг новой элиты с каждым годом будет расширяться, а физический, интеллектуальный и нравственный отбор кандидатов в элитарии — всё жестче. Уродов, инвалидов от рождения, хилых, а также индивидуумов, склонных, в силу своей наследственности, к воровству и разбою, — будет становиться всё меньше. Жидобольшевиков и жидомасонов, цыган и просто людей, заражённых бациллой марксизма, постепенно истребим, да они и сами вымрут.

— Может, попытаемся переубедить, перевоспитать и приобщить, дабы не шокировать человечество своей жестокостью? Тем более что цыгане как-никак принадлежат к расе арийцев.

— Вот и следует отобрать из этой духовно и нравственно деградировавшей нации тех представителей, которые способны формировать новое, гордое и духовно совершенное поколение. Главное, чтобы народы поняли, что миру действительно нужен сверхчеловек, что в космос должна выходить сверхраса. И никаких псалмопений по этому поводу, князь Курбатов, никаких псалмопений! Когда мы говорим, что «человек — всего лишь мост между обезьяной и сверхчеловеком», то это не броские слова и не заунывная пропаганда, а зов, боевой клич времени. Поэтому запомните этот день, князь; запомните эти лица. Сегодня вы видели людей, которые способны готовить элиту будущего столетия.

16

Сразу же после завтрака Шмидта вызвали в штаб школы, к телефону.

— На проводе Берлин, — с нескрываемым осуждением объяснил гауптман, указывая на аппарат, как на влетевшую в окоп гранату, и давая понять, что само присутствие в школе этого явно опального оберштурмбаннфюрера становится для него крайне тягостным. — Теперь начнётся: проверки, объяснения, штабные инспекции...

— Чем вы, гауптман, недовольны? — мрачновато улыбнулся барон. — Наконец-то о вашей школе узнают в Берлине, в вермахте. Вас, правда, разжалуют за неспособность наладить её охрану, но стоит ли расстраиваться по таким пустякам?

Взгляд, которым Сольнис одарил его, был убийственным по силе своего презрения. Здесь грехов и проблем и без блудного барона фон Шмидта всегда хватало, словно говорил он, а тут еще и его черти принесли, да к тому же это ночное нападение!

— Как вы чувствуете себя, Шмидт? — голос Отто Скорцени, возникший в трубке вслед за голосом его адъютанта Родля, оберштурмбаннфюрер сумел бы различить среди всеобщего поднебесного хора всех живых и умерших на этой Земле. С некоторых пор этот голос порождал в нем одновременно и страх, и надежду.

— Как в склепе.

— То есть совершенно умиротворенным и спокойным за своё будущее? — откровенно поиздевался над ним «первый диверсант рейха».

— До могильного спокойствия умиротворённым, господин Скорцени. Так будет точнее. Если, конечно, забыть об одном мелком инциденте: этой ночью чьи-то люди изрешетили автоматными очередями окно и стены моего номера. Вы не знаете, чьи это штурмовики?

— Неужели добрались и до унтер-офицерской артиллерийской школы, дьявол меня расстреляй?! — по тому, что сообщение его не вызвало у Скорцени ни особого удивления, ни тени замешательства, Шмидт понял, что о нападении обер-диверсант рейха уже основательно информирован.

— Как видите.

— Они что там — устроили на вас настоящую охоту?

— Кто «они», штурмбаннфюрер? Кто эти «они»? Я уже не впервые слышу: «Они убили офицера из Африканского корпуса Роммеля». «Они устроили автомобильную катастрофу одному из штабных офицеров Африканского экспедиционного корпуса фельдмаршала Роммеля». «Они напали», «Они обстреляли». Но еще никто ни разу не объяснил мне просто и внятно, кто именно имеется в виду, кто организовывает эти нападения, аварии, катастрофы?

— У вас странное влечение к именам, адресам и особым приметам, Шмидт.

— Да все это — окопное дерь-рьмо! Просто я хочу, наконец, знать, какая сила...

— Оставьте эти заботы профессионалам, — не желал выслушивать его Скорцени.— Единственное, что я могу сообщить: отныне служба безопасности СС берет вас под свою непосредственную опеку.

— А до сегодняшнего дня я был под чьей опекой, разве не вашей СД?

— Вы, как всегда, невнимательны, оберштурмбаннфюрер. Я ведь сказал: «Под непосредственную опеку».

— И что из этого следует?

— Что завтра же к вам прибудет один из опытнейших диверсантов — физически выносливый, храбрый и совершенно не склонный к предательству. Благодаря его появлению жизнь покажется вам не только более безопасной, но и куда более романтичной.

— Больше всего меня радует этот его романтизм. Хотя на сей счёт у меня есть собственные взгляды.

— Так поделитесь же, барон, дьявол меня расстреляй!

— Просто все ваши диверсанты, штурмбаннфюрер, — всего лишь окопное дерь-рьмо, — уже безо всякой злости проворчал Шмидт. Однако Скорцени, прекрасно знавший буйный характер и нелицеприятные привычки барона, отнесся к этому со стоическим равнодушием. — У вас и в самом деле целый полк этих тренированных, обстрелянных проходимцев, а меня обстреливают в моем номере, на хорошо, как меня убеждали, охраняемой учебной базе, расположенной к тому же на территории унтер-офицерской артиллерийской школы.

— В учебном центре школы, — безучастно уточнил «первый диверсант рейха».

— Это не учебный центр, это окопное дерь-рьмо!

— Вот в этом я с вами согласен. Кстати, не забудьте уведомить об этом директора школы гауптмана Сольниса.

— Он всё еще находится рядом, и я могу лишь повторить, впрочем...

— А кого он присылает сюда? — вполголоса поинтересовался гауптман, вторгаясь в их беседу.

— Да, действительно, кто конкретно из ваших людей, господин Скорцени, прибывает сюда? Что-то я не расслышал его имени.

– Один наш полковник.

– Теперь и полковники тоже ходят в диверсантах?!

– Причем из русских, из белогвардейцев.

Барон напряг память. Кажется, кое-что об этом белогвардейце он уже где-то слышал.

– Уж не тот ли это белогвардейский офицер, который умудрился пройти от Японии до Северной Африки?

– Вы явно преувеличиваете его возможности, барон, но мыслите совершенно верно. Речь идет именно о нем, о князе, полковнике Курбатове, офицере белоказачьей армии генерал-атамана Семёнова, совершившем диверсионный рейд по советским тылам от Маньчжурии до линии Восточного фронта, до германских окопов[1].

«Хотелось бы знать, где именно, на каком этапе рейда этот князь попался в руки энкаведистов, был завербован красными и «триумфально» переброшен через германские окопы? В районе Иркутска, Москвы, Ленинграда?» – саркастически ухмыльнулся фон Шмидт, пытаясь вспомнить название еще хотя бы одного русского города, который мог бы возникнуть на пути белодиверсанта.

Однако высказать эти свои сомнения вслух не решился. Испытывать терпение всесильного, мстительного агента фюрера по особым поручениям Отто Скорцени? Ради чего?!

А тем временем не ведавший его сомнений обер-диверсант рейха спокойно продолжал:

– Уверен, что в присутствии князя Курбатова вы сумеете понять, что такое жизнь истинного солдата и настоящего фронтового авантюриста. Что вы приумолкли, оберштурмбаннфюрер Шмидт? Барон фон Шмидт.

– Мне пока что не понятен характер будущего задания, но все же странно как-то, что выбор пал именно на русского.

– Ничего странного, барон, если учесть, что ему уже приходилось бывать в Италии, он неплохо знает Лигурийское побережье

---

[1] Напоминаю читателям, что в основе рейда этого литературного героя лежат исторические факты. – *Примеч. авт.*

и даже выполнял в тех краях одно очень ответственное задание, причём под моим личным командованием.

— Но школа расположена не в Италии, а в Германии, — напомнил ему гауптман.

— Не важно, где находится эта ваша школа, барон, важно, где уже в ближайшее время окажетесь вы сами.

«Неужели предстоит командировка в Италию?! — приятно удивился фон Шмидт. — Время, правда, выбрано не самое лучшее; в связи со всей этой историей с Муссолини в Италии сейчас как бы «не сезон», тем не менее...».

— И как всё это будет выглядеть? — с волнением в голосе спросил барон, решив, что какие бы события ни ожидали его впереди, это лучше, чем прозябание в этой насквозь простреливаемой, в предгорье Швабского Альба затерянной тыловой школе.

— Вы обязаны будете подчиняться полковнику Курбатову и выполнять все его требования, касающиеся прежде всего вашей безопасности.

— Значит, выполнять требования русского полковника! — снисходительно проворчал фон Шмидт, однако в устах его это прозвучало, как крик души: «Ну, дожили! Офицерами СС теперь уже командуют русские диверсанты!»

— С некоторых пор — офицера разведки вермахта, а теперь уже — офицера разведывательно-диверсионной службы Главного управления имперской безопасности, то есть, по существу, офицера СД. Так что смиритесь, барон фон Шмидт, смиритесь. И вообще, только что мне пришла в голову гениальная мысль: создать первую в истории войн диверсионно-аристократическую группу. Тем более что князь на должность командира уже имеется. Сюда бы еще парочку графов, маркграфов, виконтов и кого там еще[1]?..

---

[1] В аристократическом титулярном списке титул «барон» является самым низким в перечне титулов высшей аристократии. «Виконт» располагается между «бароном» и «графом». Что же касается титула «маркграфа» (в Германии, он же — «маркиз» во Франции), то это граф, наделенный большими административными и командными полномочиями. Довольно часто маркграфы владели пограничными областями королевства, с обязанностью нести охранную пограничную службу. В табели

— Титулов у него, предположим, достаточно, — продолжал ворчать фон Шмидт, явно набивая себе цену.

— Вас это огорчает?

— Однако надо еще увидеть, каков этот русский в деле.

— Мы уже увидели, каков этот русский белогвардеец в деле, — ожесточился Скорцени, не привыкший к тому, чтобы с ним пререкались, да еще и по такому пустяковому поводу.

— Возможно возможно...

— И потом, не советую забывать, что ваш покровитель, фельдмаршал Роммель, всё еще пребывает в списке высокопоставленных предателей рейха, и следствие по его делу специальной следственной комиссией гестапо до сих пор не прекращено.

— Обычное гестаповское недоразумение, — молвил фон Шмидт.

— Возможно, и недоразумение, — согласился Скорцени, — но, как вы сами выразились, гестаповское.

— Приму к сведению.

— И не вздумайте портить отношения с полковником Курбатовым. Он этого смертельно не любит.

17

В этот раз из состояния мысленной прострации его вывел не дверной колокольчик, а телефон.

— Я не ошибаюсь, это вы — генерал Бургдорф?

— Что неоспоримо, — он сразу же понял, что голос принадлежит не рейхсфюреру СС и не Мюллеру. Однако понимал Бургдорф и то, что гибель его, как и бесславие, многолики.

— Здесь полковник Брандт, — представился адъютант Гиммлера. — Надеюсь, вы получили то, что вам предназначалось?

— Часа два назад, — недовольно отрубил генерал, словно труп от него потребовали немедленно.

— Что и будет доложено рейхсфюреру СС.

о рангах «маркграф» (маркиз) располагался между «графом» и «герцогом». В перечне, условно говоря, «административных графов» в Европе существовали также титулы: «ландграф», «пфальцграф», «бургграф», «штадтграф» и «зендграф». — *Примеч. авт.*

— Ему не стоит волноваться, всё будет идти, как и было намечено.

Вильгельм вспомнил о признании хозяйки квартиры и прислушался. Он помнил, что Альбина ушла куда-то по делам, но всё равно подался поближе к стене, пытаясь по какому-то малейшему шороху изобличить «шпионку». Однако никаких признаков жизни коморка не подавала. Ему очень не хотелось, чтобы фрау Крайдер стала свидетельницей и этого разговора с заказчиками убийства фельдмаршала.

— Мне ещё не приходилось видеть рейхсфюрера взволнованным, — молвил тем временем Брандт. — Он всего лишь требует неукоснительного исполнения. Всегда и ото всех.

— А что — появились какие-то подозрения? — поспешно поинтересовался Бургдорф, опасаясь, как бы адъютант Гиммлера не повесил трубку.

— Появились. Выезжать следует завтра же. И завтра же всё должно произойти. Таково решение.

— Завтра. Почему завтра? — проворчал Бургдорф. — С чего вдруг такая поспешность?

— Вам потому и поручили выполнение этого задания, генерал, что считали, будто вы не склонны задавать лишние вопросы.

— А кто вам сказал, что они лишние? — незло возмутился генерал.

Брандт был всего лишь полковником, и всего лишь адъютантом Гиммлера, а не фюрера, как он, Бургдорф. Так почему же он позволяет себе такие вольности? Но дело даже не в субординации. Бургдорфу вдруг показалось, что в самом стремлении Гиммлера вести с ним переговоры через своего адъютанта уже заложена измена. Зачем адъютанту знать то, чего знать ему принципиально не положено?

— В Теннинхеме, — не стал вступать в полемику полковник, — в казармах полка ваффен СС, вас и генерала Майзеля будет ждать гауптштурмфюрер Вольке с четырьмя бронетранспортёрами, с которыми он поступает в ваше полное распоряжение.

— Хотите сказать, что у Роммеля в имении свой собственный гарнизон?

— Бронетранспортёры Вольке — это, скорее, некий скромный фельдмаршальский эскорт, нежели меры предосторожности. Однако Роммель может что-то учуять, и тогда кто знает, как он поведет себя, этот несостоявшийся полководец.

— Это вы так решили, что Роммель — несостоявшийся полководец? — наконец-то отомстил ему генерал.

— Не задумываясь, доложу рейхсфюреру СС, что к выполнению приказа фюрера вы готовы, — ничуть не смутился полковник.

— Важно докладывать об этом, не задумываясь, — решительно одобрил его намерение Бургдорф, отлично понимая, что в случае отказа лично для него гестапо вряд ли станет жертвовать ценнейшей ампулой с каким-то там малиново-жасминовым привкусом. Заставят удовлетвориться банальной порцией свинца из собственного «вальтера». — Кстати, позволю себе один деликатный вопрос, полковник...

— Сегодня у нас с вами все вопросы — деликатные, — подбодрил его адъютант Гиммлера.

— Что неоспоримо. Рейхсфюрер сейчас у себя?

— Да... однако не обещаю, что немедленно смогу связать вас. Более того, не думаю, что рейхсфюрер СС пожелает обсуждать какие-либо проблемы, связанные с приказом, полученным вами лично от фюрера.

«Вот как?! Уже...«приказ, полученный лично от фюрера»? — уловил генерал важный для себя нюанс. — Едва придя в себя после совещания у Гитлера, вождь СС уже пытается устраниться от последствий того, что вскоре должно произойти в Герлингене! А ведь не исключено, что его примеру последуют все остальные: Борман, Кейтель, да и сам фюрер. Всем вдруг захочется остаться в стороне, так что в итоге Германия будет знать только одного злодея, палача Роммеля — генерала Бургдорфа!».

— Вы уверены в том, что он не пожелает обсуждать какие бы то ни было вопросы, связанные с делом фельдмаршала?

— Прошу великодушно простить меня, господин генерал, но утверждать я позволяю себе только то, в чём абсолютно уверен.

А что вас, собственно, тревожит, Бургдорф? Ведь всё уже оговорено.

— Не всё, далеко не всё. Для меня, например, важно знать, как вести себя в той ситуации, когда известный нам с вами человек откажется принять желательное для фюрера решение. Например, имею ли я право арестовать его и доставить в Берлин?

— Разве такой вариант не обсуждался?

— Нет, — отрубил Бургдорф.

— Досадное упущение. Прежде всего ваше... упущение, — конкретизировал адъютант рейхсфюрера СС, недовольно посопев в трубку. Он прекрасно понимал, что такое — сунуться сейчас с подобным вопросом к шефу. — Странно, что такая деталь операции до сих пор не обсуждалась, — проворчал он и попытался сказать ещё что-то, однако Бургдорф эту его попытку пресёк:

— Мы тянем время, полковник.

— Понимаю, господин генерал. Попытаюсь доложить о ваших тревогах рейхсфюреру. Я позвоню вам через несколько минут, постарайтесь находиться поблизости от аппарата. Кстати, почему вы не задали этот вопрос лично фюреру? — неожиданно всполошился Брандт.

— Не представлялось возможным.

— Я плохо понимаю, что скрывается за подобными ответами, — отрубил Брандт.

— Это потому, что вам слишком мало приходилось общаться с фюрером, а уж тем более — обсуждать такие сложные вопросы, как тот, о котором идет речь.

— Но вы хотя бы пытались задавать интересующий вас вопрос?

— Нет.

— Рейхсфюреру очень важно будет знать это.

— Не уверен. Гиммлер присутствовал при обсуждении судьбы фельдмаршала, но вопрос его ухода тоже не затрагивал. По всей видимости, так и не решился.

— Не следует делать подобные выводы, — с суровостью в голосе предупредил его полковник. — У нас с вами нет для этого оснований.

— Что неоспоримо, — пробормотал генерал свою любимую фразу, которая не раз помогала ему избегать осложнений в самых конфликтных ситуациях.

— Ладно, ждите, господин генерал, ждите...

18

...Выслушав начальственное рычание Скорцени, фон Шмидт понял, что это уже даже не намек и не словесная угроза. Это уже — в буквальном смысле «за шиворот, и мордой в окопное дерь-рьмо».

Ты забыл, — сказал себе барон, — о «деле Роммеля», как, впрочем, и о самом Роммеле. Забыл, что фюрер давно относится к нему с таким же недоверием, с каким вся верхушка рейха относится теперь к адмиралу Канарису, генералу Остеру и множеству других, причастных к заговору 20 июля. Вся «не запятнавшая себя изменой» верхушка рейха...

О том, что генерал-фельдмаршал Роммель напрямую участвовал в заговоре генералов и находился в активной оппозиции фюреру, в офицерских кругах говорили давно, упорно и совершенно открыто. Как и о том, что участвовать в попытке захвата власти в стране после взрыва бомбы в ставке фюрера «Вольфшанце» Лису Пустыни помешала только некстати — или же, наоборот, очень даже кстати, — полученная рана. Которая тоже воспринималась с неким подозрением: уж не для маскировки ли было организовано это странное ранение, непонятно какого происхождения?

— Прошу прощения, господин Скорцени, но считаю ваше замечание не совсем уместным, — все-таки взыграла в душе барона прусская гордыня.

— Еще как уместно! — продолжал «держать его за шиворот» обер-диверсант рейха. — Вы никогда не задавались вопросом, почему до сих пор отсиживаетесь в некоей тыловой унтер-офицерской школе? Так вот, над этим тоже советую поразмыслить. К тому же формирование группы Курбатова, в которую велено войти и вам, осуществляется по личному приказу рейхсфюрера СС. Нужны еще какие-то дополнительные разъяснения?

«О чем он говорит?! — вновь душевно возмутился фон Шмидт. — Хочет убедить, что в этой баварской унтер-офицерской школе меня попросту спрятали подальше от Мюллера, следователей гестапо и гнева Народного суда?!»

— Когда этот ваш мессия, полковник Курбатов, прибудет сюда, я смогу наконец покинуть этот тыловой крысятник? Вместе с полковником, разумеется?

— Только для этого он и прибывает. Вам предстоит далекое и приятное путешествие.

— В сибирскую Россию, — саркастически осклабился Шмидт.

— Не подсказывайте мне идею, которая может стать слишком навязчивой, чтобы ею не воспользоваться, — посоветовал Скорцени. И тут же не удержался: — Сибирская Россия?! А что — это мысль!

— Россия — всего лишь полуазиатское дерь-рьмо!

— Словом, вы все поняли, — всё ещё сохранял невозмутимость Скорцени. — Подробности узнаете от полковника. И помните о берегах Корсики.

— Вот чего я действительно никогда не забуду, так это берегов Корсики.

Положив трубку на рычаг, Шмидт еще какое-то время молча смотрел на нее, словно на часовую мину, которая вот-вот должна взорваться.

— Вы сообщали ему о нападении? — спросил он начальника школы. Гауптман наполнил бокал бордовым вином и протянул его Шмидту.

— Никому ничего я пока что не сообщал. Даже своему шефу из штаба армии.

— И что вообще не собираетесь сообщать?! — восхитился его рискованностью фон Шмидт.

— Позвоню, конечно. Ждал, что кое-что прояснится. Хотя... никто из гарнизона школы не погиб и даже не ранен. Имущество тоже не повреждено.

— Здесь есть еще один телефон, по которому кто-либо из ваших офицеров мог звонить без вашего согласия?..

— С Берлином могли связаться только по этому телефону. Однако без моего ведома это запрещено под страхом смерти.

— То есть вы считаете, что никто из офицеров?..

— О нападении? Без меня?! Я бы ему шею свернул. Впрочем, никому такое и в голову прийти не могло. Тем более что кабинет был закрыт.

— Но существует рация.

— В соседней комнате. Для меня и радиста. Я бы хотел видеть радиста, который решился выйти на связь без моего разрешения. А что вас, собственно, интересует? Вы не могли бы выражаться яснее.

— Затевая разговор со мной, Скорцени уже знал о нападении, и это наталкивает на размышления.

Они выпили, молча посмотрели друг на друга, вновь наполнили бокалы и, даже опустошая их, старались не спускать глаз друг с друга.

— Он сказал вам об этом?

— Нет, но дал понять.

— Почему же тогда он не потребовал объяснений, почему не потребовал моего доклада?

— Это уже не столь важно. Если вы ему не докладывали, значит, сообщил кто-то из его тайных агентов, которые находятся здесь, в школе, и о существовании которых вы не догадываетесь.

— Здесь есть один тайный агент. Но он уже давно не тайный. По крайней мере, для меня. И он тоже ничего не сообщал. Не успел. Поскольку пребывает в весьма... несвежем состоянии. После вчерашней попойки. Вряд ли он слышал выстрелы.

— Выходит, что их агенты — тоже окопное дерь-рьмо.

— Ну, нет, с агентом, считаю, мне как раз повезло.

— Но если и этот ваш подчинённый тоже не сообщал, тогда возникает вопрос...

— Вопросов, господин оберштурмбаннфюрер, уже даже не возникает. И так все ясно.

— Хотите сказать, что нападали подопечные самого обер-диверсанта рейха?

— Вы же понимаете, что я не решился бы всуе произносить такое имя, — пожал плечами гауптман.

«Неужели нападение организовал сам Скорцени? — ужаснулся этой мысли Шмидт. Хотя понимал, что должен был бы возрадоваться ей. — Но зачем?! Чтобы уничтожить меня? Но для этого существовало множество других способов, менее шумных и более эффективных. И не стал бы он в таком случае присылать сюда русского князя, полковника. Ради чего? Чтобы припугнуть? — Шмидт мысленно расхохотался. — Неужели он считает, что меня еще следует и припугнуть? Мне и так уже всё осточертело в этом мире. Он давно пугает меня самим своим существованием».

— Теперь вы понимаете, что моя школа...

— Согласен, до окопного она явно не дотягивает, — после того, что ему пришлось пережить этой ночью, Шмидт никого не собирался щадить.

— Вы упоминали Корсику... Считаете, что сюда, до центра, мог дотянуться кто-то из корсиканцев?

— Не путайте Корсику с Сицилией. И потом, со Скорцени нас связывают приятные личные воспоминания об этом острове — только-то и всего.

— Если приятные, да к тому же личные, воспоминания связывают вас с самим Скорцени, значит, всю оставшуюся жизнь вы должны чувствовать себя в полной безопасности, — задумчиво проговорил Сольнис. — Ночной инцидент можете считать обычным кошмаром.

«Не дай тебе бог, гауптман, — мысленно парировал Шмидт, — чтобы тебя когда-либо хоть что-нибудь связывало со Скорцени. Особенно — личные воспоминания.

19

Минуты ожидания показались Бургдорфу невыносимо долгими и тягостными. Пока он неврастенично прохаживался по комнате, поглядывая то на телефон, то на часы, словно у ворот его уже ждала машина, в доме вновь появилась его хозяйка, Альбина Крайдер.

Генерал не сомневался, что и беседу с Гиммлером она станет подслушивать, притаившись в коморке за стеной, однако ничего поделать не мог: не выставлять же Альбину из её собственного дома! Единственное, чем Бургдорф мог отомстить, так это сразу же после возвращения из поместья Роммеля заняться поиском более подходящей квартиры.

— Вы опять ждёте спасительного телефонного звонка, наш генерал Бургдорф? — Уже несколько раз Вильгельм пытался отучить Альбину от этого странноватого, легкомысленного обращения к себе, да только старания его оказывались тщетными.

— Нетрудно догадаться.

— И позвонить должен Гиммлер?

— А вот о том, кто именно должен позвонить мне, догадываться вы не должны были.

Альбина загадочно ухмыльнулась и скрылась за дверью, но только затем, чтобы уже через несколько минут вновь появиться в пристанище генерала с бутербродами на блюдечке.

— Масло, как вы можете убедиться, становится всё отвратительнее, — посетовала она, — и доставать его всё труднее. Тем не менее, мне удалось...

— Мы не будем обсуждать сейчас то, насколько трудно нам всем живётся, фрау Крайдер.

— Благоразумно, — признала Альбина, и, вновь загадочно улыбнувшись, отправилась готовить столь же отвратительный кофе для генерала.

Когда она появилась во второй раз, Бургдорф уже стоял с телефонной трубкой в руке, но звонок был из штаба полка, который должен был выделить для генерала четыре бронетранспортёра. Разговор выдался предельно коротким: дежурный офицер сообщил, что машины подготовлены и будут ждать на обочине шоссе, проходившем рядом с частью. Но даже этот лаконичный разговор Бургдорф воспринял с заметным напряжением. Говорил он по телефону резко, нервно уточняя: где именно будут находиться бронетранспортёры, кто ими командует и на какой срок эти машины будут приданы ему, генералу Бургдорфу.

— Кажется, вас действительно пытаются втравить в какую-то очень неприятную историю, наш генерал? — передалась его нервозность Альбине Крайдер.

— У нас принято считать, что самая неприятная история, в которую все мы были втравлены, случилась в июне сорок первого. Хотя можете считать, что лично я с этим не согласен.

— Убеждена, что не согласны.

Они встретились взглядами, перевели их на телефонный аппарат и вновь встретились.

— Вы хотите спросить о чём-то очень важном для себя, наш генерал?

— Давайте откровенно, Альбина: вам поручено следить за мной?

Женщина улыбнулась уже такой привычной для генерала загадочно-ироничной улыбкой и медленно, из стороны в сторону, покачала своей русоволосой головкой.

— Разве так уж важно: стану я подтверждать вашу догадку или, наоборот, отрицать её?

Их взгляды скрестились, и генерал заметил, как женщина подалась подбородком в сторону телефонного аппарата.

— Прослушивают? — вполголоса спросил Бургдорф.

— Причем подозреваю, что не только во время телефонного разговора.

— Ну, это уж вряд ли, — усомнился Бургдорф, увлекая Крайдер за собой в соседнюю комнату. — Хотя всё может быть. Кстати, давно вы понадобились гестапо?

— Позавчера. Нет, интересовались мною, конечно, давно, однако по-настоящему попытались привлечь к сотрудничеству вчера, во второй половине дня.

«Сразу же после совещания в рейхсканцелярии, — сопоставил генерал случившееся с тем, что именно и в какой ситуации делал в это время он сам. — Неужели и в отношении других — Штюльпнагеля, фон Клюге, Канариса — применялись такие же меры? Не похоже. Просто ситуация изменилась, фюрер и Гиммлер стали вести себя осторожнее. Ну и, конечно же, Роммель есть

Роммель. С его полководческой славой, его авторитетом среди многих солдат и офицеров...».

— Значит, вы всё же знаете, о ком идет речь, — прошептал Бургдорф, приблизившись к Альбине. — Вам уже известно имя того, кому предназначается эта благоухающая ампулка? — Обняв женщину, он задал этот вопрос ей на ушко, причем вёл себя так, что со стороны могло показаться, будто объясняется в любви.

— Имя мне не известно. Возможно, мне специально не назвали его, чтобы таким образом возбудить сугубо женское любопытство.

— Чудненькое объяснение, — процедил Вильгельм.

— Кстати, кто этот человек? Может, вы сами назовете имя нового избранника гестапо, а значит, и смерти?

— Не назову. Причем в ваших же интересах, Альбина. Каждый посвящённый в эту операцию тотчас же сам становится кандидатом в избранники смерти. Поэтому вам пока что следует держаться в тени.

— Наверное, вы правы, — задумчиво произнесла «Двухнедельная Генеральша». — Хватит с меня роли информатора гестапо.

— Что неоспоримо. А теперь договорите то, что не решились договорить сразу же. Имею в виду вашу слежку.

— Понятно. Что касается лично вас, генерал Бургдорф, то мне приказано записывать все ваши разговоры, с кем бы они в эти дни ни происходили. За стеной, в коморке, ключ от которой имеется только у меня, — иронично улыбнулась Крайдер, — расположено подслушивающее устройство, которое я включаю, когда нахожу это необходимым.

— Вот это для меня уже совершеннейшая новость!

— Надеюсь, я не смогу навредить себе собственными откровениями, наш генерал Бургдорф? — спросила Альбина, не проявляя какой-либо тревоги в голосе.

Вместо ответа Бургдорф заговорщицки сжал её руку у локтя.

— То, что мне приходится доносить на вас, еще ни о чём не говорит, — страстно прошептала «Двухнедельная Генеральша». — Как вы понимаете, выбора у меня нет, я вынуждена была согласиться.

— Гестапо не может не следить за адъютантом Гитлера, это исключено, — своеобразно успокоил её генерал-квартирант. — К тому же подозреваю, что занимаетесь этим не только вы. И в этом даже нет смысла обвинять гестапо. Точно такая же слежка ведется за всеми адъютантами главнокомандующих всех стран мира. Что, с точки зрения государственной безопасности, совершенно нормально.

— Воспринимаю ваши слова как утешение. Хотя и не принадлежу к тем женщинам, которые в подобных утешениях нуждаются. Но дело в другом...

Альбина умолкла, собираясь то ли с мыслями, то ли с духом, и Вильгельм не торопил её. Однако рука, которую генерал положил ей на талию, всё же должна была взбодрить женщину.

— Мне очень хочется, чтобы в этой бойне вы уцелели, наш генерал Бургдорф, — едва слышно проговорила женщина. — Вот почему участие в некоей идиотской операции с ядом смущает меня.

20

Не прошло после звонка Скорцени и двух часов, как на посадочной полосе, проложенной рядом с полигоном унтер-офицерской школы, приземлился небольшой самолетик, из которого вышли два пассажира.

— Оберштурмбаннфюрер Шмидт? — еще издали спросил рослый офицер в новеньком мундире вермахта.

В свое время Скорцени показался барону гигантом. Однако мощные, хотя и покатые плечи обер-диверсанта рейха размазывали контуры его тела, представление о его формах, и атлетизме. Этот же русский просто-таки поражал гренадерской шириной плеч, объемом груди, непомерно могучей шеей и суровым выражением греко-скифского лица.

Шмидту вдруг почудилось, что от самого присутствия этого гиганта все пространство вокруг насыщается какой-то особой силой, особой энергией и особым спокойствием.

— Так точно, господин полковник, — барон внезапно почувствовал, что у него перехватило дыхание, и, по мере того, как ди-

версант приближался к нему, существо его все плотнее обволакивал какой-то непонятный, инстинктивный страх.

— Полковник, князь Курбатов. — Только теперь барон обратил внимание, что полковник говорит по-немецки, а следовательно, прибывший с ним худощавый унтерштурмфюрер — не переводчик, а, скорее, адъютант. Говорил русский хотя и с акцентом, но легким и вполне приемлемым. — Вас уже известили о цели моего появления здесь?

— Не совсем, — уважительно заметил фон Шмидт. — В самых общих чертах.

— Что значит — «в самых общих»? А что вам хотелось бы знать обо мне? — решительно поинтересовался полковник.

— Сообщая о вашем приезде, Скорцени почему-то был удручающе немногословен.

Козырек фуражки барона едва не касался кончика широкого мясистого носа. После каждого его слова небрежно выбритый квадратный подбородок нервно подергивался, после чего челюсти его двигались подобно жерновам.

— Иначе он не был бы Скорцени. — Каждое слово Курбатов произносил таким тоном, словно зачитывал приговор военно-полевого суда. Так говорить мог только человек, крайне уверенный в себе, что, как считал фон Шмидт, было не очень-то свойственно вечно мающимся своими сомнениями русским офицерам.

Шмидту уже приходилось встречаться и с власовцами, и с белыми офицерами, и с добровольными помощниками, то есть с пленными, которые, не имея оружия, помогали германским служащим всевозможных тыловых частей и артиллерийских подразделений. Однако все они, как правило, чувствовали себя в Германии не очень-то уютно, а потому вели себя, как и положено людям, ощущающим комплекс вины и неполноценности.

Князь же, похоже, чувствовал себя не перебежчиком и даже не союзником, а, скорее всего, завоевателем. Словно он со своим отрядом прошел из конца в конец не Россию, а Германию.

— Я ждал, что Скорцени вызовет меня в Берлин или Мюнхен, поскольку всё это тыловое крысятничанье мне уже порядком на-

доело. Поэтому и цель вашего прибытия сюда, господин полковник, мне не совсем ясна.

— Мне приказано прибыть сюда, барон, только для того, чтобы развеять ваши самые мрачные мысли. Та же цель и у прибывшего со мной лейтенанта СС Гельке, — едва заметно повернул он голову в сторону стоявшего чуть позади, в двух шагах от него, унтерштурмфюрера.

Спутник Курбатова неохотно склонил голову, давая понять, что он — весь к услугам, и вновь высокомерно вскинул свой тощий, украшенный разросшейся родинкой подбородок.

— Развеять мысли?! — потрясенно уставился на полковника Шмидт. — Это уже не мысли. Это ярость души. Какие уж тут могут быть мысли, когда вокруг ни одного истинно рыцарствующего германца — сплошное окопное дерь-рьмо?

— В моем присутствии просил бы выражаться, как подобает аристократу и офицеру, — брезгливо поморщился князь Курбатов.

Фон Шмидт удивленно уставился на него: до сих пор еще никто не решался делать ему замечания по этому поводу. Да к тому же в столь резкой форме. Однако, наткнувшись на презрительно-суровый взгляд, вынужден был проворчать:

— Прошу прощения, гер оберст.

— А что касается «ярости души», то вам виднее. От длительного прозябания в этой горной глуши, я, возможно, тоже пришел бы в ярость, — уже вполне примирительно согласился Курбатов. — Мне это знакомо ещё по прозябанию в Маньчжурии. Но не отчаивайтесь, мы с господином унтерштурмфюрером постараемся оживить эти ваши скудные окрестности.

— Ваш адъютант? — скосил глаза на Гельке барон.

— Лишь в какой-то степени. В кругах СД он больше известен как специалист по подготовке взрывников-диверсантов.

«Кто бы мог подумать?!» — несказанно удивился фон Шмидт, уже за столиком офицерской столовой узнав от полковника, что эту мудрёную науку — «основы диверсионно-взрывной подготовки» Гельке преподавал на знаменитых, возглавляемых Скорцени «Фридентальских курсах».

И хотя в подробности Курбатов не ударялся, оберштурмбаннфюрер прекрасно знал, какого ранга разведывательно-диверсионное заведение скрывается под скромной вывеской курсов, действовавших в замке Фриденталь. А следовательно, понимал, что этот самый Гельке готовил к диверсионной деятельности будущих руководителей националистических организаций и повстанческих отрядов; всевозможных претендентов на троны и президентские кресла, и, конечно же, резидентов германской разведки. Поэтому вслух вполне уважительно произнес:

— К профессионалам такого класса, господин Гельке, я всегда относился с особым почтением, — произнес оберштурмбаннфюрер, приподнимая кружку с горьковатым швабским пивом.

— Для инструктора важно, чтобы те, кого обучаешь, с почтением относились к тебе — флегматично произнес унтерштурмфюрер.

Как и всякий профессионал высокого класса, Гельке был задумчиво мрачен, немногословен и в выводах своих таинственен. Как только начальник школы сообщил полковнику о ночном рейде диверсантов, унтерштурмфюрер в присутствии Шмидта и Курбатова внимательно осмотрел комнату, в которой жил «заложник Корсики», как называл сам себя барон, затем место, где укрывались напавшие на школу диверсанты. И ему не понадобилось много времени, чтобы определить, что нападавших было трое, но огонь по комнате вели только двое из них, третий же прикрывал своих товарищей — две его пули Гельке нашел в стволе дерева, стоявшем в том направлении, откуда приближались солдаты подоспевшего караула.

Держа след, унтерштурмфюрер быстро обнаружил искусственно углубленную лощинку, позволившую террористам беспрепятственно проползти сначала под старинной каменной оградой, а затем и под жиденьким, неохраняемым колючим заграждением, по ту сторону которого автоматчиков подстраховывали еще двое диверсантов, готовых прикрывать их отход.

— Ну и что вы, глядя на все это, скажете, унтерштурмфюрер? — не выдержал барон истязания следопытским немногословием взрывного диверсанта.

Гельке было уже основательно под сорок, и, судя по всему, он явно засиделся в лейтенантах, пусть даже войск СС. Лицо его казалось не просто худощавым, а болезненно истощенным и по-крестьянски морщинистым. Причем каждая морщинка на нем напоминала небрежно, напропалую проложенную борозду, под складками которой медленно и неотвратимо прорастала озимая старость.

— Итого их было пятеро, — произнес Гельке, оставаясь верным своей флегматичности.

— В арифметике мы тоже кое-что смыслим.

— Непосредственно нападали трое.

— Чтобы убить меня, вполне хватило бы и одного.

— Но их было трое, — настоял на своем Гельке. Как всякий знающий себе цену специалист, он терпеть не мог, когда в его присутствии кто-то начинал легкомысленно относиться к деталям. Они-то как раз стоили дороже всего.— Двое других оставались по ту сторону ограждения.

— В этом вопросе вы нас уже просветили, — раздраженно напомнил Шмидт.

— Они были обуты в ботинки германских парашютистов, действующих в Италии, и вообще на Южном фронте.

— Ага, понятно, значит, их подослал Муссолини? — уже откровенно издевался над экспертом-следопытом оберштурмфюрер. — Специально для того, чтобы расстрелять меня?

— Я ведь сказал: германских парашютистов.

— И что из этого следует? Ботинки у них могут быть даже греческими. И потом, насколько мне известно, шеф гестапо Мюллер парашютистами не командует, да к тому же действующими на Южном фронте.

— Ими командует генерал-полковник Штудент. И мне не совсем понятно, почему в этой связи упомянут Генрих Мюллер. — Они стояли по разные стороны проволочного ограждения и настроены были столь саркастически-воинственно, что, казалось, вот-вот бросятся на колючую проволоку, дабы убрать эту преграду.

— Потому что я хотел бы знать, кто именно устроил весь этот шмайсер-бордель. В том числе поинтересоваться и у него, Мюллера.

— Для этого я и прибыл сюда, — неожиданно мирно заключил Гельке, уводя разговор от последнего мельника рейха, чтобы внести в этот вопрос полную ясность

— В такие же ботинки могли быть обуты и прорвавшиеся через границу рейха итальянские партизаны, — неохотно вклинился в их нервный диалог начальник школы Сольнис. — Не забывайте, что мы находимся в Баварии. До Австрии, а следовательно, и до итальянских Альп отсюда не так уж и недалеко, а следы явно ведут в сторону бывшей австрийской границы.

— Или той части Италии, которая все еще контролируется Муссолини, — уточнил Гельке.

— Пять партизан преодолевают две границы, а затем — ограждение унтер-офицерской школы, и все это для того, чтобы бездарно обстрелять комнату случайно оказавшегося здесь офицера? — иронично осклабился князь Курбатов. — Странная у вас тут получается война.

— Наконец-то я слышу здравый голос диверсанта, — благодарно признал его правоту Гельке, пролезая с помощью Сольниса между рядами колючей проволоки. — Уж не знаю, с чего вдруг вы могли быть удостоенными такой чести, господин оберштурмбаннфюрер, но для итальянских партизан подобная операция была бы несложной. Сложным был бы сам рейд из Италии в Баварию. Поэтому не верю, чтобы, добравшись сюда, они могли настолько легкомысленно отнестись к самому нападению и настолько поспешно, не выполнив задания, отойти. Так же настойчиво вели бы себя и английские диверсанты. Иное дело, что они вообще действовали бы деликатнее и эффективнее.

Шмидт презрительно оглядел непрезентабельную фигуру Гельке, яростно закусив нижнюю губу, пожевал ее почерневшими прокуренными зубами, так что чуть было не доставал ими до подбородка, и, ничего не сказав, молча ушел в сторону штаба.

— Странная история, — отрешенно покачал головой Сольнис. — Как думаете, господин оберст?

— Пока что я знаю только одно — что на вашу карьеру, гауптман, она никоим образом не повлияет, — очень точно уловил подтекст его страха Курбатов.

21

— И как прикажете воспринимать ваше присутствие в унтер-офицерской школе? — с едва уловимой язвительностью поинтересовался фон Шмидт. — Рассчитывать на то, что вы гарантируете мою неприкосновенность? Или я что-то не так понял из всего, что здесь происходит?

— До сих пор мое присутствие где бы то ни было свидетельствовало, что никто никакой гарантии неприкосновенности иметь там уже не вправе, — спокойно объяснил полковник Курбатов.

— У диверсантов — и шутки диверсионные. Но как бы мы сейчас с вами ни мудрили, эта школа, в которой меня пытались упрятать, как в сумасшедшем доме, всего лишь казарменно-окопное дерь-рьмо!

Унтерштурмфюрер Гельке уже отбыл в Берлин, капитан Сольнис не решился вторгаться в их компанию, поэтому Курбатов и Шмидт остались вдвоем. Теперь они сидели за столиком в углу небольшого офицерского бара, в котором в это предвечернее время наслаждалась пивом лишь стайка фельдфебелей, предпочитавших в присутствии полковника и оберштурмбаннфюрера вести себя довольно смирно, не мешая двум высшим офицерам ни молчаливо сосредотачиваться, ни сосредоточенно молчать. Да и общаться — тоже.

— Да-а, пытались упрятать, — как бы между прочим подтвердил Курбатов. — Но, очевидно, у них не было другого выхода. — Сказанное Курбатовым сразу же насторожило фон Шмидта.

— Вам что-либо известно об этом? Почему меня содержат под домашним арестом, почему именно здесь, в восточно-альпийской части Австрии, а не в Германии?

— Мне не все понятно из того, что здесь у вас происходит, барон. Однако совершенно ясно, что Скорцени пытается спасти вас. Не убить, заметьте, а спасти. Что сразу же предоставляет вам определенный шанс.

— От кого же он пытается спасти меня?

— Смею полагать, барон, от тех, кто, наоборот, пытается вас убить.

— И кто же пытается убить меня? — застыл оберштурмбаннфюрер с кружкой горьковатого, отдававшего прелостью пива у рта.

— Те, кому не хочется, чтобы сокровища фельдмаршала Роммеля достались после войны Скорцени, а следовательно, Гиммлеру. Только не вздумайте уточнять, кто именно пытался убить вас. Достаточно знать, что такие люди и такие силы существуют.

Так и не отхлебнув из кружки, Шмидт нервно забарабанил ее донышком по столу.

— Но ведь бессмысленно же убивать человека, знающего тайну огромных сокровищ, человека, способного хоть как-то помочь в их поисках. Это же чистейшее безумие. Всякий, кто соприкасается с тайной клада Роммеля, прежде всего должен был бы позаботиться о моей безопасности, чтобы со временем использовать в поисках, а уж потом... — Фон Шмидт умолк и вопросительно уставился на Курбатова.

Ему трудно было разговаривать с этим русским диверсантом уже хотя бы потому, что тот оставался совершенно равнодушным ко всему, что происходило с ним, бароном, в этом Центре, что вообще творится сейчас в Германии... Но в то же время именно этому русскому было поручено заниматься его безопасностью. Почему именно Курбатову, почему русскому — этого фон Шмидт понять был не в состоянии.

В баре появился ефрейтор-аккордеонист. После контузии на Восточном фронте этот парень потерял зрение и заметно тянул ногу. Однако, испугавшись голодного инвалидского существования, сумел упросить военное начальство оставить его в армии. Памятуя, что у этого артиллериста пять боевых наград и три нашивки за ранение, его определили сюда, в унтер-офицерскую артиллерийскую школу, причем в непонятно каком статусе. Днем он трудился на кухне, по вечерам развлекал офицеров и курсантов игрой на аккордеоне, а по торжественным случаям надевал — по приказу коменданта — все свои награды, чтобы служить для курсантов примером мужественности воина, даже после тяжелейшего ранения не пожелавшего отречься от своего солдатского ранца.

Порой Шмидт откровенно завидовал этому ефрейтору. Бывали минуты, когда оберштурмбаннфюреру хотелось вот так же взять аккордеон, — кстати, он тоже неплохо играл — и, забыв о войне, сокровищах Роммеля и тянущемся за ним шлейфе убийств, до конца войны зарабатывать таким образом солдатский хлеб.

— Но ведь как раз по этой схеме Скорцени и действует. Почему вы до сих пор не заметили этого?

— Я имел в виду тех, кто организовал нападение.

Курбатов вызывающе рассмеялся, давая понять, что и он тоже имел в виду тех, кто его организовал.

— Так, значит, это были парни Скорцени?

— Странный вы человек, барон. Отнеситесь ко всему, что с вами произошло, как к учебной тревоге. Но при этом помните: вам ясно дали понять, что ваше существование в подлунном мире возможно лишь до тех пор, пока вы будете молчать и твердо помнить, от кого зависит: жить вам или умереть. От вас требуют верности и молчания. Верности и молчания, и ничего больше. Только верностью и молчанием вы привлекательны для тех, в чьих руках ваша судьба.

— Именно поэтому по ночам меня нагло расстреливают?

— Именно поэтому.

— И что же дальше?

— Завтра же отбываем отсюда.

— В Германию?

— В Италию. Поближе к Корсике. Укроем в уже известной вам разведшколе «Гладиатор». Подальше от рейха, от всякого, кто мог бы заинтересоваться вами еще до того, как действительно придет время вами интересоваться. В Берлине чувствуют приближение краха, и уже начинается борьба за сокровища Роммеля. Но по-настоящему рассчитывать на наследство фельдмаршала сможет только тот, кто располагает вами. Так что основные события еще впереди.

Шмидт поднял кружку, чтобы допить пиво, но лишь брезгливо поморщился и вновь поставил ее на стол. Только что Курбатов вновь, в довольно откровенной форме, напомнил ему, что он все-

го лишь жертвенный баран, которого придерживают к подходящему случаю, чтобы потом выпотрошить под ликование сильных мира сего. А Шмидт не любил, когда ему напоминали об этом.

— И вы уверены, что победителем станет Скорцени, а не кто-либо другой?

— Я не пророк Исайя. Но знаю, что у Скорцени куда больше шансов уцелеть, нежели у тех, кто захотел бы перехватить у него столь неудачно припрятанный клад. Некоторые претенденты уже начинают понимать это и тоже стараются ставить на первого диверсанта рейха.

— Как и вы.

— Как и я. С поправкой на то, что лично меня клад фельдмаршала не интригует. Но совершенно очевидно, что после войны в руках Скорцени окажется огромная агентурная сеть, всевозможные каналы связи с бывшими врагами и союзниками, масса фальшивых денег и десяток-другой парней, готовых на все, умеющих идти напролом.

Грузно навалившись на стол, Шмидт какое-то время молча всматривался в донышко пивной кружки, как в волшебное зеркало предсказаний. При этом он несколько раз астматически всхлипнул, и Курбатову даже показалось, что барон с трудом сдерживает рыдание.

— Вы аристократ, господин полковник, — ограничился фон Шмидт всего лишь словесным стоном.— Я верю вам, как никому. В последнее время я становлюсь все более фанатичным поклонником аристократического устройства Европы. Не монархического, заметьте, ибо дело не только в возрождении в каждой из европейских стран монархии, а именно аристократического. Вернуть былое уважение к древним аристократическим родам, заново освятить ритуал возведения в аристократическое достоинство, вновь обратиться к лучшим традициям аристократического этикета, нравственного рыцарского кодекса... Создать специальные учебные заведения для аристократов.

Курбатов не поддержал, но и не осмеял его идею. Сидя в германском тылу, можно было бы, конечно, помечтать и об аристократическом устройстве послевоенной Европы. Да только пол-

ковник прекрасно понимал, что после всего, что с Европой уже произошло и что еще произойдет с ней при агонии Третьего рейха, европейцам еще долго будет не до аристократизма. Куда больше им придется заботиться о том, как бы элементарно выжить.

22

Выйдя из бара, князь остановился и задумчиво осмотрел видневшиеся невдалеке темно-синие бусины горных вершин. Он четко представил себя на склоне одной из них в поисках пещеры или любого иного более-менее подходящего для ночлега укрытия.

В последнее время у него все яростнее проявлялась ностальгия по «жизни военного пилигрима», по лесу, горам, всему тому зазеркалью цивилизации, которое способно было предоставлять ему исключительную, библейско-первозданную свободу. Он хоть сейчас готов был уйти в горы, и совершенно не важно, чьи они, какому народу принадлежат, какой армией контролируются. После маньчжурского рейда он чувствовал себя способным выживать в любой ситуации, при любых условиях; а сам процесс выживания уже давно приобрел для него высший смысл земного существования.

— Когда вы всматриваетесь в горы, полковник, в вашем взгляде, в выражении лица, в тоске, с которой тянетесь туда, в первозданность леса, проявляется что-то матерое, волчье, — осмелился Шмидт нарушить его молчание тогда, когда оно и в самом деле начало приобретать тягостно-ностальгический характер.

— Кому из нас не хочется взвыть от предначертанной нам жизни?

— Взвыть — да, готовы многие. Но лишь потому, что тоскуют по роскошной жизни здесь, по эту сторону мира. Вы же тянетесь туда, в мрачное безлюдье, в волчность одиночества.

— «Волчность одиночества»... Прекрасно сказано, барон, — признал «маньчжурский легионер».

— Чего не хватает, какого толчка: приказа, ситуации, надежных парней?

— Очевидно, приказа... прежде всего, — согласился Курбатов. — Да еще, может быть, безысходности.

– Безысходности?

– Весь этот дикий горно-лесной мир приемлет только одну форму миропонимания: озлобленное одиночество. Только озлобленное одиночество. А оно, как лава из кратера вулкана, извергается безысходностью, которая, впрочем, – неожиданно завершил свою мысль Курбатов, – в свою очередь, порождается одиночеством.

– Не отчаивайтесь, полковник, они последуют: и приказ, и безысходность. Неминуемо последуют – в этом как раз и кроется наша безысходность. Честно признаюсь: я бы с вами не ушел. Не смог бы. Как не смогли бы и многие другие. Узнав о вашем рейде, я несколько вечеров провел за картой коммунистического рейха. Я смутно представляю себе эту страну, тем не менее, сам маршрут, рельеф, расстояние, диверсионные операции в стране, превращенной в огромный концлагерь... Все это потрясло мое воображение. И тогда мне тоже думалось, что человек, прошедший через все это, с трудом будет осваиваться потом в прихожей европейской цивилизации.

– Вы правы, барон, там, – кивнул Курбатов в сторону лесистых гор, – особый мир, порождающий особое мировосприятие, совершенно меняющее человеческую сущность.

Приумолкнувший было аккордеон, вновь возрождал одну из своих монотонных, как зов одинокой, затерявшейся в горных долинах шотландской волынки, мелодий. Звуки ее как нельзя лучше накладывались на внутреннюю отрешенность Курбатова от привычного человеческого мира, сочетаясь с волчьим зовом его угрюмой диверсантской судьбы.

– И последний вопрос, князь... Чтобы уже не возвращаться к этой теме... Почему именно вы прибыли ко мне? Почему Скорцени избрал вас, русского?

– Очевидно, решил, что я – единственный из всех ныне носящих мундир вермахта, кто не ринется встревать в эту вашу корсиканскую авантюру, и кто никак не замешан в интригах рейхсканцелярии и всего прочего фюрерского двора.

– Но он, конечно, ошибся? Вы как раз и есть тот человек, который хоть сегодня готов сколотить группу и отправиться в прибрежные горы Корсики, чтобы уже оттуда...

Курбатов поначалу взглянул на него с ироничной презрительностью, но затем решил, что огорчать этого и так до бесконечности огорченного жизнью человека уже не стоит.

— В конце концов, я ведь русский диверсант, а не фридентальский недоучка, постреливающий по ночам в окрестностях зенитно-артиллерийской школы, а уж тем более — не казарменно-окопное дерь-рьмо.

Шмидт не удержался, похлопал Курбатова по плечу, и оба рассмеялись. Шмидт не мог знать, как сложатся отношения с этим человеком дальше. Но сейчас он чувствовал, что готов отправиться с Курбатовым хоть в Италию, хоть в Россию.

* * *

Скорцени свое слово сдержал: только что начальнику разведывательно-диверсионной школы «Гладиатор» Зонбаху позвонили из Главного управления службы безопасности и сообщили, что ему присвоен чин штурмбаннфюрера[1].

— Невероятные вещи происходят в этом мире, — расчувствовался по этому поводу Зонбах. — Иногда и нас, воинов, заброшенных в глубины Италии, настигает высшая справедливость.

— Если учесть, что чин этот присвоен вам по ходатайству первого диверсанта рейха, — согласился разговаривавший с ним сотрудник отдела диверсий РСХА штурмбаннфюрер Штубер, — то вы правы. Тем более, что сам обер-диверсант рейха все еще пребывает в том же скромном чине штурмбаннфюрера. — Последние слова Штубер произнес в таком обвинительном тоне, что Зонбах должен был бы проникнуться чувством стыда за нелепость своего поведения.

— А вот это — уже свидетельство того, что даже в недрах Берлина все еще пылают костры несправедливости.

— Вот видите, как вредно долго засиживаться в тылу, — подытожил их разговор штурмбаннфюрер-берлинец, имя которого Зонбах слышал впервые. — Чем основательнее мы теряем боевой дух, тем больше предаемся философствованиям. Кстати,

[1] Майор в войсках СС.

Скорцени интересуется, как там у вас обосновались два наших пилигрима: князь Курбатов и оберштурмбаннфюрер барон фон Шмидт?

— Да, эти господа прибыли к нам, — сообщил Зонбах. — Правда, миссия их в школе не совсем ясна, но если уж им приказано...

— Вот именно, им приказано, — поспешно подтвердил Штубер, дабы избежать подробных объяснений цели визита. — При этом не забывайте, что полковник Курбатов является личным агентом Скорцени.

— Вот оно что?! Звучит как личный агент фюрера.

— Разве что убедительнее, поскольку речь все же идет о Скорцени. Согласны со мной, штурмбаннфюрер? И запомните: отныне этот чин — штурмбаннфюрер — будет самым высоким в иерархии СС. Все остальные попросту упразднят.

Зонбах благодарно рассмеялся. Он помнил, что острота сия принадлежит первому диверсанту рейха. Штубер всего лишь повторяет ее.

— Кстати, о том, что не мешало бы похлопотать о вашем личном повышении в чине, — напомнил шефу все тот же Курбатов, заметив, что капитану, пусть даже войск СС, трудновато будет командовать полковниками.

— Я давно понял, что князь — мужественный человек. Послезавтра, в субботу, по этому случаю в моем институте девственниц-кармелиток...

— Отныне так именуется ваша школа?

— Она давно так именуется... Будет устроен бал в честь новопосвященного штурмбаннфюрера. Скорцени и вы уже можете видеть себя среди самых важных приглашенных.

— Представляю себе помпезность этого казарменного пьянства, — мечтательно протянул Штубер. — Но, увы, у меня намечаются иные радости.

23

...Так, полуобнявшись, Бургдорф и «Двухнедельная Генеральша» и встретили второй телефонный звонок адъютанта рейхсфюрера СС.

— Здесь полковник Брандт, — услышал генерал непозволительно высокий для адъютанта командующего войсками СС голос. — Выяснить интересующий вас вопрос оказалось значительно труднее, чем я предполагал.

«По всей видимости, Гиммлер решил на всякий случай заручиться мнением фюрера» — предположил Бургдорф, однако вслух откровенно подыграл полковнику:

— Что совершенно оправданно его исключительной важностью. Но кое-что вы всё же выяснили... — с надеждой произнёс он.

— Ясность в этом вопросе заключается в том, что известный вам господин ни при каких обстоятельствах в Берлине появиться не должен. Ни при каких, господин генерал, вы слышите: ни при каких!

— Тогда как я должен поступать, если фельдмаршал, простите?.. — спохватился Бургдорф, поняв, что проговорился. А ведь сам Брандт имени его жертвы предпочитает не называть. — Если он откажется последовать мудрому совету фюрера.

— Для того вас и посылают в его поместье, чтобы решение было принято вами прямо там, на месте, исходя из ситуации.

— Это ваше личное мнение, полковник?

— Мнение моё, — отрубил Брандт, — но слова рейхсфюрера СС. Такого заверения вам достаточно?

— Но не могу же я убить фельдмаршала прямо там!.. — почти истерично заорал Бургдорф, понимая, что обрывается последняя нить связи с разработчиками операции «красивого ухода Роммеля», и что с этой минуты у него не будет никакой возможности прояснить свои полномочия ни у Гиммлера, ни уж тем более у фюрера.

— Почему вы решили, что не можете?

— Потому что на это нужен письменный приказ. А еще лучше — решение суда. Я ведь просил вас поговорить об этом с рейхсфюрером.

— Может, вы ещё заставите его обсуждать этот вопрос со своим адъютантом? — насмешливо поинтересовался полковник Брандт. — Всё, господин генерал, всё! — голос адъютанта рейхсфюрера стал ещё суше и официальнее. — Больше звонков

не последует. Кстати, генерал Майзель только что был уведомлён. Советую позвонить ему и договориться об условиях поездки. Машина из штаба рейхсфюрера СС появится у вашего дома в семь утра. Время, как видите, поторапливает. Водитель проверен и исключительно надёжен.

— Проклятое время. Теперь оно всех нас поторапливает.

Повесив трубку, Бургдорф оглянулся и увидел, что Альбина стоит позади него, скрестив руки на пышной груди.

Генерал виновато взглянул на неё, упал в кресло и закрыл лицо растопыренной ладонью. «Будь проклята минута, когда в присутствии фюрера я заговорил о почётном уходе фельдмаршала! Ну почему, почему это выпало именно мне?! Никогда раньше ни одного из своих адъютантов фюрер таким образом не подставлял. В подобных случаях в его окружении всегда довольствовались каким-либо офицеришкой из гестапо или обычным штабистом».

— В который раз уже спрашиваю, наш генерал Бургдорф: кто этот избранник смерти? — молвила «Двухнедельная Генеральша». Она стояла, опершись правой рукой о крышку стола и призывно отставив левую, едва прикрытую легким халатиком ногу. Альбина знала, что генерал восхищается красотой её поспортивному крепких, мускулистых ног и старалась демонстрировать их при всяком удобном случае.

— Это звонил один полковник СС. Остальное вас попросту не должно интересовать.

— Кажется, сегодня мы уже были достаточно откровенны, чтобы вы не отвечали таким вот образом.

— Каким именно? — раздражённо спросил генерал. — Чего вы добиваетесь?

— Догадываюсь, что только что вы беседовали с адъютантом Гиммлера.

— Особой тайной это не является, — помассажировал виски большим и указательным пальцами Вильгельм.

— К тому же я немного знакома не только с полковником Брандтом, но и с самим рейхсфюрером.

— Как много мы узнали сегодня друг о друге, — проворчал генерал-квартирант.

«До сегодняшнего дня ты замечал только коленки и грудки этой женщины, — упрекнул себя Бургдорф. — Оказывается, у неё есть и другие, достойные внимания части тела. Как, например, голова».

— Однако ампула предназначалась не для Гиммлера, потому что в таком случае обошлись бы без вашего вмешательства.

Генерал устало, как-то пьяно посмотрел на Альбину и, поняв, что она не оставит его в покое, пока не добьется своего, тягостно выдохнул.

— Роммель это. Речь идет о фельдмаршале Роммеле.

Крайдер всплеснула руками и обессиленно опустилась на диван.

— Роммель?! — вполголоса воскликнула она. — Что вы говорите, наш генерал Бургдорф?! Неужели теперь уже настала очередь Роммеля?!

— К тому всё идет.

— Я человек невоенный, и то понимаю, что фельдмаршал Роммель оставался последней надеждой рейха. Именно он. У Германии нет больше ни генерал-фельдмаршала, ни просто генерала, который бы сравнился с ним по силе полководческого таланта. Если кто-то и может предстать в эти дни перед германской нацией в роли спасителя, то только Роммель. Как когда-то Наполеон сумел предстать перед растерзанной войнами и революцией французской нацией.

— Роммель — в ипостаси спасителя нации? — задели слова женщины самолюбие генерала. — Кому удалось определить это?

— Если уж я в чём-то уверена, то уверена до конца.

— Так поведайте о появлении спасителя нации её фюреру, начальнику штаба Верховного главнокомандования вермахта, людям из окружения Гиммлера. Все они даже не догадываются о том, что рейх вот-вот должен лишиться последней своей надежды.

— Почему я, а не вы, генерал Бургдорф? И почему решаетесь говорить о Роммеле с такой иронией?

— Но вы хоть отдаёте себе отчёт, что речь идёт о предателе рейха? О личном враге фюрера? О фельдмаршале, изменившем

присяге и принявшем самое непосредственное участие в заговоре против Гитлера, а следовательно, и против рейха?

— Вот как его теперь воспринимают в ставке фюрера?! — воскликнула «Двухнедельная Генеральша», забыв на время о подслушиваемом телефоне.

— Достаточно, фрау Крайдер, — примирительно вздохнул Бургдорф. — У вас ещё будет время попричитать над телом фельдмаршала.

— Считаете, что изменить уже ничего нельзя?

— Разве что взлелеять другого полководца, равного по силе таланта и удачи Лису Пустыни. И потом, вы ведь сами предупреждали, что любое моё высказывание будет записано специальным устройством.

— Эти ваши высказывания записаны не будут. Тем более что в нынешних телефонных разговорах решается не судьба фельдмаршала. В них, как я поняла, решается всего лишь ваше личное участие в его убийстве.

— Подмечено абсолютно точно. Мне попросту не верится, что отголоски июльского путча докатились и до Роммеля.

— Эхо покушения Штауффенберга будет разноситься по всем уголкам Германии и через сто лет. Что, собственно, связывает вас с Роммелем? Неужели муж служил под его командованием?

— Никогда. Хотя и говорил о нём много и восторженно.

— Вот видите... А я знаю Роммеля ещё по тем временам, когда оба мы служили в охране фюрера.

— Представляю, как непросто будет вам выполнять приказ фюрера.

— Но если ваш муж не был сослуживцем Роммеля, что же тогда связывает вас с этим Лисом Пустыни? Возможно, с его помощью ваш муж получил генеральский чин или предполагающую этот чин должность?

— Они вообще никогда и никак не соприкасались.

Бургдорф удивлённо уставился на Альбину. «Неужели вы числились в его любовницах?!» — вопрошал этот взгляд. И хотя вслух Вильгельм ничего не произнёс, решительно парировала:

— Никогда в жизни не видела Роммеля. Не довелось. Хотя мужчина он, говорят, статный, и ещё далеко не стар.

— Тогда вообще странно.

— Что вас так удивляет, наш генерал Бургдорф? Это же Роммель! Вспомните: Скорцени, Роммель, двое-трое асов из люфтваффе — и всё! Кого ещё породил Третий рейх из тех, кому суждено навечно остаться в его истории?

— Что неоспоримо, — поиграл желваками Бургдорф. — Я бы даже не удивился, если бы вдруг выяснилось, что в какое-то время вы оказались любовницей Роммеля. А что? Престижно: Роммель, как-никак!

— Вот видите, вы настолько пасуете перед фельдмаршалом, что не решаетесь даже ревновать к нему, — отомстила Альбина наиболее доступным ей способом. — Хотя согласна: то, что в списке любовниц героя нации Роммеля не будет блистать моё имя — действительно обидно.

«Даже женщины рейха станут мстить тебе после гибели фельдмаршала, — вновь морально истребил себя Бургдорф. — Одни — потому что умудрились числиться в любовницах Роммеля, другие потому, что уже никогда не смогут стать ими».

24

...Вспоминать подробности всей той операции по затоплению сокровищ оберштурмбаннфюреру не хотелось. Тем более что в памяти она осталась как ночь сплошных кошмаров. Началось с того, что один из контейнеров матросы чуть было не уронили за борт еще во время погрузки на плот. Затем плот едва не подорвался на всплывшей у места захоронения мине. А закончилось тем, что во время выгрузки последнего контейнера фон Шмидт и еще один эсэсовец оказались за бортом. Того, второго, моряки так и не сумели спасти.

Но самое страшное ожидало оберштурмбаннфюрера, когда он вернулся в Берлин. Дело в том, что, прежде чем попасть к рейхсфюреру Гиммлеру, он оказался в кабинете Кальтенбруннера. И вот тут-то все и началось. Узнав о поспешном затоплении драгоценностей, — без разрешения из Берлина, без попытки спря-

тать их на берегу, – начальник полиции безопасности и службы безопасности (СД) так рассвирепел, что чуть не пристрелил его прямо в своем кабинете.

— Сколько часов после этого вашего «акта трусости» линкор «Барбаросса» продержался на плаву? — с ледяной вежливостью поинтересовался затем Гиммлер, когда фон Шмидт попал к нему на прием уже не столько для доклада, сколько в поисках спасения. Ибо не было уверенности, что Кальтенбруннер оставит его в покое, а не загонит в концлагерь.

— Еще около трех часов. Но, понимаете...

— Сколько?! — поползли вверх брови Гиммлера.

— Около трех, господин рейхсфюрер. Удивив своей плавучестью даже... командора.

На самом деле агония корабля продолжалась не менее четырех часов, просто Шмидту страшно было вымолвить эту цифру.

— И теперь прикажете нам обшаривать морское дно вдоль всего северного побережья Корсики?

— У меня есть карта. И надежные приметы. Очень надежные. Утром британцы могли потопить «Барбароссу» или высадить десант. Германский катер наткнулся на нас совершенно случайно. Затем уже подошел итальянский торговый корабль. Если бы итальянцы узнали о контейнерах с драгоценностями, то еще неизвестно, как бы они повели себя.

Несколько минут Гиммлер зловеще молчал. Он сидел за столом, угрюмо подперев кулаками виски, и глядел куда-то в пространство мимо оберштурмбаннфюрера. Казалось, он вот-вот взорвется ревом отчаяния...

— У кого находится карта? — устало спросил Гиммлер, не поднимая глаз и не меняя позы.

— У меня.

— А еще?

— У фельдмаршала Роммеля.

— Кого ещё следует причислять к счастливым обладателям этой пиратской ценности?

— Никого больше.

— Слишком уверенно заявляете это.

— Карты было две: у меня и подполковника Крона, которая теперь перекочевала к Роммелю. Но особые приметы знаю только я. Крон не был со мной на плоту.

— Существенно, — признал рейхсфюрер. — О копии позаботились?

— Так точно.

— Она должна находиться у меня.

Барон предвидел такой исход, извлек из кармана копию и положил на стол перед рейхсфюрером. Но приметы...

— Приметы вы укажете лично, — подарил ему индульгенцию на бессмертие рейхсфюрер. — Я распоряжусь, чтобы ни в коем случае на фронт вас не направляли. Но вы должны знать: я рассчитываю на вас.

...После африканского рейса и встречи с Гиммлером прошло более года. Порой Шмидту казалось, что в пылу военной горячки в рейхсканцелярии и СД давно позабыли и о нем, и о сокровищах. Служить ему теперь выпало начальником штаба полка ваффен СС, расквартированного почти на самой бывшей границе с Данией, под Фленсбургом, и, поскольку командира полка вскоре должны были отозвать в Берлин, то Шмидт всерьез рассчитывал на повышение. И вдруг этот вызов в Главное управление имперской безопасности.

Если вслед за похищением Муссолини первый диверсант рейха решит похитить под носом у союзников контейнеры с африканскими сокровищами и прикажет ему, барону фон Шмидту, возглавить поисковый отряд — это окажется лучшим, спасительным, вариантом исхода их встречи. Так что остается молить богов.

«Но если Скорцени намерен всего лишь заполучить карту, то он ее не получит, — решил для себя оберштурмбаннфюрер. Он четко выполнил приказ Гиммлера: «На вашей карте вы укажете все мыслимые ориентиры и тотчас же спрячете ее. Спрячете так, чтобы о месте знали только вы и я. Вы и я. И никто больше. Ни под каким предлогом. Это мой приказ, оберштурмбаннфюрер».

Он, конечно, с удовольствием отдал бы эту карту Гиммлеру и таким образом избавился бы от одной из самых драгоценных

тайн рейха, хранить которую с приближением мира становится все опаснее. Но пока что рейхсфюрер не потребовал этого. Скорцени, конечно, может получить копию карты от Крона, или, точнее, уже от Роммеля. Но, увы, без ориентиров.

— Берлин! — объявил проводник, как только поезд приблизился к столичному перрону.

«Берлин... Карта... Дерь-мо! — молвил про себя, словно заклинание, фон Шмидт. — Главное — уцелеть. После войны я сумею извлечь эти драгоценности без каких-либо карт. Со дна... Без какого-либо снаряжения... На ощупь!»

24

Положив трубку, Зонбах блаженно уставился в серый потолок кабинета. «Если учесть, что в тридцать девятом ты начинал унтер-офицером артиллерийского полка... Не так уж и плохо. Дослужиться до генерала тебе уже вряд ли удастся, это ясно. Даже если бы тебя бросили сейчас на передовую. Но до оберштурмбаннфюрера...»

Выйдя на берег горной речушки, Зонбах поднялся на небольшой холм, с вершины которого открывалась прекрасная лесная долина, уже давно превращенная в тренировочный полигон диверсантов. Какое-то время штурмбаннфюрер стоял на нем, наблюдая, как новый инструктор, полковник Курбатов, отрабатывает с отделением курсантов способы маскировки и продвижения по горной местности. Утыканные ветками, в буровато-серых маскхалатах курсанты то перекатывались, меняя позиции, то змеями заползали в расщелины или медленно, стараясь не выдавать себя, поднимались по пологому склону, у вершины которого метали ножи в чучела часовых.

В общем-то, Зонбах не был до конца доволен ни одним из инструкторов своей школы и никогда не скрывал этого: прибегать в таких вопросах к дипломатии было не в его правилах. Но что, какие обвинения он мог предъявить Курбатову? Предельно собран, нацелен на диверсию. Огромный боевой опыт... К тому же курсанты уже знали о том, что он умудрился пройти всю Россию от Маньчжурии до Германии, а в классе диверсий, на одной

из карт, исходя из рассказа полковника, даже был помечен весь маршрут его группы, приводивший в изумление всех, включая самого Зонбаха. Ведь даже те несколько курсантов, что из белых русских и уже нынешних, бывших красных казаков, говорили о выполнении заданий в России как о чем-то погибельном.

Всех остальных — немцев, итальянцев, нескольких словаков и хорватов — перспектива попасть в Союз вообще повергала в ужас. Если инструктора и намекали о ней, то лишь для запугивания нерадивых. Стоит ли удивляться, что на Курбатова они смотрели как на пророка Моисея, прошедшего по водам Мертвого моря, «аки посуху».

Иное дело барон фон Шмидт. Ему поручили обучать курсантов основам диверсии в портах и на море. Вот только предмета, судя по всему, он не знал и знать не желал. Преподавать ему тоже не хотелось. Пил, безбожно флиртовал с официантками, и на все замечания Зонбаха или его заместителя по поводу любой попытки поговорить с ним взрывался своим незаменимым: «Дерьрьмо!», которое со временем охватывало все больший и больший круг его понятий, представлений и эмоций.

— Я знаю, что для истинного офицера означает возведение в чин, — сдержанно заметил Курбатов, когда штурмбаннфюрер поведал ему о звонке из Берлина. — И не думаю, чтобы главную роль в этом сыграло мое напоминание. Хотя не напомнить я тоже не мог.

— Это будет оценено послезавтра, — похлопал его по плечу Зонбах.

— Томительно буду ждать, — шутливо заверил князь.

— Но для вас это будет не единственное событие, господин полковник.

— Что еще? — последний из курсантов уже почти достиг вершины холма, и князь засмотрелся на то, как он заползает на небольшую полочку, в каком-то странном кошачьем прыжке перебрасывает свое тело на небольшое плато, и тотчас же, без заминки и лишнего движения, поражает ножом одно из дальних чучел. Ближним, уже утыканным ножами, он попросту побрезговал.

— Русский? — спросил Зонбах.

— Сибиряк. Фамилия — Радунич. Из даурских, забайкальских то есть, казаков. С детства, вместе с несколькими другими казачатами, обучался при сотне пластунов.

— Пластунов?

— Особая каста казаков-разведчиков. Ее составляло несколько родов, все мужчины которых «пластуют» из поколения в поколение.

Далеко не все из объяснений князя оказалось понятным для Зонбаха, но суть он уловил:

— Значит, через месяц получите еще одного истинного диверсанта... в группу, с которой вновь отправитесь туда, за Волгу. Я правильно изложил ваши мысли и намерения?

— В основном.

— Что бы там ни говорили, а мой «институт девственниц-кармелиток» тоже иногда способен являть диверсионному миру нечто достойное... Хотя в душе я все же больше разведчик, а не диверсант.

— Поэтому долго отстаивали право «Гладиатора» готовить исключительно разведчиков, — согласно кивнул головой Курбатов.

— Но опыт показал, что за годы войны Германия направила в Россию тысячи «считальщиков вагонов», которых также тысячами и вылавливали. Если бы они эти вагоны и автоколонны не считали, а взрывали, исход войны для большевиков оказался бы совершенно иным. Так что позаботимся, чтобы и у этих парней тоже была «иная» судьба. Кстати, какой новостью вы хотели осчастливить меня? — сразу же напомнил ему Курбатов, считая, что предмета для полемики «разведчик или диверсант?» попросту не существует.

— Вы настаивали на том, чтобы время от времени отправлять курсантов в небольшие рейды по территориям, занятым красными итальянскими партизанами.

— С чем вы соглашались крайне неохотно.

— Опасаясь, что можете слишком увлечься, и вскоре мне вообще некого будет выпускать из школы.

— Следующий набор увеличим в два раза. Кандидатов, уверен, хватает. Зато, после определенной подготовки, — в рейды и на выживание...

— Так вот, я связался с представителем правительства Муссолини и со штабом генерала Вольфа. Получено разрешение на то, чтобы такой рейд был совершен. Расстояние не очень большое, это вам не Сибирь, но, по меркам Италии...

— От ставки Муссолини — до Рима, до храмов Ватикана? — спокойно, без тени иронии, полюбопытствовал Курбатов, и штурмбаннфюрер ни на мгновение не усомнился, что князь настроен именно на такой рейд: до Рима и храмов Ватикана.

— Надо бы предложить дуче и такой вариант. Тем более, что одно время фюрер загорелся было страстным желанием похитить папу римского.

— Ну?! И чем это кончилось?

— Операцию возглавлял Скорцени.

— Понятно, что не Борман.

— По замыслу своему это была гениальная операция.

— Почему же папа до сих пор в Ватикане?

— Так и не последовало решающего приказа фюрера: «Взять его!». Вмешались политики.

— Я всегда говорил: в таких случаях сначала нужно «брать» политиков.

— Вот и сейчас побережем не столько нервы дуче, сколько наших людей. Ограничимся переходом от нашей школы до побережья Лигурийского моря. Точнее, до виллы «Орнезия», которую Скорцени рассматривает в качестве послевоенной то ли ставки, то ли подпольной базы.

— Значит, вилла «Орнезия», владелицей которой является княгиня Сардони?

— Чувствую: знакомые места. Успели побывать там?

— К сожалению, не удалось. Но, благословляя меня и Шмидта в ваши «гладиаторы», Скорцени упоминал об этой вилле, о том, что следовало бы усилить тайный гарнизон ее, особенно когда станет ясно, что дело в Италии идет к развязке. Он настроен при любой ситуации спасти княгиню и ее виллу.

— Скорцени можно понять. У него действительно свои виды на этот уголок Италии.

25

Диверсанты закончили упражнения по «снятию часовых» и теперь спустились в небольшое ущелье, чтобы заняться «преодолением водных преград». Забыв на какое-то время о теме разговора, Курбатов и Зонбах приблизились к ущелью и выждали, пока начнется переправа.

— В отличие от всех прочих наших инструкторов, вы, как мы сказали, тренируетесь вместе с курсантами. И даже побывали на нескольких занятиях у своих коллег.

— Я — профессиональный диверсант.

— Однако вернемся к рейду.

— У группенфюрера Вольфа своя головная боль. В двадцати километрах от виллы находится наш запасной аэродром, дальние подступы к которому уже неделю блокируются партизанскими засадами. Так вот, нужно бы их отбросить, а еще лучше — истребить.

Услышав это, Зонбах взглянул на него с искренним уважением.

— Это уже реальная цель. Хотя вообще-то я не сторонник целевых походов. По моему убеждению, истинный диверсант должен действовать в тылу врага, исходя из ситуации, нанося удары там, где это представляется удобным. Мой идеал — вольный стрелок на вольной охоте.

— У вас это получалось. Однако не все диверсанты чувствовали себя профессионалами. Нужен контроль, иначе эти бездельники попросту загуляют.

— Такое тоже возможно.

— К пятидесяти нашим курсантам присоединятся рота разведки из расквартированного неподалеку полка СС, а также взвод егерей, неплохо знающих местные горы. Их задача — дойти вместе с вами до аэродрома, чтобы усилить его охрану.

— Ясно. Когда выступаем?

— Завтра.

Курбатов приказал унтер-офицеру немедленно прекратить «преодоление преграды», позволить курсантам переодеться в сухую одежду и через пятнадцать минут собрать их в «полевом

классе», то есть на площадке у блиндажа. Лишь отдав это приказание, он согласился, что к рейду генерал Вольф отнесся продуманно. Сил должно хватить.

— Еще бы! — хмыкнул Зонбах. — Очень скоро этот захудалый горный аэродром может оказаться последним, благодаря которому мы сможем эвакуироваться с этой части Италии. В том числе, возможно, придется уносить отсюда и самого дуче.

— Итальянцы будут весьма признательны нам. Кстати, мы не закончили. Егери останутся на аэродроме. А что с группой гладиаторов?

— После рейда к вилле они возвращаются на аэродром, чтобы оттуда на машинах в сопровождении двух танков и роты разведки прибыть в школу.

— Заманчиво.

— Осталось решить, под чьим командованием все это войско отправится в рейд. При этом я совершенно не настаиваю, чтобы вы, полковник, приняли командование на себя.

— Благородно, господин штурмбаннфюрер. У вас в запасе появился инструктор, имеющий опыт подобных рейдов?

— К сожалению... — развел руками Зонбах. — Можно было бы остановиться на кандидатуре оберштурмбаннфюрера Шмидта.

Курбатов демонстративно рассмеялся, высказывая таким образом свое отношение к Шмидту в роли командира рейдового отряда.

— «Дерь-рьмо!» — спародировал оберштурмбаннфюрер Зонбах, давая понять, что с оценкой полковника согласен.

— В таком случае остановимся на полковнике Курбатове, то есть на мне, если не возражаете.

— Штурмбаннфюрер недоверчиво посмотрел на князя, убедился, что он не шутит...

— Вот уж, действительно, благородно. Хотя и не совсем ясно, зачем вам рисковать здесь головой, которая еще понадобится для России.

— Именно для России и попытаюсь сохранить ее. Тем более что здесь, как я понимаю, сражаться придётся с теми же комму-

нистами, воюющими не столько против вермахта, сколько за то, чтобы установить в Италии коммунистический режим.

— Над этим нюансом я как-то не задумывался, — признал Зонбах. — Когда рискуешь жизнью, подобные мотивы всегда важны. Впрочем, вы ведь отправляетесь туда автоколонной, под прикрытием двух танкеток и четырех мотоциклистов разведки. По сравнению с вашим маньчжурским рейдом этот окажется легкой прогулкой по Италии.

— Все зависит от того, во что мы, диверсанты, сами превращаем наш рейд.

23

Майзель тараторил не умолкая, и постепенно это начинало раздражать Бургдорфа. Он сидел рядом с водителем и, мельком осматривая окрестные пейзажи, пытался составить хоть какую-то схему беседы с Роммелем. Там, у себя в квартире, он откладывал эти фантазии на потом, рассчитывая сориентироваться уже на месте. Но чем ближе они подъезжали к родным краям Роммеля, тем отчётливее Бургдорф понимал, что представления не имеет о том, как подступиться к «герою Африки».

«Прежде всего, он воспримет это как мою личную месть, — подумалось генералу, — как отмщение давнего завистника. И будет почти что прав».

Около часа назад связной самолёт ставки Верховного главнокомандования доставил их на полевой аэродром неподалёку от Людвигенбурга, где гонцов фюрера ждали «мерседес» бургомистра и бронетранспортёр, пригнанный сюда гауптштурмфюрером Вольке.

«Несмотря на наши поражения армейский механизм все ещё работает без особого скрипа, — отметил про себя Бургдорф, знакомясь с рослым командиром отряда ваффен-СС, который, как оказалось, пока ещё даже не догадывался, какая миссия выпала на его долю и долю его солдат. — Причём особенно слаженно он работает в тех случаях, когда речь идёт об истреблении собственного генералитета».

Теперь вслед за их просторным мерседесом двигалась кавалькада из пяти бронетранспортёров, битком набитых эсэсовцами. Создавалось впечатление, будто они направляются не в поместье выздоравливающего после ранения фельдмаршала, при котором и охраны-то никакой нет, если не считать некоего соседа унтер-офицера, по простоте душевной выполняющего при нём роль денщика, а для проведения крупной боевой операции.

— Какие бы события и происходили в стране, прежде всего — решение Суда чести. Мы основательно почистили армию. Фельдмаршалы, генералы, старшие офицеры из штаба армии резерва генерала Фромма... Все прошли через Суды чести. Дело тут в каждом из нас конкретно. Каждый из нас — просто генерал. Как все. Но Суд чести... Его решения неоспоримы.

Что бы генерал Майзель ни говорил, он произносил это в нос, немилосердно гнусавя. К тому же речь его была похожа на сплошное непрерывное нытьё, и напрасно Бургдорф пытался уловить в его монологе какую-то связь с той миссией, которую им придётся выполнять. Не менее сложно было уловить и логику его гнусавой напыщенности.

Бургдорф слушал Майзеля, всё более раздражаясь, и вид руин, оставленных вражеской авиацией в придорожных хуторах да в окрестных городках, лишь усугублял это раздражение, превращая разглагольствования Майзеля в бормотание юродивого на пепелище.

— Возможно, я или кто-либо другой мог бы простить фельдмаршала Витцлебена, генерала Фромма и нашего Лиса Пустыни... Но это — каждый из нас в отдельности. Что же касается высшего Суда чести... Он исходит только из высших интересов рейха. И только из высших соображений чести как таковой. Ибо честь — это непреходяще, Бургдорф. Что бы там ни говорили в некоторых штабах и казармах по поводу нашего Суда чести — непреходяще.

— О том, что думают сейчас в армии о Суде чести, вам может сообщить любой фельдфебель. Причем выразить это в самых изысканных казарменных выражениях.

— И всё же: «Залог верности — моя честь!» — девиз не только СС. Это девиз германца. — Отвисший подбородок Майзеля по-индюшиному метался по борту его кителя, а губы время от времени оказывались высокомерно поджатыми. Даже когда он пытался высказывать самые банальные житейские мнения, в его устах они приобретали убийственную фальшь высокомерной демагогии. — Суд чести всегда исходит только из этого. Да, изгнали из армии несколько сотен генералов и офицеров... Но этими мерами мы лишь укрепили вермахт.

— Ваше изгнание означает, что человека немедленно предают суду трибунала. Однако не будем об этом, — вовремя спохватился Бургдорф, искоса взглянув на гестаповца в штатском, прибывшего вместе с ними на самолёте из Берлина и теперь заменившего водителя машины бургомистра.

Но гестаповец сидел со скучающим видом человека, которому давно осточертели и сами вольнодумцы, и их вольнодумные речи. Он вёл себя, как иезуит во время испытания смирением, молчанием и многотерпимостью.

— А ведь через каких-нибудь полчаса мы появимся перед предателем рейха фельдмаршалом Роммелем, — нарушил молчание Майзель. — В его присутствии вы, Бургдорф, тоже станете упрекать меня как представителя Суда чести?

— Успокойтесь, не стану. Зато у Роммеля будут все основания упрекать нас обоих. Что вы сможете предъявить ему от имени Суда чести?

— Лично я — ничего. Лично я — всего лишь генерал Майзель. Но если бы фельдмаршал предстал перед Судом чести...

— Предстанет, предстанет. Можете считать, что уже предстал. Что дальше? Какое обвинение вы способны выдвинуть против него?

— Он был знаком со многими заговорщиками.

Бургдорф снисходительно рассмеялся.

— И это всё?

— Не всё. Фельдмаршал всячески поддерживал их. Мне понятно, почему вы затеяли эту полемику, потому что встали перед

вопросом: а что вы, лично вы, Бургдорф, способны инкриминировать Роммелю? И ответа пока что не находите.

— Не стану отрицать: встал. Однако существа проблемы это не меняет.

— Что же касается поддержки Роммелем заговорщиков... Ни одного приказа: ни письменного, ни устного из штаба Роммеля не исходило, — вдруг вмешался гестаповец, не отрывая взгляда от дороги. — Установлено абсолютно точно.

— И как понимать ваше утверждение? Что вы оправдываете действия и поведение Лиса Пустыни? — агрессивно уставился на водителя Майзель.

— Не я — его оправдывают обстоятельства.

— Тогда зачем мы едем к Роммелю?! — окрысился Майзель. — А главное, с чем? Его следовало бы вызвать в Суд чести. Повесткой.

— И что дальше?

— То, чего вы в своём гестапо не смогли, вы уж извините, добиться от фельдмаршала в течение полугода, мы добьемся за полчаса.

Гестаповец и Бургдорф рассмеялись так единодушно, что Майзель даже не решился возмутиться по этому поводу.

В десяти километрах от поместья Роммеля генерал Бургдорф приказал эсэсовцу свернуть с шоссе и отыскать ближайший полицейский участок.

— Это ещё зачем? — потряс отвисшим подбородком Майзель, однако Бургдорф взглянул на него, как аристократ на презренного да к тому же провинившегося лакея.

— Должны же мы предупредить фельдмаршала, что явимся к нему с визитом. Невежливо как-то...

— А по-моему, подобные визиты лучше наносить внезапно — я так размышляю. Вдруг Роммель что-то учует и постарается исчезнуть.

— Исчезнуть он может, лишь не учуяв, что стало бы досадной нелепостью.

— Извините, господин генерал, — впервые за всё время поездки позволил себе оглянуться гестаповец-водитель, — но у меня

создалось впечатление, что вы уже ни во что не ставите скромный опыт организации, которую я имею неосторожность представлять. Мои парни держат Герлинген под своим наблюдением уже третьи сутки. Мы отслеживаем каждый шаг «героя Африки».

«С какой же мстительностью гестаповец произнёс это! — заметил про себя Бургдорф. — С какой сладострастной всевластностью! — Он машинально ощупал нагрудный карманчик и, наткнувшись на ампулу с ядом, философски ухмыльнулся: — Привкус, говорите, у него малиново-жасминный?! Лучший парижский дегустатор французских духов испытывал! Ну-ну, специалисты выискались!».

26

Как только Зонбах ушел к себе в канцелярию, Курбатов приказал унтер-офицеру вызвать к нему в блиндаж Радунича, которого должны были выпустить из школы под кличкой «Оборотень». Казак прибыл минут через пять. Уже без маскировки, в расстегнутом до пояса френче, освежённый родниковой водой.

— Давно наблюдаю за вами, Оборотень, — налил полковник ему и себе вина, фужер которого из рук Курбатова заменял для курсанта и похвалу, и награду. Причем бывало, что порой полковник молча наливал его, курсант молча выпивал и, так и не услышав от инструктора ни слова, уходил. Вначале такую манеру полковника отмечать успех своих курсантов в школе воспринимали как странность, затем привыкли, а саму награду стали называть «Крестом молчания». — У красных служили в разведвзводе?

— И до войны, и во время...

Роста парень был невысокого, но так непомерно широк в плечах и вообще в кости, словно кости эти предназначались Господом не для человеческого организма, а для скелета мамонта.

— В плен сами сдались?

— Когда брали, троих в рукопашной уложил, — беседуя с кем бы то ни было, Радунич все время держал голову слегка наклоненной и чуть повернутой вправо, и это придавало его фигуре нечто такое, что и в самом деле заставляло вспоминать о волке-

оборотне. Под такой кличкой он и проходил теперь как диверсант и агент германской разведки. — До сих пор не пойму, почему они меня в пять штыков не растерзали, почему отделались всего лишь двумя ударами прикладом.

— Очевидно, потому, что разведчик и что были в казачьей форме.

— Казаков они, по-вашему, жаловали?

— По их теории, мы с вами, казаки, — уже не славяне, а потомки древних германцев, готов. Обитало когда-то между Кавказом и Азовским морем такое германское племя.

— Вам, господин полковник, лучше знать. Тоже ведь из наших, забайкальских казаков.

Радунич выпил, вновь подставил фужер, но полковник пододвинул к нему графин и сказал:

— Пей. Но не больше трех.

— Так зачем вызывали, господин полковник? — спросил тот, опустошив второй фужер.

— В общем-то «дело» ваше я изучил. Род древний, казачий. И не чувствуется, чтобы очень уж много крови пролили, поддерживая власть Советов.

— Это Советы нашей крови вдоволь пролили. «Кобе» ихнему, кремлевскому, захлебнуться хватило бы, два клинка ему в горло.

— Почему же тогда сопротивлялся, когда немцы в плен брали?

— Из люти, полковник, из ярости. Когда на меня лють находит, ни своих, ни чужих не признаю. В любой драке я лютее, чем в самом страшном бою. И потом я ведь не за коммунистов, я против германца воевал.

— Здесь вы в течение какого-то времени служили в резервной бригаде русского казачьего корпуса.

— Казак — он и в Италии казак. Вот уж не думал, что придется послужить под командованием самого батьки Шкуро. Расскажи в станице — не поверят. По всем ихним красным книгам, по всей истории, атаман Шкуро как самый лютый «враг народа» проходит. А вот нигде не говорилось, что остался в живых[1].

---

[1] Имеется в виду, что в это время генерал-лейтенант А. Шкуро командовал бригадой резерва русского казачьего корпуса СС, находившегося под командованием германского генерала фон Панвица.

— Найду возможность повидаться с ним. О батьке Шкуро у нас, на Дальнем Востоке, наслышаны. Ему ведь и бежать не пришлось, к разгрому Врангеля он уже и так по Елисейским полям бродил[1]. Да только разговор не о нем. Может случиться так, что очень скоро мне понадобятся несколько отпетых парней, с которыми можно было бы пройтись в обратном направлении: от Берлина до Харбина.

Курбатов впервые увидел очень похожую на волчий оскал улыбку оборотня: длинные желтые зубы-клыки оголялись так, что тонкие шершавые губы западали за десна, и, казалось, вернуть их на место Радунич уже не в состоянии.

— Так и знал, что рано или поздно захотите обратить меня в свою веру. Диверсант, прогулявшийся через всю Русь, от Маньчжурии до Германии, долго на одном месте не усидит. Как и казак, привыкший к дальним походам.

— То есть, в принципе, вы не против того, чтобы войти в мою группу?

— С вами готов идти хоть в пекло.

— Почему же первым не заговорили об этом?

— К чему? Пусть, думаю, присмотрится, два клинка ему в горло.

— Но вы понимаете, что мне нужны добровольцы, причем такие, чтобы...

— Вы мне вот что скажите, полковник: из тех, что вышли вместе с вами из Маньчжурии, многие дошли?

В этот раз полковник вновь наполнил фужер курсанта, затем свой и долго молча смаковал тепловатое, терпкое вино.

— Дошли, собственно, я и капитан фон Тирбах. Но в боях-стычках погибли немногие. Дело в том, что радиста мы, как и было велено, оставили в Чите. Один легионер, подполковник Иволгин, решил пройтись по Волге, поднимая восстание. По своей воле, кстати, остался. Еще один пустил себе пулю в лоб на гра-

---

[1] Во Францию генерал-лейтенант Шкуро прибыл по заданию барона Врангеля в составе делегации, возглавляемой генералом Драгомировым, для переговоров с правительством Франции, но, пока длились переговоры, Крымский полуостров был захвачен красными.

нице с Польшей. Когда до Германии рукой было подать. А ведь прекрасный диверсант: надежный, хладнокровный. Вот только граница ему эта — что кость в горле: с Руси уходить не хотел, а назад вернуться тем же путем, которым мы шли, силы воли не хватило.

— Такое случается, — проворчал Радунич, допивая из бокала остатки вина. — Потери, как вижу, небоевые.

— Но, скажу вам, Оборотень, мы себя не щадили. Шли, как способны идти только смертники. Многих стычек можно было избежать. Умышленно встревали в них, чтобы след по себе оставить. Чтобы потом и другие решались огнем и мечом пройтись по жидобольшевистской Совдепии. А то ведь красные нас уже похоронили: нас, движение наше... Поэтому неволить, унтер-офицер, не стану. А дадите согласие — сразу же произведу в офицеры.

— В офицеры?! — оживился Оборотень. — С детства видел себя офицером. Понимаю, для этого нужно получить образование.

— Считайте, что своё армейское образование вы уже получили. К тому же у меня принцип: в группе только офицеры. Элита армии, офицерское слово, офицерская честь...

— Об этом тоже наслышан.

— А о том, что именно вы станете на время похода моим заместителем, услышат другие. Кстати, подберите, прапорщик Радунич, еще троих-четверых курсантов, из наших, из славян. Только самых надежных.

— Прапорщик? Отныне я прапорщик?!

— Право производить в офицерский чин мне дано самим главкомом Семёновым. Генерал-лейтенантом, атаманом Григорием Семёновым, — уточнил полковник.

— Да слышал, слышал о нём. Благодарю за оказанную честь, господин полковник! — подтянулся Радунич. — За офицерскую честь. Очень тронут. Служу России.

С разрешения Курбатова Оборотень манерно, пуская дым кольцами и немного куражась, офицер как-никак, закурил, задумчиво глядя при этом в бойницу. Взгляд его по-прежнему оставался холодным и жестким. Курбатов любил наблюдать, как

этот парень отрабатывает приемы рукопашного боя. Винтовкой с примкнутым штыком он владел, как самурай мечом. Держался при этом тоже по-самурайски. Так же прекрасно он метал нож, топор и какие-то, собственной конструкции, заостренные треугольники, поражавшие с большей вероятностью, чем любой из метательных ножей.

— Двоих могу назвать хоть сейчас: лейтенант Кочетов и старшина Угрюмов. Тоже из красных, но...

— Кочетов? А что... может быть. Тоже присматривался к нему. Что же касается Угрюмова, сказать пока трудно. Но с этих двоих и начинайте формировать нашу группу. Предстоит рейд к аэродрому, тогда и присмотримся к каждому из них.

— Да вы не волнуйтесь, за нами потянутся многие, — неожиданно заключил Оборотень. — Спят и бредят Россией. Но те, что всё же пойдут с нами, два клинка им в горло... В историю войны этот поход так и войдет как «поход смертников». Лично я спокоен, потому что умру, как и мечтал, офицером.

«Вот теперь он начинает нравиться мне по-настоящему, — понял Курбатов. — Его бы в группу, с которой я выходил из Маньчжурии...»

27

Буквально за час до того, как оберштурмбаннфюрер фон Шмидт должен был ступить в кабинет Скорцени, начальнику диверсионного отдела РСХА доложили, что бывший командир линкора «Барбаросса» покончил с собой.

— Нет, Родль, мы никогда не сможем смириться с потерей такого командора, — сокрушенно покачал головой первый диверсант рейха, выслушав этот скорбный доклад. — Когда старый моряк уходит из жизни за два дня до присвоения ему чина контр-адмирала — это непостижимо.

— Уверен, что командование военно-морских сил потрясено непродуманным шагом командора Аугштайна не меньше нас.

— Кстати, кто именно сообщил вам об этом прискорбном происшествии?

— Обер-лейтенант Кремпке.

— Понятно: тот самый сын ювелира, который был в составе охраны африканского груза...

Они оба глубокомысленно помолчали. «Кто сообщил о самоубийстве Аугштайна, — размышляли они, — тот и является организатором этого "самоубийства». Но стоит ли напоминать об этом друг другу вслух?

— А что сам обер-лейтенант?

— Я подсказал его начальнику, чтобы завтра же он был отправлен на фронт. Но уже с повышением в чине. Парень явно засиделся и в тылу, как, впрочем, и в обер-лейтенантах.

— Надеюсь, он не пойдет по стопам командора и не лишит себя удовольствия дождаться этого повышения?

— Опасаюсь, что волна самоубийств, прошедшая в кругу людей, так или иначе причастных к доставке из Африки сокровищ фельдмаршала Роммеля, может перерасти в эпидемию. Мы и так уже потеряли шесть человек. Не считая тех восьми, которые действительно погибли, пусть даже и не в боях.

— Поиски кладов всегда связаны с легендами и потусторонней силой.

— Явно потусторонней. Но по стопам своего командора Кремпке не пойдет. Хотя... кто знает. Они ведь познакомились еще в Тунисе. Лейтенант явно понравился командору... уже хотя бы тем, что обратился с просьбой помочь перевести его на службу во флот.

— Но ведь согласитесь, Родль, такое обращение не могло не тронуть заскорузлую душу старого морского волка.

— Познакомившись с Кремпке, я посоветовал ему вновь обратиться к командору с той же просьбой. Тем более что после ранения Аугштайн отдыхал в своем деревенском доме неподалеку от Шведта, что рядом с местом службы Кремпке, который, как известно, входит в состав гарнизона «Лагеря дождевого червя»[1].

— Вот оно что!

---

[1] «Лагерь дождевого червя» — такое название получил подземный лагерь, собственно, целый подземный город СС, созданный немцами на территории нынешней Польши. О нем вы можете прочитать в романе «Восточный вал». — *Примеч. авт.*

— Получив отпуск, Кремпке сразу же отправился в гости к командору.

— Вы утомили меня своими подробностями, — поморщился Скорцени.

— Всего лишь хочу подчеркнуть заслуги Кремпке, — лукаво ухмыльнулся адъютант.

— У оберштурмбаннфюрера СС фон Шмидта заслуг не меньше. Позаботьтесь, чтобы мы встретились с ним на одной из наших городских квартир.

— Например, в квартире Фройнштаг...

— Жестокий вы человек, Родль, — покачал головой Скорцени, давая понять, что своим предложением тот вызывает у него бурю всяческих воспоминаний и эмоций. — Но разрешение вы получили.

«Квартирой Фройнштаг» они называли обиталище, в которое Скорцени впервые поселил унтерштурмфюрера Лилию Фройнштаг, когда она только появилась в Берлине. Это была одна из секретных квартир отдела диверсий СД, которую они использовали в крайне редких случаях — когда нужно было «отдышаться» одному из агентов или провести тайную встречу.

— Кстати, как там поживает еще один хранитель сокровищ Роммеля, недавно произведенный в новый чин полковник Крон?

Замешательство Родля продолжалось недолго. Он давно взял в свои руки опеку над всеми, кто так или иначе причастен к «корсиканскому кладу». И постепенно Скорцени с удивлением открывал в нем гениального организатора всевозможных акций «по устрашению и исчезновению». Он умел делать это, привлекая агентов Скорцени, но так, что при этом и сам, и шеф оставались в тени. А люди умолкали, а то и исчезали совершенно естественным образом, безо всякой огласки.

— На днях Крон побывал на встрече с фельдмаршалом Роммелем.

— Напрасно вы иронизируете, Родль, Лис Пустыни всегда был гостеприимным хозяином.

— Особенно когда приглашал господина Крона. Ибо его гостеприимство, как надеется Роммель, будет оплачено из корсиканских тайников.

— То есть хотите сказать, что на оберштурмбаннфюрера Шмидта Роммель не рассчитывает?

— Но ведь и мы с вами, господин штурмбаннфюрер, вряд ли станем рассчитывать на услуги Крона.

— Как не станем мириться с тем, что полковник и впредь будет путаться у нас под ногами, дьявол меня расстреляй. Да к тому же пользуясь покровительством влиятельного полководца.

Их взгляды встретились лишь на какое-то мгновение. Но этого было достаточно, чтобы Родль воспринял слова шефа как приказ убрать полковника. В таких случаях Скорцени всегда недоговаривал, чтобы при необходимости сделать удивленный вид и, избежав каких-либо обвинений, спросить у того же адъютанта: «А кто, собственно, приказывал? Как вы могли решиться на такое?!».

Но Родль не роптал. Он понимал: такова уж судьба всякого адъютанта, тем более если ему выпало быть адъютантом первого диверсанта рейха.

— Может, поручить это самому Шмидту? Или, точнее, предоставить такую возможность? Зачем ему конкурент?

— Барон не пойдет на это. Да и к чему усложнять? Другое дело, что Шмидт должен одним из первых узнавать об исчезновении очередного офицера, посвященного в тайну корсиканского клада.

— Это произведет на него неизгладимое впечатление, — согласился гауптштурмфюрер Родль.

26

Рассвет наступал мучительно долго, то осеняя окна виллы проблесками осенней зари, то вновь угасая, и иногда Роммелю казалось, что на самом деле это собственное сознание то заставляет его покидать этот бренный мир, то вновь возвращает в него. А вместе с сознанием происходят приливы и отливы страха и надежды, мужественного отчаяния и столь же отчаянного мужества...

Спасительный сон предал фельдмаршала ещё в полночь, как предавал в последнее время почти каждую ночь. При этом зате-

рянное в гористой части Южной Германии поместье Герлинген иногда казалось Роммелю последним надёжным укрытием, иногда — ловушкой, которую следует как можно скорее покинуть. Наступали минуты, когда фельдмаршал с трудом подавлял в себе желание взять небольшой запас продуктов, забиться в какую-нибудь альпийскую деревушку и затаиться там, чтобы дождаться конца войны. Должен же отыскаться какой-нибудь отставной солдат Африканского корпуса, который, рискуя жизнью, попытается спасти своего маршала. Вон сколько отыскивалось их во времена Наполеона, когда требовалось постоять за опального корсиканца!

— Штофф! Унтер-офицер!

Полусонно, растревоженно проскрипел диван, послышались шаги, и лишь когда дверь приоткрылась, донёсся резковатый гортанный голос его добровольного адъютанта. Роммель добился отсрочки возвращения Штоффа в часть, и теперь тот уже почти официально выполнял обязанности денщика, адъютанта и камердинера.

— Не волнуйтесь, я не ушёл, не оставил вас, господин фельдмаршал. — Штоффу почему-то казалось, что больше всего полководец опасается, как бы он, последний солдат, не покинул его. — Я тоже, как и вы, давно не сплю.

Это был довольно смышленый двадцатисемилетний парень, на удивление тонко улавливающий состояние, в котором оказался «герой Африки» после подавления заговора против фюрера. Свой жизненный путь Макс Штофф начинал студентом университета, однако проучился там всего несколько месяцев, после чего был изгнан за драку, учиненную прямо в аудитории, и прочие выходки. Этот физически очень крепкий парень был мало похож на агнца и вполне мог бы украсить одну из диверсионных групп Отто Скорцени. Поэтому в какой-то степени Роммель рассчитывал на него, как и на телохранителя.

Что же касается самого Штоффа, то преданность его земляку-полководцу была непоказной и вполне искренней, другое дело — что этот парень требовал, чтобы её замечали и чтобы о ней постоянно помнили.

— Подойди сюда, Макс, присядь, — негромко проговорил фельдмаршал. — Существуют ночи, которые легче коротать вдвоём. Даже если это ночь перед казнью.

— Этот день следует коротать кто как может. А ночь — она всегда наша, только наша. Даже если она последняя, потому что перед казнью, — философствовал унтер-офицер, устраиваясь в старинном, необъятном кресле с фигурками львов на подлокотниках.

В вопросах житейской философии он чувствовал себя на равных с Лисом Пустыни и порой даже пытался поучать его. Зато приказы и просьбы фельдмаршала выполнял беспрекословно, что и заставляло Роммеля терпеть его пребывание в своём доме во всех мыслимых ипостасях.

— Послушай, унтер-офицер, у тебя есть знакомые где-нибудь в деревнях, неподалёку от швейцарской границы или в Австрии? Может, кто-нибудь из наших, «африканцев» или из тех, кто служил под моим командованием во Франции. Главное, чтобы на них можно было положиться, как в сражении под Тобруком.

— Наверное, есть.

— Они должны быть, унтер-офицер.

— Наверное, должны, — апатично согласился Макс. — Вообще-то, никогда не тревожу своих родных и знакомых. Таков мой принцип. Но если подумать, и если это так важно для вас, господин фельдмаршал...

— Очень важно, Штофф. Меньше философствуй, лучше напрягай память.

— Только знать бы, кто из них сейчас дома, кто на фронте, а кого уже давно нет.

— А ты подумай, только хорошенько подумай, — молвил Роммель, садясь в широком деревянном ложе, таком огромном, что в нём спокойно могла бы улечься половина взвода.

— И что они должны будут сделать, если появятся?

Роммель не ответил, словно бы не расслышал, и Штофф вынужден был повторить свой вопрос.

— Пока ничего, унтер-офицер, — неохотно объяснил Лис Пустыни. — Для начала они всего лишь должны появиться. А мы с

тобой должны твердо знать, на кого из них можно положиться, а кто всё же предаст. Несмотря ни на что — предаст.

— Если рассчитывать на их помощь во время оккупации рейха англичанами, или, что ещё хуже, — русскими, то таких, которые были бы способны предать вас, не окажется. Но всё будет поиному, когда речь пойдет о гестапо. Если вам придётся прятаться от сотрудников из ведомства Мюллера или Кальтенбруннера...

На какое-то время Роммель впал в забытьё.

— Почему ты решил, что речь идет о гестапо, что мне придётся прятаться от него? — остался недоволен его догадливостью фельдмаршал.

— Потому что о гестапо речь может пойти везде и в любое время. Даже когда само гестапо уже прекратит своё существование.

— Значит, это правда, что в своё время из университета тебя изгнали не за обычную студенческую драку с попойкой?

— За драку, да только избивать мне выпало добровольного информатора гестапо и полиции, который донёс на моего друга. Под суд, а значит, и в лагерь, я не попал только потому, что вмешался знакомый моего отца, партийный функционер, лично знакомый с Борманом. Теперь нам с вами тоже куда больше следует опасаться гестапо, нежели англичан или американцев, поскольку гестапо будет всегда, даже когда его уже... не будет.

Эрвин отметил про себя, что местоимение «нам» унтер-офицер употребил исключительно из деликатности, чтобы не ставить себя в особое положение. Зато фельдмаршалу сразу стало ясно, что никаких дополнительных разъяснений Штоффу не понадобится.

— Завтра же пройдусь по старым адресам в своей записной книжке, поспрашиваю жену. Она лучше помнит моих друзей, нежели я сам, поскольку считает своим священным долгом оберегать от них, — суховато рассмеялся Макс.

— Мы — солдаты, Штофф. Жёны в расчет не принимаются.

— Мой принцип таков же, господин фельдмаршал. Но ведь у вас-то друзей должно быть намного больше, причём более влиятельных.

— Ты прав: их много. Но уверен, что ни один из них, когда понадобится, не приютит меня, и уж тем более не укроет.

— Ни один, — с той же безучастностью смертельно уставшего путника или сонного ночного портье подтвердил Штофф. — И будут считать, что правы. Теперь каждый будет выживать в одиночку. Как в дремучем лесу, в окружении врага или стаи волков. — Он помолчал, а затем вдруг обронил:

— Кроме Муссолини...

— Что значит «кроме Муссолини»?

— Не приютит никто, кроме Муссолини. Почему мы с вами забыли о дуче, который обязан рейху своим спасением?

Ответом ему стал вызывающе дерзкий смех фельдмаршала. Им было сказано всё, что Роммель думал сейчас по поводу надёжности великого дуче Италии.

— Он действительно обязан, Штофф, но не мне, а фюреру. Но именно фюрер сейчас не благоволит ко мне, а значит, дуче выдаст меня по первому же его требованию.

— Что совершенно несправедливо. В Африке мы больше сражались за Италию, нежели за Германию.

— Дуче сам мучительно решает для себя, кто бы укрыл его в следующий раз, когда рассчитывать на бункер фюрера уже будет бессмысленно, — мрачно заметил Роммель, чтобы заставить унтер-офицера поскорее забыть о вожде итальянских фашистов.

— Ничего, отыщем какой-нибудь заброшенный «блиндаж» и отсидимся в нём, пока не утихнет артналёт. Как отсиживались уже не раз. Таков мой принцип.

— Потому и прошу: попытайся отыскать этот самый «заброшенный блиндаж». Как видишь, больше обратиться мне, вроде, не к кому.

28

Вернувшись в офицерскую казарму, где у него была отдельная комната, Курбатов свалился на кровать и несколько минут лежал, глядя прямо перед собой. Мысленно он проходил, вернее, пытался пройти весь тот путь, который сумел преодолеть во главе группы «маньчжурских легионеров». Теперь, уже здесь, в

Италии, князь все чаще возвращался к этому походу, отдельные фрагменты которого представали перед ним то в виде неприятных, навязчивых видений, то в виде удивительно светлых, как воспоминания юности, грез. Его вновь тянуло в Украину, в Россию... Хотелось начать свой новый рейд с Карпат и завершить на прибрежных сопках Дальнего Востока.

Познав вкус диверсионного пилигримства, он теперь жертвенно предавался соблазну нового пути, как размечтавшийся о прощении всех грехов паломник.

Устав от воспоминаний и грез, полковник неожиданно задремал, но в это время в дверь постучали и на пороге возник лейтенант Шенге, адъютант начальника лагеря:

— Разрешите обратиться, господин полковник!

— Что там опять произошло? — поинтересовался Курбатов, продолжая лежать с полузакрытыми глазами. — Зонбаха повысили до бригаденфюрера?

— Нет, но, если позволите, эта новость очень важна именно для вас.

— Хотите сказать, лейтенант, что до бригаденфюрера повысили меня?

— Извините, господин полковник, но о вашем повышении в чине мне пока что ничего не известно. — До предела педантичный, лишенный всяких эмоций, этот лейтенант скорее был похож на безучастного, переусердствовавшего в молитвах монаха, нежели на адъютанта начальника разведывательно-диверсионной школы, который к тому же сам недавно стал выпускником ее диверсионного отдела. — Здесь две радиограммы. Специально для вас.

— Так несите их сюда, лейтенант, утешьте отставного диверсанта.

— «Полковнику Курбатову, — прочел он. — Вам поручено сопровождать груз особой важности. Он прибудет в бронемашине. Адрес доставки вам сообщат. Отвечаете головой».

«Какая бестактность, — покачал «ответственной» головой Курбатов. — Мог бы обойтись и без угроз! Смысл второй телеграммы оказался более романтичным:

«По сообщениям агента Аттилы, недавно он случайно встретился с известным вам Иволгиным». — Каких только чудес не случается в этом мире! — изумился этой неожиданностью князь. — Ротмистр Иволгин объявился! Он всё еще живет идеей создания Народной армии освобождения Поволжья или что-то в этом роде! — «Выйдя на связь, этот агент, до недавнего времени считавшийся пропавшим без вести, сообщил, что группа, которую он и Иволгин возглавляют, движется в сторону Украины. Подумайте, есть ли смысл послать им навстречу нашу группу, способную усилить ее и развернуть диверсионную работу? Возможно, с включением части группы известного вам штурмбаннфюрера Штубера. Ваше мнение, князь? Скорцени».

— Когда явиться за ответом, господин полковник?

— Он уже готов.

— Позвольте записать?

— Скрипите пером, канцелярист. А текст такой: «Груз будет доставлен. Прошу определить контрольные точки, на которых предполагается установить связь с группой Иволгина. Готов создать группу поддержки и возглавить её». Записали?

— Так точно, господин полковник.

— Если станете настаивать на том, чтобы в группу включили и вас, лейтенант, можете рассчитывать на мою поддержку.

— Меня? — безинтонационно переспросил Шенге. — Можете не рассчитывать. Я не самоубийца, поэтому хочу благополучно пережить эту войну, которая уже давно потеряла для меня всякий смысл.

— Что можете понимать в смысле войны вы, так ни разу этого самого смысла не познавший?

— Очевидно, мне это не дано. Как не дано познать ее никому другому. Ибо всякая война бессмысленна.

— В этом-то высший смысл её и заключается, — мечтательно улыбнулся Курбатов. — Конечно, всякую войну начинает кто-то конкретный, в связи с конкретным конфликтом, исходя из конкретных политических амбиций. Но те, кто оказывается на полях сражений, очень скоро забывают и имена инициаторов этой войны, и причины, побудившие армии взяться за оружие. Дальше

она развивается по своим, только Господу — да и то вряд ли — понятным законам.

— Смею предположить, — всё так же безучастно поддержал его Шенге, почувствовав, что в эти минуты — вот так вот, лежа в постели, с закрытыми глазами — Курбатов беседует не столько с ним, сколько с самим собой.

— В конечном итоге, каждый находит в войне то, что ищет, что способен найти. Одни усмиряют в окопах и в штыковых атаках свою ненависть, другие — ярость и гордыню, третьи — трусость... Одни видят в ней способ раскрыть талант диверсанта, разведчика, офицера, полководца. Другие входят в нее, как в воды Иордана, избавляясь от скуки и безысходности обыденного бытия.

— И что же, осмелюсь спросить, пытаетесь найти в этой войне вы, господин полковник?

Заслышав подобный вопрос, Курбатов обычно считал тему исчерпанной, однако на сей раз его повело. Где-то в глубине души его задевала инертность этого немца. Словно бы не его армия начала войну.

— Многое. Прежде всего, вернуть России казачество. А казачеству — его честь и былую воинскую славу, право на землю и волю, а еще — на ношение оружия, что для всякого казака так же свято, как для священника — право на сутану.

— И никаких личных мотивов?

— Вспомните, что находили в войне германские рыцари. Что вело большинство из них в дальние страны, принуждало воевать на стороне немилых им королей, на чужих полях сражений, где они не могли найти ничего, кроме рыцарской славы и рыцарской чести. Если только удавалось уцелеть. Считайте, что перед вами один из последних рыцарей Европы.

— Прекрасный ответ, господин полковник. Очень жаль, что лично я не способен сказать нечто подобное о себе. Очевидно, есть люди мира и люди войны. Я, еще недавно подававший надежды университетский преподаватель философии, принадлежу, как теперь выяснилось, к первым. Хотя, как видите, пытаюсь найти свое место и среди тех, кто считает себя людьми войны.

29

Хотя ночной разговор с унтер-офицером, вроде бы, закончился ничем, он всё же принёс Роммелю облегчение. Не прошло и пяти минут с того момента, когда Штофф оставил спальню, как фельдмаршал уже погрузился в сон. Однако сжелал это лишь для того, чтобы долго и трудно, с ясно ощутимой усталостью подниматься по Тропе Самоубийц, выводящей к вершине Горы Крестоносца.

Там он и застыл, в конце тропы, с трудом удерживаясь на краешке пропасти. Какая-то сила безудержно влекла его вниз, сталкивала с вершины, заманивала в бездну. Причем ещё во сне Эрвин понял, что сон этот вещий.

«Нет, — внушал ему некий полубожественный-полусатанинский голос, — на этой вершине тебе уже не удержаться. В этот раз на Тропе Самоубийц тебе не устоять!».

Просыпался Роммель, стоя перед входом в гробницу Крестоносца, словно перед судными вратами рая.

— Штофф! — испуганно, будто в сонном бреду, позвал он своего денщика, совершенно не обращая внимания на давно взошедшее солнце, разливавшееся лучами по узорному стеклу окна. — Где ты, унтер-офицер?!

— Вы правы, — появился в дверях денщик, — сегодня или в ближайшие дни что-то должно произойти. Всю ночь меня мучают те же страхи и предчувствия, которые одолевают вас.

— Почему ты считаешь, что они преследуют меня? — попробовал хоть в какой-то степени оправдаться, а заодно и остепениться Роммель.

— Раньше все мы, солдаты, ощущали ваше величие. — Роммель уже привык к словесной пышности и непосредственности денщика, тем не менее, подозрительно покосился на него: уж не пытается ли он подтрунивать над своим командиром? — И смерть, как мы считали, тоже боялась вас. В нашем представлении вы остались непобедимым и бессмертным.

— Что же изменилось? Я кажусь вам другим только потому, что теперь мы с вами не в Африке?

— Теперь же вы... Нет, простите господин фельдмаршал... Впрочем, вы и сами все прекрасно понимаете. Таков мой принцип.

Щадя самолюбие командующего, Штофф так и не договорил. Да в этом и не было необходимости. Роммель понимал, что его время прошло, теперь он уже больше не кумир ни для солдат, ни для фюрера.

«Так, может, тебе самое время уйти? — жестко спросил себя фельдмаршал. — Пока ты еще действительно способен уйти «героем Африки», а не жалким заговорщиком из висельничной свиты Фромма и Штауффенберга?».

30

Оставив эскорт из бронетранспортёров на обочине, «мерседес» несколько минут скитался по разбросанным между холмами и кирхами улочкам городка, пока наконец не наткнулся на вывеску «Полиция». От самого здания остались, правда, только развалины, однако теперь уже разыскать полицейский участок оказалось несложно.

— Первая и единственная бомба, сброшенная американцами на наш городишко, и та попала прямо в камеру предварительного заключения, — объяснил начальник полиции, устроившийся со своими подчинёнными в конфискованном особняке, еще недавно принадлежавшем семье еврея-адвоката. — Не бомба, а бич господний. Хорошо ещё, что в участке оставались только дежурный да два задержанных нами подозрительных типа.

— Так вот, вторая бомба, случайно выпавшая из заблудившегося бомбардировщика, разнесёт ваш участок, если вы сейчас же не свяжете нас с одним ближайшим поместьем, — пригрозил Бургдорф, решительно направляясь к телефонному аппарату.

— Разве что это будет поместье фельдмаршала... — не задумываясь, развеял загадочность его намерений обер-полицейский.

— Что, уже кто-то пытался связаться с ним до нашего приезда? — настороженно поинтересовался генерал.

— Несколько раз. Но не сегодня.

— И кем оказался последний любопытствующий?

— Некий морской офицер. С ним беседовал дежурный полицейский, на всякий случай проверивший у старого морского бродяги документы. Они оказались в порядке.

— Как давно это было? — вмешался в разговор гестаповец.

— Дня четыре назад.

Гестаповец понимающе кивнул. Морской бродяга появлялся здесь до появления у поместья его людей. Поэтому он тотчас же пожелал встретиться с дежурившим в тот день полицейским.

Что-что, а связь действовала здесь с сугубо германской беспрекословностью. Уже через минуту адъютант фюрера терпеливо дожидался, пока к аппарату позовут фельдмаршала Роммеля. При этом он движением головы выставил начальника участка за дверь.

— Это вы, Эрвин? — решил Бургдорф сразу же установить доверительные отношения с будущей жертвой.

— Здесь фельдмаршал Роммель, — глухим, неокрепшим голосом представился владелец поместья. — С кем имею честь?

— Мне не хотелось бы заподозрить тебя в том, что отказываешься узнавать старых фронтовых друзей. Пусть даже по голосу. С генералом Бургдорфом, адъютантом фюрера, ты имеешь дело, Эрвин. С кем же ещё?

— Бургдорф? — всё тем же резковатым, официальным голосом переспросил Роммель. — Это ты?

— Что неоспоримо, — ответил генерал своей всем известной фразой.

— Вот теперь узнал, — без особой радости констатировал Лис Пустыни. — Не так уж часто эти самые старые фронтовые друзья находят время, чтобы дозвониться до меня. Не говоря уже о желании проведать. Поэтому не знаю, стоит ли радоваться твоему звонку.

— Не стоит, — буднично посоветовал Бургдорф, стараясь не встречаться взглядом с несгибаемым судьей из Суда чести вермахта. И тоже перешёл на официальный тон: — Однако желание проведать вас, фельдмаршал, у меня и в самом деле появилось.

— Обо мне уже вспомнили в ставке фюрера?

— Вспомнили, фельдмаршал, вспомнили.

— Это обнадёживает, — как-то безинтонационно пробормотал Роммель.

— Однако о воспоминаниях потом. Как вы себя чувствуете?

— По-солдатски. Жду дальнейших приказаний.

— Ответ истинного фельдмаршала.

— Мне следует ждать вызова в ставку главнокомандующего?

— Не следует. Ждать следует меня.

Слышно было, как Роммель удивлённо хмыкнул, и понадобилось несколько секунд, прежде чем он удосужился спросить:

— И когда именно прикажете ждать?

— Прямо сейчас.

Роммель запнулся на полуслове и натужно прокашлялся. Он тянул время, не зная, как реагировать на эту новость.

— Что-то произошло? Фюрер решил направить ко мне столь высокопоставленного гонца? — в голосе его явно проскальзывали нотки тревоги.

— Война, господин Роммель. А на войне постоянно что-то происходит.

Уклончивый ответ адъютанта фюрера Лису Пустыни явно не понравился.

— Где вы сейчас находитесь? — сухо поинтересовался он.

— В получасе езды от вашего поместья.

— И только теперь решили предупредить о своём визите?! — недовольно проворчал Роммель. — Странные теперь у вас в ставке манеры, генерал.

— Кстати, я не один. Со мной генерал Майзель.

— Какой еще генерал Майзель?

— Из Суда чести. Чин генерала он получил совсем недавно.

— Из Суда чести?! Любопытно. Таковой ещё существует?

— И будет существовать до тех пор, пока существует рейх.

Бургдорф умышленно упомянул о принадлежности Майзеля к судьям этого суда. Таким образом он уже готовил фельдмаршала к будущему трудному разговору о его дальнейшей судьбе. Лис Пустыни должен был всё понять ещё до того, как они встретятся.

— Мы тут были по делам и решили, что коль уж оказались так близко от вашего имения... Так что, если у вас найдётся бутылка хорошего французского коньяку...

— Напрасно вы упомянули обо мне, — едва слышно произнёс Майзель и, демонстрируя своё недовольство, нервно прошелся перед ним взад-вперёд.

— Всю оставшуюся жизнь мне суждено пить только французский коньяк, — молвил Роммель. — Из старых парижских запасов, которые служат мне теперь горьким напоминанием.

Прежде чем ответить, Бургдорф молитвенно взглянул на потолок, словно призывал в свидетели Господа, ангелов и всех существующих духов. В эти минуты ему было искренне жаль несостоявшегося «наполеона Германии», одного из лучших полководцев рейха. Да, из лучших, с какой бы завистью он и прочие генералы ни воспринимали эту очевидную истину.

— Вы правы, фельдмаршал: теперь уже — всю оставшуюся жизнь... Вы становитесь пророком. Для человека в военном мундире это всегда опасно. В вашем распоряжении не более часа. — И, немного помолчав, поддавшись внезапно нахлынувшему чувству солидарности с обречённым полководцем, неожиданно для самого себя добавил: — Подумайте, стоит ли вам радушничать с незваными гостями.

Уловив в его словах некий скрытый смысл, Майзель набыченно уставился на Бургдорфа, однако тот помнил, что является адъютантом фюрера и не обязан давать Майзелю какие-либо разъяснения. Положив трубку, он молча прошёл мимо судьи, вышел из особняка и направился к «мерседесу».

— Как вам показалось, Бургдорф, — примирительно спросил ревнитель офицерской чести, выходя вслед за ним из участка, — фельдмаршал почувствовал опасность?

— Он почувствует её, доставая из буфета специально для этого случая прибережённую бутылку французского коньяку. Визит покажется ему разорительным.

— Вы всё ещё склонны шутить по этому поводу? — слегка обиделся Майзель, принципиально не признававший подобного легкомыслия при обсуждении серьезных дел.

Бургдорф взглянул на часы и предложил Майзелю зайти в ближайшую пивную. Чувствуя, что у него пропало всякое желание продолжать эту поездку, судья охотно согласился.

Отпивая тёмное баварское пиво, Бургдорф почти явственно ощущал его малиново-жасминный привкус. Причём это было не вкусовое наваждение. Он действительно ощущал этот привкус воинского предательства и фюрерского коварства.

— Если Роммелю удастся бежать, мы с вами, Бургдорф, окажемся в сложном положении, причем исключительно по вашей вине, — высказал Майзель то, что терзало его с тех пор, как он стал свидетелем разговора двух старых друзей-соперников.

— Вы абсолютно правы, Майзель. Причём постарайтесь не упустить эту важную деталь: «исключительно по вине Бургдорфа».

— Да, я утверждаю: если Роммель убежит, мы оба, исключительно по вашей вине, окажемся в идиотском положении, — настоял на своём судья.

— Но ещё в более идиотском положении мы окажемся, если Роммелю вдруг не удастся бежать, — проворчал Бургдорф.

— То есть?..

— Вы всё слышали, Майзель. Я сказал: «Если, к нашему несчастью, фельдмаршалу Роммелю не удастся бежать, мы превратимся в его палачей».

Глядя на покрытую пеной пивную кружку, словно на чудотворную икону, генерал Майзель молча перекрестился.

31

Колонна медленно поднималась по серпантину хребта, забираясь все выше и выше, к террасам виноградников, рощицам карликовых сосен и небольшим садам, между которыми то тут, то там возникали все еще уцелевшие в пекле этой войны хутора.

Въезжаем в самую опасную зону, господин полковник, — проговорил штурмбаннфюрер Пауль Умбарт, сидевший рядом с водителем. — Здесь очень часто появляются партизаны.

— Партизаны — дерь-рьмо, — проворчал барон фон Шмидт. Он почти не расставался с бутылкой вина, и по мере того, как

очередная бутылка пустела, перебитый в одной из боксерских схваток нос барона всё явственнее становился багровым, а взгляд необратимо стекленел. — Но если кретины, которых вы, майор, усадили на мотоциклы, прозевают хотя бы одну засаду, я лично пристрелю вас на этом же сиденьи.

— Далеко до ближайшего поселка? — спросил Курбатов, брезгливо поморщившись. Всякий раз, когда Шмидт начинал говорить, князь морщился так, словно сам тембр голоса оберштурмбаннфюрера вызывал у него боль в челюстях.

— Километра четыре.

— Продержимся.

Они сидели в довольно просторном итальянском броневике, устаревшей, как объяснили Курбатову, конструкции, которая, однако, вполне позволяла разместиться во внутренностях этого стального уродца трём офицерам, водителю и Оборотню, выступавшему в роли адъютанта и рассыльного. Он же поддерживал по рации связь с авангардной и арьергардной танкетками.

На взгляд Курбатова, эта бронемашина была чем-то средним между танком допотопной конструкции и броневиком времен Первой мировой. Однако броня ее оказалась довольно толстой, колеса прикрытыми, мотор сильным, а два пулемета — один спереди, другой — в крутящейся башне — позволяли какое-то время продержаться в нем даже в полном окружении. Увидев это чудо итальянской броневой техники, князь сразу же предложил превратить его в штабную машину. И не ошибся.

— О вас, полковник, я слышал отзывы самого Скорцени, — проговорил Умбарт, внимательно осматривая открывавшийся впереди изгиб дороги, за который уходила последняя из трех машин с таинственным грузом. О том, что хранилось в их металлических кузовах, не знал и сам командир батальона СС «Корсика». Но по тому, что ему лично приказано было возглавить отряд охраны, а затем еще этот отряд усилили тридцатью курсантами диверсионной школы, мог предположить, что там находятся драгоценности и, возможно, картины древних мастеров, вывезенных в свое время из той части Италии, которую вермахту уже пришлось оставить. Судя по тому, с каким при-

дыханием вы говорите об обер-диверсанте, он уже давно стал вашим кумиром.

— Кумиром нации.

— Ничего не поделаешь: фашисты, как и коммунисты, буквально помешаны на восхвалении своих вождей и героев.

— В Германии так высказываться опасно, — покосился на Курбатова штурмбаннфюрер.

— В России — тем более. Но ведь мы же в Италии.

Какое-то время они ехали молча. Невесть откуда появившийся орел парил над колонной, ревниво следя за вторжением каких-то странных чудищ в его владения.

— Никогда не думал, что нам с вами придется трястись в одной бронемашине по дорогам горной Италии, — нарушил молчание Умбарт.

— Но, коль уж судьба свела нас... Вам приходилось когда-либо бывать на вилле? Что она из себя представляет?

— «Орнезия»? — мигом забыл Умбарт о дороге, партизанах и непозволительных сравнениях коммунистов с фашистами, что для фашистов было весьма оскорбительным. — Почему она вас заинтересовала?

— Не меня. Скорцени.

— Почему вдруг?

— Скорцени она интересует давно. Тем более что он уже успел побывать на ней.

— Как и вы — тоже.

— Мой батальон СС «Корсика» расположен в нескольких километрах северо-западнее виллы. По существу, мы уже давно прикрываем ее своими патрулями. Причем довольно успешно.

— Что она представляет собой? Замок. Под старину? То есть там можно обороняться?

— Мы с вами еще лет пятьдесят спустя после войны любое строение будем оценивать, исходя из того, насколько его можно превратить в опорный пункт.

— Именно это: насколько быстро его можно превратить в опорный пункт, меня и интересует. Поскольку не исключено, что придется держать в нем оборону.

— Вынужден разочаровать: на укрепленный замок она явно не похожа. Обычная приморская вилла. Правда, с решетчатой оградой, довольно толстыми стенами и подвалом, из которого один ход ведет к морю, второй — в горы. И, тем не менее, это все же вилла. Единственное, что способно сделать ее неприступной в те дни, когда к ней подойдут англо-американцы, так это то, что она находится под покровительством папы римского. И, вроде бы даже принадлежит его секретарю и домработнице, а точнее — любовнице, Паскуалине Ленерт, именуемой в миру «папессой».

— Теперь понятно, почему Скорцени возлагает на «Орнезию» так много надежд.

— В любом случае оборонять мы ее должны только от красных партизан. Когда же придут англо-американцы, нам лучше сразу же, со всей возможной вежливостью, передать ее из рук в руки. Ибо существуют очень серьезные предположения, что после войны она понадобится и нам, и англо-американцам, причем в борьбе против всё тех же коммунистов.

— Коммунисты — это всего лишь великохамское дерь-рьмо, — вмешался в их разговор барон фон Шмидт. — Но попомните мое слово: настоящая война начнется только после... самой войны. Лучших своих парней Германия потеряет уже после победных салютов, когда враги-союзники начнут сводить счеты и делить награбленное.

— Разве его еще не поделили? — возразил Умбарт. — По-моему, с этим давно покончено.

— Поделить — самая легкая часть операции. Куда сложнее «переделить», чтобы каждый при этом оставался умиротворенным.

Спорить с бароном не стали. Броневик прошел по участку дороги, пробитой между двумя возвышенностями, и выполз на открытое плато. Курбатов поневоле подался вперед и припал к смотровой щели, а затем, забыв о предосторожности, поднял башенный люк. Пейзаж, открывавшийся ему с южной стороны, способен был поразить кого угодно. Далеко впереди горы переходили в холмистую равнину, изрезанную двумя реками и

небольшими озерцами, по берегам которых тут и там белели небольшие деревушки, в коих домов было ровно столько, сколько им позволяла вместиться та или иная долина.

«А ведь в этих горах можно воевать сто лет, — тайно возрадовался полковник. — Каждую из таких деревушек можно превратить в своеобразную крепость. Перекрыть дороги, выставить зенитки... Умбарт прав: — вдруг остановил себя князь, — мы действительно до конца дней своих будем оценивать любое здание, любую местность глазами офицеров: как долго там можно продержаться».

— Но я не сказал о главном, — вернулся к их разговору командир корсиканцев, когда Курбатов вновь опустился на свое сиденье. — О хозяйке виллы княгине Марии — Виктории Сардони.

— И чья же она агент?

— Боже мой, князь! «Чья она агент?». Увидев красоту этой женщины, вы почувствуете, что вам совершенно наплевать, каким разведкам она служит и ради каких сведений ложится с вами в постель. Только бы ложилась. Вы первый на моей памяти, кто поинтересовался не красотой этой синьоры, а черт знает чем.

— Когда полковник Курбатов знакомится с женщиной, он, прежде всего, интересуется, на какую разведку она работает, — съязвил барон фон Шмидт — затем уже всем остальным. Если только это уже имеет смысл.

— И все же, — невозмутимо настоял на ответе по существу Курбатов.

— Легче сказать, на какую разведку она не работает. Но в этом вся ее прелесть. Если, конечно, упустить из виду, что и сама она — женщина удивительной красоты, поэтому завидую вам, князь. Можете оказаться достойным партнером. Она обожает аристократов.

— Несмотря на то, что в нее влюблен сам Скорцени, — вдруг заговорил сидевший за рулем унтерштурмфюрер. Умбарт решил не доверять итальянцу, поэтому усадил за руль своего адъютанта, слывшего прекрасным водителем. — Не мешало бы предупредить об этом господина полковника.

— Не мешало бы. Но при этом я бы уточнил... — Договорить Умбарт не успел. Одна автоматная очередь прошлась по борту броневика, вторая — по все еще открытому люку. Пули рикошетили над головой полковника и с воем уходили вверх. Опасаясь за него, Оборотень неожиданно бросился на князя, пригнул и прикрыл своим телом.

— Ни один германец так не поступил бы, — изумленно признал Шмидт, все еще не расставшийся с бутылкой. Но Курбатов не стал удивляться поступку казака, мигом стряхнул его с себя и, поднявшись, быстро развернул пулемет. Он еще успел заметить, что партизан укрылся в небольшом кустарнике, на вершине возвышенности, однако достать его из пулемета уже не сумел: между ними возникли валуны.

— Огонь по кустарнику! — крикнул он корсиканцам, ехавшим в открытой машине вслед за броневиком. И те сразу же открыли пальбу, но ни одного выстрела в ответ почему-то не прозвучало.

— Одно ясно: свой привет партизаны нам послали, — встревоженно проговорил Умбарт. — Как пираты — «черную метку»! Ночь придется провести в поселке Чечекенья, но предварительно прочесать его и окрестности, изъять оружие и ни одного жителя за пределы селения не выпускать.

— Так вы что-то там говорили об отношениях Скорцени и этой княгини, как ее там? — тотчас же вернул Курбатов их разговор в более приятное русло.

— Сардони. Марии-Виктории, — неохотно отозвался Умбарт, удивляясь, что Курбатова всё еще занимает этот вопрос, хотя, по существу, они уже нарвались на партизанскую засаду. Пикантная деталь: не Скорцени влюбился в княгиню, а наоборот. Однако никакого продолжения этот роман не получил. Я видел любовницу обер-диверсанта. Эта эсэсовка способна разнести всю «Орнезию» в одиночку, безо всякого оружия и военной техники, чтобы затем повесить княгиню и всю ее охрану. Лихая фрейлейн.

— Ладно, прекратим этот разговор, — недовольно остановил его Курбатов, словно бы разочарованный подобным поворотом. — И возвращаться к нему больше не будем.

32

— Мне доложили, что к оберштурмбаннфюреру фон Шмидту вами приставлен русский диверсант, — Гиммлер вызвал его по совершенно иному поводу, и то, что он вдруг обратился к «корсиканской истории», оказалось совершенно неожиданным для Скорцени. — Это что — очередная шутка отдела диверсий?

— Рядом с этим человеком постоянно должен находиться кто-то очень надежный, господин рейхсфюрер. В противном случае мы потеряем фон Шмидта задолго до того, как представится возможность вспомнить о морских сокровищах фельдмаршала.

— И затем уже окончательно потерять нашего барона.

— Что нами тоже предусмотрено, — вытянулся по стойке «смирно» Скорцени.

Хотя Гиммлер и носил мундир фельдмаршала СС[1] и занимал должность командующего войсками этой организации, по-настоящему военным человеком он себя все же не ощущал. Вот почему рядом с такими людьми, как первый диверсант рейха, он чувствовал себя как гном под могучей рукой богатыря: хоть и не слишком уютно, зато защищенно.

— Кстати, он что — последний из тех, кто реально способен помочь нам в поисках сокровищ? — Скорцени показалось, что, спросив это, Гиммлер даже приподнялся со своего кресла.

— Похоже, что да.

— Вообще... последний? — вопрос показался обер-диверсанту рейха совершенно нелепым, тем не менее, он ответил на него со всей возможной серьезностью:

— Если речь идет о тех, кто и в самом деле способен служить проводником водолазной экспедиции.

— Почему? — откинулся на спинку кресла главнокомандующий войск СС, и свинцовые кругляшки его очков мгновенно потускнели. Но лишь после этого вопроса он жестом руки указал

---

[1] Чин «рейхсфюрер СС», которого в рейхе удостоился только один человек — Генрих Гиммлер, соответствовал чину генерал-фельдмаршала в вермахте и рейхсмаршала (Герман Геринг) — в авиации. По должности он являлся главнокомандующим войсками СС и руководителем всей военной организации СС.

Скорцени на стул за приставным столом, слева от себя. — Почему только он? Что с остальными? Где они?

— Увы, их уже нет. Так сложилось. В силу разных обстоятельств...

Гиммлер выжидающе смотрел на обер-диверсанта, ожидая разъяснений. Скорцени этого не любил. Об убийствах он предпочитал не откровенничать даже с начальством.

— И кто же был заинтересован... в этих обстоятельствах?

— Наш глубокоуважаемый партайгеноссе Борман.

— Всего лишь? — От Скорцени не ускользнуло, что имя рейхсфюрера удивления не вызвало.

— Ну, еще в какой-то степени Геринг.

— Что более правдоподобно. Однако согласен: решения, судя по всему, принимал всё же Борман.

— Используя, как это ни странно, агентуру Канариса и, конечно же, свои старые партийные кадры. Впрочем, мы были заинтересованы в том же. — Гиммлер не шелохнулся. Запрокинув голову, он ждал разъяснений. — В том смысле, что следовало максимально сузить число лиц, посвященных в тайну клада Роммеля. Только в этом случае мы можем спокойно ждать часа икс.

— Но вы-то, Скорцени, понимаете, что речь идет о ценностях, которые, возможно, помогут нам продержаться в течение нескольких лет после того, как...

— Только это я и имею в виду, охраняя их, как Цербер, господин рейхсфюрер СС.

— В таком случае, на что рассчитывает Борман, зная, что клад охраняете вы?

— Рейхслейтер владеет почти теми же сведениями о кладе, что и мы. Это вселяет в него надежду. Единственное, чего у него нет и уже никогда не будет, это очевидцев, которые бы помнили и могли бы визуально подсказать.

— Что крайне важно, Скорцени. Нам не может быть безразлично, кто из нынешних руководителей рейха получит доступ к нему. Мы должны четко представлять себе, — почти патетически воскликнул он, словно дележ сокровищ должен был состояться

уже завтра, на какую идею он будет нацелен и кто — Запад или Восток — будет стоять за его обладателями.

— За ними будет стоять Германия, — с убийственной непосредственностью охладил рейхсфюрера Скорцени. И тот, словно поверженный шахматист, вынужден был взять тайм-аут, паузу.

— Значит, убирали их всё-таки вы?

— Первых убрали люди Бормана. Но когда нам стал ясен смысл тактики рейхселейтера, подключились мои парни. Ставка была сделана на барона. Все остальные должны были исчезнуть, дабы не достаться какой бы то ни было группе кладоискателей.

Гиммлер промычал что-то нечленораздельное, что можно было истолковывать и как недоумение, и как полное одобрение. Скорцени предпочел второе.

— И вот теперь идет охота за Шмидтом?

— Идет, — кротко признал Скорцени.

— Нападение на него в унтер-офицерской школе — тоже идея Бормана?

— Это оскорбило бы нас. Всего лишь имитация. Стреляли мои люди.

— Зачем... стреляли?

Во время своего недавнего посещения Италии Скорцени понадобилось встретиться с одним из «донов» североитальянской мафии, поддержкой которого время от времени пользовался Муссолини. Контакты с ним нужны были Скорцени, чтобы лишний раз подстраховаться относительно неприкосновенности виллы «Орнезия», в районе которой действовало одно из благородных семейств, подчиненных дону Кастеллини.

Так вот, в эти минуты Гиммлер очень напоминал ему «дона»: та же вальяжная многозначительность, тот же налет снисходительной медлительности сатрапа, способного казнить и миловать... «Очевидно, — подумал он, — люди, достигающие огромной, неафишированной власти, — независимо от того, в качестве кого они предстают легально, в обществе, — приобретают какие-то особые, общие для всех властителей тайных обществ черты. Магистр ордена СС — одно из подтверждений этому.»

— В принципе его следовало тогда же и расстрелять: настолько нагло начал вести себя фон Шмидт в последнее время. Но... для начала пришлось популярно, с помощью шмайсеров, объяснить, кто он в этом мире на самом деле, благодаря кому все еще не покойник. А главное, наглядно продемонстрировать барону, что в безопасности он может чувствовать себя лишь до тех пор, пока остается верным нам и обету молчания.

— И обету молчания, штурмбаннфюрер, именно так: обету молчания! — угрожающе постучал указательным пальцем по столу Гиммлер, словно требовал такого же обета — причем сейчас, немедленно — от самого Скорцени. — И пусть только кто-либо осмелится нарушить его!

* * *

В деревушку Чечекенья колонна Курбатова въехала уже тогда, когда солнце окончательно скрылось за горным хребтом и на вершины опустились фиолетово-сиреневые сумерки. Селение состояло из каких-нибудь пятидесяти усадеб, компактно сгрудившихся вокруг небольшой четырехгранной площади, в центре чашеподобной долины.

— Идеальная крысоловка, — проворчал штурмбаннфюрер фон Шмидт, выходя из машины при въезде на сельскую площадь. Внимательно осмотрел окрестные горы и, окончательно утвердившись в том, в чем желал утвердиться, уверенно заключил: — Дерь-рьмо! Эта площадь, эта деревня, сама мысль остановиться здесь — все это великосветское дер-рьмо!

— Что за «великосветские» мысли у вас сегодня, барон? — остепенил его Курбатов, спокойно осматривая в бинокль края горной, напоминающей кратер давно потухшего вулкана долины. — Прекрасная местность, свежий горный воздух, пылкие итальянки... Чего еще желать странствующему диверсанту?

— Это потому, что вы привыкли к своей дурацкой странствующей жизни, полковник. А перед вами — выкидыш аристократического комфорта. И, кроме того... Неужели вы не видите: эта долина, вся эта деревушка — всего лишь идеальная крысоловка. Партизаны перекроют горловину, устроят засады вон на тех пе-

ревалах и в течение двух суток с удовольствием будут расстреливать нас здесь, как на стрельбище для новобранцев.

— В том случае, если мы им позволим занять эти перевалы и расстреливать себя. Но мы-то можем и воспротивиться. Почему бы нам самим не занять эти же перевалы и не перекрыть котловину, чтобы потом, в течение двух суток, расстреливать подходящих партизан, как в тире для новобранцев?

— Война — это всего лишь смертоубийственное политиканское дерь-рьмо!

— С чем трудно не согласиться. Если, конечно, воспринимать ее глазами, как вы изволили выразиться, «аристократического выкидыша».

— Если бы я не уважал вас как диверсанта, вспахавшего со своей группой всю российскую Азию, я бы очень легко сумел убедить вас, что вы всего лишь великосветское дерь-рьмо.

Выслушав этот пассаж, Курбатов мило, с истинно японским стоицизмом улыбнулся. В свою очередь, он мог бы поведать фон Шмидту, что с удовольствием пристрелил бы его, если бы не слово, данное Скорцени во время последнего общения по рации: сразу же после доставки ценного груза привезти этого «выкидыша войны» на виллу «Орнезия». Он дал это слово, а потому великодушно простил беззлобного, хотя и достаточно хамоватого пруссака.

Считая обмен любезностями завершенным, полковник приказал водителям поставить машины в круг, моторами в середину, а на открытых задках уложил на брезент своих курсантов и корсиканцев. Таким образом, в течение каких-нибудь десяти минут колонна превратилась в некое подобие ощетинившегося пулеметами, автоматами и фаустпатронами гуситского табора.

Кроме того, все подъезды к площади, а также горловину он перекрыл реквизированными у крестьян и выставленными в два ряда повозками, за которыми расположились и под которыми залегли посты. На ближайшем к Чечекенье перевале он тоже выставил секреты гладиаторов, приказав им никак не выдавать себя.

— Когда партизаны выяснят, с кем имеют дело, — прокомментировал все эти усилия фон Шмидт, — то они поймут, что напрасно решили иметь дело с вами. И что вся их партизанская тактика — это всего лишь неописуемое дерь-рьмо!

— Просто диверсанту нужно владеть этой тактикой так же умело, как и опытному, прожженному партизану. И тогда, барон, война превращается в азартную игру нервов, опыта и мужества. Не знаю, как на вас, а на меня это действует как наркотик или как проповедь. В зависимости от восприятия.

Прежде чем отправиться на ночлег в один из домов, расположенных прямо у площади и превращенных им в штаб, Курбатов приказал солдатам тщательно прочесать деревушку, обыскивая каждую усадьбу и задерживая каждого, кто покажется подозрительным или кто не является местным жителем. Причем и создание гуситского табора, и прочесывание, сотворение секретных постов — все это было организовано настолько быстро и с таким знанием дела, что Умбарту показалось, будто князь уже однажды побывал здесь, а потому прекрасно ориентируется и на местности, и в ситуации.

— Теперь я понимаю, полковник, каким образом вам удалось пройти всю Евразию с востока на запад, — молвил Умбарт, укладываясь в одной большой комнате с Курбатовым и бароном фон Шмидтом. Сын хозяина дома, в котором они остановились, служил в армии Муссолини, поэтому хозяин и его младший сын вместе с двумя соседями достали откуда-то из тайников винтовки и пошли в засаду вместе с гладиаторами.

— Сомневаюсь, чтобы вам удалось определить секрет этого успеха. Тем более что я и сам до сих пор не понял его.

— Бросьте, полковник, он очевиден: каждый свой привал вы организовывали так, словно противостояли окружавшей вас орде.

— Что было, то было. В любой ситуации нужно заставлять своих солдат чувствовать себя солдатами. Тогда они начинают верить в тебя как в командира.

— Думаете, партизаны не решатся нападать на наш обозный лагерь?

— Если их цель — всласть пострелять, потеряв при этом половину своих людей — может быть, и рискнут. Но если у их командира осталась хоть капля благоразумия, они постараются дать нам бой утром, на дороге.

— Вы уже знаете, где именно?

— Только что мы с хозяином прошлись по карте. Он указал три наиболее удобных для засады участка. Один из них — в пяти километрах от деревни. Думаю, что там они нас и станут поджидать. Мы выедем на рассвете, люди еще полусонные, ритм и охрана колонны еще только налаживается... Самое время.

— И что вы намерены предпринять?

— Попытаюсь посоветоваться с партизанами.

— От вас ли я это слышу, князь? — беспардонно вклинился в их тактико-стратегический разговор барон фон Шмидт. — Партизаны — дерь-рьмо! Но если вы решили выступить против них, чтобы ликвидировать засаду, тогда я иду вместе с гладиаторами. Мне осточертела эта война, на которой я так ни разу и не ощутил себя воином. А я тоже солдат, а не окопное дерь-рьмо!

— Можете считать, что, приняв такое решение, вы действительно стали солдатом, — благодушно успокоил его Курбатов. — Вот только в бой вы сможете вступить лишь в самом крайнем случае. Приказ Скорцени: «Барона Шмидта сохранить и довезти».

— Вот как? Барон — величайшая ценность рейха, хранитель его секретов? — Умбарт попытался облачить свое любопытство в легкую иронию, тем не менее, перед полковником оно предстало элементарным непозволительным любопытством.

— Барон — личный друг Скорцени, только и всего. Он понадобится ему как инструктор по морским диверсиям.

— А, морские камикадзе... — разочарованно проворчал Умбарт. — Сколько их еще погибнет, а толку никакого, — сапоги штурмбаннфюрер снимал уже лежа в кровати. Сладостно вытянувшись, он вздохнул и молитвенно произнес: «Господи, сюда бы мою баронессу».

— Это что еще за баронесса? — приподнялся со своей лежанки, устроенной в промежутке между окнами, фон Шмидт. — Я вооб-

ще не могу спокойно говорить о каких бы то ни было женщинах. А если уж речь заходит о баронессах!..

— Прекраснейшая из германских итальянок и любимейшая из моих женщин. Не думайте дальше расспрашивать о ней. При одном упоминании имени этой женщины я становлюсь безумно ревнивым.

— Баронесса... черт возьми. Обожаю аристократок. Вообще-то, женщины — дерь... Пардон. Но аристократки. Меня вдохновляет уже сама их породистость.

— Так что вы намерены предпринять, князь? — отказался и дальше выслушивать его Умбарт.

— Партизаны наверняка пошлют сюда разведку. Попытаются нас прощупать. Было бы неплохо, если бы нашим дозорным удалось схватить хотя бы одного из них. В любом случае в час ночи двадцать моих легионеров и двадцать егерей совершат марш-бросок к скалам, у которых может оказаться засада. Устроим засаду засаде. Если же партизаны не явятся на свидание, мы своих парней подберем и забросим еще километров на десять, к месту второй возможной засады.

— Уверен, что ни один из германских полковников к такой изнурительной тактике прибегать не стал бы.

— Вы это уже продемонстрировали, штурмбаннфюрер.

— Но мы не можем вести войну так, как ведете ее вы, русские. Это же не война, а умственное истощение.

— Тогда почему удивляетесь, что проигрываете одно сражение за другим? Когда офицеры не желают истощаться умственно, их полки очень быстро истощаются физически. Закон войны.

— Я-то предполагал, что вы, белые русские, проигрываете её вместе с нами, — незло огрызнулся Умбарт.

— Выглядело бы это иначе, стал бы я упрекать вас. Неудачный выбор союзника в большинстве случаев оплачивается ценой жесточайших поражений и проигранными войнами. Однако прекратим разговоры, господа. Несколько часов сна.

Он взял свой матрас, пошел на кухню, расстелил его на полу и почти мгновенно уснул. Когда через несколько минут Умбарт услышал его негромкое похрапывание, он изумленно покрутил

головой: даже после своего немыслимо трудного похода этот русский диверсант все еще обладал железными нервами. Таких штурмбаннфюрер уважал. Таким завидовал. Сейчас, лежа в доме почтового служащего в центре глухой итальянской деревушки, он с тоской в сердце думал о том, что война убийственно игнорирует его. Вся Вторая мировая прошла как бы мимо него, не подарив ему ни чинов, ни славы. А ведь он — профессиональный военный. Он готовился к войне. В отличие от многих других германцев, которых война насильственно втянула в свой водоворот, он внутренне готовился к ней, жил её ожиданием, рассчитывал на нее, как Герострат — на храм, который ещё только предстояло сжечь.

Многих других война просто, элементарно убивала. Умбарта она убивала своим безразличием к его солдатским амбициям, нежеланием подарить хоть какой-то шанс на славу.

Но сегодня он вдруг подумал, что не все ещё потеряно. Не зря же судьба свела его с людьми Скорцени, с Курбатовым. Что-то за этим кроется. «Так почему бы тебе не попытаться стать на стезю диверсионной элиты? Этот поход под командованием одного из самых талантливых диверсантов Европы, в составе группы, состоящей из многих элитно подготовленных диверсантов... Используй эту возможность, определись».

Он уже не представлял себя в мирной жизни. Конечно, вино, женщины, состояние... Но Умбарт предпочел бы получить все это вместе с генеральскими звездами, чинами и славой полководца. Он был одним из тех истинных бонапартистов, для которых война — нечто большее, нежели убийства и разрушения, большее, нежели перекраивание европейской карты и кровавопороховая политика сильных мира сего. Он обожествлял войну, как поклонники Заратустры обожествляют солнце, как оказавшийся на плотике посреди океана старый моряк обожествляет штормовой океан, презирая при этом свою собственную гибель.

«В генералы тебе уже не выйти. Маршальский жезл унесли с собой — кто в могилу, кто в ставку фюрера — другие. Но есть еще

элита смертников-диверсантов. Есть Скорцени, Боргезе, Штубер, Курбатов... Присоединись к ним, рискни. В конце концов... ты ведь способен на риск. Покажи себя уже завтра. Попробуй вести себя в бою так же раскованно и рисково, как этот русский. Пусть в тебе взыграет кровь германизированного римлянина — кровь самой голубой и самой мужественной из всех пород человеческих...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Каждый бриллиант должен погубить
столько жизней, сколько в нем каратов.

Б. Сушинский

1

Родль выглянул в иллюминатор и мечтательно улыбнулся:

— Какое же оно в эти минуты красивое — море!

Поначалу Скорцени высокомерно проигнорировал восторг своего адъютанта, но тотчас же спохватился:

— Какое ещё море, Родль? Вы чем это восхищаетесь?

— Морем. Самым обычным морем, — пожал плечами гауптштурмфюрер. — Теперь мы по существу летим вдоль берега, даже приближаемся.

— Сидевший рядом с ним штурмбаннфюрер оттолкнул плечом адъютанта и тоже припал к иллюминатору.

— Но ведь мы должны лететь через Австрию! Откуда море, дьявол меня расстреляй?!

Родль очумело повертел головой, давая понять, что происходит нечто такое, что вышло из-под их контроля.

— Сейчас мы исправим ошибку штурмана, — прохрипел он и, расстегнув кобуру, метнулся к кабине пилота. Словно бы избегая неприятных объяснений, лётчик нацелил машину вниз и пошёл на разворот, так что Родль едва удержался на ногах.

«Предательство! — первое, что пришло на ум гауптштурмфюреру. — Нас предали и пытаются доставить в расположение англичан!».

Уже выхватив пистолет, он оглянулся на Скорцени. Тот отвернулся от иллюминатора и теперь сидел, скрестив руки на груди, в позе Наполеона, принявшего после битвы под Ватерлоо решение сдаться на милость своих лютых врагов.

«Что-то здесь не то, — загипнотизировало Родля спокойствие шефа. — К тому же, пристрелив пилота, ты всё равно погубишь и себя, и самолёт».

— А море действительно красивое, — на ухо ему прокричал Скорцени, когда адъютант — злой, взбудораженный — вернулся на своё место. — По-моему, мы где-то в районе Савоны или Империи.

— А там нас ждут англичане.

— Придется заставить вас изучать карту боевых действий, Родль. С фронтовой географией у вас всегда было плоховато.

— Но когда я требовал, чтобы вас доставили в Венгрию, вас доставляли в Венгрию, а не в Югославию, — огрызнулся адъютант, удивлённый тем, что Скорцени столь быстро смирился с изменением курса.

— А жаль. Если бы нас вовремя доставили в Югославию, война пошла бы по совершенно иному сценарию.

— Только уже без нас, — расплылся Родль в ухмылке городского юродивого. У него это всегда получалось.

Беглого взгляда было достаточно, чтобы определить, что приземлились они на одном из полевых аэродромов германских люфтваффе, и это как-то сразу успокоило обоих пилигримов. Ещё больше они усмирили свой гнев, когда увидели, что к ним направляется офицер в форме СС.

— Каким образом мы здесь оказались? — резко спросил Скорцени вышедшего из самолета лётчика, прежде чем эсэсовец приблизился к ним.

— Прибыли туда, куда было приказано прибыть, — невозмутимо объяснил обер-лейтенант.

— Кем... приказано?

— Моим командиром.

— Но ведь мы должны были лететь...

— В Австрию, — согласился пилот. — Однако в последнюю минуту маршрут был изменён. Мне сообщили об этом по радио, и я был уверен, что вы в курсе событий. Поэтому в подробности не вникал.

— Тогда где мы приземлились?

— На полевом аэродроме «Зет-42».

— А более внятно нельзя?

Пилот пожал плечами с такой снисходительностью, будто ему приходится объясняться с несмышленым подростком.

— Неподалёку от итальянского городка Манжори. Вам показать на карте? — поинтересовался лётчик, поняв, что название абсолютно ни о чём штурмбаннфюреру с исполосованной шрамами щекой не говорит.

— Убирайтесь к дьяволу со своей картой. И так всё ясно.

— Мне приказано ждать вас на этом поле трое суток. Только трое.

— Ждать меня?! Это, конечно, трогательно, хотя я никого не просил о такой услуге.

— Мы, в авиации, привыкли лететь, куда нам приказывают, и не пытаемся знать то, чего знать нам не положено.

— Интересно, как это Герингу удалось добиться такого послушания? — не без ехидства спросил Скорцени, решив, что на досуге он еще разберётся с этим пилотом, как и с теми, кто решается отправлять его, первого диверсанта рейха, не туда, куда он велит, а куда им вздумается.

Оберштурмфюреру Теодориху было под тридцать. Молодцеватый вид, загорелое на южном солнце худощавое лицо... Представившись Скорцени как руководитель местного отделения СД, он тотчас же сообщил, что в их распоряжении — трофейный английский джип, будто специально созданный для езды по горному итальянскому бездорожью.

Скорцени и Родль изумлённо переглянулись, однако ни тот, ни другой не решились поинтересоваться у Теодориха, куда, собственно, им надлежит ехать по «горному итальянскому бездорожью», чтобы не выглядеть в глазах этого аэродромного щёголя законченными идиотами.

— Дождёмся более удобного случая, — в полголоса поддержал молчаливую решимость своего шефа Родль, прекрасно понимая, что тот, кто решился прямо в полёте изменить маршрут самого Скорцени, должен обладать очень важными полномочиями.

— Поэтому, на всякий случай, застегните кобуру, — посоветовал ему обер-диверсант рейха.

Джип оказался изрядно потрёпанным на фронтовых дорогах, но от этого доверие к нему лишь возрастало. И то, что за рулём восседал итальянец, тоже не очень смущало Скорцени. Усевшись рядом с ним, штурмбаннфюрер проследил, как в авангард их небольшой колонны выдвинулись два мотоциклетных экипажа по три солдата в каждом, а в арьергарде пристроился итальянский грузовичок с десятком германских автоматчиков.

— Всё, что смог наскрести, — извиняющимся тоном объяснил Теодорих. — И так пришлось основательно проредить аэродромную охрану.

— Наседают партизаны? — сочувственно поинтересовался Родль.

— До воздушных десантов союзнических войск пока не доходит.

— Просто в Лондоне ещё не знают, что такое настоящий воздушный десант. Готовят в основном кавалеристов и шотландских стрелков в юбках.

Теодорих сдержанно улыбнулся. Это была улыбка снисходительной вежливости.

— До виллы «Орнезия» около восьмидесяти километров, я посмотрел по карте, — оглянулся водитель на усевшегося на заднем сидении, рядом с Родлем, оберштурмфюрера. По говору его Скорцени сразу же определил, что родом этот германец из Южного Тироля. Только им, оказавшимся на территории Италии германцам по крови, еще и можно было доверять в итальянской армии. — Но если двинемся напрямик, через перевал — километров пятнадцать срежем.

— Зато угодим прямо в засаду, — напомнил Теодорих.

— Не исключаю, — усердно почесал затылок водитель. — В последнее время красные появились и в этих благоденствующих краях.

— Позвольте, насколько я понял, речь идет об «Орнезии»? — удивлённо уставился на своего патрона адъютант Родль. — Так ведь это же вилла, в которой...

— В которой, Родль, в которой... — поспешно прервал его Скорцени, не желая, чтобы здесь упоминалось имя владелицы виллы, очаровательной княгини из древнего германо-итальянского рода Марии-Виктории Сардони, известной им обоим еще по операции «Черный кардинал»[1], связанной с подготовкой похищения папы римского Пия XII. — Дьявол с ними, с партизанами, — обратился он к водителю. — Гоните через перевал. У нас слишком мало времени.

— Всего трое суток, — иронично уточнил Родль, явно не одобрявший подобного безумия обер-диверсанта рейха. Он прекрасно знал, какие романтические воспоминания связаны у Скорцени с представительницей «черной знати» Италии. Как помнил и то, что рядом с княгиней всегда находится «бедный, вечно молящийся монах Тото», её телохранитель и наставник, явный агент папы римского, по существу сумевший, с помощью самой княгини, убедить обер-диверсанта не торопиться с похищением понтифика.

— Кстати, мы так и не смогли дозвониться до виллы, чтобы предупредить хозяйку о вашем приезде, — вдруг всполошился оберштурмфюрер, обращаясь к несостоявшемуся разорителю Ватикана. — Говорят, красивейшая итальяночка.

— Не нервничайте, Теодорих, — осадил его Скорцени. — Княгиню успели предупредить ещё до моего отъезда из ставки Муссолини.

— Должны были бы предупредить, — охотно согласился оберштурмфюрер. — Не каждый день на эту виллу наведыва-

---

[1] С подробностями этой операции, а также с княгиней Марией-Викторией Сардони можно ознакомиться в романе «Черный легион». — *Примеч. авт.*

ются такие гости. Как, впрочем, и на подобные нашему полевые аэродромы.

Он говорил еще о чём-то, однако Скорцени к его словам уже не прислушивался. Ему вдруг вспомнился последний разговор с княгиней Сардони: «Если когда-нибудь, — молвила тогда Мария-Виктория, — вы почувствуете себя таким же бездомным дворнягой, какой чувствовала себя, оказавшись вне этой виллы, я; если по всей Европе будут расклеены листовки с призывами выдать скрывающегося от правосудия военного преступника штурмбаннфюрера СС Скорцени, — не ухмыляйтесь так скептически, я совершенно не исключаю подобного исхода вашей диверсионной карьеры, — взволнованно покачала головой княгиня, — вспомните о существовании где-то там, неподалеку от Генуи, виллы «Орнезия». Она может оказаться тем единственным местом на Земле, где на вас не будут распространяться никакие иные законы, кроме законов гостеприимства».

Теперь он уже не мог ручаться за точность каждого слова, но смысл прощального напутствия княгини был именно таким.

К счастью, до листовок по всей Европы дело пока что не дошло. Тем не менее, ему уже пришлось вспомнить о том, что где-то в Италии действительно существует вилла «Орнезия».

2

— К нам прибыл эсэсовец, — объявил охранник виллы Шеридан, бывший сержант морской пехоты. — Тот самый, со шрамами на лице.

— О ком это вы, бесстрашный наш? — беззаботно поинтересовалась княгиня.

Она собиралась перейти с яхты на лодку. Двадцати пятитридцати минут с вёслами в руках каждое утро было вполне достаточно, чтобы Мария-Виктория начинала ощущать себя физически возрождённой. Они заменяли все прочие тренировки, которые необходимы были ей и как агенту разведки, и просто как женщине, пытающейся поддерживать хоть какую-то спортивную форму. Все, кроме разве что стрельбы из пистолета и снайперской винтовки. Этим она развлекалась в своём подвале-тире каждую

субботу. И для Шеридана не было тайной, что княгиня не только слыла хорошим стрелком, но и старалась относиться к оружию с той благоговейностью, которая обычно отличает всякого воина-профессионала от необученного рекрута.

— Он назвал себя Шрайдером.

— И вам почему-то не нравится его фамилия? — попыталась угадать княгиня Сардони.

— В общем-то, я совершенно безразличен к человеческим именам, как и к лицам. Но если вам угодно выслушать собственное мнение сержанта морской пехоты, то я привык считать, что коль уж иностранный офицер называет себя вымышленным именем, его лучше сразу же пристрелить.

— Надеюсь, это касается только иностранных офицеров?

— В основном. Считаю, что пристрелить — куда проще, нежели потом долго выяснять, для чего ему понадобился псевдоним и кто он в действительности.

— Тогда в чём дело? Занять пистолет или предпочитаете пользоваться своим?

Морской Пехотинец всегда уважал княгиню Сардони за то, что она не прибегала к язвительности и насмешкам. И если сегодня её слегка повело, то для этого, очевидно, были какие-то основания. А следовательно, должно существовать и оправдание.

— Уверен, что этот самый исполосованный шрамами Шрайдер — не кто иной, как Отто Скорцени.

— Скорцени?! — дрогнувшим голосом спросила княгиня Сардони, она же агент контрразведки Ватикана «Валерия». — Вы уверены, что это именно он?

— Как бы мы в этом ни сомневались, штурмбаннфюрер Скорцени уже у ворот виллы. И с этим придётся смириться.

— Хватит паясничать, сержант! — вдруг сорвалось у княгини. Уж она-то прекрасно знала, что фамилия Шеридан, под которой сержант появился у неё на вилле, отцу этого американца тоже никогда не принадлежала, однако же до сих пор не пристрелила его.

— И всё же это Скорцени. Судя по всему, вместе со своим адъютантом Родлем, ну и десятком солдат охраны, естественно.

— То есть с гауптштурмфюрером Родлем, — почти машинально уточнила княгиня. — Но они не могли появиться здесь, это совершенно невероятно, — растерянно бормотала она, стоя на краешке палубы и держась рукой за уходящий к вершине мачты канат. — Мне, конечно, хотелось бы, чтобы обер-диверсант рейха навестил «Орнезию», но не таким вот подпольным образом. Что вы так смотрите на меня, Шеридан, или как вас там на самом деле?..

— Если вам угодно выслушать собственное мнение сержанта морской пехоты, то я не стал бы придавать этому визиту слишком большого значения. Тем более, что, как мне кажется, настроен штурмбаннфюрер весьма миролюбиво.

— А вы подозревали, что он явился сюда, чтобы штурмовать нашу виллу?

— Главное, чтобы не пытался похитить вас, как в своё время Муссолини.

Ещё несколько секунд княгиня посматривала то на слегка покачивавшуюся на волнах шлюпку, то на Морского Пехотинца, затем решительно направилась к трапу, соединявшему яхту с берегом.

— Вы виделись с ним, так? Что вы ему сказали? Что он ответил? Чего вы молчите?

— Я не молчу, а выслушиваю вопросы. Что же касается штурмбаннфюрера, то я уже сказал ему, что в столь ранние часы княгиня Сардони гостей не принимает, и оставил дожидаться приглашения по ту сторону ворот.

Мария-Виктория посмотрела на него, как мать-настоятельница на последнего защитника осаждённого монастыря.

— Вы действительно решились на такое?

— Исходя из того, что вилла «Орнезия» является собственностью Ватикана и её неприкосновенность гарантируется святостью дипломатической неприкосновенности и нейтралитетом Святого Престола.

— Да вы — Талейран! Я вот почему-то очень часто забываю о дипломатическом иммунитете «Орнезии». Напоминайте, сержант морской пехоты, напоминайте!

— Тогда что же нам делать со Скорцени?

— Вечный вопрос человечества: что делать с Тимуром, Македонским, Наполеоном?..

— Ну этот парень, допустим, на подобные сравнения не тянет, — ревниво урезонил её Морской Пехотинец.

— И всё же вы безумец, сержант! Оставить его по ту сторону ворот! Вы хоть понимаете, что через десять минут Скорцени снесёт их?

— Не решится, поскольку знает, что вилла находится под патронатом Святого Престола.

— В том-то и дело, что Скорцени снесёт их вместе с виллой и Святым Престолом.

— Уж не прикажете ли благодарить этого эсэсовца за то, что он всё еще настроен добродушно и милостиво? — внутренне вскипел Шеридан.

— Добродушие Скорцени как раз и является первым признаком того, что он снесёт их, сержант. Если только в гости к нам действительно явился сам Скорцени, а не какой-то в пьяной драке исполосованный шрамами чиновник гестапо.

— Если вам угодно будет выслушать собственное мнение сержанта морской пехоты...

— Чем меньше будете налегать на то, что вы — бывший сержант морской пехоты, мистер Шеридан, — нравоучительно перебила его Мария-Виктория, — тем больше Скорцени будет подозревать вас в том, что на самом деле вы были лейтенантом разведки Военно-морских сил США. И не думаю, чтобы он слишком уж ошибался.

Шеридан как-то затравленно взглянул на Марию-Викторию. Он не желал портить отношения с хозяйкой виллы, но в то же время помнил, что до сих пор на «Орнезии» не принято было выяснять, кто есть кто. Особенно если речь шла о прошлом кого-либо из её обитателей. Здесь каждый оставался тем, кем прибился к «спасительным вратам» виллы, кем назвался, какую роль избрал для себя.

Что касается лично его, то до сих пор он оставался Морским Пехотинцем, волею судеб заброшенным на север Италии, спи-

санным по состоянию здоровья сержантом морской пехоты. И до сих пор это устраивало решительно всех.

— Смею утверждать, что налегал не на чин сержанта, а на собственное мнение.

— Выскажите его Скорцени. Больше всего на свете он любит выслушивать собственные мнения американизированных потомков итальянских эмигрантов, дослужившихся до чина сержанта морской пехоты США. — В ответ Шеридан лишь беспомощно развёл руками: сегодня он попросту не узнавал княгиню Сардони. — Немедленно откройте ворота и проведите штурмбаннфюрера в мой кабинет. Надеюсь, к тому времени я хоть в какой-то степени приведу себя в порядок.

Княгиня произнесла это, уже стоя у бокового входа в особняк. Но когда Шеридан, лишь для видимости ускорив шаг, направился в обход здания, чтобы распорядиться в отношении гостей, не удержалась и пошла вслед за ним. Даже после того, как ворота были открыты и машины въехали на территорию виллы, Скорцени продолжал оставаться у ворот, словно сомневался, что его уже готовы принять.

— Первая попытка взять вашу цитадель штурмом увенчалась неудачей, — признал штурмбаннфюрер, когда княгиня приблизилась к нему. Вцепившись в поперечину металлических ворот, Мария-Виктория повисла на ней и, слегка раскачиваясь, молча смотрела на диверсионного пилигрима.

— Это потому, что вы так до конца и не определились, кого хотите брать штурмом: виллу или её хозяйку, — поучительно изрекла княгиня.

— Справедливое замечание. Хотите спросить, каким ветром меня занесло сюда?

— Не хочу, — кротко заверила его Мария-Виктория. В её фигуре, в манере поведения просматривалось что-то мальчишеское, и Скорцени не хотелось разрушать это наваждение. — Вас, конечно же, занесло сюда ветрами войны, как и каждого из нас. Но кто бы мог предположить, что поход в лес, к «расстрельному» оврагу закончится встречей здесь, на этой прекрасной вилле?

— Однако признайтесь: ступая по лесной тропе в ожидании расстрела, вы только о том и думали, что пройдёт немного времени, и мы вновь встретимся, только уже в раю, — сдержанно предположил оберштурмбаннфюрер. — Так вот, ваши фантазии сбылись.

— Пока что вы всего лишь у райских врат.

— Но кто привратник! Признайтесь, что это вы сделали всё возможное, чтобы мой самолёт приземлился на Лигурийском побережье Италии, а не в пригороде Берлина.

— Но мы не станем обвинять любовницу дуче Кларету Петаччи в том, что она слишком перестаралась, истолковывая мои пожелания в буквальном смысле, — подсказала княгиня ответ на мучавший обер-диверсанта рейха вопрос.

— Не станем. Причём исключительно из уважения к дуче.

— И всё же я не верила, что такое возможно, — мечтательно покачала головой княгиня. — Существуют чудеса, которые в принципе не должны происходить, даже на войне.

— ...Разве что они навеяны вашими робкими пожеланиями, княгиня Сардони.

3

Поспать Курбатову дали не более часа. На окраине села вдруг вспыхнула короткая перестрелка, заставившая его проснуться.

Когда к нему в комнату ворвался встревоженный комбат корсиканцев, князь, все еще лежа в постели, успокоил его, сказав: «Ждите! Через десять минут мои гладиаторы явятся и доложат, что партизаны отогнаны или истреблены».

А еще через пять минут Умбарт с удивлением услышал у двери дома грозные голоса солдат, которые приволокли раненного в плечо и уже изрядно избитого партизана.

— Троих послали в разведку, — швырнули они к ногам полковника пятидесятилетнего крестьянина, лицо которого было так исполосовано морщинами, что скорее напоминало какую-то ритуальную маску, нежели обычную человеческую внешность, какой-то лик. — От этого бродяги успели узнать, что отряд их

находится в горах, в двух километрах отсюда. И что их там около шестидесяти.

— Да это не пленный, а кладезь красноречия, — остался доволен их сообщением Курбатов.

Прошла минута, вторая. Умбарт, Шмидт и двое притащивших пленного гладиаторов, один из которых был итальянцем, терпеливо ожидали, когда русский полковник поднимется со своего походного ложа или хотя бы просто задаст какой-либо вопрос. Но Курбатов лежал и молча смотрел на стоявшего перед ним на коленях партизана, очень напоминавшего одного из тех сибирских крестьян, которых с одинаковой жестокостью казнили и красные, поскольку считали, что они все еще недостаточно опролетарились, и белые, считавшие, что красные успели их слишком безнадежно опролетарить.

Так и не задав гарибальдийцу ни одного вопроса, Курбатов приказал гладиаторам отвести его за деревушку и там расстрелять.

— Но лучше бы допросить! — возмутился Марио, гладиатор-итальянец. — Вы же сами приказали во что бы то ни стало захватить хотя бы одного партизана.

— Должен же я был посмотреть на него, — невозмутимо парировал Курбатов. — И потом, что вы собирались от него услышать?

— Расстрелять, так расстрелять, — пожал плечами Марио. — Приказ — дело святое.

— Ну и барра[1]! Кстати, о расстреле, — задержал он Марио уже после того, как обер-ефрейтор Фельст вывел пленного за дверь.

— Расстреливать будете вы. Но, как итальянец итальянца, пожалеете его и, воспользовавшись тем, что Фельст останется за холмом, пальнете над головой.

— Так мы что, отпустим его?! — поразился Марио. — На кой тогда черт мы рисковали головами?

— Запомните, потомок гордых римлян: сражения выигрывают только в двух случаях: когда из стана врага в плен не берут

[1] Боевой клич римских легионеров.

или же когда отпускают пленных в стан врага. Но поскольку вы и сами — как вы объясните пленному — собираетесь со временем перейти в их отряд, то предупредите, чтобы не вздумали делать засаду на колонну неподалеку от горного монастыря. Потому что там их самих ждет засада эсэсовцев.

— Но там действительно будет засада! — спохватился Умбарт. — Я приказал группе своих корсиканцев завтра утром залечь именно под стенами этого монастыря.

— Во-первых, утром они будут спокойно спать. Во-вторых, не забывайте, что монастырь женский, и еще неизвестно, по какую сторону монастырских стен ваши корсиканцы залягут.

— Браво, князь! — поддержал его фон Шмидт, — этот русский нравится мне все больше, — апеллировал он к Умбарту. — Хотя все остальные русские, каких только мне довелось знать, — великосветское дерь-рьмо!

— И потом, не станем же мы обманывать своих врагов. Это не по-русски. Пусть поверят нам и устроят засаду неподалеку водопада. Где уж совершенно точно утром буду ждать их я со своими гладиаторами и двумя десятками егерей. А те, что уцелеют в этом бою, поспешат к монастырю, ибо решат, что их попросту обманули. Мы же специально сделаем небольшой привал, чтобы дать им возможность оказаться у монастыря раньше нас. Ну а дальше пусть с ними говорят ваши горячие непобедимые корсиканцы. Вам все ясно, Марио?

— Барра! — вскинул тот крепко сжатый кулак.

— Вот видите, барон, а вы не верили, что с итальянцами тоже можно находить общий язык, — холодно улыбнулся Курбатов, когда Марио вышел.

— Напрасно вы все так усложняете, полковник. Здесь такой войны никто не понимает и не воспринимает. В Германии от нее тоже отказались. Единственный способ, который все еще приветствуется в этой «итальянской макаронодробилке», — истребляй, пока не истребили тебя. Воскрешение из пленных итальянцам покажется настолько подозрительным, что они сами расстреляют его.

— И было бы странным, если бы не расстреляли.

— Тогда какой смысл затевать все эти баварские пляски?

— Они, конечно же, не смогут не расстрелять его, но не раньше, чем убедятся, что он предатель. А убедиться в этом партизаны сумеют, лишь проиграв все затеянные с нами дуэли на горных дорогах. Так что в любом случае пленник окажется на нашем счету. Обычная арифметика войны. Не пойму, чем она вам не нравится.

Фон Шмидт кисло улыбнулся и пожал плечами. Умбарт тоже предпочел не высказываться по этому поводу.

— В таком случае будем считать заседание Генштаба завершенным, — иронично улыбнулся Курбатов. — С вашего позволения я посплю еще, — он взглянул на часы, — пятьдесят минут, это не так мало, как вам кажется. Думаю, к тому времени мои солдаты уже будут готовы к рейду.

Умолкнув, Курбатов буквально на их глазах уснул. Не поверив его предсонному сопению, которое вот-вот должно было перерасти в негромкий, вполне приемлемый храп, фон Умбарт приблизился к нему и склонился. Сомнений не было: Курбатов действительно спал.

— Невероятно, — помотал головой штурмбаннфюрер, увлекая фон Шмидта в другую комнату. — С тех пор как началась война, мне приходится отсыпаться днем, уснуть ночью — непозволительная роскошь.

— Потому что вы до сих пор не поняли, что жизнь, как и смерть, — это всего лишь невообразимое великосветское дерьрьмо, — многозначительно объяснил ему фон Шмидт и, пьяно икнув, погрузился в пододеяльную темень.

4

На перекрёстке, у которого начиналась дорога, ведущая к поместью Герлинген, Бургдорф вновь остановил свою колонну. Почти с минуту он сидел, закрыв глаза и упершись подбородком в грудь, словно творил молитву или решался на какой-то очень трудный шаг.

— Что-то произошло? — занервничал Майзель.

— Произошло, — ответил генерал пехоты, не отрывая от груди подбородка. — Причем самое гадкое из всего, что только могло с нами произойти в эту войну.

— Вы имеете в виду нашу поездку к Роммелю?

— Наше убийство Роммеля — вот что я имею в виду.

— Не мы же принимали это решение, Бургдорф. Но, коль оно уже принято, значит, фельдмаршал должен умереть. Он во что бы то ни стало должен умереть. Таков приказ, который мы обязаны выполнить. И все ваши интеллигентские вспышки угрызения совести в данном случае ни к чему. Тем более они не должны исходить от вас, личного адъютанта фюрера.

— Вы правы, Майзель, вы правы, — встрепенулся Бургдорф, почувствовав, какая угроза исходит из напоминания Майзеля о его должности, да к тому же приправленная ссылкой на «интеллигентские угрызения совести».

Яростно повертев головой, он осмотрелся по сторонам, словно бы пытался сориентироваться на местности, и тут же приказал гауптштурмфюреру Вольке разделить своё воинство, чтобы, просачиваясь всеми доступными путями, как можно незаметнее окружить убежище Лиса Пустыни. При этом бронетранспортёры и замаскированные посты пехоты он приказал располагать метрах в ста пятидесяти от усадьбы, дабы они не бросались в глаза местным жителям и не привлекали к себе особого внимания.

— ...Да только все эти меры уже не имеют никакого смысла! — саркастически возмутился Майзель, выслушав переданный Бургдорфом по радио приказ.

— Что... «не имеет смысла»? — не воспринял его сарказма адъютант Гитлера.

— Всё то время, которое мы могли дать Роммелю, чтобы позволить ему избежать ареста, мы уже дали.

— Вы не правы, Майзель: никаких шансов Роммелю мы не давали. Он вообще пока что не знает о цели нашего прибытия, поэтому ситуацию драматизировать не стоит.

— И всё же мы непростительно медлим, генерал.

— Неужели думаете, что Эрвин решится бежать на наших глазах?

— Не исключено.

— Вы знаете хотя бы одного участника заговора, который сумел бы спастись бегством? Даже адмирал Канарис, шеф абвера, который мог обладать десятками зарубежных паспортов и столькими же явками в Германии и вокруг неё, пальцем не пошевелил для своего спасения.

Майзель задумчиво пожевал нижнюю губу: а ведь действительно, ни один из заговорщиков не попытался ни организовать бунт вверенных ему частей, ни хотя бы что-либо предпринять для своего спасения.

— И в самом деле, странно. Неужели всех парализовал страх перед фюрером? — примирительно спросил он.

— Скорее перед гестапо. И потом, это даже не страх, а неистребимое чувство обреченности. Фельдмаршал Роммель тоже понимает, что обречен, поэтому вряд ли он станет бегать от нас, — спокойно заметил Бургдорф. — Лисом Пустыни его назвали вовсе не потому, что он обладает способностью трусливо заметать следы, убегая от врагов, и прятаться по лисьим норам.

— Хотите сказать, что нас встретит огнём взвод его личной охраны?

— Насколько мне известно, личной охраны у него нет. Да и вряд ли она решилась бы противостоять нам, понимая, как и чем придётся расплачиваться за такое предательство фюрера.

— В таком случае наша предосторожность не имеет никакого разумного объяснения.

— Мы военные люди, Майзель. И выстраиваем наши позиции так, как они должны быть выстроены согласно тактике проведения военных операций.

— А вы как считаете, гауптштурмфюрер? — обратился судья к командиру бронеконвоя.

— Позвольте воздержаться от участия в вашем генеральском споре, господа, — заявил эсэсовец, не желая быть втянутым в бессмысленную перепалку. — Я выполняю ваш приказ, господин генерал, — обратился он к Бургдорфу. — Без вашего ведома ни один человек поместье Герлинген покинуть не сумеет.

— Учитесь, Майзель, — кивнул в его сторону адъютант фюрера.

«А ведь я действительно давал Роммелю возможность предпринять попытку спастись, — наконец-то признался себе Бургдорф, глядя вслед гауптштурмфюреру, направлявшемуся к своим ваффен-эсэсовцам. — И если Эрвин не пожелал воспользоваться моим снисхождением, то это его выбор, а не мой».

5

Бушевавшее всю ночь море под утро настолько успокоилось, что гладь залива казалась умиротворённее, нежели отражающиеся в ней небеса, где голубовато-белесые тучи стремительно опускались к недалёкому горизонту, сжигаемые багровым пламенем предзакатного солнца. Всё пространство между Скалой Любви и раскалённым светилом превратилось в сплошное зарево, так что остров казался Скорцени последним приютом посреди полыхающей стихии, зарождавшейся в глубинах развёрзшегося ада.

Штурмбаннфюрер сам сел на вёсла, чтобы на острове не оказалось никого, кроме него и Марии-Виктории, — княгиня настояла на этом, — и теперь подводил шлюпку к западной оконечности его так, чтобы, не зацепив выступ скалы, проскользнуть в узкую горловину миниатюрной бухточки. Они уже давно могли высадиться на Скале Любви, но Сардони с загадочным видом попросила обогнуть остров и проникнуть в этот прибрежный каньон.

— А теперь оставьте-ка в покое вёсла — всё равно гребец из вас никудышный, — молвила она, когда, слегка ободрав правый борт шлюпки, Отто всё же сумел пройти это мрачное, а при малейшем шторме ещё и погибельное место, и взгляните наверх.

Бухта напоминала колодец, прорубленный в огромной, поросшей мхом и соснами скале, единственный выход из которой тоже исчезал за изгибом, маскируясь в зарослях густого кустарника. Подковообразный каньон, густая, мрачная синь воды и такая же мрачная синь неба. Было что-то во всём этом угнетающее и отпугивающее.

— Взглянул, — напомнил Скорцени, когда молчание женщины слишком затянулось.

— Видите там что-либо примечательное?

Отто старался рассмотреть там что-нибудь эдакое, бросающееся в глаза, с прилежностью от природы невнимательного ученика.

— Две сросшиеся сосны на небольшом скальном уступе. Такой результат моей наблюдательности вас устроит?

— Понятно: разведчик из вас получился бы ещё бездарнее, нежели мореплаватель, — бесстрастно констатировала владелица виллы «Орнезия», а заодно и этой скалы, падчерица лазурного побережья Лигурии.

— Ваше мнение в подобных вопросах неоспоримо, синьора.

— Не сомневайтесь: так оно и есть. Лучше скользните взглядом на два метра вниз. Видите небольшую расщелину? А под ней ещё один выступ, с сосенкой на краю?

— Сосенку вижу.

— Кстати, замечу, что расщелину можно рассмотреть, только остановив шлюпку в пяти метрах от входа в бухту. Как только вы сделаете несколько гребков в её сторону, она тотчас же скроется из вида. Из-за Сторожевой скалы, мимо которой вы прошли сюда, она тоже не просматривается.

— Следует предположить, что за этой сосенкой притаилась пещера, в которой вы храните сокровища рода Сардони? — иронично предположил Отто.

— Там действительно находится пещера, об этом уже нетрудно догадаться. И спуститься в неё можно только по веревочной лестнице, закреплённой на вершине сосны, или же с альпинистским снаряжением. Однако укрывать в ней собираюсь более ценное сокровище, нежели фамильные драгоценности.

— Еще одна загадка? Кого или что вы собираетесь укрывать там?

— Например, вас, штурмбаннфюрер.

— Не понял. Вы хотите прятать в этой пещерке меня? И для этого доставили к ней?

— Не волнуйтесь, не сейчас, а когда почувствуете себя слишком неуютно не только в Германии, но и во всей Европе.

— Вы говорите об этом всерьёз? — согнал с лица ироничную ухмылку первый диверсант рейха.

— Об этом уже всерьёз говорят в Лондоне, Москве, Вашингтоне и даже в Ватикане. Во всех этих светских и церковных столицах руководство поверженного рейха собираются отлучить от церкви, предать анафеме и «благословить» на виселицу, к которой вас приговорит международный суд как особо опасных для человечества преступников. Обратите внимание: «особо опасных для всего человечества!».

Скорцени затравленно осмотрелся, словно те, кто собирался вздёрнуть его, уже постепенно окружали их пристанище.

— Мне, конечно, трудно предположить такое, — проворчал он, — хотя в наше время всё может быть.

— Такое как раз предположить нетрудно. И не успокаивайте себя тем, что вам удастся подыскать более удачное прибежище. Во-первых, это уже не Германия, во-вторых, далеко от городов, а следовательно, от полиции, карабинёров и агентов вражеских разведок. К тому же это частная территория, подданной Святого Престола, гражданки Ватикана.

— К этим аргументам стоит прислушаться.

— И потом, не забывайте, что моя вилла находится под покровительством Ватикана. Возможно, в ходе войны покровительство это выглядит неубедительным, но в мирное время вряд ли кто-либо решится проникнуть на территорию, пребывающую под патронатом папы римского Пия XII. Вспомните хотя бы об экстерриториальном статусе его виллы «Кастель Гандольфо».

— Несомненно, дьявол меня расстреляй.

— Но главное, что какое-то время вы сможете укрываться здесь вместе со своими корсиканскими сокровищами, которые можно разместить в специальном подводном тайнике.

— Стоп-стоп, с какими еще... «корсиканскими сокровищами»?

— Предпочитаете называть их «африканскими»? Или «сокровищами фельдмаршала Роммеля»? Не возражаю. В любом случае мы имеем в виду одни и те же сокровища, которые были переправлены из Северной Африки к берегам Корсики.

Приподнимаясь в лодке, штурмбаннфюрер чуть было не опрокинул её. Упершись рукой в выступавшую из моря вершину

скалы, он ошалело смотрел на княгиню Сардони до тех пор, пока та не приказала:

— Да сядьте же вы, а то опрокинемся и потеряем нашу спасительную шлюпку.

— И давно вам известно об этих сокровищах, княгиня? — под воздействием течения лодка медленно разворачивалась носом к выходу из бухты, однако Скорцени не обращал на это внимания.

— Забыла сообщить, что вон из той песчаной отмели начинается подъем, по которому до пещеры можно добраться и отсюда, из бухты. Или, наоборот, при необходимости спуститься сюда.

— То есть все те знаки внимания, которые вы оказываете теперь бедному германскому диверсанту, обусловлены только тем, что вы получили задание добраться с его помощью до сокровищ Роммеля?

Княгиня взвесила его ироничным взглядом зрелой женщины, которой приходится оценивать любовные потуги влюблённого в неё подростка.

— Что в этом порочного, Скорцени? Рейх рушится, его высшие чиновники истребляют друг друга, словно пауки в банке, а между тем где-то у северо-восточной оконечности Корсики лежат несметные богатства, которые могут оказаться брошенными на произвол судьбы, вместо того чтобы быть использованными в благородных церковных целях.

— В самых что ни на есть «благородных», — нервно поиграл желваками Скорцени.

«А ведь в Берлине, в СД и гестапо всё ещё считают захоронение сокровищ у берегов Корсики величайшей из тайн рейха — подумал он. — Даже в окружении фюрера и Гиммлера о нём известно только единицам, да и то в самых общих определениях количества награбленного Африканским корпусом и места его затопления!»

— В ватиканской разведке «Содалициум Пианум» даже над названием операции мудрить не стали, решив именовать почти так же, как именует её «спецгруппа Скорцени», занятая поисками этого вынужденного затопления и его секретной охраной, то

есть «Корсиканский корсар», — окончательно добила его княгиня.

— И, как я понимаю, покровительство Святого Престола мне предлагают в обмен на сотрудничество с его разведкой?

— А ещё вам будет предложена определённая часть сокровищ. Так что вам грех обижаться на нас, корсиканский корсар Скорцени. К тому же учтите, что мы уже подступаемся и к более информированному источнику — барону фон Шмидту, то есть непосредственному участнику операции «Бристольская дева».

— Это уже чувствовалось. Хотя, признаюсь, мне неизвестно было, кто именно подступается.

— И давно завладели бы этим бароном, но из уважения к вашему статусу решили, что действовать всё же лучше через вас, справедливо полагая, что вы то ли включите Шмидта в свой отряд, то ли, выжав из него всю информацию, превратите с потустороннего хранителя сокровищ.

— И что — сомнений в том, что я соглашусь сотрудничать, у вас и ваших покровителей не возникало?

— Почему же, возникали. Но мы проанализировали ситуацию и поняли, что в борьбе за сокровища Роммеля схлестнется множество сил. Прежде всего к нему будет подбираться несколько сугубо германских групп, что совершенно естественно; затем подключатся ценители сокровищ из Корсики и Франции. Не забывайте также о ватиканской группе, сицилийской мафии, корсиканских сепаратистах, командном составе красных партизан, не говоря уже о новоявленных флибустьерах, которые решат испытать судьбу сразу же, как только отгремит война. Можете себе представить, каким слоем костей будут усеяны места предполагаемого захоронения сокровищ, и сколько пота и крови будет пролито на корсиканском, французском, итальянском и прочих берегах, а также на судах поисковиков?!

Скорцени помолчал. Слова княгини Сардони комментариев не требовали, они требовали глубинного осмысления. До сих пор он относился к поиску сокровищ, как к делу внутригерманскому, и всегда исходил из того, что они будут найдены и перепрятаны уже в Германии до окончания войны. Но теперь

обер-диверсант рейха начинал понимать, что в Ватикане к этой проблеме относятся более расчетливо. И Мария-Виктория права: в поиски сокровищ неминуемо подключатся мафия и корсиканские сепаратисты, которым деньги нужны для борьбы за независимость.

Причём задача обоих этих движений будет заключаться не только в том, чтобы немедленно разыскать и поднять сокровища, сколько в том, чтобы истреблять или, по крайней мере, запугивать всякого, кто решится на эти поиски без их разрешения и без их участия в доле.

— Кстати, если мне и в самом деле придется прятать вас, то вон в тех зарослях, господин диверсант, будет ждать небольшая моторка, — вновь вернулась к описанию условий их сотрудничества Мария-Виктория.

— Вы и в самом деле инструктируете меня, как будущего монаха-отшельника.

— Ничего не поделаешь. Приютив, я обязана буду проникнуться ответственностью за вашу судьбу и, прежде всего, за условия содержания.

— Почему «обязана буду»? По-моему, вы уже прониклись ею.

— Ещё не совсем, — озарила его своей белозубой улыбкой Мария-Виктория. Чего-то не хватает, какой-то чувственной изюминки.

— Но тогда это уже будет не чувство ответственности, а нечто иное.

— Хотите сказать: чувство любви? — игриво подразнила его кончиком языка княгиня.

— Не решился произнести эти слова вслух.

— Опасная тема, не правда ли?

Скорцени ответил не сразу, поэтому на какое-то время наступило неловкое молчание.

— Всё это очень романтично, — заговорил он после подбадривающего вздоха княгини, — почти как в пиратском романе. Но вы не ответили на простой, как весло в моей руке, вопрос: когда и каким образом вам стало известно об африканских сокровищах Роммеля?

— О сокровищах мне стало известно не так уж давно. С тех пор, когда моим разведпокровителям стало известно о вашем предстоящем визите на «Орнезию». Как вы понимаете, они решили максимально использовать наше знакомство и наши контакты. Я тоже убеждена, что в одиночку сокровища Роммеля вам после войны не добыть. И мы — самые порядочные союзники, с которыми вам стоит иметь дело и которые намерены твёрдо следовать нашим с вами договорённостям. Но о конкретных этапах операции «Корсиканский корсар» с вами будут говорить позже.

— То есть вести переговоры будете не вы?

— Скорее всего, нет. Меня, очевидно, будут использовать как гаранта-заложника. Причём заложника обоюдного: и вашего, и Ватикана.

— Откровенно скажу: вам не позавидуешь.

— Тем, кто посмеет нарушить эти договорённости, тоже завидовать не придётся, — вдруг сурово предупредила княгиня. — Месть гарантирована. А теперь вновь возьмитесь за вёсла, штурмбаннфюрер. Нам не стоит задерживаться здесь. Всё равно вряд ли нас заподозрят в том, что мы целовались.

— В чём же тогда нас могут заподозрить?

— Только не в том, чего вы на самом деле пытались добиться от меня в этой островной бухточке, — насмешливо заверила его Мария-Виктория. А заметив, как Скорцени, досадуя на эту подковырку, дернул головой, добавила: — Дело в том, что никто из обитателей «Орнезии» о существовании пещеры не знает. Тайну её открыл мне один местный рыбак, который в двадцатые годы, ещё в дни своей юности, занимался здесь контрабандой. Он лично углублял эту пещеру, расширял её, прощупывал подходы сверху и снизу, а главное, обустроил в ней небольшой, довольно уютный, обшитый досками и всячески утеплённый бункер.

— Хотите сказать, что, кроме вас, об этой пещере знает теперь только этот рыбак-контрабандист?

— Было ещё трое посвящённых, которые помогали ему в обустройстве пещеры и в контрабандистских операциях. Но одного из них пришлось казнить из-за буйства и непостоянства его характера, двое других сами благополучно отошли к праотцам, по-

гибнув в море во время шторма. Правда, утверждают, что шторм тоже был вызван разведкой Ватикана, — лукаво ухмыльнулась Мария-Виктория, — однако лично я в святопрестольные сверхсилы не верю. А вы, штурмбаннфюрер?

— Позвольте полюбопытствовать, почему не убрали этого рыбака?

— Это физически очень сильный и решительный человек, настоящий пират, умеющий орудовать ножом и пистолетом.

— Понятно, именно его вы используете в роли цербера, который занимается охраной этой пещеры.

— Благодаря нам он отсиделся то на вилле, то в самой пещере в течение всей войны, избежав мобилизации и ни в чём не нуждаясь. В знак признательности рыбак готов убрать каждого, кто попытается проникнуть в пещеру без моего согласия. Убирать такого человека — слишком расточительно.

6

Выход из островного каньона оказался более удачным, поэтому обошлось без ещё одной отметины на борту. Штурмбаннфюрер придирчиво осмотрел склон скалы. Княгиня была права: никаких признаков того, что на одном из крутых склонов её находится пещера, заметить было невозможно.

— Вы становитесь искусным гребцом, — похвалила его Сардони. — Теперь двигаемся вдоль побережья острова, чтобы следящие за нами с виллы решили, что мы попросту совершаем «кругосветное» путешествие.

— Если уж мы столь откровенны друг с другом... Кто именно склонен следить за вами?

— Особенно часто и тщательно этим забавляется Морской Пехотинец.

— Тогда почему не напустите на него своего Цербера?

— Потому что мне показалось, что удастся создать некое идеальное сообщество разведчиков, девиз которого, как у коммунистов: «Шпионы всех стран...», нет, лучше: «Пролетарии разведки всех стран, соединяйтесь!».

— Что-то вы недоговариваете, любезная.

— Если Цербер уберёт Морского Пехотинца, мне подсунут другого англичанина или американца, которого еще только нужно будет рассекретить и перевербовать. А к этому я уже привыкла.

— Убедительно.

— И потом, не забывайте о моей цели.

— О ней я постараюсь не забыть, — серьезно пообещал Скорцени.

То, что княгиня пыталась превратить свою виллу в международный шпионский центр, собрав под её крышей разведчиков чуть ли не со всей Европы, представлялось обер-диверсанту рейха необычным и очень своевременным. Необычным уже хотя бы по своему замыслу, очень созвучному его собственным послевоенным шпионским фантазиям. Он уже подумывал о том, что именно «Орнезия» может стать одним из пунктов переправки высших чиновников рейха и элиты СС в Испанию, Аргентину, Парагвай и в другие надёжные страны.

— Что касается Морского Пехотинца, то у нас существует джентльменская договорённость: на виллу «Орнезия» склоки наших правительств, а также различия политических курсов и идеологий не распространяются. Поэтому вопрос: не хотите ли вы, господин Скорцени, направить сюда своего представителя? Под видом дезертира или ещё каким-либо.

— Вы в этом заинтересованы?

— Я заинтересована в том, чтобы в этом разведывательно-диверсионном монастыре Германия была представлена не менее достойно, нежели все остальные воюющие и невоюющие ныне страны. Кстати, замечу, что часть сокровищ Роммеля пойдет на содержание этого «разведмонастыря». Соответствующая договорённость с прелатом Бенини, руководителем ватиканской разведки и большим почитателем Муссолини, уже существует.

На сей раз Скорцени взглянул на княгиню с искренним уважением: идею создания международного «разведмонастыря» она и в самом деле решительно претворяла в жизнь. В отличие от него, закоренелого фантазёра-мечтателя.

— В таком случае в ближайшее время у вас появится один мой надёжный сотрудник, русский полковник.

— Уже интригующе.

— Но это не красный, а белый русский.

— Почти экзотика, — продемонстрировала свой холодный аристократический восторг Мария-Виктория. Но после войны ни абвера, ни СД, ни гестапо уже не будет. Рейха тоже. Кого же он будет представлять этот ваш русский белогвардеец? Службу безопасности русского правительства в изгнании?

— Он будет моим личным представителем. Но об этом не должен знать никто, кроме вас. Для всех остальных он будет представлять белую русскую армию генерала Семёнова, её разведку. И пусть вас не смущает его чин полковника, на самом деле Курбатов ещё достаточно молод, хотя и успел пройти по тылам красных от Маньчжурии до линии Восточного фронта. Вполне естественно, что такому человеку понадобятся и политическое убежище, и просто какой-то приют. Мы не можем допустить, чтобы диверсанта такого уровня власти Италии выдали сталинистам, которые, конечно же, этого потребуют. Поэтому он появится у вас под чужими документами, и вы получите еще одного офицера собственной службы безопасности, храброго и на всё готового.

— Так, может быть, вы и фамилию его назовёте?

— Полковник Курбатов. Полковник, князь Курбатов.

— Князь? — загорелись глаза Марии-Виктории, которая всегда тянулась к аристократической среде. — По легенде или по жизни?

— Боже упаси: никакой легенды. Истинный князь, с древними аристократическими корнями, — знал об этой её слабости Скорцени. — Перед отъездом оставлю вам газету, в которой вы прочтете о его рейде по тылам сталинистов. Это впечатляет.

— Надеюсь, статья не была сопровождена фотографией полковника?

— Не была, естественно.

— Проследите, чтобы его фотография не появлялась ни в одной газете, а досье на него из германских архивов перекочева-

ло в архив «разведмонастыря Орнезия». К тому же я согласна с вами: никто не должен догадываться, что полковник — ваш личный агент.

— Может же и у нас с вами оставаться хоть какая-то тайна. Исключительно на двоих.

— Причём замечу: не моя вина в том, что такой тайны до сих пор не появилось.

— Справедливый упрёк.

7

Бургдорфу вдруг вспомнился слух, просочившийся из окружения фюрера о том, что, якобы, арестовывая адмирала Канариса, бригаденфюрер Шелленберг тоже по-рыцарски предоставил ему возможность бежать. Сделано это было, дескать, совершенно демонстративно. Оставив сопровождавшего его эсэсовца на первом этаже особняка, он предложил шефу абвера подготовиться к аресту в таких условиях, при которых тот мог без особого труда улизнуть или, что ещё проще, покончить жизнь самоубийством. При этом Шелленберг, известный в ставке фюрера ещё и под кличкой «Красавчик», сильно рисковал, поскольку после любого из этих «уходов» мог возникнуть вопрос об аресте самого бригаденфюрера.

Но адмирал такой возможностью не воспользовался, «великодушно» отдав себя в руки правосудия. К его поступку в СД и рейхсканцелярии относились по-разному: одни одобряли, считая, что как офицер он обязан был предстать перед судом, чтобы попытаться защитить свою честь и честь своего рода; другие же, наоборот, рассматривали этот его поступок как проявление непрофессионализма, который, собственно, и погубил в своё время абвер.

Значит, говорили они, у шефа военной разведки не оказалось в запасе ни одной надёжной явочной квартиры, ни одного заранее подготовленного где-нибудь в городском подполье или в горах «лежбища», ни одного пограничного коридора, по которому он мог бы уйти за пределы рейха. Но в таком случае грош ему цена как разведчику, а тем более шефу разведки.

Однако самое любопытное заключалось не в рейхсканцелярской молве, а в том, что, узнав об устроенной Шелленбергом игре в поддавки, фюрер не пришёл в ярость и не приказал арестовать его самого, хотя Мюллер рассчитывал именно на такую реакцию. Наоборот, пригласив к себе Шелленберга и услышав от него правдивое признание в своем грехе, Гитлер с интересом расспрашивал его о том, как именно вёл себя бывший шеф абвера, действительно ли у него была возможность бежать, и почему обер-разведчик рейха не воспользовался этой возможностью или хотя бы не покончил с собой.

Этот разговор происходил в присутствии Бургдорфа, поэтому генерал уверен, что фюрер был бы рад, если бы адмирал не попал в руки судей Народного суда. И хотя завершался он вполне благожелательно, Шелленберг стоял перед Гитлером бледный и, как показалось адъютанту, пребывал в полуобморочном состоянии. Все знали, как панически он боялся гнева вождя.

— И вы действительно позволили бы адмиралу спастись? — спросил его Бургдорф после того, как, избежав ярости фюрера, шеф внешней разведки Главного управления имперской безопасности отходил после этого посещения в адъютантской комнате, в ожидании машины.

— Теперь меня тоже одолевают сомнения по этому поводу, — честно признался Вальтер Шелленберг.

— Неужели у вас не было твердого решения относительно того, как вести себя с Канарисом?

— Кое-что вырисовывалось, но очень смутно. Поэтому теперь, когда в связи с этим легкомыслием я сам оказался в шаге от виселицы, меня уже начинают мучить сомнения.

— Почему вы так решили, что в шаге от виселицы, бригаденфюрер? Насколько я понял, фюрер был настроен весьма радушно.

— Если бы Гитлер сразу же разразился яростью, я бы чувствовал себя спокойнее.

— Вы первый, кто мыслит подобным образом. Все остальные боятся любых проявлений гнева Гитлера.

— Бояться следует не вспышек ярости фюрера, а его скрытой, тлеющей мести, — поучительно произнес Шелленберг.

Именно эти слова Бургдорф вспоминал теперь всё чаще. Получив приказ об убийстве фельдмаршала Роммеля, он по существу повторял путь, пройденный в своё время самим Шелленбергом, и путь этот вполне осязаемо вёл его к гибели, как и Лиса Пустыни.

Настойчивые попытки фюрера избежать ареста Роммеля тоже, очевидно, продиктованы этим его «абверовским проколом». Однако дело не в нём. После этого ареста Шелленберг остался в памяти многих штабистов и людей, приближённых к ставке, как человек, пытавшийся спасти Канариса, — вот что привлекало сейчас Бургдорфа во всей этой истории.

«В любом случае, — размышлял он сейчас, находясь в машине, почти у самой усадьбы Роммеля, — следует сделать так, чтобы мой жест великодушия тоже каким-то образом был замечен историками. Дескать да: Бургдорф вынужден был выполнять приказ фюрера об аресте фельдмаршала, но в то же время предоставлял ему возможность...»

— Ладно, Майзель, — молвил он своему сообщнику, — хватит ходить вокруг да около! Вон та черепичная крыша посреди зелени, очевидно, и есть бункер Лиса Пустыни.

— Не исключаю, — проворчал судья.

— Так предадимся же воле Божьей, а не воле сомнительного случая.

8

На южной оконечности островка их настиг лёгкий бриз, и шлюпка заплясала на накатывающихся на берег волнах. Скорцени сразу же почувствовал себя как-то неуверенно. Он и в самом деле всего лишь третий раз в жизни садился на вёсла, да и то дважды его мореплавание ограничивалось небольшими тихими озёрцами.

— Держитесь поближе к берегу, внебрачное дитя капитана Моргана! — мягко злорадствовала Мария-Виктория, по-детски радуясь, что есть возможность ощутить своё превосходство. —

Поскорее заходите вон за тот мыс, иначе мы никогда не окажемся у пристани.

— Так вы не собираетесь возвращаться к вилле?

— Не побывав на Скале Любви? Вы меня удивляете, Скорцени. Почувствуйте себя хоть ненадолго Робинзоном. Тем более что, как я уже говорила, знание острова очень даже может вам пригодиться.

— А что, штурмбаннфюрер — Робинзон СС! В этом что-то есть.

Ветер тем временем усиливался, и Скорцени с трудом удалось развернуть шлюпку так, чтобы войти в крохотный залив. Был момент, когда он неудачно подставил борт волне, чуть было не опрокинул своё судёнышко, что вызвало у княгини новый прилив насмешек. Она вела себя почти с детским озорством, совершенно пренебрегая при этом опасностью. К морю девушка привыкла, перспектива потерять шлюпку её не пугала, а возможность заночевать в связи со штормом на островке казалась заманчивой.

— Сейчас начнётся ураган, который будет длиться трое суток, — накаркала она штурмбаннфюреру. — Сама слышала прогноз. И все трое суток нам придётся просидеть на островке, без еды и воды, питаясь только тем, что вам удастся выловить с помощью самодельной удочки в прибрежных водах.

Выслушивая её милый бред, Отто столь же мило отмалчивался. Причал выглядел почти новеньким, что, однако, не делало его привлекательнее. Сколоченный из неотёсанных брёвен и каких-то старых досок, с оставшимися в них ржавыми гвоздями, он свидетельствовал лишь о том, что мастерили его наспех, причем делали это люди, имеющие весьма приблизительное представление о плотническом ремесле. Да к тому же без надлежащих инструментов.

— Работа Нантино, — извиняющимся тоном объяснила княгиня, — того самого, из охраны. Это он у нас топорных дел мастер.

— Неважный, следует сказать, — скептически оценил его усердие Скорцени, высаживаясь на берег и помогая сойти кня-

гине. Шлюпку он подтянул повыше, чтобы её не смыло в море, и привязал к одной из опор причала.

— Хижину тоже он сварганил?

— Вы несправедливы, Отто, хижина получилась вполне приличной: почти двухэтажной, на сваях...

— Да ну?! Похожей на хижины индейцев?

— Полинезийцев, как объяснил её создатель, Морской Пехотинец. Однажды во время учений его роте пришлось полтора месяца провести на островке в Океании. Именно там он достиг своего совершенства как хижиностроитель. Здесь, правда, Морской Пехотинец не обнаружил бамбука и ещё чего-то, чем они обычно скрепляют бревна и стебли.

— Очевидно, лиан.

— Вам тоже приходилось бывать на островах в Океании?

— Сегодня впервые.

— Да ещё со мной! Вам непозволительно повезло. Такое просто невозможно забыть.

— Такое грешно забывать.

Скорцени обнял её за плечи, привлёк к себе и как можно нежнее поцеловал в губы.

— Такое тоже грешно забывать, — польстила ему Мария-Виктория. — Только стоит ли соблазнять друг друга?

— Не стоит, — решительно подтвердил Отто.

Хижина показалась Скорцени довольно уютной. Он был явно несправедлив по отношению к её создателю. Поднявшись по шаткой лесенке на второй этаж, штурмбаннфюрер осмотрел часть островка, ограниченную подковообразной скалой, благодаря которой он, очевидно, и был назван Скалой Любви. Затем прошёлся взглядом по зеленому массиву материка, посреди которого виднелись черепичные крыши виллы и хозяйственных построек, по палубе яхты, от борта которой они с княгиней недавно отчалили.

Островок и впрямь казался заброшенным посреди океана, а ближайший берег — всего лишь оконечностью другого такого же осколка тверди земной — необитаемого, поглощённого вселенской отрешённостью. Впрочем, местность, в которой приютилась

«Орнезия», представала перед открывшим её для себя в одинаковой степени дикой и в то же время по-своему чарующей.

— Вы уверены, княгиня, что вон там, на самой этой скале, действительно кто-либо когда-либо занимался любовью?

— Как уверяет нас легенда...

— Подобные легенды обычно зарождаются на какой-то реальной основе.

— Хотите испытать эту страсть со мной?

Столь лобового вопроса Скорцени не ожидал, поэтому промычал в ответ что-то нечленораздельное.

— Сразу же огорчу: никакая сила, даже сила любви к вам, не заставит меня подняться по её губительному склону. Ведь эта твердь названа Скалой Любви, а не Скалой Безумия.

— После нашего визита название придётся изменить.

— Вы, как всегда, слишком самоуверенны.

Скорцени спустился с мансарды и остановился напротив Марии-Виктории. Досчатый лежак с набитым сеном тюфяком находился в двух шагах от них и казался таким же доступным, как и женщина. Сардони стояла, почти касаясь подбородком его груди, и внимательно следила за каждым движением, за выражением лица, глаз, но Отто так и не смог понять, что ею двигало, что удерживало рядом с ним: обычное любопытство, желание быть обладаемой им, или же, наоборот, желание вовремя заметить опасность и метнуться к выходу?

— Знаете, о чём я вспомнила сейчас, Скорцени? — прошептала она, когда руки штурмбаннфюрера вновь сомкнулись у неё за спиной.

— Уверен, что вспомнили лес неподалёку от виллы «Карпаро», и тропинку, по которой вы шли, расстреляв саму себя задолго до того, как мне пришло в голову извлечь пистолет.

— Вот видите, как трудно нам встречаться после этого «расстрела»?

— Которого не было.

— Который все же состоялся, Скорцени; состоялся, состоялся! Несмотря на то, что вы так и не решились — уж не знаю, из каких побуждений — потратить на меня свой драгоценный патрон.

— И там, в лесу, и затем, каждый раз, когда вы начинали вспоминать об этом расстреле, меня не покидало чувство, что вы жалеете, что расстрел всё же не состоялся. А ведь я обязан был пристрелить вас. Так заведено во всех разведках мира.

— Хотите исправить свою оплошность прямо сейчас, здесь, на Скале Любви?

— О чем это вы? — налился свинцом взгляд обер-диверсанта рейха.

— Может, пожелаете повторить расстрел или, точнее, завершите тот, который так и остался недоведенным до логического завершения.

— Слишком рискованно провоцируете, княгиня Сардони. Причём делаете это не впервые, — резко молвил Скорцени. — Никогда не рискуйте таким образом. Оружие — как заклятие, оно способно срабатывать само по себе, спущенное с курка неосторожным словом. Не существовало виллы «Карпаро», не существовало леска, не было ничего такого, что напоминало бы вам о расстреле. Запомните это наконец, любимица смерти.

Вместо ответа Мария-Виктория провела кончиками пальцев по его шрамам, по подбородку, задержала руку на шее.

— Любовь тоже подобна проклятию, господин «самый страшный человек Европы». Но, сколько ни вызываю её, сколько ни провоцирую, ничего не получается. Не смогли бы объяснить, почему?

— Очевидно, потому, что воспринимаете меня не как мужчину, а как палача — улыбку ему заменил полузвериный оскал, способный остепенить или же, наоборот, повергнуть в трепет кого угодно.

— Оказывается, всё дело во мне, — потянулась к нему Мария-Виктория, призывно поводя подбородком и пытаясь добиться его поцелуя.

Дальше слова уже потеряли всякий смысл. Почти бросившись в объятия друг друга, они вместе ступили два шага, отделявших их от лежанки. Немного поблуждав по несложным нарядам девушки, Отто наконец сорвал с неё всё, что только можно было сорвать, и, повалив поперёк тюфяка, чуть не переламывая

женщину в пояснице, брал её долго и ненасытно. Не отпуская, не давая возможности не то, чтобы хоть как-то привести себя в порядок, но хотя бы прийти в себя.

Были мгновения, когда Отто казалось, что этой женщиной вообще невозможно утолить свою страсть. Но не потому, что не ощущал её тела, а потому, что ощущение это было настолько сильным, настолько необычным и неповторимым, что ликование плоти не угасало, как это случалось обычно, а, наоборот, возгоралось в новом огне желания и ярости, в новом первородном стремлении обладать и быть обладаемым. Во что бы то ни стало — обладать и быть обладаемым!

9

... Когда это наваждение наконец развеялось, Скорцени обессиленно присел рядом с лежаком и уткнулся лбом в судорожно сжатые ноги женщины. Разгоряченному, истекающему потом, невероятно уставшему, ему уже не хотелось ни подниматься, ни продолжать сражение страстей. Просто сидеть вот так, уткнувшись в ноги женщины, сидеть целую вечность, прислушиваясь ко всё нарастающему рокоту волн, к поскрипыванию жердей на крыше хижины, к шепоту крон.

«Теперь я знаю, — сказал себе Скорцени, — что первый человек Земли был зачат на точно таком же острове, а может, именно на этом под грохот прибоя, потрескивание стен хижины и стенание лесной кроны. Вот почему всё это и произошло сейчас на острове. И ты здесь ни при чём. Это и в самом деле не Скала Любви, а самая настоящая Скала Безумия».

Обхватив руками икры женщины, он потянулся вверх, с удивлением ощущая, что не сможет отпустить её до самого утра. Он вновь хотел её с той же неутоленной жаждой, с какой набросился в первый раз.

— Ты способна подняться?

— По-моему, нет, — едва слышно проговорила Мария-Виктория.

— Что-то случилось?

— А вы так и не поняли, что именно?

— Значит, всё в порядке? — несколько встревоженно спросил Отто.

— Считайте это словами отпевания.

— Мы могли бы лечь, так было бы удобнее...

— О, нет! — простонала женщина. — Всё это уже невозможно.

«Поднимется и уйдёт! — испугался Скорцени. — И всё это уже никогда не повторится. Никогда! Уйдёт!..».

Вновь набрасываясь на неё, Отто из-за сумерек не мог видеть широко раскрытых, наполненных ужасом глаз княгини. Услышал лишь её пронзённое изумлением: «О Господи! Неужели опять?!».

Женщина попыталась защититься, сжать ноги, но прибегла к этому слишком поздно. Зарычав от наслаждения, мужчина впился руками в её тело и терзал его, терзал, то обессиленно сникая, то вновь поглощая, по-каннибальски овладевая всем существом партнёрши.

В этот раз они осели, а затем встали на колени вместе, двое грешных и двое святых.

— Нельзя было так, Скорцени, — обессиленно положив руки на плечи, уткнулась ему в грудь Мария-Виктория. — Так не любят.

— Кто знает? Возможно, только так и следует любить.

— Так не любят, Скорцени, — едва выговаривала слова девушка. Дыхание княгини астматически прерывалось, и она буквально задыхалась, объятая бессилием и пресыщенностью. — Это было как расстрел. Нет, не «как», это и был тот, настоящий расстрел «на месте, без суда и следствия», через повешение, не подлежащий ни помилованию, ни оплакиванию. Меня больше нет, — Мария-Виктория отпустила его руки и, всё ещё стоя на коленях, опрокинулась навзничь, приваливаясь спиной к лежаку. — Я убита и похоронена на этом островке. «Любимица смерти» — кажется, так вы назвали меня? На самом же деле я всего лишь отпетая дрянь.

— Вы не правы: всё было так прекрасно. Вы... потрясающая женщина.

Ветер за стенами хижины всё усиливался. Его порывы проникали сквозь непрочные стены укрытия, напоминая, что здесь

всего лишь север Италии, а вовсе не тропики. Тем более, когда природа подступает к осени. Скрип жердей напоминал поминальный плач по всем, чьи мечты о таком островке так никогда и не сбылись, поскольку им так и не повезло, как этим двоим.

— Теперь вы понимаете, Скорцени, почему этот островок называется Скалой Любви?

— Поведайте это миру, княгиня Сардони, — обер-диверсант рейха уселся на лежак и привалился к стене хижины, да так, что она чуть было не рухнула под тяжестью его тела.

— Не рассчитывайте, что стану пересказывать некую древнюю легенду. Назвавший его так, по всей вероятности, слыл...

— Эй, на острове?! Где вы там?! — неожиданно ворвался в их диалог хриплый голос Морского Пехотинца. Островитяне сразу же узнали его по характерному, американскому произношению немецких слов. — Вы ещё живы?

Ничего не ответив, княгиня и Скорцени приблизились к выходу и остановились у него с тоскливым чувством пленников, слишком уж сроднившихся с местом своего заточения. Как же им не хотелось возвращаться в суетный мир материка! Каким уютным и обитаемым казался этот доселе необитаемый островок!

Солнце ещё окончательно не зашло. Скала Любви всё ещё нежилась в его лучах, хотя там, в хижине, им казалось, что уже наступила глубокая ночь. Самого бывшего сержанта морской пехоты Джона Шеридана островитяне не видели, но понимали, что он находится буквально в нескольких шагах от них, за кустарником, у причала.

Прежде чем предстать пред его очи, они осмотрели каждый себя и друг друга.

— Ну, что тут скажешь? — попыталась сохранить чувство юмора Мария-Виктория. Тут и объяснять чего-либо нет никакого смысла, всё на нас написано, как на полотне Оноре Фрагонара.

— Пусть этот любимец смерти убирается к дьяволу, — проворчал Скорцени. — Предложите ему такую прогулку. И без него как-нибудь доберемся до виллы.

— В отличие от вас, господин штурмбаннфюрер СС, бывший морской пехотинец заботится о моём спасении.

— Вечная судьба диверсанта: выглядеть в глазах женщины настоящим чудовищем.

— В заливе поднимается шторм! — вновь прозвучал голос Джона Шеридана. — Мы решили, что вам трудно будет добраться до усадьбы. А главное, следует поторопиться.

Скорцени и княгиня вновь удрученно переглянулись. Они обнаружены и изобличены, поэтому отмалчиваться уже не было смысла.

— Своими страхами вы убиваете мои лучшие пиратские порывы! — наконец отозвалась Мария-Виктория.

— Рад слышать ваш голос, княгиня! — в самом деле возрадовался итало-американец.

Кое-как приведя себя в порядок, Сардони первой ступила на тропинку. Обер-диверсант рейха ступал за ней, как безнадёжно провинившийся раб за своей владелицей, твердо зная, что прощения ему не будет.

Сержант ждал их, стоя посреди причала. Парусиновые штаны его и рукава рубахи были закатаны, оголяя волосатые босые ноги и являя взору загорелые мускулистые руки. Вид его был одновременно и воинственным, и по-крестьянски убогим.

— И что же вас так встревожило, сержант? — поинтересовался Скорцени, даже не пытаясь скрывать своего недовольства. — Насколько я помню, сигнала SOS мы в эфир не посылали.

— К вашему сведению, господин штурмбаннфюрер, генуэзский залив — подлейший из лигурийских заливов. И если вам угодно будет выслушать собственное мнение сержанта морской пехоты...

— Разве что «подлейшая»...

— Предлагаю сесть в мою шлюпку — она чуть побольше — и положиться на мой опыт. На всякий случай я захватил два спасательных круга. Вашу шлюпку я приведу завтра утром.

— Будем благоразумны, а, господин Скорцени? — вопросительно взглянула на обер-диверсанта Мария-Виктория.

— Если я кому-то и позволяю командовать собой, так это сержантам морской пехоты, — заверил её штурмбаннфюрер сквозь полусжатые зубы.

От Скорцени не скрылось, как придирчиво осматривал Морской Пехотинец владелицу «Орнезии», когда она проходила мимо. Янки всё понял, и в душе, очевидно, завидовал, что не оказался на месте эсэсовца, которого, будь его воля, тотчас убил бы, и не только потому, что тот служит в СС. Но он получил приказ не высовываться.

Американской разведке тоже нужен был такой вот послевоенный диверсионно-политический анклав, каким представлялась ей ватиканская вилла «Орнезия» — с её хозяйкой-разведчицей и полным набором представителей чуть ли не всех европейских спецслужб. В аналитическом центре справедливо предполагали, что после капитуляции Германии все эти разведчики превратятся в союзников, а сама «Орнезия» — в международный шпионский центр, в том числе и в центр связи между американской разведкой и католической церковью, с её необозримыми географическими и людскими возможностями.

Когда уже на берегу бухты Орнезии Скорцени подал девушке руку, чтобы помочь выйти из шлюпки, она склонилась ему на плечо и прошептала:

— Так вы знаете, почему этот островок называется Скалой Любви?

— Сгораю от нетерпения услышать наконец вашу легенду.

— Это не легенда, а документалистика. Святая правда, подтверждаемая клятвой на Библии.

— Если учесть, что ни над одной книгой, священной или безбожной, не произносили столько лжи, как над Библией... По-моему, она только для того и придумана, эта «клятва на Библии», чтобы позволить врунам дурачить всю остальную публику.

— Не святотатствуйте! — по-школярски, за рукав одернула его Сардони. — Вы же христианин.

— Признателен за напоминание.

Ступив ещё несколько шагов, княгиня оглянулась на Морского Пехотинца. Тот возился со шлюпкой. Вытолкав на берег,

он теперь пытался понадёжнее закрепить её у причала и, казалось, не обращал на них никакого внимания.

Решив, что они отошли на достаточно безопасное расстояние, Мария-Виктория остановилась и, глядя на чернеющий вдали, на фоне угасающего неба, островок, произнесла:

— Вы вот спросили, с какой стати островок называется Скалой Любви. Понятия не имею, кто, когда и почему назвал его так, но отныне он будет иметь воистину правдивое толкование. Потому что и расстреляли меня на этом островке без любви, и похоронили на нем тоже без сочувствия и оплакивания.

— И даже похоронили... — то ли спросил, то ли покаянно подтвердил Скорцени. — Парадоксальное толкование. Будущим поколениям оно достанется в виде ещё одной тайны виллы «Орнезия».

— Да, мой штурмбаннфюрер, я так и погребена была... расстрелянной без любви.

— Тогда уж называйте его островом Расстрелянной Любви, — иронично заключил обер-диверсант рейха.— По крайней мере, это будет во фронтовом духе.

Услышав новое название, Мария-Виктория вновь остановилась и на какое-то время, забыв о своём спутнике, смотрела на островок с таким душевным рвением, словно только в нём и видела своё спасение.

— «Остров Расстрелянной Любви»? Это будет слишком жестоко.

Скорцени снисходительно рассмеялся.

— Не вижу причины, — усовестила его девушка. — Наделяя его этим названием, вы ведь совершенно не думали о том, что война не вечна. А каково будет островку жить с таким названием сотни лет спустя, после войны, после нас и после нашей эпохи?!

10

В парке, посреди которого высился двухэтажный особняк, выстроенный в старогерманском стиле, уже вовсю буйствовала осень. Кроны старых клёнов сонно покачивались на фоне потускневшего, холодеющего неба, словно огромные возду-

хоплавательные шары. По выложенным из розоватого камня аллейкам хмельно разгуливали стаи опавших листьев, а кусты шиповника и боярышника покорно обнажались под порывами холодного ветра.

— Даже трудно представить себе, как должен был чувствовать себя человек, владеющий такой виллой чуть ли не в предгорьях Альп, оказавшись в шатре, поставленном посреди раскалённой, безжизненной Ливийской пустыни. — Эти слова не адресовались Майзелю. Генерал Бургдорф задавался ими сам, независимо от предполагаемого ответа.

— Он должен был чувствовать себя человеком, у которого нет выбора, — суховато объяснил своё видение положения командующего Африканским корпусом генерал Майзель.

— Это у Роммеля не было выбора?!

— А чем он отличается от всех остальных фельдмаршалов и генералов рейха? Все просто: или Роммель выполняет приказ Верховного главнокомандующего и отправляется в пустыню, или же с него срывают погоны о отправляют под военно-полевой суд. В лучшем случае его направили бы на Восточный фронт, в Россию.

— Тогда он стал бы «героем Смоленщины» или «героем Дона», а то и, страшно выговорить, «героем России». Причём вопрос о том, как должен чувствовать себя владелец подобного поместья посреди заснеженных русских равнин, уже не возникал бы.

— Вот так всегда: никакой попытки хоть немного пофилософствовать, — с укором произнёс Бургдорф, снисходительно глядя на судью.

— Напротив, только что я воспроизвёл один из основных постулатов военной службы, без которой Роммель не только не мыслит себя, но и без которой он попросту... не Роммель.

— «Без которой Роммель — не Роммель!», — повторил Бургдорф и сокрушенно покачал головой, развеивая какие-то свои мысли. — Такое слишком трудно себе вообразить. Лис Пустыни принадлежит к тем людям, которые сами по себе самодостаточны, вот почему я уверен, что и без Африки Роммель оставался бы Роммелем.

— В корне неверный подход, в корне! Без фюрера, без сотворённого им мира, все мы — ничто, в том числе и наш нетленный «герой Африки».

Адъютант фюрера понял, что полемизировать с Майзелем бессмысленно, и резко сменил тему:

— Взгляните на этот пейзаж: еще не Швейцария, но уже тот уголок Германии, который стоит половины России.

— Меня больше интересует, почему человек, имеющий такое поместье и дослужившийся до маршальского жезла, решился на предательство рейха.

— Он не считает, что решился на предательство.

— Ни один предатель не признаёт своего предательства, — пожал плечами Майзель. — Однако суть его поступка от этого не меняется.

— Фельдмаршал не считает, что предал Германию, — задумчиво произнёс Бургдорф.— Как и многие другие заговорщики, он жаждет видеть Германию без фюрера.

— И вы решились бы дать такое объяснение его действий самому фюреру? — удивился Майзель.

— Уже решился, — соврал адъютант вождя нации.

Майзель недоверчиво взглянул на Бургдорфа и ещё более недоверчиво покачал головой.

— Ни Роммеля, ни кого-либо другого из этой своры заговорщиков подобное объяснение не оправдывает.

— То же самое я произнёс в присутствии фюрера.

— Извините, Бургдорф, но подобные высказывания я считаю непатриотичными.

— Я понимаю, что подобные высказывания непатриотичны, господин судья чести. Но попробуйте не впадать в них, вышагивая аллеями этого старинного, насквозь пропитанного германским аристократизмом парка.

11

...Их разведывательно-диверсионная ассамблея была прервана неожиданным появлением охранника-итальянца Нантино. Он попросил Марию-Викторию выйти, и несколько минут

они шептались за дверью. Поскольку разговор вёлся на итальянском, Скорцени понял только, что речь шла о партизанах. Но сразу же обратил внимание, что «бедный, вечно молящийся монах» Тото и Морской Пехотинец слегка занервничали.

— Господа, — вернулась княгиня в зал. Она тоже была встревожена. — В Масенте — деревеньке в шести километрах отсюда, — объяснила она исключительно для Скорцени, — появились красные партизаны.

— Давненько они сюда не наведывались, — заметил Морской Пехотинец. — Если гарибальдийцы разыскивают здесь дуче, то нам придётся сильно разочаровать их.

— Это отряд Каррадо, — объяснил итальянец-охранник, вошедший вслед за хозяйкой виллы. Поскольку здесь присутствовал Скорцени, он говорил на германском, который понимали все. — Его разведчики уже наведывались в ресторанчик «Тарантелла». Самого ресторанщика Кешлера они пока не трогают, так как считают своим давним информатором. Но расспрашивали о вилле «Орнезия».

— Из каких источников вам стало это известно?

Владелец ресторана прислал парнишку, который работает у него на кухне. Предупредил, что к ночи возможны гости. Обычно они нападают к полуночи, как волчья стая. Кстати, к «Тарантелле» они подъезжали на двух грузовиках.

— Эти кабальеро удачно соединяют в себе лозунги партизан с замашками заурядных грабителей, — подтверждал каждое свое слово несильным ударом кулака по столу Морской Пехотинец. — Думаю, столь же удачно они начнут соединять в себе наглость налётчиков с благочестием покойников.

— Как только сунутся сюда, — уточнил Тото. И вместе со всеми взглянул на штурмбаннфюрера СС.

— Сколько их может появиться? — спросил штурмбаннфюрер. — Хотя бы приблизительно, исходя из численности отряда.

— Да не менее пятидесяти, — потряс кистями рук охранник. Численность партизан казалась ему впечатляющей. Об отряде гарибальдийцев он говорил как о несметной орде. — Нам при-

дётся срочно связаться с комендатурой городка Империи и попросить подкрепления. Самим нам атаки не отбить.

Скорцени воинственно рассмеялся, у него на сей счёт было своё мнение.

— Речь идёт не о том, чтобы как-то отбить атаку, а чтобы ни один из нападающих не сумел убраться с подступов к вилле живым.

На штурмбаннфюрера взглянули как на провинциального забияку, правда, тут же вспомнили, что это говорит «самый страшный человек Европы».

— Но какими силами мы будем отстаивать виллу? — спросил Тото.

— Вы забыли, что со мной прибыло небольшое сопровождение. Причём парни эти, как и все вы тут, просто измаялись от безделья.

— К помощи гарнизона Империи мне не хотелось бы прибегать ещё и потому, — объяснила княгиня, соглашаясь таким образом с мнением Скорцени, — что я избегаю привлекать внимание к самой вилле. Замечу: чьё бы то ни было внимание. До поры до времени, естественно, — уточнила она после многозначительной паузы. — А пока не будем терять времени, господа храбрецы из числа защитников «Орнезии». Надеюсь, штурмбаннфюрер Скорцени не откажется принять командование нашим стойким гарнизоном.

— Родль! — тотчас же гаркнул Скорцени своим рыкоподобным басом так, что голос его прошёлся по хрусталю люстры, словно по клавишам застоявшегося, основательно расстроенного фортепиано.

— Здесь! — возник на пороге адъютант.

Скорцени знал, что Родль коротает время с одной из служанок княгини — рослой, дородной шведкой, с лицом, словно бы выточенным из белого мрамора. Мария-Виктория сразу же предупредила обоих, что знает о связях Кристины со шведской разведкой, а потому советовала не тратить время на её разоблачение; как раз то время, которого вполне достаточно, чтобы разоблачить шведку уже в постели.

— Шведская разведка?! — приятно удивился Скорцени. — Да таковой теперь уже и в природе не существует.

— Не должно было бы, по вашим предположениям, существовать, — уточнила княгиня.— Однако же она существует и к тому же довольно активно развивает свою сеть.

— До сего дня меня удавалось поразить только однажды, когда сообщили, что по моему следу идет разведка Ватикана. Я попросту отказывался в это верить. Отказывался даже после того, — хитровато прищурился обер-диверсант рейха, — как обнаружил, что «ангелы» папы действительно преследуют меня, подобно теням загробного мира.

— Вы хотели сказать: «Когда обнаружил, что рядом со мной находится одна из таких теней».

— Существенное замечание.

— Тем более что она всё ещё перед вами. И вы всё еще поражены этим фактом.

— Теперь уже нет. А тогда был поражён до безумия.

— Как я понимаю, от истинного безумия вас спасло только то, что рядом с вами оказалась прекраснейшая из этих теней. Разве не так? — «деликатно» напрашивалась на комплимент княгиня Сардони.

— Только это, — галантно склонил голову исполосованный шрамами верзила.— Хотя хороша она тоже... до безумия.

— И давайте к шпионским темам больше не возвращаться, тем более что теперь уже трудно предугадать, какие из разведок для агентов Германии и Ватикана окажутся союзническими, а какие перейдут в разряд вражеских. И вообще, мне кажется, что пора создавать тайное общество агентов всех европейских разведок, исключая разве что сталинских коммунистфашистов.

«А ведь она права, — подумалось Скорцени, — такой тайный союз действительно стоило бы создать. И если учесть, что в него войдут сотни наиболее подготовленных к диверсионной работе и к жизни в подполье джентльменов и леди, то нетрудно предположить, что вскоре это тайное общество даст фору масонам, рыцарству и иезуитам, вместе взятым».

— Тем более что мы могли бы включить в него элиту некоторых масонских лож и какое-то число иезуитов, — словно бы вычитала его мысли Мария-Виктория.

— Но это мы обсудим чуть позже, — согласился Скорцени и тотчас же приказал Родлю: — Собрать всех способных держать оружие и выстроить у центрального входа. Вооружить всем, что имеется в арсенале виллы. Машины, на которых мы прибыли, увести к пристани, ибо только там они окажутся в относительной безопасности. Нам же они ещё пригодятся.

— Будем надеяться, — проворчал Морской Пехотинец.

12

Взяв у княгини карту местности, обер-диверсант рейха расчленил свою команду таким образом, что группы её оказались на трех высотках неподалёку от виллы. Благодаря этому с самого начала операции у партизан должно было создаваться впечатление, будто поблизости «Орнезии» устроено несколько крупных засад.

— Мы же поддержим это впечатление снайперским огнём с разных точек, — объяснил Отто свои планы владелице виллы. — Роль снайперов будут играть мои «коршуны Фриденталя», у них это иногда получается.

— А где в минуты боя будете находиться вы, господин комендант? — поинтересовалась Мария-Виктория, когда вся схема отражения налёта была основательно продумана.

— Только рядом с вами, — не задумываясь, ответил штурмбаннфюрер.

— Понимаю, что рассчитываете на мою защиту, — съязвила княгиня. — Не знаю, правда, придаст ли вам это авторитета среди бойцов гарнизона.

— Это создаст мне ореол храбрости. В крайнем случае, они просто по-человечески позавидуют мне.

— Но поскольку званием «первого диверсанта рейха» вас наградили не за умение изощряться в комплиментах, то всё же, где будете находиться вы?

Скорцени явно замялся, и Мария-Виктория поняла, что, расставив всех по местам, он всё ещё так и не решил, где же будет располагаться сам.

— Как вы, княгиня, смотрите на то, чтобы мы с вами олицетворяли военно-морские силы «Независимой Орнезии»? Если проще, устроюсь на яхте. Не зря же вы называете её «крейсером».

— А если учесть, что значительная часть прибрежного шоссе пролегает вдоль моря, — подхватил эту идею Морской Пехотинец, — тогда рейд крейсера «Мавритания» против партизан не покажется таким уж невероятным. Правда, узнав о нём, адмирал Нельсон покончил бы жизнь самоубийством...

— Вы же как бывший морской пехотинец и механик яхты будете третьим в нашем экипаже.

— Согласен, и если позволено будет высказать собственное мнение...

— Родль, — не стал выслушивать его комментарии Скорцени, — видите вон тот хребет, нависающий прямо над шоссе?

— Отчётливо вижу.

— Огонь с него откроете лишь после того, как я пройдусь пулемётной очередью по второму грузовику. Первый пропускаем, оставляя его для групп монаха Тото и Кальваччо, которые расположатся на территории виллы, по периметру её ограды.

— Для партизан наша засада покажется приятной неожиданностью.

— Основной же удар по машинам нанесём из фаустпатронов. Направляясь сюда, мы предусмотрительно захватили четыре эти переносные пушки. Думаю, итальянские партизаны по достоинству сумеют их оценить.

— А вот фаустпатроны для партизан, очевидно, будут новинкой, — согласился Тото.

Посоветовавшись, Морской Пехотинец и Скорцени подвели яхту поближе к изгибу шоссе.

— Посмотрите, какая здесь великолепная десантная позиция! — повёл рукой американец, очерчивая пространство перед собой. — А главное, обратите внимание на мост. Он проложен

в ложбине. Если заляжете с пулемётом на носу яхты, то окажетесь как раз на уровне перил.

Скорцени тотчас же вынес германский пулемёт, устроил его на бухте каната и залёг на расстеленную Марией-Викторией циновку. Сержант был прав: позиция оказалась идеальной. Правда, с моста она тоже простреливалась, словно в тире, но тут уж кому как повезёт.

— Только бы не дать им залечь за перилами моста, — молвил обер-диверсант рейха.

— Буду рассчитывать на то, что, поднявшись на капитанский мостик, вы сумеете выкурить их оттуда.

— А ещё вам посчастливилось рассчитывать на меня, — напомнила княгиня, появляясь из нутра яхты со снайперской винтовкой в руках. Сопровождаемая удивлёнными взглядами мужчин, она поднялась в рубку рулевого и положила винтовку рядом с уже лежавшим там немецким автоматом.

— Я ведь сказал, что вы не должны вступать в бой, — напомнил ей Скорцени. — С этой горсточкой бандитов мы и без вас как-нибудь справимся. Лучше оставайтесь на вилле.

— До сих пор мне чудилось, что и на яхте, и на вилле хозяйка я, — мило улыбнулась Мария-Виктория, подставляя лицо лучам предзакатного солнца.

Когда она перевела взгляд на Скалу Любви, штурмбаннфюрер поневоле потянулся глазами вслед за ней. Ему казалось, что в эти секунды их объединяет то общее воспоминание о «любви островитян», которое отныне в принципе должно объединять их в течение всей жизни. Во всяком случае, Отто хотелось бы верить в это.

— Кстати, вам, сержант, — объявил он, — нельзя забывать об обязанностях механика. Как только партизаны пристреляются по нас, вы обязаны вывести яхту из-под огня.

— Не уходить же нам на дно. И еще... Три человека — это уже экипаж, — попытался окончательно помирить их Морской Пехотинец. Поэтому отправлять княгиню на виллу не следует.

— Вы слышали, Скорцени, что говорит истинный моряк?

— С куда большей охотой прислушиваюсь к голосу разума.

— Тогда вам не мешало бы услышать, — возбуждённо отреагировал сержант, — что до сих пор на яхте всегда капитанствовала только она, княгиня Сардони.

— Перед вами, княгиня, всего лишь необученный юнга, — незамедлительно признал её старшинство первый диверсант рейха.

Всё, что здесь происходило в течение этих двух суток, казалось теперь Отто страницами некоей новой жизни, совершенно не похожей на ту, которую он прожил в продолжение всей уходящей в небытие войны.

— Так вот, от вас, юнга, пока что требуется только одно: уцелеть, — снисходительно признала его статус княгиня.— Вы ещё понадобитесь нам для нескольких деликатных послевоенных операций.

— Вот именно: деликатных, — язвительно улыбнулся обер-диверсант рейха, понимая, что речь пойдет о поисках сокровищ Роммеля.

— Но об этом мы поговорим после отражения атаки местных коммунистов.

Однако атака не состоялась. В тот раз — не состоялась. Партизаны действительно появились рядом с виллой, провели две перестрелки с патрулями защитников виллы, которые обошлись без жертв, и отошли в горы. Скорцени понимал, что это была всего лишь своеобразная разведка местности, численности гарнизона, расстановки постов. Было ясно, что партизаны вернутся и все же попытаются взять виллу штурмом, но никто не мог сказать, когда это произойдет.

— Жаль, что завтра мне придется возвращаться на аэродром, а оттуда в Берлин, — молвил он княгине, готовя её к прощанию. — Я обращусь к итальянским властям с просьбой перебросить сюда для борьбы с партизанами хоть какое-то подразделение.

— Теперь мы будем иметь представление о том, как выстраивать оборону «Орнезии», если вблизи вновь появятся крупные силы гарибальдийцев, — признательно молвила княгиня, стараясь не показывать своей грусти.

13

Не успели на окраине села прозвучать выстрелы лжерасстрела, как группа из тридцати гладиаторов и егерей под командованием самого Курбатова уже ушла в рейд. Вел ее шестнадцатилетний сын хозяина пристанища полковника, который с детства пастушил в этих краях и знал каждую скалу, каждую тропку. Это действительно был марш-бросок с полной выкладкой, в котором солдаты, что называется, выложились. Зато не прошло и получаса, как они уже знакомились с местностью, устанавливали пулеметы на заросших кустарником вершинах и, зарываясь в каменную осыпь, маскировались кто как может.

Курбатов пообещал лично пристрелить всякого, кто неосторожным движением, огоньком сигареты, пусть даже вздохом, выдаст себя. При этом четверых гладиаторов он усадил вдоль дороги, еще четверым приказал отойти и закрыть проход, как только весь партизанский отряд втянется в небольшое, лишенное какой бы то ни было растительности ущелье, в котором гарибальдийцы действительно могли устроить его колонне прекрасную засаду.

Партизаны появились часа через полтора, когда на вершинах далеких скал забрезжили первые проблески холодного горного рассвета. Вначале показались два бойца разведки. Переговариваясь и посмеиваясь, будучи уверенными, что никакой засады здесь и быть не может, поскольку они сами идут в засаду, гарибальдийцы достигли шоссе, мельком осмотрели склоны ущелья и, ничего подозрительного не заметив, вернулись, чтобы доложить: «Путь свободен!».

— Привыкли к тому, что хозяевами гор являются они, — вот в чем их ошибка, — самодовольно проворчал Курбатов, обращаясь к лежавшему рядом с ним барону фон Шмидту, тоже решившемуся пойти с ним в рейд. Хотя это было опасно, поскольку Курбатов попросту не имел права рисковать его жизнью.

— Итальянские и германские гарнизоны сидят по селам и городкам. Засады в горах устраивают только они сами. Поэтому наша вылазка заставит их перевернуть и заново прополоскать собственные мозги.

— Если только будет что поворачивать и прополаскивать. Это не партизаны, это великосветское дерь-рьмо!

Лежа на одной из плоских вершин, Курбатов наблюдал, как партизаны, растянувшись по тропинке, медленно втягиваются в ущелье. «Еще метров двадцать, —прикидывал он, — и те, что идут первыми, улягутся в небольшой ложбине у самого шоссе, остальные наверняка начнут взбираться на окрестные холмы и скалы, откуда выкуривать их уцелевшей охране колонны будет крайне сложно, да и то, неся большие потери».

Но вот в ущелье вошла последняя группа из шестерых партизан. Поняв, что это арьергард, полковник не стал терять времени, а припал к пулемету и прошелся по ней густой истребительной очередью. Тотчас же открыли огонь еще два пулеметчика, заработали десятки автоматов. Чуть запоздало, но обнаружила себя и засада, притаившаяся у самого шоссе. А, как только уцелевшие партизаны залегли, вниз полетели гранаты. По опыту боев в горах Курбатов знал, что на таких каменных россыпях добрая половина солдат гибнет не столько от осколков гранат, сколько от камней, увеличивающих убойную силу всякого взрыва как минимум в два раза.

Чувствовалось, что бойцы в партизанском отряде подобрались обстрелянные. Они горячечно пытались отбиваться, наладить хоть какую-то оборону, однако с позиций, на которых оказались, какое-то время спасаться от пуль еще можно было, но пытаться поразить сидевших на окрестных вершинах врагов представлялось делом, совершенно бессмысленным.

Как только под взрывами гранат умолк второй пулемет партизан, Курбатов приподнялся и приказал своим бойцам прекратить огонь.

— Переведи, — крикнул он Марио, — что я даю им пять минут, чтобы все уцелевшие поднялись и без оружия отошли вон на ту возвышенность у шоссе. В этом их последний шанс.

— Этот русский офицер может помиловать вас... — начал Марио, не очень-то придерживаясь дословности.

Пока итальянец объяснялся со своими соплеменниками, Курбатов приказал Оборотню связаться по рации с Умбартом.

— У вас там тихо? — спросил он штурмбаннфюрера.

— Стрельба доносится оттуда, куда ушли вы.

— Вы не точны, Умбарт, она доносилась отсюда.

— Согласен. Теперь, вроде бы, затихло.

— Причем надолго. Немедленно выводите колонну из поселка, направив по обе стороны от шоссе боковое охранение, а также организовав мотоциклетный авангард.

— Организуем.

— И еще: реквизируйте у крестьян четыре подводы. Да не забудьте о веревках для пленных. Побольше веревок.

— Вы что, собираетесь перевязать половину Гарибальдийской бригады? — не понял Умбарт.

— Понимаю, успели привыкнуть к тому, что после любой стычки партизаны вяжут ваших корсиканцев.

— Вынужден признать, полковник, что в большинстве случаев так оно и происходило. Воевать на горных дорогах, где за каждой скалой тебя ждет засада, у каждого моста — мина, мы так и не научились.

— Сегодня как раз и появилась такая возможность, штурмбаннфюрер. Учитесь.

— В плен сдалось пятнадцать бойцов. Еще двое пытались схитрить: распластались среди убитых, но их обнаружили и закололи штыками. Курбатов приказал пленным выстроиться над обрывом и не спеша обошел этот скорбный строй. Почти всем мужичкам было за сорок; худосочные, изношенные, на ногах не обувь, а какое-то рванье.

Глядя на этих аборигенов-виноделов и козодоев, не поверишь, что они способны так зверствовать над пленными муссолинистами, как это мне уже не раз описывали. Вешают — так обязательно вверх ногами. Избитых до полусмерти обливают бензином и позволяют спасаться «живыми факелами...»

— Оборотень!

— Я, господин полковник.

— Этого, — указал на самого крепкого из партизан, — сбить с ног и швырнуть вниз на скалы. Да поэффектнее.

Повторять приказ не понадобилось. Передав рацию кому-то из гладиаторов, Рундич медведем подкатился к рослому партизану, ударом в пах заставил его пригнуться, затем, выхватив за загривок, изо всей силы оглушил ударом в сонную артерию и швырнул вниз.

«Он напоминает мне Тирбаха, — подумал Курбатов. — Жаль, здесь нет барона. Получился бы великолепный дуэт».

Вторую жертву казак выбрал сам. Крестьянин пытался сопротивляться, но Оборотень сбил его ударом головы в живот, захватил так, что ноги оказались зажатыми под мышками и, раскачивая, ударяя головой о камни, попятился к обрыву.

— Третьего всего лишь припугни, попридержи на краю обрыва, на весу, — успел предупредить его Курбатов.

Партизан был ранен в ногу, но всё же рванулся подальше от палача, прямо на штыки конвоиров. Однако Оборотень настиг его, подсек ударом под колено, оглушил и, схватив за шиворот, словно щенка, потащил к обрыву.

— Здесь ведь не весь отряд? — ухватил Курбатов партизана за волосы. — Где еще одна группа?

Марио повторил вопрос.

— Не знаю! Не знаю! — в ужасе завопил партизан.

— Сначала тебе вспорют живот, точно так же, как ты вспарывал его беременной жене коменданта городка Пьеццо. Затем набьют камнями. И только после этого сбросят вниз. Если хочешь жить, объясни нам, где находится еще одна ваша группа.

Напоминание о мученической смерти жены коменданта, о которой Курбатов узнал от крестьян, подействовало на партизана парализующе.

— Но ведь это же не я вспарывал, — пролепетал он, едва сумел обрести голос, — этим занимались другие. Я не палач. Я вообще не был в Пьеццо.

— И это могут подтвердить другие бойцы?

Партизан замялся и низко, покаянно опустил голову.

— Впрочем, — смилостивился над ним Скорцени, — сейчас меня интересует не расправа в Пьеццо, а расположение второй части вашего отряда.

— Она двинулась в сторону монастыря. Но зачем — не знаю.

— Чтобы устроить засаду?

— Да-да, чтобы устроить, — теперь партизан готов был подтвердить все, что угодно.

— Сколько там бойцов?

— Около десяти.

— Но среди них и те двое, которые обычно занимались минированием дорог?

— На минирование партизаны всегда ходили вчетвером. Среди них один минер-югослав. Вы не убьете меня?

— Вот видишь, сразу же стало легче на душе, когда высказал все то, чего двое сброшенных в обрыв до тебя сказать не хотели.

— Но ведь ты и не спрашивал их об этом! — возмутился пленный. — Ты, русский, даже не спрашивал их! Может, кто-то из них и ответил бы.

— А может, и нет. После их мученического молчания ты сразу же набрался храбрости. Так зачем рисковать ещё раз?

— Но ты обещал спасти мне жизнь.

— Я-то обещал. Пообещают ли твои друзья-партизаны, узнав, что предал именно ты. Но это уже ваши итальянские дела. У меня же и в России подобных дел хватает. Поэтому отпусти ты его, Оборотень. Пусть передохнёт перед дальней дорогой.

* * *

Как только колонна под командованием Умбарта приблизилась, полковник приказал связать подводы попарно, так, чтобы они не касались друг друга колесами, но в то же время и не смогли разъехаться. На каждую из подвод усадил по одному пленному-вознице со связанными ногами. А в связанные руки ткнули вожжи. Остальных пленных тоже связали и положили на подводы. Первая пара двинулась метров на пятьдесят впереди колонны, за ней — под присмотром пулеметчиков из бронемашин вторая, и только потом уже тронулась остальная колонна.

Что это за кавалькаду вы здесь устроили, полковник? — недовольно морщился Умбарт, которому хотелось поскорее до-

браться до аэродрома. — Партизан мы перебили, у монастыря наша засада. Пустим впереди танкетки, авось проскочим.

— Терпеть не могу «авось». Может, потому, что слишком уж оно русское — это понятие.

— Но мы теряем время.

— Это лучше, чем головы. Потерпите, со временем вам все откроется, — спокойно ответил князь.

Первая пара подвод подорвалась на мине уже километра через два. Вторая взлетела у самого моста, по ту сторону которого виднелись шпили монастыря, а по эту, в зарослях на берегу речушки, сидели в засаде корсиканцы Умбарта. Каким образом партизаны сумели заминировать дорогу прямо под носом у эсэсовцев, так и осталось для Курбатова загадкой, которой он не упустил случая задеть по самолюбию комбата.

— Мои парни прозевать их не могли, — резко отреагировал штурмбаннфюрер. — Партизаны появились здесь раньше.

А вскоре обнаружились и подрывники — они прятались в небольшом леске, почти у стен монастыря, не подозревая, что вдоль дороги продвигается боковое охранение. В стычке с ними отряд Курбатова понес потерю — один егерь был ранен в бедро.

— Никогда бы не мог предположить, что мы преодолеем этот путь столь бескровно, — великодушно изрек Умбарт, наблюдая, как перевязывают раненого.

— Зато теперь вас перестанет донимать вопрос по поводу того, зачем понадобились повозки, — назидательно напомнил ему Курбатов.

14

Роммель встретил их на просторном крыльце своей виллы, заложив руки за спину и покачиваясь на носках старательно начищенных сапог. Осунувшийся, но всё ещё сохраняющий выправку, он наблюдал за приближением к нему гонцов из ставки с невозмутимостью привыкшего ко всему швейцара, которому совершенно безразлично, кого радушно встречать, а кого не впускать. Фельдмаршал подозревал, что эти двое прибыли с чёрной вестью, однако пока ещё не догадывался, сколь необратимо она погибельна.

— Неплохо выглядите, господин фельдмаршал, — подружески тронул его за рукав кожаного плаща Бургдорф. — Очень даже неплохо, — добавил он, забыв на какое-то время, что слишком уж это лицемерно — расхваливать вид человека, которому через несколько минут будет объявлен смертный приговор.

Устало взглянув на него, фельдмаршал передёрнул тонкие, плотно сжатые губы в едва уловимой ухмылке и перевёл взгляд на Майзеля. Член Суда чести, как и полагается низшему по чину, принял стойку «смирно» и, на старый прусский манер, с подскоком, прищелкнув каблуками, чинопочитающе склонил голову.

— Генерал-майор Майзель, — напомнил он Лису Пустыни, хотя в прошлом они несколько раз мельком встречались. Но при этом не указал, что является членом Суда чести.

— Простите, генерал, но ваше имя мне ничего не говорит.

— До этой встречи — не говорило, — уточнил Майзель.

— Насколько я помню, ни в Африканском корпусе, ни в группе армий...

— Вы правы, фельдмаршал, под вашим командованием мне служить не пришлось, — упростил его мысленные поиски Майзель. — В отличие от генерала пехоты Бургдорфа, которого имею честь сопровождать.

— Но вы-то явились ко мне не для того, чтобы расточать красноречие по верноподданническим банальностям.

— Не для того, — несколько вызывающе признал адъютант Гитлера.

— Тогда чем вызван ваш визит, господа генералы? — неприветливо поинтересовался Лис Пустыни.

— Особым расположением к вам фюрера, господин фельдмаршал. Разве такого объяснения недостаточно?

— Странно, что фюрер решил засвидетельствовать его столь неожиданным визитом.

— Увы, господин фельдмаршал, этим странности нашего появления здесь не ограничиваются, — вдруг окончательно впал в дерзость Бургдорф и, не дожидаясь приглашения, первым пошел к двери особняка.

— Не сомневаюсь, — процедил Роммель.

В доме царила такая тишина, словно, кроме них, здесь не было ни одной живой души. Сняв в прихожей плащи, генералы молча, повинуясь движению руки хозяина, поднялись по лестнице на второй этаж и вошли в просторный, обставленный старинной мебелью из чёрной кожи кабинет фельдмаршала. Его трудно было назвать рабочим, настолько всё в нём располагало к уединению и самосозерцательному безделью — статуэтки, бюсты европейских полководцев, среди которых особенно выделялся вырезанный из красного дерева грубовато отёсанный Бонапарт; арабские гобелены, несколько старинных итальянских ваз со стихотворными подписями под схватками гладиаторов.

Бегло осмотрев обстановку кабинета, Бургдорф приблизился к окну и, почти прижавшись лбом к стеклу, окинул взглядом часть старинного, обрамляющего небольшой пруд парка. Ему вспомнились подробности ареста Шелленбергом адмирала Канариса. Бригаденфюрер тоже оставил бывшего шефа абвера на втором этаже, из которого тот мог бежать. Предложил собрать вещи, а сам вместе с сопровождавшим его офицером СД почти час терпеливо ждал его решения внизу, в гостиной.

«Но ведь фельдмаршалу такой возможности — бежать — ты пока еще не предоставил, — одернул себя Бургдорф, отходя от окна. — И вряд ли предоставишь».

Только теперь внизу послышались женские голоса. Один из них, высокий и властный, которым отдавали какие-то распоряжения, принадлежал супруге фельдмаршала Люции, адъютант фюрера узнал его. Другой, очевидно, служанке.

— Так что вас привело в наши края, Бургдорф? — Майзеля фельдмаршал воспринимал лишь как попутчика адъютанта фюрера или его сопровождающего, совершенно игнорируя тот факт, что имеет дело с членом Суда чести.

— Если скажу, что всего лишь желание проведать выздоравливающего после ранения фельдмаршала Роммеля в его родовом имении, — этого будет достаточно?

— Неубедительно, тем не менее, исходя из великосветских условностей, вполне достаточно, чтобы хоть как-то оправдать

своё появление в столь отдалённом уголке рейха. Заметьте, я сказал: «Хоть как-то».

— Разве во время болезни никто из генералов не навещал вас? — растерянно спросил Бургдорф.

— Никто из окружения фюрера — так будет точнее.

— Серьезное упущение, которое мы с генералом Майзелем... — поймав на себе осуждающий взгляд судьи чести, Бургдорф запнулся на полуслове, но затем всё же промямлил: — Как видите, мы с генералом решили всё же навестить вас.

«Чего ты тянешь с объяснением?! — вычитал он осуждение в глазах Майзеля.— Зачем виляешь хвостом именно тогда, когда самое время набраться мужества, чтобы известить фельдмаршала об истинной причине нашего появления здесь?!».

— «Вот и сообщи ему, умник! — так же мысленно огрызнулся адъютант фюрера. — Чего ждёшь?».

— «Потому что роль «чёрного гонца» фюрер поручил тебе. Вот и отрабатывай доверие вождя нации».

15

До аэродрома они добрались поздним вечером. Как было условлено, Курбатов сразу же связался с Берлином и был удивлен, что только что прилетевший в столицу Скорцени все еще пребывает на службе.

— Господин штурмбаннфюрер, докладываю: колонна прибыла, потеряв одного солдата охраны легко раненым. Около семидесяти партизан, пытавшихся захватить нас, убиты; обезврежены две партизанские мины; на них подорвались подводы с плененными нами партизанами.

— Вы не знаете, почему до сих пор, — в Берлине одиннадцатый час вечера — я все еще сижу в кабинете и жду вашего доклада? — едва дослушал его Скорцени. — Вовсе не для того, чтобы узнать, что один ваш егерь получил шрапнель в задницу. Груз доставлен?

— Так точно.

— Это все, что от вас требовалось, полковник. Все, что от вас требовалось! Даже если бы вы потеряли всю охрану до послед-

него солдата, даже если бы самого вас доставили на аэродром на лафете, то и в этом случае вы получили бы за операцию «Горный странник»...

— Она называлась именно так? — удивленно уточнил Курбатов.

— ...Свой Железный крест. Ибо любые жертвы во время этой операции были бы не только оправданы, но и уместны.

— Предпочитаю обходиться без них.

— Но партизаны охотились за вами.

— Очевидно, они кое-что знали об этом грузе.

— Конечно же, знали. А вы?

— Я — нет. Меня интересовала только охрана.

— Если вам станет известно, что кто-то из солдат колонны высказывает хоть какое-то предположение относительно груза, немедленно приплюсуйте его гибель к потерям во время марша.

— Как это в подобных случаях делается...

— От имени фюрера сообщаю: вы награждены Железным крестом I степени.

— Весьма польщен, господин штурмбаннфюрер. Но это был обычный рейд. — Жаль, что не смею поинтересоваться, что это за груз мы доставляли.

— Через несколько лет после войны вы совершенно случайно узнаете, что это часть того груза, с которым связан один из ваших попутчиков.

— Вот как?!

— Можете считать это случайной утечкой информации.

«Часть сокровищ, — в тайны которых посвящен барон фон Шмидт! — сообразил Курбатов. — Значит, это и есть та часть клада Роммеля — в полотнах древних мастеров, старинных изделиях и прочем, которые конвою Роммеля удалось спрятать на побережье Италии, занятой недавно англо-американцами»[1].

---

[1] Согласно существующим данным, часть награбленных в Северной Африке ценностей, в частности, картин, изделий из золота и серебра, действительно была спрятана на берегу, а затем доставлена в глубь Германии и спрятана где-то в Альпах. Здесь описана именно эта операция. — *Примеч. авт.*

— Обещаю узнать об этом не раньше, чем через три года после войны, — нашел Курбатов способ поблагодарить Скорцени за информацию.

— Проследите, чтобы груз оказался в самолетах, — вдруг прорычал первый диверсант рейха. — Лично проследите. И никаких псалмопений по этому поводу, никаких псалмопений!

— Груз улетит, в этом можете не сомневаться.

— Молите Бога. И еще... завтра же отправляйтесь на известную вам виллу. Пробудете там неделю, может быть, две. В ожидании Железного креста. Это ваш отпуск. Но помните: ваш попутчик представляет для нас не меньшую ценность, нежели груз, который немедленно — вы слышите меня, Курбатов, немедленно, — должен быть отправлен в Германию. Лично проследите, чтобы оба самолета, а также истребители прикрытия поднялись в небо. Ночь, непогода, землетрясение, всемирный потоп... — все это не может служить никаким оправданием задержки вылета. Любой, кто попытается оттянуть или, упаси Господь, помешать своевременному взлету...

— Взлетит в небо на фюзеляже самолета.

— И никаких псалмопений по этому поводу, князь, никаких, дьявол меня расстреляй! — прогромыхал в трубку Скорцени, пытаясь завершить этот странный ночной диалог через все фронты и всю войну.

— Кстати, что мне делать после виллы? — успел упредить его Курбатов. — Я обязан вернуться в школу?

— Вначале убедитесь, что ваш попутчик чувствует себя на вилле в полной безопасности. В полной, князь! От офицера из отдела гестапо, базирующегося на аэродроме, вы получите пакет. В нем документы попутчика. На вилле он должен предстать под именем, которое в них указано. Если же он вновь попытается предстать под своим настоящим...

— Придется доставлять его в концлагерь...

Скорцени ответил не сразу, и Курбатов уже подумал было, что на сей раз явно поспешил с продолжением его мысли, но...

— Вы даже не догадываетесь, что подали сейчас прекрасную идею. Не исключено, что на какое-то время его действительно

придется упрятать в лагерь. И не обязательно в качестве офицера охраны. Поскольку как охранник после войны он будет подвержен гонениям со стороны новых властей. Но все это — со временем. Пока передайте Умбарту, что на какое-то время он остается для охраны аэродрома. Егеря тоже придаются охране. С вами уходят только курсанты.

— Этого достаточно.

16

Пока Роммель разливал коньяк, Бургдорф и Майзель, прекратив мысленную перепалку, с отсутствующим видом рассматривали его фронтовые фотографии. Они были повсюду: на стенах, на письменном столе и телефонном столике, за стёклами книжных полок. Германия, Франция, Италия, Египет...

— Это снимок времен Первой мировой, и вы — в форме лейтенанта Альпийского батальона? — остановился Бургдорф у нечеткой фотографии, с которой смотрел на мир молодой командир горных стрелков. — И где был сделан этот снимок кавалера Железного креста?

Роммель подошел к полке, у которой остановился Бургдорф, и несколько мгновений всматривался в собственное изображение, не зная, как реагировать на этот совершенно не к месту заданный вопрос.

— В Италии. Как раз в тот день, когда мне был вручен Железный крест.

— Не предполагал, что у вас столько снимков, на которых вы сфотографированы рядом с фюрером...

— Зрение не обманывает вас, генерал.

— Как-то вы сказали, что знакомы с ним еще с тридцать шестого года.

— С тридцать пятого, если уж быть точным, — произнёс фельдмаршал, беря в руки фотографию, на которой фюрер стоял рядом с ним с книгой в руке. — Однако этот снимок сделан в тридцать восьмом, и в руке Адольфа — моя книга «Пехота

наступает»[1], которую он тогда только что прочел. Пребывая инструктором пехотной школы в Дрездене, я, как вы знаете, написал книгу, в которой попытался обобщить опыт своей службы в пехоте в Первую мировую, с которой Гитлеру кто-то посоветовал ознакомиться.

— Имел удовольствие прочесть её, господин фельдмаршал, — вмешался в их разговор Майзель.

Роммель посмотрел на него с такой же иронией, как и Бургдорф, хотя подтексты их взглядов были разными. Адъютант фюрера узрел в его словах желание заискивать перед фельдмаршалом, а Роммель удивился, как бы вопрошая: «А что, можно получить генеральский чин, не читая такой книги?!».

— Не знаю, способна ли она доставить кому-либо удовольствие, — проворчал он, — однако, отправляясь на фронт, среди прочих пособий по тактике ведения боя нелишне прочесть и это.

— Вы правы, — не стал расшифровывать их намёки и подтексты Майзель, — уже тогда чувствовалось, что она написана настоящим фронтовиком, знающим, что такое окопная жизнь и что такое атакующая пехота.

Поскольку Бургдорф только слышал об этой книге, однако в руках её никогда не держал, то на Майзеля он в очередной раз взглянул с явным раздражением.

— Очевидно, на Гитлера эта книга произвела должное впечатление, — молвил он, обращаясь к Лису Пустыни, — поскольку сразу же после её прочтения фюрер решил поближе познакомиться с вами.

— После прочтения этой книги он решил назначить меня командиром батальона личной охраны, — напомнил ему Роммель.

— Командир батальона личной охраны фюрера! Немного найдётся людей, которым выпала честь служить в этом батальо-

---

[1] Название книги Эрвина Роммеля «Infanterie dreift an» в отечественной литературе переводится по-разному: «Пехота наступает», «Пехота атакует», «Пехотные атаки», «Наступающая пехота» и т.п. — *Примеч. авт.*

не. Странно, что вы не сумели сохранить прежние отношения с фюрером.

— Свои дальнейшие чины я хотел получать, командуя боевыми частями вермахта, а не охранными подразделениями. Вот почему в сороковом году, по моей личной просьбе, фюрер назначил меня командиром седьмой бронетанковой дивизии, действовавшей тогда на Западном фронте, которым командовал генерал Герд фон Рундштедт.

— Фон Рундштедт, говорите? — произнёс Бургдорф таким тоном, словно только что фельдмаршал открыл ему имя ещё одного заговорщика. Он и сам не заметил, как начал входить в роль, которая больше была бы к лицу Мюллеру. — О фон Рундштедте тоже забывать не стоит, как вы считаете, генерал Майзель?

— Вы правы: ни о ком забывать не следует.

— Что же касается вашей службы, то уже в феврале сорок первого, незадолго до русской кампании, — неспешно излагал свои познания Бургдорф, переходя от одного стенда с фотографиями к другому, словно прогуливался по залам музея, — фюрер назначил вас командующим Германским Африканским корпусом. Однако подробности вашей службы в Ливийской пустыне нам с генералом Майзелем хорошо известны. Я прав, генерал?

— Несомненно, правы, — охотно подтвердил Майзель, решительно подбадривая его взглядом, поскольку считал, что всё мыслимое время, которое следовало отвести под светский раут на вилле фельдмаршала-висельника, уже исчерпано.

— Я не о прежних чинах веду речь, господин фельдмаршал, — уточнил Бургдорф, всё ещё не избавившись от раздражения, вызванного познаниями Майзеля. Тем более что в словах Роммеля он уловил намёк на свою нынешнюю службу в качестве адъютанта. — Почему бы вам не позаботиться было о восстановлении доверия к себе фюрера? — вновь осмотрел он весь кабинет Лиса Пустыни.

— Потому что никогда не давал фюреру повода для недоверия к себе.

— Вот именно, вот именно, — неопределенно как-то согласился Бургдорф.

«Уж не знаю, — молвил он про себя, — позаботился ли фельдмаршал о своей будущей гробнице, которая должны находиться где-нибудь на территории родового имения, — но о домашнем музее «Величайшего полководца XX столетия» он уже позаботился, — неприязненно признал генерал. — Правда, слегка поторопился, ибо теперь уже ни в подобном «герое нации», ни в подобном музее рейх не нуждается».

— Кстати, о доверии... Фюрер всё ещё в Берлине? — неожиданно спросил Роммель. Коньяк уже соблазнительно розовел в фигурных рюмочках, ожидая достойного тоста.

— Только что отбыл в «Вольфшанце», — ответил Бургдорф.

— Это он зря. В такие дни он нужен в столице.

— Но вы же знаете, что с некоторых пор фюрер аллергически не воспринимает атмосферу Берлина. Аллергически...

— Особенно с тех пор, как в столице созрел гнуснейший из когда-либо созревавших в Германии заговоров, — уточнил Майзель, подходя к столу. — Поэтому фюрера можно понять, даже не будучи суеверным.

Прежде чем выбрать рюмочку, судья поводил рукой над всеми тремя, словно предчувствовал, что в один из них подсыпали яд. Роммель заметил эту его попытку гадания и грустновато улыбнулся.

«После покушения полковника фон Штауффенберга, — сказал он себе, — вся эта вольфшанцкая свора вдруг стала неописуемо суеверной и пугливой».

И фельдмаршалу было за что ненавидеть её. Во времена его африканского похода эта свора умудрялась предавать его буквально перед каждым серьезным сражением, отказывая в подкреплениях, в пополнении и вообще во всём, в чём только способна была отказать брошенному на произвол судьбы экспедиционному корпусу.

17

Барона фон Шмидта Курбатов застал у самолета. Оберштурмбаннфюрер внимательно следил за тем, как в чрево грузового самолета погружают какие-то ящики разных форм и конфигураций.

— Хотите улететь вместе с багажом? — поинтересовался полковник.

— Не знаете ли вы, что в этих ящиках?

— Понятия не имею.

— Даже после беседы со Скорцени? — недоверчиво покачал головой барон. — Не может такого быть.

— После беседы со Скорцени — тем более.

— Кажется, вы становитесь настоящим рейхсгерманцем.

— Процесс неболезненный. Правила игры знакомые.

Краем глаза Курбатов уловил, что к ним приближается офицер в мундире СС. Однако барон то ли не заметил его появления, то ли оно его не остановило.

— И все же есть в этих ящиках что-то интригующее.

— Что именно? Обычный военный груз. Как всегда, под усиленной охраной.

— Что-то слишком знакомыми они мне показались, эти ящички, полковник. Кажется, однажды я уже имел честь или несчастье видеть их и даже сопровождать это великосветское дерь-рьмо.

— Очевидно, это произошло задолго до нашего с вами знакомства, — попытался уйти от продолжения разговора Курбатов.

— Но именно они послужили поводом для моего неожиданного, причем тесного, знакомства со Скорцени и его парнями. После чего многие из тех людей, которые имели неосторожность...

Курбатов резко оглянулся на приближающегося офицера. Увидев его в трех шагах от себя, Шмидт запнулся на полуслове.

— Оберштурмфюрер Карлстоф, — представился подошедший. — Гестапо. Просил бы пройти со мной.

— Просил бы вас убраться к черту, обер-лейтенант, — хладнокровно отмахнулся от него Курбатов.

— Вы не поняли меня, господин полковник. Я из гестапо.

— Как интересно! Впредь, — посуровел голос Курбатова, — вы будете обращаться ко мне, не забывая моего чина или, в крайнем случае, титула — князь.

— Прошу прощения, господин полковник, — ничуть не стушевался гестаповец. — Просил бы вас...

— Поговорим позже, оберштурмфюрер. — Оборотень, — обратился он к адъютанту, оцепите самолет так, чтобы ни одна душа сюда не проникла. Это приказ штурмбаннфюрера Отто Скорцени, — добавил он уже исключительно для гестаповца.

Но и после этого Курбатов не тронулся с места, демонстрируя Шмидту, что не настолько уж он рейхсгерманизировался, чтобы мистически бояться всякого гестаповца.

— Нам надо поговорить, — теперь в голосе гестаповца уже не чувствовалось металла. Кроме всего прочего, подействовала и магия имени Скорцени.

— Скажите проще, что у вас для меня и оберштурмбаннфюрера фон Шмидта есть пакет.

— Так вам известно об этом?!

— Когда весь груз будет отправлен в Германию, мы с вами потолкуем.

— А еще лучше — несите-ка его сюда, оберштурмфюрер, — вдруг вспомнил барон, что он подполковник СС, а не хвост собачий. — И убирайтесь вон. Вам не ясен мой приказ?

— Извините, господин оберштурмбаннфюрер, — замялся гестаповец. — Он — со мной, — полез во внутренний карман.

— Так какого дьявола?! Сюда его. И занимайтесь безопасностью аэродрома, если вы — гестапо, а не великосветское дерьрьмо!

— Извините, приказано вручить лично Скорцени, — обошел его протянутую руку Карлстоф.

Когда кончали загрузку третьего самолета — груз спокойно можно было разместить на двух, а то и на одной машине, но Курбатов его специально рассредоточил, чтобы в случае неудачи уменьшить потери, — начался дождь. До всемирного потопа, на который намекал Скорцени, он явно не дотягивал, тем не менее, мог перерасти в заурядный ливень.

— Что будем делать? — подбежал к Курбатову летчик. — При таком дожде взлетать трудно и опасно. И вообще, в такую погоду...

— Поторапливайтесь! — прикрикнул Курбатов. — Оборотень, помогите солдатам. А вы, пилот, — в кабину и немедленно взлетайте.

— Но в такую погоду...

— Впечатлениями о погоде поделитесь в подвалах СД, когда будете объяснять, почему не выполнили приказ Скорцени. Вам объяснить, кто это такой?

— Вообще-то, у меня свое начальство, — проворчал пилот.

— С момента, когда вы откажетесь выполнить мой приказ, оно вам уже не понадобится, — Курбатов спокойно достал пистолет из кобуры. — В кабину, и — взлет!

— Выполняю приказ, — проговорил летчик таким тоном, будто после этого должен был пустить себе пулю в висок.

Прежде чем укрыться в аэродромном отельчике, Курбатов заглянул в блиндаж, из которого операторы управляли полетами. И лишь когда дежурный офицер Сеграйт объявил, что третий, последний, самолет набрал нужную высоту и лег на курс, спросил его:

— У вас не найдется для гостя даже глотка коньяка?

— Обычно у нас пьют шнапс.

— Терпеть не могу шнапс. А на рюмку коньяка меня еще можно уговорить.

— Считайте, что я вас уже уговорил.

— Если можно, на французский.

— Вы не оригинальны, князь.

— Зато умею ценить коньяк, обладающий оригинальным букетом.

— От кого вам стало известно, что перед вами — ценитель французских коньяков? — мягко улыбнулся Сеграйт. Худощавый, смуглолицый, с утонченными чертами лица, он мало чем напоминал арийца, зато его довольно легко можно было принять за сицилийца или испанца. — Курбатов уже успел определить для себя характерные черты этого типа южан. — Кто меня выдал?

— Вы правы, вас действительно выдали. Но, если позволите, имя недоброжелателя назову за столом, после второй рюмки.

— Можете считать, что и в этот раз я вас уговорил. Если учесть, что ни один самолет сегодня с этого взлетного поля уже не поднимется...

— Равно, как и не приземлится на нем...

— Зато мы с вами вполне можем приземлиться в нашем офицерском кабачке.

— А еще лучше — на запасном аэродроме.

— Существует еще и запасной? — насторожился Курбатов. — Почему я не слышал о нем? Ни штурмбаннфюрер Зонбах, ни Скорцени...

— Успокойтесь, господин полковник: ни Зонбах, ни Скорцени о его существовании даже не догадываются.

По тому, как дружно заржали присутствовавшие при их разговоре лейтенант и два сержанта, Курбатов понял, что в байке о запасном аэродроме скрывается какой-то подвох.

— Хотите сказать, что «запасным аэродромом» вы называете свой подпольный бордель?

Сеграйт и лейтенант удивленно переглянулись.

— Почти угадали.

— Где-то неподалеку появилась женская часть, женская казарма?

— Не станем утомлять, господин полковник. Неподалеку есть горная итальянская деревушка. Мужчин в ней почти не осталось, зато сохранилось несколько симпатичных девушек, вдов и женщин неопределенного возраста.

— Но в этой деревушке бывают еще и партизаны.

— Наведываются, причем довольно часто. Особенно зимой или когда в отряде появляются раненые и больные, за которыми нужно ухаживать. Однако нам известны дни, когда там никого не бывает. Или когда мы делаем вид, будто не догадываемся, что в деревне веселятся партизаны. Точно так же, как они не наведываются в местную «Таверну у мельницы», в которой приземляемся в это время, как на запасной аэродром.

— Старший лейтенант, тот, что из гестапо, тоже посвящен?

— Естественно. Партизаны появляются в деревне по четным числам, мы — по нечетным. Вот и вся тайна. Поэтому никогда не встречаемся и в стычки в этой деревушке не вступаем.

— Хорошо же вы здесь устроились, капитан.

— На войне как на войне. Если, конечно, считать, что на войне всегда должно быть так, как должно быть только на войне.

Курбатов иронично ухмыльнулся: этот философ-тыловик уже начинал нравиться ему.

— И что, итальянцы позволяют встречаться с их женщинами? Даже партизаны?

— Попробовал бы кто-нибудь запретить итальянской горянке встречаться с тем, с кем она пожелает. И потом, партизаны ведь понимают, что это плата за то, чтобы мы не трогали их семьи, большинство из которых нам известны.

— А я, наивный человек, привел сюда целый легион солдат в надежде помочь вам деблокировать аэродром и прилегающие к нему районы.

— И вовремя привели. К сожалению, кроме этой деревушки, из которой немало мужчин ушло в горы, ни на какой иной участок наше джентльменское соглашение не распространяется.

— Не сумели договориться?

— Собственно, мы и не вступали в переговоры с командованием партизан.

— Поскольку это категорически запрещено вашим командованием. Под угрозой предания военно-полевому суду. Ваши контакты происходят через самых милых посредников — ваших женщин. Все проблемы дипломатии решаете в постели.

— Вы прекрасный психолог, полковник.

— Элементарное знание жизни.

— Уверен, что выясняете все эти детали вовсе не для того, чтобы выложить их Скорцени или кому бы то ни было из службы безопасности или гестапо. — Курбатов заметил, как посуровело лицо капитана, как оно напряглось, и как плотно сжались его тонкие шершавые губы.

— Нет, конечно. Мне приказано помочь вам наладить охрану аэродрома. Но поскольку времени у меня в обрез, то ваши све-

дения очень важны. По крайней мере, теперь я понимаю, какова общая ситуация.

Капитан и лейтенант вновь переглянулись, и Сеграйт старательно вытер платочком некстати вспотевший лоб. За минуту до этого оба сержанта оставили блиндаж, дабы не присутствовать при столь деликатном разговоре офицеров.

— Она станет еще более ясной, когда вы поговорите с комендантом аэродрома подполковником Энке.

— Мы уже общались. Ничего подобного он мне, как вы уже убедились, не сообщал.

— Так что — отправляемся к итальянкам без него?

— Это нечестно, капитан. Вы задаете вопрос таким образом, что ни один джентльмен дать отрицательный ответ не решится. Подполковник Энке отправится с нами?

— Ни при каких обстоятельствах.

— Боится запятнать себя контактом с партизанами?

— Вам ведь уже ясно, что никаких контактов нет. Во всяком случае, никому не удастся доказать их наличие. Мы несколько раз прочесывали деревню, поэтому партизаны нас побаиваются, — вот вам официальная версия.

— А что касается подполковника Энке, то он не боится запятнать себя, а просто элементарно боится, — помог ему выйти из щекотливой ситуации Курбатов.

— Никогда не сидел за одним столом с русским офицером, — рассмеялся Сеграйт, вежливо уходя от подтверждения этой версии. — Тем более — с диверсантом.

18

— За наших солдат! — задумчиво провозгласил Роммель, — за их мужество, которое проявляется всегда, даже когда по нашей с вами вине они терпят жесточайшее поражение. — Да, господа генералы, по нашей с вами...

В эту минуту ему вновь виделось плато Африканского Жертвенника, плато смерти, на каменистой равнине и у подножия которого полегли сотни его солдат.

— За солдат, до конца верных фюреру, — как-то суетливо поддержал его Бургдорф, нетерпеливо осматриваясь по сторонам, будто хотел поскорее вырваться из чужих, негостеприимных стен.

Роммель и Майзель выпили до дна, а вот адъютант фюрера лишь слегка примочил губы. Он чувствовал себя так, словно пил на поминках человека, не успевшего умереть к прибытию скорбящих друзей.

— Садитесь, господа, — повелительно предложил фельдмаршал и, выждав, пока гости неохотно опустятся в свои кресла, вновь взялся за бутылку. — Мне понятно, что вы, Майзель, оказались здесь случайно, как попутчик. — После этих слов генералы перебросились заинтригованными взглядами: «Неужели этот идиот так ничего и не понял?! Уму непостижимо!», но промолчали. — Однако вы, Бургдорф... Случайность исключается. С какой стати в ставке вдруг вспомнили об опальном фельдмаршале Роммеле?

— Почему «вдруг»? — как и положено, принял Бургдорф удар на себя. — Насколько я заметил, там никогда и не забывали о вас. Однако же не забывали и о вашем ранении.

— Не в этом суть. Очевидно, намечается новое, не совсем удобное для меня назначение, а потому вас, Бургдорф, направили, чтобы подготовить меня к предстоящей беседе с фюрером. Военным атташе в Греции, как вы помните, господа, мне уже приходилось быть, военным атташе в Италии — тоже[1]. Правда, всего две недели. Что на сей раз?

— При этом вы забыли упомянуть, что трижды командовали группами армий: группой «Африка», группой в Северной Италии и группой «В» на севере Франции. Не мне судить, насколько эти назначения оказались удачными лично для вас, но

---

[1] В июле 1943 года этого боевого, талантливого полководца Гитлер назначил военным атташе в Греции, но очень скоро отозвал его в Германию. В начале ноября того же года Роммель был назначен военным атташе в Италии, но буквально через две недели вновь отозван и направлен во Францию, где в конце декабря назначен командующим группой армий «В», призванной удерживать оборону на севере Франции. Кроме того, Роммель являлся генеральным инспектором германских войск и обязан был инспектировать состояние оборонительного района, получившего название «Атлантический вал». — *Примеч. авт.*

что касается военных побед, то здесь к вам уже предъявлены серьезные претензии. Однако сейчас не время обсуждать подобные темы.

— В таком случае не следует их затрагивать, — едва сдерживал раздражение Роммель. — В Африку я вернулся, когда битва при Эль-Аламейне была проиграна и наши войска уже потерпели полное поражение; в Италии принял командование группой армий тогда, когда избежать капитуляции итальянских войск перед западными союзниками уже было невозможно. К тому же на моё место очень скоро прислали генерала Альберта Кессельринга. Ну а что произошло во Франции, вам хорошо известно и без моих объяснений.

— В общих чертах — да, — проворчал Бургдорф.

— Если фюреру угодно, чтобы виновным во всех этих поражениях был признан я, — не возражаю. Но ведь рано или поздно историки всё равно всё расставят по своим местам. И запомните, генерал Бургдорф: такие вопросы или обстоятельно обсуждают, или же вообще не затрагивают.

— Мне понятно, почему вас так тревожит исход будущей беседы с фюрером, — как ни в чём не бывало, продолжил свою мысль адъютант фюрера. — Дело в том, что две предыдущие оказались для вас неудачными. Крайне неудачными.

— Скорее, для фюрера, нежели для меня, — отрубил Роммель.

— Я имею в виду те две июньские встречи с фюрером, — спокойно продолжил Бургдорф, не обращая внимания на выпад фельдмаршала, — которые вы провели вместе с фон Рундштедтом и которые закончились яростными обвинениями фюрера в ваш адрес. Я свидетель того, что после разговора с вами фюрер и в самом деле впадал в ярость. В обоих случаях. И ни для кого не секрет, что в обоих случаях вы настаивали на том, чтобы фюрер прекратил боевые действия на Западном фронте и повел переговоры с англичанами и американцами[1].

---

[1] Речь идет о реальных встречах, которые состоялись 17 и 29 июня 1944 года и на которых командующий группой армий «В» Роммель и командующий Западным фронтом Рундштедт пытались уговорить Гитлера

— Лучше бы после подобных бесед со своими полководцами фюрер как главнокомандующий впадал в глубокие раздумья, а не в совершенно неоправданную ярость. Мы всего лишь пытались спасти остатки наших армий на Западном фронте. Просто спасти эти остатки — вот и всё. Но мы явно отвлеклись. Вы так и не ответили на мой вопрос, Бургдорф: почему вдруг в ставке вспомнили обо мне? Впрочем...

Не дожидаясь реакции адъютанта фюрера, фельдмаршал предложил выпить за победу германского оружия, первым опустошил рюмку и подошёл к окну. Для Бургдорфа не осталось незамеченным, как пристально всматривался он через окно куда-то в пространство.

«Пытается выяснить: прибыли мы одни или поместье уже оцеплено, — расшифровал его интерес к окрестному пейзажу Бургдорф. — Всё-таки чувствует Лис Пустыни, что попал в западню, чувствует!» — злорадно определил он.

— Понимаю, что только что завершилась чистка командного состава, — неожиданно заговорил Роммель, так и не получив правдоподобных разъяснений адъютанта фюрера по поводу своего визита. — Взаимная подозрительность и недоверие, подогревать которые призваны, кроме всего прочего, ещё и слишком затянувшиеся во времени заседания Суда чести... Тем не менее, я и сам уже хотел обратиться к Кейтелю, а при необходимости и к фюреру с предложением рассмотреть вопрос о моём новом назначении.

Майзель вопросительно взглянул на Бургдорфа, но тот мрачно изучал узоры напольного ковра. Прибывая сюда, Бургдорф твёрдо был намерен сразу же предложить Роммелю ампулу с «малиново-жасминным» ядом, причем сделать это прямо здесь, в его доме. Но теперь почувствовал, что делать это сразу же, с наскока, действительно было бы слишком уж не по-людски. Если только в предложении раскусить ампулу с ядом вообще можно усмотреть нечто человеческое. В конце концов фель-

---

прекратить боевые действия на Западе. В обоих случаях аргументы полководцев вызвали у фюрера приступы ярости. — *Примеч. авт.*

дмаршал принял их как истинный хозяин. Пусть в меру сдержанно и в меру радушно, но всё же принял и даже угостил. А тут ещё на первом этаже вновь послышался гортанный женский голос, очевидно, принадлежавший жене фельдмаршала Люции-Марии Роммель, которую Эрвин предусмотрительно попросил не присутствовать при их военно-полевых беседах.

— Вот вы заговорили о Суде чести, господин фельдмаршал, — самым нелепым образом ворвался в размышления Бургдорфа голос Майзеля. Двух рюмок коньяку всегда было достаточно, чтобы Майзель почувствовал себя невыслушанным Цицероном. — Понимаю: армейская солидарность. Как генералу, мне это понятно. Но вместе с тем... Если исходить из общих положений армейской присяги и офицерской чести... Вы не могли не заметить... — зачастил он, прерывая фразы буквально на полуслове и забывая о том, что каждая из них должна содержать какую-то мысль. — Скольким генералам и даже отдельным фельдмаршалам пришлось предстать... Вместо того, чтобы единым фронтом... Фюрер поражен тем, как много предательства... И наши, да, наши враги, которые только и ждут... И в результате всеобщего заговора — путч, затеянный генералом Фроммом...

— Фромм никакого путча не затевал, — не спеша возразил Роммель, вертя между пальцами ножку коньячной рюмки. — Не он был организатором покушения, вам пора бы уже понять это.

— Однако многие факты... И потом, как быть?..

— Фромм вообще не способен был что-либо организовать, — резко возразил Роммель. — К тому же беспредельно труслив. Вспомните, как он принялся истреблять людей из своего окружения, когда почувствовал, что путч, затеянный генералами Ольбрихтом и Беком, провалился. Фромм всего лишь жертва. Он — вечная жертва всего на свете: заговора, войны, собственных амбиций и собственной нерешительности, подчас граничащей с трусостью.

— И с трусостью — тоже, — попытался Бургдорф взять инициативу в свои руки, но Майзель не позволил ему этого. Залпом

опустошив очередную рюмку, он вновь предался своему красноречию:

— Я понимаю, что это весьма... Но если исходить из сути... Что, на мой взгляд... Честь — в её философско-патриотическом ореоле... — Концовки фраз и на трезвую голову давались Майзелю с огромным трудом, поэтому он предпочитал довольствоваться их огрызками, которыми мог сыпать часами, как нерасколотыми орехами, совершенно не заботясь о том, как их воспринимают слушатели. — Перед нами прошли имена... Генералы и фельдмаршалы... Витцлебен, Гёппнер, Бек. Мужество? Да, господа, но позволю себе заметить... В то время, когда от германского народа и, в частности, от Суда чести...

— Да замолчите вы наконец, Майзель?! — презрительно осклабился Бургдорф. — Что вы заладили со своим Судом чести, представая перед нами ангелом непорочности?

— Но ведь именно вас, фельдмаршал Роммель, заговорщики видели в качестве наиболее вероятного вождя нации после того, как фюрер погибнет, — вдруг обрёл способность логично излагать свои мысли генерал Майзель. — Именно вас заговорщики считали наиболее достойным преемником фюрера. Разве не так?!

19

Мария-Виктория погасила свет и широко распахнула окно спальни.

Десять-пятнадцать минут, которые она обычно проводила перед сном, вот так, у окна, глядя на залив, посреди которого таинственной пирамидальностью восставали очертания Скалы Любви, чем-то напоминали вечернюю молитву, не знавшую, впрочем, ни покаяния за неправедно прожитый день, ни мольбы о благополучии в дне грядущем. Ибо, как всякая молитва надежды и многотерпения, была она небогобоязненной и бессловесной.

Ветер, еще несколько минут назад упорно прорывавшийся со стороны гор, неожиданно утих, и над бухтой «Орнезия» воцарился величественный, поистине королевский штиль, мгно-

венно примиривший гладь моря с блаженством поднебесья и подаривший всяк обитавшему на сих берегах еще одну чарующую лигурийскую ночь.

Чуть перегнувшись через подоконник, княгиня разглядела при едва пробивающемся свете луны корму яхты. Подперев ладонью подбородок, она некоторое время смотрела на нее. Это был взгляд юнги, которого навсегда отлучили от первого в его жизни корабля, а значит, и от всего того мира, в котором и ради которого он до сих пор жил.

Что-то взыграло в ней. Ей вдруг захотелось связать простыни, по стене спуститься со второго этажа и, тайно пробравшись на яхту, уйти в море. Одной, держа курс на луну, в надежде, что где-то там, на краю лунной дорожки, лежит та земля, которая давным-давно ждет только ее одну.

Однако яхта принадлежала ей, все окрестности бухты, на много миль, вплоть до Тосканского архипелага и мыса Корсики, давно знакомы. Так что убегать следовало лишь от самой себя, а этого еще никому не удавалось.

«Яхта, вилла, море... Все это пока что нереально, — молвила она себе, — поскольку нереален сам мир войны, в котором они существуют. Единственной реальностью, которую тебе дано по-настоящему ощущать, являешься ты сама: нелюбимая, всеми покинутая, уставшая от страха и одиночества женщина. Которая множество раз бросалась в костер любви, чтобы очень скоро обнаружить, что на самом деле топчется на давно остывшем пепелище, оставленном кем-то другим, на котором нельзя ни сгореть, ни согреться».

В спальне было довольно душно. Распахнув пеньюар, Мария-Виктория улеглась на покрывало — нагая, открытая романтическим терзаниям и любовным грезам. Несколько минут она лежала так, разметавшись по нерасстеленной постели, со страхом прислушиваясь к эротическому пламени, постепенно разгоравшемуся где-то в недрах ее плоти, чтобы затем охватить все естество, превратить в чувственный бред, в ярость неудовлетворенности, нечто, напоминающее сексуальное бешенство.

«Господи, в этом доме полно мужчин, а ты почти каждый вечер засыпаешь в постели одна, съедаемая мечтаниями о мужской ласке и звериной мужской силе. Что за чертовщина такая, и до каких пор все это будет продолжаться?!»

Так неожиданно вспыхнувший роман с капитаном Пореччи очень быстро закончился обычным женским разочарованием. Что ж, бывает. Ее привязанность к Отто Скорцени с его стороны не была ни взаимной, ни хотя бы сколько-нибудь соблазнительно щадящей. Этот гигант создан для войны, взращен на ее сражениях и когда-нибудь должен будет остаться на одном из ее полей. Вот и всё. Так на что же она рассчитывала?

К тому же Сардони знала о его давнишнем романе с эсэсовкой-диверсанткой Лилией Фройнштаг и даже успела смириться с тем, что, если какой-либо женщине и суждено познать полуродственную близость с первым диверсантом рейха, так это Фройнштаг, вместе с которой ему не раз приходилось идти на задания, с которой он, любя, рисковал и, рискуя, любил. Так что все в этой военно-погибельной паре естественно и справедливо. Если только можно смириться со справедливостью, заключающейся в том, что какая-то женщина имеет право на любовь с избранным тобой мужчиной больше, нежели ты.

Даже самой себе Мария-Виктория порой неохотно признавалась в том, что с каждым из мужчин, обитавших на вилле «Орнезия», она уже успела вкусить запретный плод. Но всякий раз это было не любовное и даже не моральное грехопадение, а банальное усмирение плоти. Иное дело — что дележ постели с каждым из них княгиня всякий раз пыталась превращать в некий ритуал «изгнания из рая»: заплывала вместе с ним на Скалу Любви, чтобы отдаваться там, в положении, при котором бедра все еще пребывали в морской воде, а грудь уже была присыпана золотистым песком. Всякий раз она то яростно сопротивлялась в островном шалаше, то пыталась превратить в райский шалаш одну из кают яхты. Она то уводила очередного избранника на горный луг ближайшей возвышенности, то милостиво впускала в эту спальню, чтобы, разбросав постельное белье по коврам,

метаться по ним в поисках ласк и наслаждений, не находя в конечном итоге ни того, ни другого, ничего, кроме опустошенности пресытившейся и в то же время вечно неудовлетворенной самки.

Луна взобралась на вершину Скалы Любви, облачая в мягкое голубоватое сияние часть обрамленного окном поднебесья. На его фоне силуэт Марии-Виктории представал статуей оголенной блудницы работы неизвестного мастера, очаровывавшей своими телесами каждого, кто был допущен в спальню княгини, освящавшей своими грехами её ложе...

Любовные забавы, которым Сардони предавалась на острове вместе со Скорцени, словно бы разбудили в ней, разбередили все то поглощающе сексуальное, что до поры до времени каким-то образом утаивалось ею, подавлялось, развеивалось в суетной обыденности.

Первым, кому она однажды жертвенно отдалась на этом островке, был Морской Пехотинец. Княгиня усадила его на весла и заставила грести к острову. А когда в бухте Скалы Любви они достигли мелководья, Мария-Виктория разделась до купальника, сошла с лодки и побрела к миниатюрному, как и все в этой бухте, песчаному пляжу.

— Чего вы ждете, сержант? — рассмеялась она, поняв, что Шеридан попросту не знает, как ему вести себя. — Пока я вернусь и переверну ваш челн?!

— Пока что не пойму, почему мы здесь.

«Господи, — сказала себе Сардони, — что же ты со своей строгостью наделала! Ты совершенно разучила мужчин чувствовать себя рядом с собой мужчинами. И вот результат...».

— Кажется, этот остров кто-то назвал Скалой Любви, разве не так? — молвила Мария-Виктория.

— Это единственное, в чем вы можете не сомневаться.

— Тогда какие объяснения вам еще нужны? Вы ведь привозили сюда нашу всеми любимую шведку Кристину и, говорят, долго не церемонились.

— Если вам угодно будет выслушать собственное мнение сержанта морской пехоты, — начал было Шеридан со своей ма-

ниакально любимой, но и столь же маниакально бессмысленной фразы, — однако хозяйка виллы беззастенчиво прервала его:

— Лучше представьте себе, что здесь с вами все та же шведка или девица из сингапурского борделя. И покажите, как это все могло бы выглядеть. Поверьте, мне это тоже интересно...

— Не может быть.

— Почему?

— Потому что тогда совершенно непонятно, какого дьявола до сих пор вы вели себя, как непорочная Дева Мария у ворот рая.

— Не будьте негодяем, сержант.

— Понял.

Шеридан настороженно осмотрелся по сторонам, как человек, который предчувствует, что его заманивают в ловушку, но, так ничего и не обнаружив, не раздеваясь, в брюках и рубашке, побрел вслед за соблазнительницей.

В первый раз он захватил ее сзади, и свободной рукой принялся оголять себя и ее, но у Марии-Виктории вдруг сработал инстинкт самозащиты, а может, это вдруг ожили гены аристократки, подкрепленные навыками рукопашного боя, полученными в школе разведки...

Словом, в тот раз она нанесла ему удар локтем в солнечное сплетение, затем пяткой в пах и, освободившись, долго смеялась, наблюдая, как, подавляя в себе боль и ярость, съедаемый чувством оскорбленного достоинства, Шеридан корчится, пытаясь прийти в себя и приготовиться к новой атаке. Для него это было непросто. И не только потому, что женщина сопротивлялась. Шеридан знал, что никого из мужчин охраны княгиня к себе не подпускает, что она приучила смотреть на неё с той же вожделенностью, с какой рабы имели право посматривать на смазливую владелицу плантаций, и сам тоже постепенно начал ощущать себя евнухом, стерегущим покой султанши.

Но так было. Сейчас перед ним стояла совершенно иная женщина. Точнее, перед ним, сопротивляясь и дразня, исполняла свой брачный танец обычная похотливая женщина. Уже не

повелительница, но еще не решающаяся снизойти до рабыни. Пусть даже рабыни собственного инстинкта. Что-то произошло с владелицей «Орнезии». Что-то с ней произошло. Вот только он — сержант — не уловил, когда именно.

Еще не веря, что княгиня и в самом деле решилась отдаться ему, Морской Пехотинец чутьем опытного ловеласа определил: главное сейчас — не отступать. Никуда она не денется. Подавить инстинкт, усмирить гордыню, смять ее так, чтобы опомнилась лишь тогда, когда самое время терять сознание...

От второй атаки Сардони тоже сумела увернуться, но сержант все же захватил ее спереди, прижал, сорвал все, что еще оставалось на ней, и буквально распял на себе, овладевая с такой буйной силой, что от ужаса женщина взмолилась, побаиваясь, как бы он не изломал ее всю. И тогда, то ли в экстазе, то ли по неосторожности своей, Шеридан свалился вместе с ней в воду. Они упали на отмель, и еще какое-то время княгиня ощущала, что сержант продолжает брать ее и под водой, и лишь с большим усилием, расцарапывая спину, ей удалось заползти на песчаную косу.

— Я убью вас, сержант, — пробормотала она, задыхаясь от нехватки воздуха и сил. — Так не ведут себя. Вы не должны были...

— Но это уже произошло, — пробормотал он, наконец-то ослабляя бешенство захвата и утыкаясь лицом в песок рядом с ее волосами. — Убить вы меня уже убили, что там у нас по программе дальше?

— Вы изверг и мерзавец, сержант. Еще бы секунда — и вам пришлось бы насиловать утопленницу.

— Можете не сомневаться, что так оно всё и было бы: насиловал...

— Могу себе представить... Вы, там, в своей морской пехоте, совершенно озверели. Вам совершенно безразлично, кого, где и как.

— Случалось и такое, мэм. Не подлежит сомнению. Но вы...

— Ну что, что я?! — насторожилась Сардони.

— Вы и утопленницей были бы так же прекрасны, княгиня.

Он повернулся на спину, одним только движением рук приподнял ее, водрузил на всё то, усеянное мышцами и волосами, что должно было, по замыслу Всевышнего, именоваться «телом мужчины», и еще через несколько мгновений они вновь занялись тем, что может иметь сотни, от самых нежных до самых грубых названий, но что лично она, Мария-Виктория, так никогда и не решилась бы назвать ни любовью, ни просто обычным человеческим сексом. Это было нечто выходящее за известные ей определения. В этой их страсти, в способе и ярости ее удовлетворения, угадывалось нечто звериное.

Но пока они тешились этими забавами, лодку вынесло за пределы бухты, и, подзадориваемый криками Сардони, Морской Пехотинец сумел перехватить ее уже за «триумфальной аркой» острова и вернуть назад. Когда понадобилось подняться, чтобы сесть в нее, Мария-Виктория вдруг почувствовала, что будет гораздо надежнее, если сержант сам занесет ее в лодку. Так она ему и сказала:

— А теперь берите растерзанное вами тело, грузите в лодку и везите к вилле. Как вы при этом сумеете оправдаться перед всеми остальными мужчинами — понятия не имею. Да сие меня уже не интересует.

До сих пор она не может забыть, как уже, казалось бы, выбившийся из сил сержант вдруг вновь набросился на нее и умудрился брать по дороге к лодке, затем в самой лодке, усадив к себе на колени.

— Сдаюсь, — призналась княгиня, когда таким образом они вновь сумели выбраться из бухты и обогнуть остров, оказавшись на виду у яхты и «Мавритании», на палубе которой сейчас тоже мог оказаться кто-либо из охранников. — Вы потрясли и растоптали меня, Шеридан. В подобных ситуациях женщины крайне редко бывают искренними, поэтому и мое признание примите с поправкой на любовную хитрость. Тем не менее, нигде раньше... и ничего подобного... Как на исповеди говорю.

— Одного не пойму, княгиня: почему это произошло только сейчас, а не на следующий же день после моего появления здесь?

— Просто к тому времени ни я, ни тем более вы еще не достигли той стадии озверения, в какую впали сейчас, при виде оголенных тел друг друга.

Затем она уединялась с ним еще дважды. Но это было уже жалким подобием всего того буйства, которому они предавались тогда, в островной бухте. Хотя и это тоже происходило на Скале Любви. Что-то отполыхало в ней к тому времени или же, наоборот, так и не вспыхнуло, не разгорелось. Именно то, что должно было прийти вслед за страстью, чтобы потом называться любовью.

Когда в четвертый раз Морской Пехотинец попытался взять ее прямо на яхте, она выхватила пистолетик и ткнула ему под ребра.

— Вы никогда не были моим любовником, вы никогда не брали меня, вы никогда не осмеливались притрагиваться ко мне своими засаленными о ножки кабачных проституток руками, — проговорила она со всей возможной ненавистью и презрением, какие только способна была воспроизвести на своем лице и в своем голосе. Теперь у вас есть только один путь к моему телу — через мою душу. Но для этого вам пришлось бы стать тем, кем до сих пор вы даже не пытались стать — моим любимым.

— Если вам угодно будет выслушать собственное мнение сержанта морской пехоты, мадам, леди, синьора Сардони, то оно примитивно, как курок вашего пистолета: — Я не вашего круга мужчина. Разве не так?

— В принципе, да.

— Поэтому в любимых мне не ходить.

— Это уж точно.

— Зато я — тот мужчина, которых больше всего признают женщины именно вашего круга. Потому что в противном случае им всю жизнь приходилось бы довольствоваться «бедными, вечно молящимися монахами Тото».

«Как он тебя, негодяй!.. — изумилась Мария-Виктория. — И ведь посмел же! Хотя не мог, не должен был. Кто угодно, только не он».

— Им-то я как раз и не довольствовалась.

— Естественно, — оскалился сержант.

— То есть я не совсем точно выразилась. — Шеридан заметил, как зарделись мочки ее ушей, и почувствовал себя еще увереннее. Смугловатое лицо выдавало ее редко, но мочки ушей... — Хотела сказать, что им-то я до сих пор как раз и не довольствовалась.

— В этих выражениях просматривается какая-то разница?

— Слишком туго соображаете? Так и признайтесь.

— Я всегда туго соображаю, когда меня щекочут стволом пистолета. У меня это приобретенное. — Не дожидаясь реакции княгини, он прогнулся, уводя корпус из-под линии огня, и тотчас же выбил пистолет из её руки. Княгиня пыталась схватить оружие, но оно отлетело достаточно далеко, чтобы сержант успел перехватить её за талию. — Объяснимся без пистолетов, фрау, леди, мадам, синьора. Итак, вы утверждаете, что монахом Тото до сих пор брезговали? — спросил он, обнимая девушку за талию.

— Можете себе представить.

— Ну да?!

— Удивитесь еще раз, ибо это святая правда. Не в оправдание, а так, ради истины.

— Насколько мне известно...

— Я прекрасно знаю всё, что вам известно, сержант. Точно так же известны и ваши привязанности, ваши бордельные вкусы, — освободилась она из его объятий. — Только поэтому вдобавок к шведке я наняла еще и двух итальянок. Чтобы вам было с кем резвиться.

— Отдаленно напоминает ревность.

— Ничуть.

— Если вам угодно будет выслушать личное мнение сержанта морской пехоты, мне вполне хватило бы и вас. Две итальянки и шведка могли бы время от времени...

— Хватит, сержант. Сегодня вы должны были услышать то, что сейчас услышите: что «вечно молящийся Тото» — единственный из вас, мужчин, которому до сих пор я так и не позволила познать вселенский бред моего естества.

— Это вынудит меня задуматься, мэм, — поскреб вечно небритую щеку Шеридан.

20

Роммель слегка пригубил рюмку, задержал её у рта, словно дегустатор, наслаждающийся букетом испытуемого напитка, и спокойно ответил:

— Меня тоже уведомили, что кое-кто из заговорщиков склонен был видеть меня во главе правительства Германии после ухода с этого поста фюрера. Но, во-первых, я узнал об этом только после провала июльского покушения, а во-вторых, я не могу нести отвественности за мнение некоторых генералов, которые к тому же стали на путь заговора. Того заговора, о котором лично мне ничего известно не было.

«А ведь это оправдание Роммель придумал не сейчас, — понял Бургдорф, не только внимательно слушая фельдмаршала, но и столь же внимательно наблюдая за его поведением. — Он заготовил его давно, когда понял, что рано или поздно вынужден будет предстать перед Народным судом, а затем и перед виселицей. И если разобраться, то правдив он лишь в первой части своего утверждения, в том, что не может нести ответственность за то, что кто-то из генералов-заговорщиков видел в нём, герое Африки, популярном в народе полководце, будущего лидера нации. А вот что касается второй части...»

— Вы не могли не знать о заговоре, как не могли не знать и о готовящемся покушении на фюрера, — твердо молвил Бургдорф. — Вы не только знали о нём, но и принимали участие в обсуждении его плана и возможных последствий.

Роммель попытался что-то возразить, однако Бургдорф решительно прервал его:

— Повторяю: вы не могли не знать о заговоре. Есть показания сразу нескольких заговорщиков, утверждавших, что именно вы, фельдмаршал, выступали против плана полковника Штауффенберга и прочих путчистов физически истребить фюрера. Что уже подтверждает, что вам известны были эти планы.

— Мне известно было, что многие генералы и офицеры крайне недовольны действиями фюрера, которые ведут страну к гибели, — нервно объяснил фельдмаршал, явно теряя самообладание. — Причем вы могли бы знать, что и сейчас, после подавления путча, недовольных методами руководства Гитлером армией и страной меньше не стало. И потом, как вы сами заметили, даже в частных беседах с этими крайне возмущенными я решительно выступал против покушения на фюрера, предупреждая и разубеждая тем самым потенциальных заговорщиков.

Бургдорф демонстративно рассмеялся: какая наивность!

— Опять вы не искренни, фельдмаршал. Из тех же показаний арестованных фюреру известно, что вы действительно выступали против покушения на него, но только потому, что не хотели, чтобы геббельсовская пропаганда превратила невинно убиенного Гитлера в мученика, которому коварные убийцы не позволили привести рейх к победе и всенародному благоденствию. Вы не желали предавать Гитлера смерти только потому, что опасались превращения его в великомученика, боялись его ореола. А чтобы этот ореол не возник, вы предлагали свергнуть фюрера и его правительство, а затем предать Гитлера суду, чтобы полностью разоблачить его преступления перед нацией. Ваши доводы некоторым заговорщикам казались настолько убедительными, что именно вас они видели председательствующим на этом суде нации.

— Не знаю, кому мог прийти в голову подобный бред.

Бургдорф благовоспитанно промолчал, понимая, что любой спор в данной ситуации будет неуместен.

— Что-то душновато у вас становится, господин фельдмаршал, — похлопал он ладонью по широкой ножке стоявшей на камине старинной мраморной вазы. — Настоятельно предлагаю сесть в машину и немного развеяться, двигаясь в сторону городка Ульме. Там и продолжим наш разговор.

— Есть ли в этом необходимость? — без особой напористости спросил хозяин виллы. — Всё, что вас интересует, можно обсудить здесь, в этом кабинете.

— Есть такая необходимость, фельдмаршал Роммель, — произнёс Бургдорф тоном, не допускающим возражения. — И сейчас я говорю вам это не как ваш давний сослуживец, прибывший навестить вас по случаю вашего выздоровления, а как адъютант фюрера, по приказу которого мы с генералом Майзелем, собственно, и находимся здесь.

— Именно так, господин фельдмаршал: по личному приказу фюрера, — протрезвлённо подтвердил член Суда чести генерал Майзель.

21

Лишь в отеле, в своем номере, куда Курбатов вошел вместе со Шмидтом, они наконец вскрыли пакет.

Удостоверение личности, на котором красовалась фотография барона, утверждало, что владельцем документа является оберштурмбаннфюрер Фридрих Лоут.

— Что ж вы скрывали, барон, что на самом деле вы Лоут, а не Шмидт?

— Кем только я ни был за последние несколько месяцев. Кстати, почему эти сволочи из отдела фальшивых документов не написали «фон Лоут»?

— Очевидно, опасались, что с приставкой «фон» легче выяснять личность. Аристократов в Германии значительно меньше, нежели неизвестно когда получивших свой очередной чин оберштурмбаннфюреров.

— В таком случае плевать я хотел на их удостоверения.

— Скорцени особо предупреждал меня, а следовательно, и вас, что в «Орнезии» барон фон Шмидт может появиться только под фамилией, указанной в удостоверении. Так что благодарите Бога и Скорцени, что вам хотя бы оставили ваш чин. Кстати, вот ещё один документ. Оказывается, это медицинская справка, из которой следует, что в течение двух месяцев вы пребывали в 117-ом госпитале на излечении по поводу контузии и воспаления легких. Как это вас угораздило, господин Лоут?

— Прекратите, полковник! — поморщился барон.

— А потом еще и попали в санаторий войск СС, где подлечивали печень. Завидую.

— Лучше бы эти кретины и в самом деле направили меня в санаторий, чтобы подлечить её.

— И еще один документ, которым удостоверяется, что в настоящее время оберштурмбаннфюрер Лоут выполняет особое задание службы безопасности Главного управления имперской безопасности.

— Увидев эту бумажку, английская контрразведка упадет передо мной ниц.

— А по-моему, вам нечего жаловаться на судьбу, оберштурмбаннфюрер, передал Курбатов все эти бумаги их владельцу. — Чин сохранен. Болячки ваши фронтовые основательно подлечены. Задание настолько секретное, что ни вам, ни мне — не говоря уже о «Сикрет Интеллидженс Сервис», сути его понять не дано. Чего еще желать офицеру, когда вокруг — война, а ему предлагают виллу на Лигурийском побережье?

— Посмотрел бы я, как бы вы чувствовали себя, если бы в течение трех месяцев вам трижды меняли фамилию, швыряя при этом из одного конца Германии в другой, а оттуда — в Италию. К тому же чуть ли не каждую неделю сообщали, что кто-то из людей, с которыми вы осуществляли некую идиотскую операцию, то ли при очень странных обстоятельствах погибает, то ли сдуру кончает жизнь самоубийством.

— Ну, к изменению фамилий мне не привыкать.

— Вы — диверсант. Совершенно упустил из виду.

— А что касается ваших знакомых... Не кажется ли вам, что все, кому по замыслу СД положено было исчезнуть, уже исчезли? Вам пора понять, что с исчезновением каждого из них ваши шансы — лично ваши, оберштурмбаннфюрер Лоут, на то, чтобы дожить до конца войны, резко увеличивались?

— Вы тоже так считаете?

— А кто еще считал так?

— Мне порой тоже казалось нечто подобное. Но теперь вновь мерещится очередная автомобильная катастрофа или выстрел из-за угла.

— Об этом можете забыть. Если бы он должен был прозвучать, этот выстрел из-за угла, он бы давно прозвучал.

Барон оторвался от повторного чтения бумаг и внимательно, недоверчиво всмотрелся в глаза Курбатова. Сейчас он казался князю жалким, как воришка, которого вот-вот должны вздернуть на городской площади.

— Вы действительно уверены в этом?

— Только что мы отправили ящики с ценностями. Скорее всего, с картинами древних мастеров. Впрочем, неважно, с чем именно. Так вот, для Скорцени вы представляете такую же ценность, как любой из этих грузов. И так будет продолжаться до тех пор, пока другие ящики, с золотом Роммеля, будут покоиться на дне моря у берегов вечно пиратствующей Корсики.

Барон опустил подбородок на грудь и отчаянно помотал головой.

— Сдают нервы. Нервы сдают, нервы, нервы!.. — восклицал он, словно заклинание. — Это все проклятые нервы!

Курбатов улегся на кровать и, забросив ноги на перила, закрыл глаза: «Нервы! Все вокруг жалуются на нервы. А что делать, на что жаловаться ему, человеку, прошедшему по тылам врага всю Евразию? Нужно жить и сражаться. Тактика боевых слонов: подняли хоботы, протрубили боевой клич — и в бой!»

Барон вновь, теперь уже бегло, просмотрел удостоверение личности, справку, еще какие-то документы, предусматривавшие офицерское довольствие, и швырнул все это на стол.

— Опять разочарованы, — благодушно констатировал Курбатов. Страхи Шмидта казались ему детским капризом. — Вы слишком усложняете себе жизнь, барон, вот что я вам скажу.

— Какими бы бумажками ни осчастливливали меня Скорцени и его парни, все равно, поверьте мне, князь, это уже не жизнь, а великосветское дерь-рьмо!

— Ну, если вам удается видеть её в таком ракурсе, — пожал плечами Курбатов.

— Почему я вынужден всю оставшуюся жизнь прятаться?

— Что вы предлагаете?

— А что вы советуете?

— Делать вид, что ничего не происходит. Скоро мы окажемся на побережье Лигурийского моря. Вы будете загорать на пляже, дышать средиземноморским воздухом, любоваться горами... Что еще нужно человеку, когда вокруг агонизирует Вторая мировая война?

— Вы не собираетесь еще раз отправиться в тыл к русским?

— Нет, барон, вас в свою группу я не включу.

— Почему? Из любопытства...

— Будь вы членом моей группы, я пристрелил бы вас в первый же день. Как только услышал бы ваше неугомонное нытье.

— Оскорбляете, полковник. Барона фон Шмидта оскорбляете. И, может быть, впервые в жизни я не могу сказать, что вы — великосветское дерьмо. Не потому, что опасаюсь, а потому что это было бы несправедливо. Я искренне уважаю вас как фронтового офицера. Видел вас в деле, там, в поселке, на дороге, в ущелье. К тому же вы — аристократ. А это особая каста, да, полковник, особая. Ну а все, чем мы занимаемся, это и в самом деле всего лишь великосветское дерь-рьмо.

— Оригинальный способ восприятия мира.

— Не оригинальный, полковник, не оригинальный. И я не понимаю, почему из-за каких-то лежащих на дне моря ящиков я вынужден буду всю оставшуюся жизнь прятаться. Причем, что самое ужасное, от своих же.

— Ибо в вашем трагическом случае, — спокойно остудил его князь, укладываясь на кровать, — наиболее опасны именно свои. И еще — как диверсант диверсанту: как можно реже упоминайте о ящиках. Даже в разговоре со мной. Офицеру, только недавно перенесшему тяжелейшую, как утверждается в медицинской справке, травму на Восточном фронте, подобные воспоминания крайне вредны.

— Прекратите издеваться, князь. Это не так легко переносить, как вам представляется.

— Я бы поиздевался, если бы спросил, не хотите ли и в самом деле получить контузию на Восточном фронте. Чтобы в ваших документах все соответствовало действительности.

— Не знаю, может быть, на вилле «Орнезия» действительно не так уж дурно, — благополучно ушел от этой темы барон. — Но попомните мое слово: надолго задержаться на ней нам не дадут.

— А я и не собираюсь задерживаться там надолго. Это не в моих правилах — засиживаться в одном месте.

* * *

Утром Курбатов увидел, что штурмбаннфюрер Умбарт и его адъютант уже стоят у готовой к отходу колонны.

— Как это понимать? — спросил князь. — Вы провожаете нас?

— Не могу оставаться здесь, господин полковник. Мне срочно нужно побывать в «Орнезии», а затем вернуться в штаб.

— Что-то очень срочное, что способно отменить приказ Скорцени?

— Могу я быть откровенным?

— Обязаны.

— У меня там женщина.

Курбатов расхохотался и похлопал штурмбаннфюрера по плечу:

— Вот что значит слишком долго задержаться на тыловой службе, да к тому же в Италии!

— Вы ведь требовали откровенности.

— Уже оценил ее. Только не вздумайте произносить это объяснение при моих «гладиаторах», а то мне будет очень трудно потом объясняться с ними.

— Мне нужно уехать с вами, полковник, — отчаянно повертел головой штурмбаннфюрер.

— Смысл ваших вожделений мне понятен, однако...

— Скорцени мы об этом докладывать не будем. Там мой батальон. Своих людей я оставлю на аэродроме еще на две недели. Через неделю сам сюда наведаюсь... И потом, без меня вам очень сложно будет наладить отношения с княгиней Сардони и ее странноватым окружением. К тому же любая из подруг моей баронессы фон Эслингер — ваша.

— Короче, вы хотите, чтобы идея вашего отъезда исходила от меня?

— Желательно в форме приказа.

22

Роммель оставил своё любимое кресло у камина, помассажировал разболевшееся подреберье и настороженно прошёлся взглядом по лампасным визитёрам.

— Но за пределы поместья я пока что не выезжаю, — неуверенно предупредил он. — Врачи категорически запретили.

— Выезжаете, Роммель, — не поверил ему Бургдорф. — Причем с того времени, когда в августе вас перевезли из французского госпиталя сюда, в Герлинген, под домашний арест, делаете это уже регулярно, и в Берлине это давно известно. Просто там не желали обострять отношения с вами, придираясь к нарушениям правил домашнего ареста.

— Те, на кого вы ссылаетесь, Бургдорф, по-прежнему пользуются непроверенными сведениями.

— Не думаю, — горячо возразил генерал, но тотчас же охладил себя: — Впрочем, не стану утверждать, ибо всё возможно. К тому же сейчас это уже никакого значения не имеет. Вопрос о вашем новом назначении так или иначе решён.

— Причем теперь уже решён окончательно, — не без сарказма проворчал Майзель, заставляя Роммеля ещё больше насторожиться.

— Тем не менее, нужно переговорить, — молвил Бургдорф. — Поэтому оденьтесь и, пожалуйста, — в машину, которая отвезет нас в Ульме.

— Скажи прямо, Вильгельм: как это всё понимать? — как можно доверительнее спросил фельдмаршал.

— Это, Эрвин, следует понимать так, — тотчас же воспользовался Бургдорф возможностью перейти на «ты», — что тебе придётся надеть плащ и спуститься вниз. С плащом справишься без моей помощи?

— Как прикажете, — мрачновато ухмыльнулся фельдмаршал, напоминая адъютанту фюрера, что тот пытается командовать старшим по чину.

— Уж не вообразил ли ты, Эрвин, что я прибыл арестовывать тебя?

— На арест это пока что не похоже.

— Тогда в чём дело? Не скрою, подозрение относительно тебя было. Но ты смыл его кровью, подобно тому, как смывает его кровью штрафник, которому солдатское счастье «улыбнулось» легким ранением во время первой же атаки. К тому же учли, что речь идёт о «герое Африки», и всё такое прочее... — произнося всё это, Бургдорф по-волчьи оглядывался, словно уходил от погони.

— С ранением всё ясно, — одернул его Роммель.— Речь не об этом.

— Что же касается поездки в Ульме, — взглянул Бургдорф на наручные часы, — то там нас будет ждать Курт фон Цейтцлер[1].

— Как он здесь оказался? — заметно просветлело лицо Роммеля.

— Известно, как: по приказу фюрера.

— Естественно, естественно... — взволнованно потёр руки Лис Пустыни.

Начальник Генштаба находится в Ульме?! Он прибыл, чтобы побеседовать с ним? А что в этом неестественного? Да, прилетел, чтобы встретиться с ним, фельдмаршалом Роммелем, и определиться по его дальнейшей службе, дальнейшему назначению.

— Мы инспектировали части, расположенные в этом районе рейха, а также на границе с Италией. Пытались на месте выяснить, какие из них можно без особого ущерба безопасности и нашей страны и территорий, которые контролирует Муссолини, перебросить на Восточный фронт.

— Если вам не удалось скрыть свою инспекцию от дуче, то он сразу же бросится в ноги фюреру с требованием не ослаблять Южный фронт.

В ответ Бургдорф лишь улыбнулся своей желчно-покровительственной улыбкой. Он остался доволен собой:

---

[1] С сентября 1942 года и до окончания войны генерал Курт фон Цейтцлер занимал должность начальника Генерального штаба Вооружённых сил Германии. На этом посту он сменил генерала Франца Гальдера. — *Примеч. авт.*

Роммель был окончательно дезинформирован и по существу сбит с толку.

— Возможно, дуче и бросится ему в ноги. Но фюрер в очередной раз проигнорирует его молитвы. Как и все прочие стенания своих союзников, будь то итальянцы или венгры.

— В этом и кроется одна из причин того, что ещё одну войну мы уже по существу проиграли, — решительно подвел итог фельдмаршал

23

Стрельба улеглась так же неожиданно, как и возникла. Привыкшая к переходам от смертельно опасной пальбы до посмертно тоскливой тишины, Сардони сразу же успокоилась, и хотя пламя неудовлетворенной страсти, толкавшее ее в бред сексуальных грез, несколько поулеглось, тем не менее, она вновь вернулась к своим интимно-ночным воспоминаниям.

Легкий флирт с итальянцем-охранником Нантино возник у Марии-Виктории еще в тот день, когда он прибыл на «Орнезию» в свите папессы Паскуалины Ленерт. Мария-Виктория так и не поняла, в каких отношениях был этот итальянец с «папессой», какую роль исполнял в ее свите, — скорее всего, он являлся одним из агентов секретной службы Ватикана. Но княгине показалось, что решение оставить этого «офицера в гражданском» на вилле возникло у Паскуалины буквально в последние минуты перед отъездом. И, кто знает, может, именно потому, что он и княгиня как-то сразу приглянулись друг другу.

— Будем считать, что этот парень останется на вилле в качестве моего личного представителя, — молвила «папесса», уже садясь в машину. — Амбиции его никогда не поднимутся выше роли охранника и твоего личного телохранителя. — Слово «телохранителя» она всегда произносила раздельно: «тело хранителя», придавая слову некий пикантный подтекст. — Если же захочешь приблизить его, знай, что из всех способов любви больше всего ему удается «французский».

Мария-Виктория удивленно уставилась на личного секретаря папы римского. Для нее, конечно же, не было секретом, что

«папесса» давно крутит роман с папой римским, что никогда еще ни одна любовница ни одного папы не была столь приближена к делам и тайнам святого престола... Но быть столь греховно-откровенной с ней, характеризуя одного из своих негласных любовников! Это выходило за пределы понимания княгини, пределы ее фантазии.

— То есть вы дарите его, Паскуалина? Так следует понимать? — полушутя поинтересовалась княгиня.

И вот тогда «папесса» ошарашила ее еще раз, преподнеся урок истинно женской мудрости, соединенной с христианским милосердием по отношению к мужчине.

— Непорочная вы моя, — мягко, почти кротко произнесла она. — Когда мужчина исчерпал себя, но по-прежнему остается верен вам, никогда не следует окончательно отвергать его. Лучше передать в надежные женские руки. Но обязательно в те, из которых, истосковавшись по прежним ласкам, его еще можно будет вырвать, — совершенно спокойно, серьезно, с миной набожности на лице поучала ее Ленерт.

— Однако для этого нужно иметь мужество. Или же совершенно не любить этого мужчину, не дорожить им.

— Если мужчину разлюбили, его попросту покидают на обочине, как развалившуюся тележку старьевщика. Я же веду себя более осмотрительно, отдавая его в надежные руки. Я не ошибаюсь: он переходит именно в такие... руки?

— Во всяком случае, во французской любви я смыслю настолько мало, что слишком уж дорожить этим гвардейцем папы не стану, — отлично поняла Мария-Виктория, каких именно заверений от нее ждут.

Паскуалина заговорщицки сжала ее локоть и подбадривающе подмигнула. После этого Сардони еще больше зауважала её как женщину, хотя раньше с трудом понимала, как ей хватает мужества уживаться в папских покоях, среди стольких престарелых святош, каждый из которых, впрочем, почти не скрывая, завидует папе римскому, сумевшему удержать возле себя столь красивую, одаренную и, что самое странное, преданную женщину?

Отбывая из «Орнезии», Паскуалина напомнила новой ее владелице о данном обещании.

— ...Я ведь отдала вам лучшего из своих телохранителей, княгиня. Такое забывать не следует.

— Это будет оценено по достоинству, синьорина Ленерт.

Однако прошло время, Сардони была занята то внутренним ремонтом виллы, на котором до нее царило полное запустенье, то возведением вокруг нее мощной, почти крепостной ограды, то восстановлением яхты и всеми теми хозяйственными заботами, которые так неожиданно свалились на нее посреди военно-политического хаоса Северной Италии. И, как это ни странно, о талантливом любовнике на французский манер, лучшем телохранителе «папессы» на какое-то время было попросту забыто. Ну, не то, чтобы совсем уж... Нет-нет, да и вспоминался княгине этот небогоугодный разговор с Паскуалиной, и тогда она столь же заинтригованно посматривала на рослого мускулистого охранника, как и охранник на нее.

«Интересно, какие такие наставления относительно меня получил от «папессы» сам этот «тело хранитель» — всякий раз пыталась угадать при этом княгиня.

Чтобы как-то поддерживать их отношения в постоянной готовности к флирту, Сардони даже придумала особое обращение к нему. При всяком удобном случае она не упускала возможности поинтересоваться: «Ну и как вам служится, наш ненадежный тело хранитель?». Определения, правда, менялись: он бывал то неопытным, то нежным или задумчивым, но всякий раз — «тело хранителем».

Причем важно, как она произносила само это слово: «тело хранитель», какой смысл, сколько оттенков значения умудрялась подчеркивать, всякий раз настраивая офицера на то, что еще не все потеряно, что что-то там, на небосводе их странного мира взглядов и намеков, еще брезжит.

Рядом с виллой, на берегу моря, находился небольшой крытый бассейн, морская вода в котором при необходимости подогревалась, а в зал подавался сухой теплый воздух, напоминавший знойный воздух Африки. Мария-Виктория старалась

наведываться туда как можно реже. И не только потому, что в двадцати шагах от бассейна пенилась морская бухта. Бассейн заставлял ее вспоминать всё то, что произошло с ней на вилле «Карпаро», в бассейне которой унтерштурмфюрер СС Лилия Фройнштаг устроила ей допрос с пристрастием, закончившийся к тому же лесбиянским изнасилованием.

Воспоминание об этом, чуть не стоившем ей жизни инциденте, было неприятным для Сардони еще и потому, что впечатления от него, неприязнь к Лилии Фройнштаг как-то сами собой переносились и на Отто Скорцени, в которого она умудрилась влюбиться именно в те минуты, когда он вел её на расстрел.

24

Когда они спустились на первый этаж, в прихожей их вновь встретила Люция Роммель. Она стояла, прислонившись плечом к кафельной стенке камина, и судорожно стягивала на груди клетчатый шотландский плед. Внешне она выглядела спокойной и вела себя так, как и должна была вести себя истинная арийка, да к тому же супруга полководца, давно смирившаяся с тем, что большую часть жизни ее муж проводит в длительных походах. Однако её взгляд, её глаза...

Казалось бы, вполне мирная, житейская сцена: Эрвин Роммель, её фельдмаршал, в сопровождении двух генералов направляется к выходу, чтобы сесть в ожидавшую его машину. Она не знала, что именно привело сюда этих господ, но могла предположить, что генералы эти, в одном из которых Люция легко признала личного адъютанта Гитлера, вели с мужем какие-то важные переговоры, касающиеся его нового назначения. И вели их от имени фюрера или Кейтеля. И отбыть, очевидно, должны в Берлин. Одного только не могла понять: почему Эрвин уходит без своего походного чемодана, не попрощавшись? И почему так щемяще гложет её сердце какое-то странное предчувствие?

— Господа уходят, не пообедав у нас? — взволнованным голосом спросила она о том, о чем непременно должна спросить любая хозяйка, какие бы предчувствия её в подобные минуты ни охватывали.

— Спасибо за приглашение, фрау Люция, — поспешно ответил Бургдорф, пропуская мимо себя и даже слегка подталкивая в плечо говорливого Майзеля, опасаясь, как бы у судьи не разгорелся аппетит или как бы этот болтун не пустился в свои бесконечные рассуждения. — Перед приездом сюда мы с генерал-майором основательно перекусили.

Они оба оглянулись на Роммеля. Тот остановился у нижних ступенек и явно замялся, не зная, как преподнести жене свой уход, как его объяснить, не вызывая при этом никаких особых эмоций, проявления которых он не только не терпел, но и всячески пресекал. Именно поэтому и сам сцены прощания устраивать не решался, хотя на душе было муторно и гадко.

— Ты отправляешься в Берлин? — чуть подалась к нему Люция, однако руку от камина так и не оторвала, словно опасалась, что потеряет сознание.

— В Берлин, — машинально ответил Эрвин.

— Без вещей?

— Собственно, в Берлин мне предстоит отбыть чуть позже, — пробормотал фельдмаршал, чувствуя, что запутывается в своих объяснениях. — Сейчас я всего лишь провожу господ генералов. Они торопятся. Мы немного проедемся в машине, посмотрим окрестности. Всего несколько минут.

— Всего лишь несколько минут, — подтвердил Бургдорф, переглянувшись с Майзелем.

Они прекрасно понимали, что фельдмаршалу следовало бы дать несколько минут для прощания, но в том-то и дело, что это прощание нужно было как-то мотивировать, а к этому ни себя, ни Лиса Пустыни они так толком и не подготовили.

Неизвестно, как бы каждый из этих четверых повел себя в поисках выхода из этой странно затянувшейся сцены прощания, если бы наступившее молчание не было разорвано резким телефонным звонком. Аппарат находился здесь же, в гостиной, в небольшом полукруглом углублении, которое с внешней стороны было обозначено декоративной башней. Но понадобилось несколько напряженных мгновений, чтобы из всех, кто с удив-

лением и нерешительностью смотрел на телефон, к нему решилась подойти хозяйка поместья.

— Здесь Люция Роммель, — молвила она, не отрывая взгляда от уже сделавшего несколько шагов в её сторону мужа. — Слушаю вас, штандартенфюрер. Да, генералы Бургдорф и Майзель всё ещё у нас в доме. Почему до сих пор гостят? Не знаю, но мы рады были принять их.

— Это ещё кто такой?! — довольно громко проворчал адъютант Гитлера, вопросительно глядя при этом на «героя Африки». Ему явно не нравилось, что кто-то там интересуется его присутствием в Герлингене. Однако Эрвин в это время с надеждой смотрел на трубку в дрожащей руке супруги.

— Да, вместе с фельдмаршалом они собираются куда-то уходить. Этого я не знаю, очевидно, в Берлин. Впрочем, передаю трубку самому фельдмаршалу.

Не успела она произнести это, как Роммель буквально метнулся к телефону, выхватил трубку, проговорил: «Здесь фельдмаршал Роммель», однако ответа не последовало, и все попытки фельдмаршала как-то оживить телефонную связь ни к чему не приводили.

— Кто это был? — спросил он Люцию и, не дожидаясь, пока взволнованная женщина ответит, почти в ярости повторил: — Я спрашиваю, кто это звонил?!

— Полковник СС Брандт.

— Который из Брандтов? Адъютант Гиммлера?

— Адъютант, адъютант, — растерянно кивала небольшой, со взбитыми седеющими волосами, головкой Люция-Мария.

— Тогда почему ты сразу же не сказала, что звонил адъютант Гиммлера?! — почти взорвался он, набрасываясь на жену так, словно телефон умолк исключительно по её вине. — Почему сразу же не позвала меня?

— Вы же видели, фельдмаршал, — почему-то обратилась к нему супруга на «вы», — что я не успела сделать это. Точнее, позвала именно тогда, когда наступил соответствующий момент.

— Какой еще «соответствующий момент»?! Он уже давно наступил.

— И что конкретно он вам сказал, этот адъютант Гиммлера? — вмешался в их стычку Бургдорф.

— Как вы могли слышать, поинтересовался, находитесь ли вы и господин Майзель в нашем доме. Насколько я поняла по его тону, он был недоволен тем, что вы задерживаетесь у нас, но я объяснила...

— Ваши объяснения мы слышали, — прервал её адъютант фюрера. — Повторите слово в слово всё то, что говорил штандартенфюрер.

— Когда я сказала, что вы отправляетесь в Берлин, он спросил: «В Берлин?! В какой ещё Берлин?!», и всё, повесил трубку.

— С чего это вдруг он занервничал, этот штандартенфюрер Брандт? — подал голос доселе хранивший молчание Майзель, который всё ещё держался за спиной у Бургдорфа.

— Это не он, это Гиммлер занервничал, — объяснил ему фельдмаршал. — Знать бы, с чем это связано.

— Очевидно, с тем, что он только что беседовал с фюрером, — произнёс Бургдорф, внимательно изучая носки своих сапог. — И потребовал доложить, как у нас дела. Вот только дела у нас пока что никак, разве что Гиммлер сумеет обнадёжить фюрера.

— Значит, вы прибыли сюда по приказу Гиммлера? — спросил Роммель.

— Мы уже всё объяснили вам, господин фельдмаршал, — неожиданно жестко отреагировал Бургдорф. — Остались кое-какие детали, которые мы обсудим на свежем воздухе или в машине.

— Что-то здесь не то, Эрвин, — резко покачала головой Люция. — Эти господа что-то скрывают от тебя. Они что-то задумали. Немедленно позвони Гиммлеру или самому фюреру.

— Вот этого я бы вам, господин фельдмаршал, делать не советовал, — ступил Бургдорф в промежуток гостиной между Роммелем и телефонным аппаратом. — Искренне не советовал бы, из самых дружеских побуждений. Пусть всё идет тем чередом, который мы уже определили.

— Тем более, тебе нужно позвонить, Эрвин, — слабеющим голосом настаивала Люция.

— Это не вам решать, фрау Роммель! — прикрикнул на неё Майзель. — Не вам. Предоставьте решать фельдмаршалу и нам, что делать, кому звонить и как вести себя. Так будет лучше для всех, особенно для вас и вашего сына.

Люция аристократически вскинула подбородок и уже готова была поставить наглеца на место, но, взглянув на мужа, вдруг встретилась с его совершенно потускневшим взглядом. Это уже был не тот властный полководец, каким она привыкла видеть его в кругу генералов и старших офицеров. Вместо того, чтобы отчитать Майзеля как младшего по чину, а возможно, и выставить его из дома, фельдмаршал едва слышно проговорил:

— Выйдите, Бургдорф, нам хоть немного нужно побыть наедине.

— Только не тяните, Эрвин, — сухо и жестко предупредил его генерал. — Мы и так затянули всё это до крайнего неприличия. Того и гляди, у фюрера лопнет терпение.

— И что тогда? — с вызовом поинтересовался Роммель, словно бы вспомнив, кто он таков в иерархии рейха.

— Не советую идти тропой тех, кто подводил итоги своих бренных дней в подземельях Главного управления имперской безопасности на Принц-Альбрехтштрассе да на крючьях тюрьмы Плетцензее[1], — угрожающе проговорил Бургдорф, буквально выталкивая перед собой за дверь Майзеля. — Тех, чьи семьи превратились теперь в семьи предателей рейха со всеми вытекающими из этого последствиями. Не советую! Если в своих африканских песках вы разучились понимать ситуацию с полуслова, приходится говорить вот так, открытым текстом. Уж извините, фрау Роммель.

---

[1] Арестованных в штабе армии резерва на Бендлерштрассе отвозили для допросов в подземелья Главного управления имперской безопасности, расположенного на Принц-Альбрехтштрассе, а затем казнили на вбитых в стену крючьях тюрьмы Плетцензее. — *Примеч. авт.*

25

...Но в то утро княгиня вновь решилась спуститься в бассейн. Вот уже несколько дней над Генуэзским заливом метались шторма, время от времени сопровождавшиеся холодными ливневыми дождями — порой настолько холодными, что, казалось, где-то там, на Корсике и Сардинии, выпали снега, — и Сардони не выдержала. Приказала Матье, исполнявшему, кроме всего прочего, еще и обязанности истопника, оживить специальный обогреватель и позволить ей понежиться.

На вилле были две небольшие комнаты, доступ в которые всем ее обитателям, кроме шведки Кристины, занимавшейся уборкой, был строго-настрого запрещен. Однако включить в этот перечень бассейн Мария-Виктория почему-то забыла. Теперь она уже не помнит, какая именно надобность привела туда Нантино, как не помнит этого, очевидно, и он сам. Важно, что Сардони обнаружила его появление лишь тогда, когда еще один ее ненадежный «тело хранитель» оказался у борта бассейна и, похоже, не сразу заметил, что хозяйка виллы возлежит там на спине, закрыв глаза и раскинув руки, совершенно обнаженная.

— Извините, княгиня, но мне...

— Вам следовало бы тотчас же утопиться со стыда, мой «телохранитель», — съязвила княгиня, довольно быстро придя в себя от первой волны смущения. Но не поднялась с топчана, не потянулась за одеждой. — Вы не подумали о том, что мало ли чем может заниматься в теплом бассейне женщина, почти два месяца не знавшая мужчины?

— Ну что вы, княгиня!

— Вы, конечно, убеждены, что подобными вещами ваша княгиня в одиночестве заниматься не способна, — так и не позволила она ему высказать то, с чем Нантино собственно явился к ней.

— Нет, конечно. То есть да...

— И долго вы еще намерены рассматривать меня?

— Извините, ухожу. Всего лишь хотел сообщить, что в окрестностях виллы неспокойно.

— Вы так думаете? — Мария-Виктория продолжала лежать. Единственное, что она сделала при этом, — согнула правую, со стороны мужчины, ногу в коленке, прикрывая то самое интимное, что могло повергнуть Нантино в сексуальный трепет.

— Это очевидно, княгиня. В предгорьях постреливают. Там идут стычки.

— Кого с кем?

— С уверенностью сказать трудно. То ли муссолинисты поссорились с партизанами, то ли сами партизаны делят сферы влияния.

— Словом, никакой ясности. Тогда что же вы намеревались сообщить мне?

— Что в окрестностях виллы неспокойно, — в голосе охранника послышалось неприкрытое раздражение. Он стоял к ней спиной, чтобы тело не попадало в поле его зрения.

— Я догадывалась об этом задолго до вашего визита.

— Поэтому не мешало бы усилить охрану виллы.

— Так усильте.

— Усилить её можно, только связавшись с ближайшим постом корсиканцев, а то и со штабом батальона.

— Так свяжитесь.

— Это лучше было бы сделать вам.

— Вы же знаете, что к подобным звонкам я могу прибегать лишь в самых крайних случаях. А там, в предгорьях, корсиканцы развеивают мелкие группы партизан. Так что они уже выполняют свою миссию.

— Не уверен. По-моему, перестрелку затеяли не корсиканцы, а кто-то другой.

— Сути опасности это не меняет. Важно, что непосредственной угрозы вилле нет. И не думаю, чтобы партизаны решились осаждать ее. До сих пор они на это не решались.

— Вы полагаетесь на негласную договоренность представителей папы римского с представителями местных партизан, пообещавшими не причинять «Орнезии» вреда и вообще держаться от нее подальше?

— Так вы знаете об этой договоренности? — приподняла голову княгиня.

— Но не распространяюсь о ней.

— Благоразумно.

— Как благоразумно было бы не слишком доверять заверениям партизан.

— Даже данным под угрозой отлучения от церкви?

Нантино грустно улыбнулся. Он знал, что партизаны, действовавшие в окрестных горах, придерживались прокоммунистической ориентации, а потому угроза отлучения от церкви действовала на них, как на католика — запреты Будды.

— Впрочем, выстрелы и в самом деле затихли. Так что на сей раз, возможно, все обойдется. Еще раз прошу извинить мое вторжение, княгиня.

Марии-Виктории следовало бы промолчать и дать мужчине возможность покаянно покинуть ее. Но она этого не сделала.

...Конечно, Нантино следовало бы дать возможность уйти, все еще перебирала четки своих скабрезных воспоминаний княгиня Сардони. Но в том-то и дело, что отпустить его было непросто. Слишком уж взбудоражил этот итальянец ее воображение. Слишком подготовленной она оказалась к появлению здесь мужчины: не того, так этого. Будто дух его вызвала.

— Напрасно торопитесь покидать меня, вернейший из моих «тело хранителей», — съязвила Мария-Виктория как раз в ту минуту, когда Нантино направился к выходу, готовясь буквально выскочить за дверь.

— Но ведь... — остановился мужчина в растерянности. Оглядываться на оголенную хозяйку виллы он уже не решился, а потому не видел, как она не спеша поднялась и величественно, словно богиня в Лету, вошла в бассейн.

— Не оправдывайтесь, Нантино. Всякое оправдание в подобной ситуации только усугубляет вину мужчины. Признайтесь, что подсмотрели моё появление в бассейне, подстерегли меня. А перестрелка в горах — всего лишь неудачно избранный повод для вторжения.

— Вы правы, — мужественно подтвердил Нантино. — Бой неподалеку от виллы — всего лишь повод.

— Но не для того, чтобы уйти, — игриво предупредила Мария-Виктория, запрокинув голову. — Коль уж вам посчастливилось познать тайну внешней красоты женщины, почему бы не рискнуть еще раз, заглянув, что там у нее в душе...

— В душе?! — удивленно переспросил Нантини, заставив Марию-Викторию снисходительно пройтись по нему всепрощающим взглядом.

— В душе, Нантино, в душе... Или для вас это вообще непостижимо?

— Когда я вижу перед собой оголенную женщину, всякая мысль о ее душе представляется мне кощунственной. Спасает только то, что никакой членораздельной мысли в эти мгновения у меня, как правило, не возникает.

— Вот именно, «членораздельной», — передразнила княгиня, подплывая поближе к мужчине. — И хотя произнести это вслух она не решилась, Нантино и сам понял, что странный диалог с Марией-Викторией подошел к той опасной черте, за которой ему то ли следует — обласкав и изнежив — позаботиться о теле женщины, то ли найти в себе мужество вспомнить о ее... душе.

Искоса взглянув на Сардони, он почему-то нервно поправил кобуру пистолета, словно опасался, что выходить отсюда придется, отстреливаясь последними патронами.

— Что это вы так растерялись, храбрейший из моих «тело хранителей»? Успокойтесь, в бассейн нырять вам не придется. Любовь посреди волн для меня уже пройденный этап. Но вы все же разденьтесь.

— То есть? — Сардони понятна была растерянность офицера: до сих пор она ни разу не давала ему повода даже помышлять о близости с ней. Тем не менее, настоятельно посоветовала: — Разденьтесь, «тело хранитель», разденьтесь. Видите, вон там, в углу, матрасы? Так не поленитесь же, расстелите любой из них.

— Но сюда могут войти.

— В какой последовательности вам всё это видится: вначале вы расстелите матрас, а потом закроете дверь и разденетесь или вначале разденетесь, а уж потом позаботитесь о двери?

Ничего не ответив, Нантино подошел к оградке, за которой покоились обшитые прорезиненной тканью матрасы, и один из них перенес поближе к «омывальнице» княгини.

Увидев это, Сардони вышла из бассейна на противоположную от Нантино сторону и, растирая смугловатое тело длинным полотенцем, направилась к брачному ложу. К тому времени Нантини уже разобрался с дверью, и теперь, стоя в трех шагах от матраса, нервозно пытался разобраться с одеждой, что оказалось для него почти непосильным.

Подойдя к ложу, девушка бросила на него свой теплый халат, затем ступила на него и подождала, пока смирившийся со своей судьбой офицер приблизится.

— Странно всё это, мой «тело хранитель», — по-своему подбодрила его Мария-Виктория. — Судя по всему, несмотря на рекомендации, полученные по поводу вас от самой «папессы», я, очевидно, вынуждена буду разочароваться.

Только напоминание о Паскуалине вывело итальянца из какого-то странного оцепенения. Передернув плечами так, словно освобождался от пут, он опустился перед Марией-Викторией на колени и обнял за ноги.

— Не заставляйте меня разочаровываться в вас, мой преданный, искушенный в любовных делах «тело хранитель», — простонала она уже тогда, когда поняла, что повода для истинного, а не притворного разочарования этот страстный сицилиец ей не даст. — Только не заставляйте разочаровываться.

Это были счастливые минуты ее женской самоуверенности. Она и мысли не допускала, что мужчина может разочароваться в ней. А ведь раньше такой грешок за ней водился: комплексовала.

Потом, уже возлегая на матрасе, Сардони не раз вспоминала прозрачные намеки Паскуалины и весьма сожалела, что не прислушалась к ним сразу же, невозвратимо потеряв уйму времени.

Однако прошло несколько дней, и все повторилось. После еще двух столь же страстных возлежаний в руке княгини вновь появился пистолетик.

— Никогда больше, — сказала она Нантино. — Даже думать не смейте. По глазам догадаюсь, что мечтаете о близости со мной, тотчас же пристрелю.

— В таком случае уже сейчас можете повнимательнее присмотреться, — хватило у сицилийца мужества достойно выйти из игры, — и со спокойной совестью стрелять.

Как и предыдущие, встреча эта происходила в крытом бассейне, поскольку у них обоих просто фантазии не хватало заниматься любовью еще где-либо.

— Гнусный «тело соблазнитель», — мелочно отомстила ему княгиня.

— Боже упаси, никаких греховных помыслов.

— Соблазнитель, — еще более решительно настояла на своём Сардони. — И таковым были всегда по отношению ко всем, вами совращенным.

— Но так хорошо, как с вами, мне было впервые.

— Мне тоже. Тем более что мне с вами... вообще было впервые.

— Тогда в чём дело? — появился в глазах Нантини тот проблеск надежды, за который в него действительно хоть сейчас можно было разрядить всю обойму.

— Именно в этом... что мне с вами таким вот способом вообще было впервые...

26

— О чём это он? — ещё более встревоженно спросила Люция, когда дверь за генералом Бургдорфом закрылась.

— Никому из них не хочется, чтобы я оказался под арестом, — ответил фельдмаршал, глядя куда-то в занавешенное пожелтевшей кроной дуба окно. — Все они, в том числе и фюрер, опасаются этого. Они этого попросту боятся, поскольку уже боятся не только русских, но и собственных солдат.

— А за что это маршал Роммель, прославившийся на весь мир своими сражениями в Африке, вдруг должен оказаться под арестом?! — воинственно подбоченилась Люция, которая никогда и никому не позволяла забывать, чья она супруга, и что сделал для рейха её «знаменитый полководец Роммель».

Эрвин подошел к стоявшему у камина столику, налил из графина немного вина и залпом выпил его.

— Они считают меня одним из главных заговорщиков, которые пытались выступить против фюрера.

— Но ведь ты не был этим самым «главным заговорщиком». Гитлера ты недолюбливаешь, это известно всем. Недолюбливаешь уже хотя бы потому, что знаешь его ближе многих других, поскольку возглавлял его личную охрану. Но большинство генералов недолюбливает его точно так же.

— Кто-то из арестованных во время допроса в гестапо сказал, что именно моя кандидатура рассматривалась в качестве преемника фюрера после убийства Гитлера.

Глаза Люции округлились от ужаса. Она поддерживала связь с женами многих фельдмаршалов и генералов, была в курсе того, как жестоко прошлись по ним развязанные Гитлером репрессии не только против самих заговорщиков, но и против всех тех, кто им сочувствовал или был заподозрен в сочувствии.

— Если фюреру об этом доложили, он тебе не простит, такого он не прощает, даже если никаких прямых доказательств твоей личной измены не получит. Хотя, знаешь, — с опаской взглянула она на дверь, — я больше боялась не этого.

— А чего... ты боялась?

— Тех сокровищ, которые ты доставил для фюрера из Северной Африки и от которых тебе ровным счетом ничего пока что не досталось.

— Да при чём здесь сокровища?! — нервно передёрнул плечами фельдмаршал. С уст жены уже не впервые срывался упрёк по поводу того, что он не сумел правильно распорядиться теми сокровищами, что протекали мимо его рук, словно песок сквозь пальцы. — Все они спрятаны, приказ мною выполнен.

— Разве ты не знаешь, что их называют не как-нибудь, а «сокровищами Роммеля»? Как только я впервые услышала об этом, у меня сердце сжалось от страха, — Люция подошла к графину, налила вина себе и мужу, и молча, не дожидаясь реакции Эрвина, опустошила свой бокал. — Ведь совершенно ясно, что, пока Роммель жив, ни Гитлер, ни Геринг с Гиммлером, не говоря уже о Бормане, не будут чувствовать себя полноправными владельцами этих сокровищ.

Роммель задумчиво повертел ножку бокала и рассеянно ухмыльнулся каким-то своим, совершенно безрадостным мыслям. «А ведь она права, — признал Лис Пустыни. — Возможно, теперь они пытаются убрать меня скорее не как соучастника заговора, а как хранителя тайны «сокровищ Роммеля». Он хотел высказать это вслух, но в это время в дальнем углу зала открылась задрапированная тканью дверь и вошел унтер-офицер Штофф.

— Прошу прощения, господин фельдмаршал, — взволнованно проговорил он, понимая, что вторгся в какой-то важный разговор, а может, и в сцену прощания. — Я вошёл с черного хода, через подвал. И пробирался по ложбине через парк.

— Что значит «пробирался»?

— А то, что всё поместье оцеплено эсэсовцами. Нельзя сказать, чтобы они стояли стеной, мне, как видите, удалось проскочить, но их здесь немало, они контролируют подъезды. И я заметил двух высоких чинов. Вы понимаете, о чём свидетельствует это оцепление? Они хотят арестовать вас.

— Спасибо вам, унтер-офицер.

— За что благодарность, господин фельдмаршал? Я всего лишь...

— За солдатскую преданность. За верность. Но, думаю, что речь идёт не об аресте. Им важно склонить меня к самоубийству или же они попытаются имитировать моё самоубийство.

— О господи, Эрвин, что же нам делать?! — молитвенно сложила руки на груди Люция. — Они ведь действительно могут убить тебя.

— У меня была тысяча возможностей погибнуть, — резко отреагировал Роммель. — Забыла, чья ты супруга? Никаких возгласов и истерик, поскольку я этого не терплю.

— Поэтому предлагаю уходить черным ходом, — вполголоса посоветовал Штофф. — Снимите плащ и френч, набросьте что-нибудь гражданское — и ни минуты не мешкая... Я проведу вас до калитки в конце парка или к пролому метрах в двадцати от нее, там овраг. А потом можно будет позвонить фюреру и поговорить с ним, заверить его. Уверен, что фюрер...

— Нет, — прервал его Роммель.— Поздно. Фельдмаршал Роммель не может пасть до того, чтобы прятаться где-нибудь по чердакам, чтобы его разыскивали как предателя и дезертира, и чтобы к его жене и сыну относились как к семье предателя.

— Но ведь они убьют вас! — изумленно произнес унтер-офицер, наблюдая, как фельдмаршал, не стесняясь его, прощально обнимает жену.

— Такого удовольствия мы им не доставим, — ответил фельдмаршал, прощально целуя притихшую, заплаканную супругу в щеку. — Роммель уйдет по-солдатски, и это заставит фюрера и всё руководство рейха проститься с ним, как подобает прощаться с фельдмаршалом.

Услышав это, Люция отшатнулась от мужа, отступила на шаг, осмотрела с ног до головы, словно по-женски оценивала его готовность к параду, и неожиданно для обоих мужчин произнесла:

— Вы правы, фельдмаршал: Роммель должен уходить так, чтобы Европа сказала: «Он ушел так же мужественно, как и воевал».

Всего лишь несколько мгновений понадобилось старому вояке, чтобы осмыслить сказанное супругой и прийти в себя.

— Вот теперь я вижу, что моя жена — истинная арийка.

— Всегда старалась быть ею, — сквозь слёзы улыбнулась Люция.

Ничего не ответив жене, Роммель метнулся на верх, в свой кабинет. Люция и унтер-офицер мельком переглянулись и уставились на вершину лестницы. Штофф хотел было податься

вслед за фельдмаршалом, к которому в последнее время очень привязался, однако хозяйка поместья перехватила его за рукав и заставила стоять. В течение нескольких минут они настороженно прислушивались, ожидая, что из кабинета вот-вот донесётся роковой выстрел.

— ...Правильно, я тоже подумал было, что следует пустить себе пулю в висок прямо здесь, — вновь появился на лестнице фельдмаршал, теперь он был в парадном черном плаще и с маршальским жезлом в руке, — но отказался от этой затеи. Тогда это и в самом деле выглядело бы как банальное, трусливое самоубийство, — на ходу произнёс он. — К тому же захотелось в последний раз взглянуть на Гору Крестоносца.

— Мы будем помнить, что это ваша любимая гора, — взволнованно молвил Штофф. — Мы вообще будем помнить о вас. Все, кто вас знал, кто под вашими знамёнами служил.

Роммель приблизился к унтер-офицеру и благодарственно потрепал его по плечу. Сейчас он относился к Штоффу, как относятся к последнему из живых, оказавшемуся рядом с тобой в окопе перед последней, гибельной атакой врага.

— Поскольку ареста пока что не состоялось, а следовательно, обыска сегодня не предвидится, — обратился он к супруге, уже направляясь к двери, — собери и спрячь все мои бумаги, особенно дневники. Возможно, когда-нибудь их захотят изучить и даже опубликовать.

— Соберу, спрячу и сохраню[1], — кротко, но в то же время мужественно пообещала Люция, направляясь вслед за ним.

— Все, прощайте унтер-офицер, прощай Люция. Во двор вслед за мной не выходите. Через пятнадцать минут, Люция, меня, скорее всего, не станет[2]. Но ты должна знать, что никто не смеет считать меня трусом или предателем рейха. А ещё ты

---

[1] Супруга фельдмаршала Люция-Мария Роммель сдержала своё слово. Она не только сохранила бумаги полководца, но и сумела в 1950 году опубликовать их в Германии, так и назвав эту подборку записей фельдмаршала — «Бумаги Роммеля». — *Примеч. авт.*

[2] Таковыми и были последние слова фельдмаршала, обращенные к своей жене. — *Примеч. авт.*

должна знать, что из жизни я ушел по своей собственной воле, как подобает солдату, выстрелявшему все патроны.

27

«...Однако хватит предаваться воспоминаниям», — попыталась урезонить саму себя княгиня Сардони, услышав, что на сей раз выстрелы прогремели почти рядом с виллой, и постепенно фронт стрельбы расширялся, смещаясь к югу и как бы охватывая «Орнезию» полукольцом — от предгорий до залива.

«Что происходит сегодня в окрестностях виллы?!» — заволновалась княгиня, ворочаясь в постели. Впрочем, стрельба вызывала у нее не столько страх перед возможным нападением на «Орнезию», сколько раздражение по поводу того, что её отвлекали от эротических грез.

Нажав на вмонтированную рядом с ложе кнопку звонка, Сардони вызвала к себе шведку. По тому, что Кристина уже была облачена в униформу, очень напоминающую одеяние английских десантников, Мария-Виктория определила, что эта волевая женщина готова к ночному бою. Свой автомат Кристина, очевидно, оставила за дверью.

— По-моему, пора потревожить наших мужчин, — сказала Сардони, не поднимаясь и не прикрывая оголенного тела. В спальне было не настолько темно, чтобы шведка не могла рассмотреть ее наготу.

— Они давно заняли свои места в опорных башнях. Итальянок и немку я тоже вооружила. Кстати, вчера оказалось, что немка неплохо стреляет из фаустпатрона. У нас их осталось четырнадцать.

«Подарок штурмбаннфюрера Умбарта, — с признательностью вспомнила Сардони. — Маловато, если учесть, что опорных башен у нас шесть, но все же...»

— Где сейчас этот женский батальон?

— Пока держу в резерве. Раненые, доставка боеприпасов, и на тот крайний случай, если партизаны всё же прорвутся.

— Только предупреди, чтобы мои служащие зря в драку не встревали. Во-первых, они ещё нужны мне, а во-вторых, мне

нужна вилла, а не античные руины. Возьми с собой Герду. Обойдите башни, посмотрите, не уснули ли там наши мужчины?

Крепостная стена, угрожавшая превратить виллу в укрепленный замок, возводилась по внутреннему обводу высокой старой ограды, копьеобразные прутья которой были вмурованы в бетонное основание и декоративные бетонные башенки. Между этими двумя ограждениями оставался небольшой просвет, в который охрана и рабочие втиснули выложенные из дикого камня и мешков с песком опорные пункты. Если бы рабочие успели к этому времени установить новые металлические ворота, создание бурга[1] можно было бы считать завершенным. Однако ни со стороны моря, ни со стороны шоссе крепостных ворот еще не установили, а решетчатые ворота ограды особого доверия не внушали.

Как коменданту этой странной крепости Марии-Виктории приходилось лишь сожалеть, что заводишко металлических изделий, существовавший в ближайшем городке, всё ещё оставался допотопным, а потому заказ её выполняли крайне медленно. Тем не менее, бург готовился к обороне.

— В любом случае вам лучше одеться и спуститься в подземелье, — посоветовала Кристина, вновь мельком оглядывая оголенное, разнеженное томной духотой ночи тело хозяйки «Орнезии». Однако на сей раз княгиня уловила в нем нечто более вызывающее, нежели обычные женская зависть или женское любопытство.

— Я не намерена прерывать свой ночной отдых из-за того, что где-то постреливают. Тем более что постреливают нынче чуть ли не каждую ночь.

— Мужественная вы женщина.

— И только? — с лесбийской игривостью огорчилась Сардони. — Вы, Кристина, меня явно недооцениваете.

---

[1] Бург — средневековый, укреплённый, то есть имеющий обводную стену замок. Некоторые из бургов имели также обводные рвы. Со временем вокруг большинства бургов появились населённые пункты, и даже большие города, получившие свои названия от бургов: Страсбург, Питсбург, Петербург. — *Примеч. авт.*

— Боюсь выглядеть в ваших глазах льстицей.

— Напрасно. Единственное, чего никогда не следует опасаться, — так это лести. Даже самые убежденные враги будут признательны вам.

— Вы не только мужественны, но и красивы.

— Обойдите посты, Кристина, — внушающе приказала Сардони. — Жду вас через двадцать минут.

— Кстати, вы говорили о том, что сегодня или завтра должен прибыть со своими диверсант-курсантами некий русский полковник, — напомнила ей шведка, уже покидая спальню. — Так, может, это он и пробивается через партизанские заслоны?

«А ведь точно, — вспомнила княгиня о звонке из Берлина. — Адъютант Скорцени сообщил, что на виллу с группой коммандос должен прибыть некий русский супердиверсант, прошедший всю Россию, от Маньчжурии до Германии. Он попытается прочесать окрестности виллы и оттеснить партизан. Очевидно, он попал в засаду и теперь не может прорваться сюда. После разговора с гауптштурмфюрером Родлем Сардони потом еще долго блуждала взглядом по карте, пытаясь проследить маршрут рейда полковника Курбатова, и не поверила, что такой переход — по тылам, с боями — вообще, в принципе, возможен. Горные хребты, реки, таежные массивы... Преодолеть всё это, нападая на местные гарнизоны и охрану эшелонов, взрывая и уходя от погони... Всему есть предел.

«Всему есть предел», — повторила про себя княгиня, однако последовать совету шведки и, если не спуститься в бункер, откуда тайные ходы вели к пирсу и в сторону гор, то хотя бы одеться, не пожелала. Воспользоваться орнезийским убежищем она всегда успеет.

Раньше каждый вечер над заливом появлялись американские или английские самолеты. Но со временем пилоты перестали резвиться над её головой. Однажды звено англичан даже пыталось разнести в клочья виллу и яхту. После этого «бедному, вечно молящемуся монаху Тото» и капитану Грегори в одном лице пришлось усмирять этих вояк по своим каналам, через Лондон. Там извинились за небесных оболтусов, которым четко

было приказано вообще избегать полетов над виллой и бухтой «Орнезия», облетая их чуть ли не по соседним параллелям и меридианам. Что, однако, не помешало летчикам уже дня через два вновь появиться над бухтой. Правда, на сей раз обошлось без бомбометаний. Пилоты всего лишь полюбовались загорающими на палубе «Мавритании» Марией-Викторией, Кристиной и недавно появившейся у них красавицей Гердой — ладно скроенной, мускулистой саксонкой. Да ещё с издевкой помахали крыльями Морскому Пехотинцу, пытавшемуся отпугнуть — именно отпугнуть, а не поразить их — двумя очередями из бортового пулемета.

— Это был всего лишь визит вежливости, по-английски, — объяснился потом вместо них Тото-Грегори. — Очевидно, до летчиков каким-то образом дошли слухи о скрывающемся здесь женском секс-интернационале.

— Если подобные визиты будут продолжаться, нам придется расстрелять вас как английского офицера на глазах у соотечественников, — предупредила его Сардони, и, зная суровость этой германской итальянки, Грегори не усомнился в том, что она и в самом деле обдумывает подобный вариант, воспользоваться которым ей не помешают никакие земные и небесные силы. — Причем сделаем это прямо на палубе яхты.

— В таком случае перед вами самая невинная и бессмысленная жертва Второй мировой, — кротко заметил Грегори. — На всякий случай вновь свяжусь с Центром, пусть лучше мои соотечественники развлекаются, расстреливая своих разболтавшихся пилотов.

— Судя по всему, у Тото действительно состоялся богоспасительный разговор со своим центром, поскольку на этом визиты вежливости «поднебесных томми» прекратились.

...К слову, перед Тото княгиня Мария-Виктория «пала» еще до появления их обоих на вилле. Но тогда это было сугубо платоническое падение. Симпатичный, подтянутый, холеный, время от времени артистично щеголяющий в своих монашеских одеяниях... Тото-Грегори представал перед ней в образе романтического ангела войны, эдакого странствующего рыцаря-

крестоносца Второй мировой. Кто знает, может быть, виной всему и есть это его агентурно-разведывательное монашество?

В «Орнезии» княгиня повела себя с Тото так, словно «ничего такого» между ними никогда раньше не случалось. Это немало удивило англичанина, если только этого педанта вообще что-либо способно было по-настоящему удивить и заставило вновь, еще упорнее, изысканнее искать сближения с ней. И хотя хозяйка противилась, ему это всё же удалось.

Повторно она пала лишь несколько дней назад. Так уж случилось. При этом чувствовала, что с любым другим, пусть даже самым неприметным из мужчин «Орнезии», ложиться в постель ей было бы приятнее, чем с ним — красивым и убийственно благовоспитанным. В чем тут секрет, этого Мария-Виктория понять так и не смогла. Было в этом человеке нечто такое, что если и не отталкивало от него, то в значительной степени охлаждало — всякое чувство близости, чувство привязанности...

Однажды вечером Мария-Виктория устроила вечеринку, на которой легкомысленно позволила себе пофлиртовать с Тото. В общем-то, её куда больше привлекал Морской Пехотинец. Но тот держался замкнуто, отчужденно, безвольно уступая ее англичанину. А это оскорбляло. Тем временем полумонах-полуразведчик решил, что звездный час его пробил, и как только все разошлись по своим комнатам и двум флигелям, которые Морской Пехотинец называл «флигель-казармами», рискнул явиться к ней прямо сюда, в спальню.

Сколь ни странным казалось это самой княгине, ни с одним мужчиной в своей спальне она до сих пор не была. Так уж случалось, что любовные интриги её обычно завершались на яхте, на Скале Любви, в бассейне, в машине, наконец. Словом, где угодно, только не в спальне. Открыв для себя эту странность, Мария-Виктория решила, что за этим что-то скрывается, некий знак свыше, перст судьбы. Никогда раньше она не сознавала себя фаталисткой, а тут вдруг ее повело на принципы, святость и фетиши.

Так и получилось, что ложе, на котором она сейчас возлежала, представало теперь в фантазиях неким пока что не освя-

щенным кровью жертвенником, любовным табу, с ею же самою созданными легендами о порочной непорочности. Подчиняясь канонам этого табу, Мария-Виктория намеревалась разделить ложе только с тем, кого сможет назвать любимым.

Нет, Сардони, конечно, прекрасно понимала, что слишком уже предается романтике, что не ей — сто раз падшей и соблазненной — превращать свою спальню в келью девствующей монашенки, и тем не менее...

— Как я должна истолковывать ваш визит, мой досточтимый англосакс? — поинтересовалась она, когда, постучав, Грегори возник на ее пороге.

— Решил хоть раз увидеться с вами в этом святилище, — объяснил Грегори, основательно подрастерявшись. — Даже для самых любимых вами мужчин ковчега под названием «Орнезия» вход сюда запрещен. Согласитесь, это провоцирует любопытство.

— Так вас привело сюда любопытство? Только любопытство — и ничего более? — Мария-Виктория всё еще сидела в кресле рядом с кроватью, с бокалом в руке, и капитан не мог понять, то ли она действительно вошла сюда, чтобы предаться сну — но тогда почему с бокалом вина? — то ли кого-то намерена дождаться. Но кого именно: все, кроме него, уже отправились по флигель-казармам, уводя с собой двух итальянок, немку и шведку.

— И еще желание видеть вас, — не очень убедительно оправдался капитан. — Как-никак мы знакомы...

— Боже мой, — не слушала его властительница, — бедная княгиня Сардони! Это ж надо было дожиться до ночи, когда один из красивейших мужчин Англии врывается к тебе, гонимый не любовью, не испепеляющей страстью и даже не грубой мужской похотью, а всего лишь примитивнейшим любопытством. Можете считать, что убили меня, капитан.

— Беру свои слова обратно, княгиня. Я пришел во имя любви.

— Но я не прошу вашей любви. Не прошу и не ожидаю ее.

— Чего же тогда может ожидать женщина после попойки, восседая на кровати с бокалом вина? Непорочного зачатия?

— Непорочного? — вдруг словно бы пришла в себя Мария-Виктория. — Непорочного — нет! — И Грегори показалось, что она попросту испугалась, как бы он не ушел. — Только не непорочного.

— Вот теперь я узнаю вас, — решил капитан, что женщина еще недостаточно пьяна, чтобы позволять ей произносить цицероновские речи, но уже достаточно захмелела, чтобы можно было раздевать ее прямо в кресле. Именно это он и намеревался сделать. Погасив свет, Грегори бесцеремонно отобрал у нее бокал и залпом осушил его.

— Все, теперь вы удовлетворили свое любопытство? — иронично обожгла его Сардони. — И даже слегка разочарованы: вино как вино. Нет, чтобы с кураре...

— Понимаю, с кураре у вас подают по воскресеньям. Нет, разочароваться я еще не успел, — от волнения Грегори перешел на английский, но княгиня прекрасно поняла его. Как понятны ей были и намерения капитана, при свете луны решившегося постепенно оголять ее плечи, грудь... Ох уж это предательское ночное любопытство! Это оно заставило одну руку мужчины поползти под платье, другую — прикипеть к ее груди.

Откинувшись в кресле, Мария-Виктория подставила лицо лунному сиянию и безропотно воспринимала весь набор интимных игр англичанина в том порядке и той неспешности, в каких он их себе представлял. При этом ни одно движение, ни один поцелуй не возбудил княгиню. Она, пылкая полуитальянка, по-прежнему оставалась холодной, как скала у берегов туманного Альбиона:

— Ваше любопытство распространяется даже на столь недостижимые области женского тела? — соизволила она хоть как-то отреагировать, почувствовав, что англичанин уже умудрился избавить ее от трусиков, швырнув их куда-то на середину комнаты.

— Прекратите издеваться! — вдруг вскипел Грегори и, вместо того чтобы тотчас же наброситься на женщину, начал ворчать, объясняться и путаться в складках ее одежды.

— Что вы так нервничаете, бедный, вечно молящийся монах То-то? — с убийственным спокойствием поинтересовалась Мария-Виктория, наливая себе вина. — Лучше сходили бы за бокалом, так уж и быть — угостила бы вас.

— Что с вами, княгиня?

— А с вами, капитан?!

— Почему вы так ведете себя со мной? И почему именно со мной? С другими, насколько мне известно...

— Я не с вами «веду себя так», а с мужчиной, который мне совершенно безразличен и который, увы, не вызывает у меня абсолютно никаких эмоций. Будь он даже английским фельдмаршалом.

— Понятно: демонстрация национального невосприятия.

— Ну что вы, капитан! Даже американцу... одному простила его несдержанность. И, как видите, ничего...

— Идите вы к дьяволу, — прохрипел Грегори. Вновь отобрал у княгини бокал, отпил, поставил на стол и принялся за нее саму.

— Если бы вы еще подсказали мне, что именно вы пытаетесь изобразить, насилуя меня в этом кресле, возможно, каким-то образом я сумела бы помочь вам, мой лихой капитан.

— Прекратите болтовню, княгиня! — взревел Тото, все еще путаясь в хитроумных туалетных ловушках.

— Это не болтовня, — опять дотянулась Мария-Виктория до бокала, — а всего лишь искреннее желание хоть как-то помочь партнеру.

— Спасибо, сам как-нибудь справлюсь, — Грегори действительно попытался справиться с ее ногами, которые явно казались ему сейчас лишними, но как раз в момент, когда он уже был очень близок к цели, Сардони так расхохоталась, что бедный капитан зашелся пóтом и на какое-то время оставил ее в покое.

— Все же вы пытаетесь мстить мне.

— Почему только пытаюсь? По-моему, уже мщу. Хотя, согласитесь, вы ведете себя так, словно всё, что вы проделываете с моим платьем и моими ножками, меня абсолютно не касается.

Что совершенно несправедливо. Я тоже должна иметь к этому хоть какое-то отношение.

— Плата за несдержанность, проявленную мной тогда, в машине, когда вы стали моей. — Он уселся на ковре, как отвергнутый пес — у ног охладевшей к его ласкам и скулению хозяйки. Теперь он лакал вино прямо из горлышка, и одежда его была растерзана так, что не ясно было, кто кем пытался овладеть.

28

Докладывать Гиммлеру о своём звонке в поместье Роммеля штандартенфюрер Брандт не спешил. Он считал, что и докладывать, собственно, нечего. Да, Роммель пока что жив, но, коль Бургдорф уже в Герлингене, значит, ждать придётся недолго. Так зачем торопиться с докладом? Нужно подождать и через какое-то время позвонить ещё раз. Если только сам генерал Бургдорф будет тянуть с докладом. Да и фюрер события, вроде бы, не торопит.

Однако адъютант ошибался. Не прошло и десяти минут, как Гиммлер вызвал его к себе и, расстреливая взглядом из-за мутноватых стёкол очков, спросил:

— Вы звонили в поместье Роммеля?

— Да, я беседовал с фрау Люцией Роммель, однако...

— То есть фельдмаршал всё ещё жив? — прервал его рейхсфюрер СС.

— На момент моего звонка...

— Почему он всё ещё жив? — вновь не позволил ему договорить командующий войсками СС. — Какого дьявола Бургдорф тянет с исполнением приговора?

— Разве приговор уже был оглашен? — не удержался адъютант.

— Геббельс когда-то изрёк, что когда фюрер говорит, то это действует как богослужение. Я же позволю себе сказать, что нет в рейхе высшего и окончательного приговора, нежели приговор, вынесенный кому бы то ни было из нас самим фюрером.

— Не смею оспаривать. По-моему, Бургдорф оказался слишком деликатным и мягкотелым для исполнения такого приговора. И потом, фрау Роммель заверила меня, что он увозит фельдмаршала в Берлин.

— Только не в Берлин, штандартенфюрер! Только не в Берлин! Здесь он сейчас не нужен.

— Фрау Роммель я сказал то же самое. Думаю, у Бургдорфа хватит ума не допустить того, чтобы Роммель оказался в приёмной фюрера.

— Но если он всё же окажется там, то не исключено, что сможет убедить Гитлера, что опасаться его нечего. У этого фельдмаршала — особый магнетизм, он обладает способностью убеждать.

— Мне плевать на его магнетизм, Брандт. Но если Бургдорф допустит, чтобы Роммель вновь навестил столицу, подносить ампулы с ядом придется вам, причём обоим сразу.

Услышав эту угрозу, Брандт побледнел и взмолился, чтобы Господь укрепил дух Бургдорфа и Майзеля. Он уже хотел уходить, но в это время ожил коричневый телефон правительственной связи, украшенный большим черным орлом.

— Это фюрер, — обронил Гиммлер, прежде чем снять трубку. — Задержитесь, это может касаться нашего Лиса Пустыни.

Командующего войсками СС ничуть не удивило, что с ним фюрер вёл себя так же, как только что он вел себя со своим адъютантом. Узнав, что Роммель всё ещё не «вкусил щедрот» гестаповских отравителей, он никакие объяснения выслушивать не пожелал. Сообщение о том, что Роммель может оказаться в Берлине, тоже чуть ли не повергло его в ярость.

— Кто конкретно занимается сейчас этим африканским мавром? — едва сдерживая себя, поинтересовался фюрер.

И тут вдруг Гиммлер обнаружил, что неспособен вспомнить имен генералов, которые находились сейчас в Герлингене. Увлёкшись психологическим натиском на своего адъютанта, он впал в одно из тех «именных беспамятств», в которые в последнее время впадал всё чаще и во время которых фамилии подчинённых вспомнить всё труднее и труднее.

— Как и было приказано вами, убрать фельдмаршала было поручено вашему... — нервно пощелкал он пальцами, обращаясь к Брандту.

— ...Адъютанту Бургдорфу, — подсказал тот.

— Да, генералу Бургдорфу.

— Ничего такого Бургдорфу я не поручал, — вдруг четко, произнося каждый слог, проговорил Гитлер.

— Простите, мой фюрер?..

— Не заставляйте меня повторять! — теперь уже по-настоящему взорвался Гитлер. — Лично я никогда и никому убирать Роммеля не приказывал! Вы слышите меня, Гиммлер?!

— Да-да, мой фюрер, я понимаю, что...

— Нет, вы так ничего и не поняли из наших бесед! — взбешённо прокричал вождь Великогерманского рейха. — Высшая истина рейха заключается в том, что ко всему, что уже произошло или еще только должно произойти с фельдмаршалом Роммелем, лично я как фюрер никакого отношения не имею.

— Именно так я и воспринял ваш... — еле удержался Гиммлер, чтобы не употребить слово «приказ», — простите, я хотел сказать: «Наше общее мнение», — окончательно запутался в этой словомаскировке командующий войсками СС.

— И запомните: не должно произойти ничего такого, что заставило бы меня услышать о том, что Роммель томится в приёмной рейхсканцелярии.

— Этого не произойдет ни при каких обстоятельствах, — как можно твёрже и увереннее молвил Гиммлер.

Фюрер умолк, и Гиммлер решил было, что он положил трубку, но тот вдруг совершенно иным, более рассудительным голосом спросил:

— Кстати, о «корсиканском завещании» фельдмаршала нам известно всё, что должно быть известно?

И вновь оказалось, что к четкому и ясному ответу Гиммлер не готов. Он, конечно, понимал, что речь идёт об африканских сокровищах Лиса Пустыни, затопленных где-то в районе Корсики, но смутно представлял себе, где именно и кто обладает

полной информацией о них. И тогда, понимая, что затягивать с ответом крайне опасно, рейхсфюрер СС произнёс то единственное, что могло спасти его сейчас:

— Известно далеко не всё. Но если мы поручим эту операцию Отто Скорцени...

И расчет оказался верным: при упоминании имени своего личного агента по особым поручениям Гитлер почти мгновенно впадал в глубокое смирение, очевидно, неоспоримо уверовав, что Скорцени способен решить любую проблему рейха.

— Так поручите ему как можно скорее, пока еще в живых остаются хоть какие-то участники этой акции. Причем напомните ему от моего имени, что корсиканские сокровища принадлежат рейху, и только рейху, а не кому бы то ни было конкретно. И что это — задание особой секретности.

29

...«Бедному, вечно молящемуся монаху Тото» княгиня Сардони так и не ответила, но мстила он за ту беспардонность, которую он однажды допустил, решив, что имеет право вести себя с ней, как с уличной девкой. Однако месть эта была не столько принципиальной, сколько сугубо интуитивной. Сардони вовсе не собиралась выяснять отношения капитана к себе и вообще суесловить по этому поводу. Как не собиралась и отдаваться ему. По крайней мере, здесь, в спальне.

— Почему вы так тягостно молчите, княгиня? — нарушил молчание Тото, он же капитан Грегори.

— Наслаждаюсь вином.

— Отвратительная кислятина, какую способны пить только итальянцы.

— Когда после получаса борьбы и стенаний ворвавшийся к тебе в спальню мужчина так и не способен ни одарить тебя нежностью, ни доставить хоть какое-то удовольствие, поневоле приходится довольствоваться этой отвратительной кислятиной.

И тогда капитан предпринял последнюю, решительную попытку взять ее штурмом. Он вознамерился поднять ее на руки

и уложить в постель, но был остановлен такой отчаянной пощечиной княгини, что чуть было не уронил женщину на пол.

— Я ведь уже объяснила вам, что в спальне это происходить не может. Спальня для меня, как и для всякой прочей смазливой итальяшки, святое.

— Да? — потер щеку Тото, осторожно поставив женщину на пол. — Во-первых, не припоминаю, чтобы вы изрекали нечто подобное. А во-вторых, впервые слышу, чтобы для смазливых итальяшек спальня была святым местом. Именно там они все и греховодят. Как, впрочем, и смазливые англичанки.

— Смазливых англичанок не бывает, — мстительно возразила Мария-Виктория, по-прежнему предпочитая наслаждаться кислятиной, хотя Грегори уже основательно подраздел ее.

— Это вам так кажется.

— Смазливых... англичанок в природе не существует, — с большим упрямством стояла на своем Сардони. — «Смазливая» — это вообще не об англичанках. Они и слова такого не знают.

То ли пораженный ее беспардонностью, то ли ощутив вдруг, что вся страсть его иссякла, Тото вдруг обмяк, вновь опустился прямо на ковер и, закрыв лицо руками, несколько минут сидел так, раскачиваясь и что-то бормоча на своем англо-шотландском.

— Бывало, что у моих ног мужчины рыдали, бывало, клялись, угрожали, сулили золотые горы... Но чтобы, основательно подраздев, мужчина начинал молиться на меня, как на обнаженную Деву Марию, — такого в моей практике еще не случалось, — злорадно хохотнула Мария-Виктория. — Хотя... чего я рассчитывала дождаться от монаха? Он и есть монах.

— Чего вы добиваетесь от меня?

— Успокойтесь: уже всего, чего угодно, кроме любовной страсти.

— До сих пор мне казалось, что всё наоборот: это вы пытались чего-то добиться от меня.

— Каким же я был глупцом!

— Честно говоря, я так и не пойму, чего можно добиваться от женщины ночью в ее спальне? Ведь что такое женщина? — допивала она свою кислятину, с каждым глотком ощущая, что вино-то как раз вовсе не кислое и всё больше нравится ей. — Пока она вам улыбается и строит глазки — это еще кое-как согревает и настраивает. Но стоит ей раздеться и лечь в постель, как наступает сплошное разочарование. Дичайшее, должна вам заметить, разочарование. Так что мой вам совет: овладевайте женщиной где угодно, хоть в кратере вулкана, только не в постели.

На сей раз Грегори поднялся и какое-то время стоял над ней, по-пьяному пошатываясь. Сардони впервые всем естеством своим ощутила, что явно переиграла, и что в эти мгновения мужчина решает для себя: то ли прибить её, то ли швырнуть в постель и окончательно растерзать. Она, конечно, предпочла бы второй вариант. Но как теперь нацелить на него мужчину? Не раздеваться же в постели, чтобы и в самом деле убийственно разочаровать.

Судя по всему, Грегори избрал третий вариант: он схватил бутылку, решительно осушил ее почти до дна и, припечатав к столу, направился к двери.

— Английский десант ретировался за Ла-Манш, — невозмутимо прокомментировала это отступление Мария-Виктория. Какой-то дьявол всё еще дергал ее за язык, несмотря на то, что стало очевидным: в этой ситуации мужчине лучше дать возможность спокойно удалиться. — Потерпев сокрушительный разгром у сицилийских берегов, остатки непобедимой армады уходили в сторону опозоренной Англии.

— Вы пали в моих глазах, княгиня. С этой минуты, синьора, вы не вызываете у меня никаких эмоций, — попытался Грегори убедить не столько княгиню, сколько самого себя.

— Меня это ничуть не смущает. Главное для меня — убедиться, что окончательно удовлетворила ваше любопытство. Я ведь удовлетворила его? — Сардони поднялась и так, с бокалом в руке, пошла к уже взявшемуся за дверную ручку капитану.

Затаив дыхание, Грегори следил, как она приблизилась, вежливо поцеловала его в щеку, сама открыла дверь в переднюю и сама же выключила в ней свет, чтобы затем, уже наощупь, найти дверь, ведущую на веранду.

— Могу следовать за вами? — Грегори уже достаточно ожегся, чтобы испытывать судьбу еще раз, поэтому решил быть осторожнее.

— Если считаете, что любопытство исчерпано, можете оставаться в передней.

30

Время шло, а Роммель всё не появлялся и не появлялся. Прохаживаясь у «мерседеса», Бургдорф пинал носками сапог клубки листьев, с нетерпением посматривая то на дом, то на темнеющее предливневое небо.

— Его надо было арестовать и вывести под дулами пистолетов, — вот что нам следовало сделать, — иссякло терпение Майзеля.

— И здесь же, в парке, предать Суду чести, — язвительно поддержал его Бургдорф. — Созвав всех его заседателей в полном составе.

— Почему же, с ним можно было бы и не церемониться.

— Бросьте, Майзель: «Не церемониться!». Забыли, с кем имеете дело? Даже фюрер — и тот, как видите, вынужден церемониться.

— Именно это и раздражает меня.

— Жаль, что фюрер так и не узнает об этом, он бы потешился, узнав о появлении ещё одного претендента на висельничный крюк.

— Но согласитесь, что и наш «храбрец» Роммель слишком уж затянул весь этот бенефисный спектакль своего ухода, — попытался Майзель увести адъютанта фюрера от столь опасной для себя темы.

Генерал Бургдорф взглянул на часы: через десять минут, как и было условлено, все бронетранспортёры начнут отходить к шоссе, ведущему на Ульме.

— Смерть не терпит суеты, генерал Майзель, — напомнил он благочестивому судье. — Это не ритуал, это священнодействие.

— Вот и священнодействуйте, — огрызнулся судья чести. — Какого дьявола? Исходя из высших интересов... Кстати... Что вполне соответствует... Высшие принципы офицерской чести...

Яростная зубная боль вызвала бы у Бургдорфа меньшее раздражение, нежели очередной словесный фонтан Майзеля.

— Какие еще «высшие принципы»? Их давно не существует. Вообще, в природе...

— Тем не менее запомните, Бургдорф, — неожиданно резко, официальным тоном заявил Майзель, — что я намерен... Невзирая и самым решительным образом... Вплоть до самоличного исполнения приговора, оглашенного фельдмаршалу самой историей.

— Это не фельдмаршалу, это уже нам с вами как убийцам Роммеля сама история приговор свой огласила.

Услышав эти слова, Майзель вздрогнул, подтянулся и напряженно всмотрелся в выражение лица Бургдорфа.

— Почему... нам? — дрогнувшим голосом и с явным опозданием спросил он.

— Потому что и после смерти фельдмаршала о нём с восторгом будут говорить как о знаменитом полководце, Лисе Пустыни, грозе англичан. О нас же будут вспоминать лишь как о палачах Роммеля. И не более того.

31

...На застекленной веранде было душновато, и Мария-Виктория приоткрыла одно из окон. Прямо перед ней возникали освещенная луной часть бухты, черная пирамида Скалы Любви и едва различимая гряда мелких островков, протянувшаяся вдоль побережья от виллы до северных отрогов хребта.

Перебирая в памяти имена обитателей виллы, Мария-Виктория в то же время старалась возрождать в воображении их лица, вспоминать фигуры, а главное, припоминать нечто такое, что во время их близости отличало того или иного телохранителя от всех прочих. Так она прошлась по всем, пока вдруг

не вспомнила, что недавно у неё обосновался закоренелый баварский сепаратист герр Шварц, бежавший с Корсики вместе с Умбартом и Мартой фон Эслингер. Марта же и привезла его на виллу во время одного из своих визитов.

Сама баронесса по-прежнему наведывалась сюда крайне редко, предпочитая оставаться поближе к штабу батальона корсиканцев, к своему штурмбаннфюреру Умбарту, однако, это не мешало ей поддерживать с Марией-Викторией самую тесную, почти трогательную дружбу.

«Ну уж нет, — сказала себе княгиня, возродив в своем воображении кирпично-пепельное лицо Шварца. — Только не он». Даже если учесть, что пока что он остался последним из гарнизона «Орнезии», которого она даже близко к себе не подпускала. Иное дело, что всегда была с ним подчеркнуто вежливой, ценила его кулинарное искусство и то, как охотно брался он за оружие, чтобы с вечера до полуночи или после полуночи до утра исполнять роль ночного охранника виллы.

Тем временем воцарившееся в горах затишье вновь было нарушено. Теперь уже Мария-Виктория четко различала хрипловато-тявкающий говорок немецкого пулемета, ожившего чуть южнее виллы. Ему нервно и недружно вторили шмайсеры и итальянские карабины. Затем все слилось в хаотическую химерию пальбы, в которой голоса оружия и голоса человеческой боли уже становились неразличимыми. И уж совершенно неожиданными показались ей разрывы снарядов небольшого калибра: стреляли то ли из миномета, то ли из орудия танкетки.

Встревожившись, княгиня села в постели и, обхватив руками колени, долго сидела так, прислушиваясь и успокоительно отмечая про себя, что, хотя стрельба, вроде бы, и не ослабевает, тем не менее, постепенно отдаляется. Становилось ясно, что какое-то подразделение вермахтовцев оттесняет партизан в горы, преследуя их вдоль шоссе, ведущего в сторону.

«Неужто подоспели корсиканцы Умбарта? Но кто их вызвал? Сами в бой они обычно не рвутся. Разве что подошел русский князь-диверсант со своими курсантами из “Гладиатора”?»

— Господи, наконец-то ты вернулась, — обрадовалась она появлению Кристины, через плечо у которой свисал теперь шмайсер, а на ремне чернела пистолетная кобура. В таком облачении шведка и сама казалась предводительницей гарибальдийцев. — Что там происходит?

— Какое-то подразделение немцев оттесняет партизан, загоняя их все дальше и дальше в горы.

— Неужели партизаны намеревались напасть на виллу?

— Если бы намеревались, то что бы им помешало? Грегори говорит, что, по всей видимости, один отряд немцев вытеснил гарибальдийцев из гор сюда, на равнину, а второй, появившись на шоссе, начал теснить их назад в горы. Похоже, теперь у них есть только один путь отступления — по шоссе в сторону Генуи. Но в районе перевала он тоже может оказаться перекрытым.

— Наша охрана в бой пока не вступала?

— Не было необходимости. Но в каждой башне по пулемету и фаустпатрону. Так что в любом случае какое-то время продержимся. Кстати, почему бы вам, княгиня, не спуститься в подземелье? Или хотя бы вооружиться...

— Это я всегда успею. Охрана надежная, оружие — вот оно, — указала на лежавший на тумбочке автомат. — Вход в подземелье прямо из спальни. Так что бояться нам с тобой пока нечего.

— Мне остаться с вами?

— Должен же кто-то охранять меня, — беззаботно согласилась Мария-Виктория.

— Логично.

— Закрой двери передней и спальни. Возьми их на засов. Если капитану Грегори как начальнику охраны что-то понадобится, позвонит по телефону.

— Логично.

По-итальянски Кристина говорила с заметным скандинавским акцентом. Но похоже, что и по-шведски она тоже изъясняться не любила. Из всех обитателей «Орнезии» она слыла самой молчаливой. В Риме она оказалась под видом беженки из Польши, где якобы работала прислугой у одной польской графини. В Италии она тоже зарабатывала себе на хлеб гувер-

нанткой в семье одного итальянского генерала. И Кристине еще очень повезло, что генерал сумел вырвать её из рук итальянской контрразведки, чтобы через службу безопасности Ватикана переправить сюда.

Правда, Паскуалина утверждала, что генерал заботился не столько о безопасности своей гувернантки-любовницы, сколько о собственном благополучии — слишком уж он бывал красноречив с ней в постели, а Кристина всегда была идеальной слушательницей. Однако это уже не имело особого значения. Она понимала, что война вот-вот завершится, и ей хотелось, чтобы в послевоенном мире узнали, что папа римский не только сотрудничал с итальянскими фашистами, но и активно помогал антифашистам, и даже некоей шведской агентке.

— Отложи автомат и присядь, — как можно мягче предложила Мария-Виктория.

Шведка всегда считала, что княгиня относится к ней предвзято и терпит только потому, что она навязана Паскуалиной Ленерт. Поэтому Кристина старалась быть как можно незаметнее и очень опасалась флирта охранников, особенно капитана Грегори, дабы не оказаться в соперницах хозяйки. А уж когда на вилле появлялись гости-мужчины, как это было в случае со Скорцени и его людьми, вообще пыталась избегать каких-либо контактов с ними. И если и приняла ухаживание адъютанта Скорцени гауптштурмфюрера Родля, то лишь после того, как на этом настояла сама Сардони.

Кристина сняла автомат и робко присела на краешек кровати. Ей казалось, что Мария-Виктория решила поговорить с ней по душам, и подозревала, что разговор может оказаться не очень приятным. В конце концов, они все еще оставались врагами, ведь княгиня работала на итальянскую разведку (какую именно: королевскую или фашистскую, Кристина так и не выяснила) она же — на шведскую. И была очень удивлена, когда, вместо того чтобы начинать разговор, Сардони придвинулась к ней, повернула лицом к себе и, стараясь смотреть прямо в глаза, принялась расстегивать гимнастерку.

— Здесь ужасно душно, — едва слышно проговорила она. — Не мешало бы раздеться.

— Логично, — так же едва слышно согласилась шведка, стараясь при этом следить за каждым движением княгини.

— Знаешь, в этом ложе со мной еще не побывал ни один мужчина.

— Они были не здесь, — с чисто женским коварством подтвердила шведка.

— Тогда почему бы нам не побыть здесь вдвоем?

— В постели? — с той же невозмутимостью удивилась шведка.

— Раньше тебе никогда не приходилось бывать в постели с красивой женщиной?

— Всякий раз рядом со мной почему-то оказывались мужчины. Далеко не все из них были красавцами, но в общем-то они не очень разочаровывали меня.

— Но мы говорим о женщинах.

— Женщины до моего ложа, как правило, не доходили. Очевидно, их перехватывали мужчины, которым удавалось избежать моих ласк.

— Вот такой ты мне нравишься.

— Еще больше понравлюсь, если сниму брюки и все остальное, — наконец-то поняла шведка, чего от нее хотят.

— С твоей стороны это было бы ошибкой. Предоставь мне, — с сомнамбулической заторможенностью убеждала ее Мария-Виктория. — Все таинство ритуала — в раздевании, в обнажении, явлении миру всего того, что мы стесняемся демонстрировать даже самим себе. — Княгиня вспомнила жестокий урок лесбийства, преподнесенный ей когда-то унтерштурмфюрером Лилией Фройнштаг, и только поэтому с особой нежностью провела ладонью по щеке Кристины, шее, груди... Закрыв глаза, потянулась губами к ее губам.

— Но это... противоестественно, — несмело отстранялась от нее шведка. — И потом, это ещё и неэстетично.

— Неестественно всё то, что проделывают с нами мужчины. Не говоря уже об эстетике. А между нами всё будет красиво и

нежно. Нежно и трогательно. Очень нежно и очень трогательно.

Первый их поцелуй был едва обозначен легким касанием губ, пряностью дыхания, блужданием руки Марии-Виктории по упругой груди партнерши.

— Это ведь не слишком неприятно, правда?

— Не слишком, — вынуждена была согласиться шведка, с трудом приходя в себя. «Поцелуй невинности» явно ввел ее в смятение, из которого она так и не сумела выйти. Тем более что на этот раз итальянка действовала более решительно. Она уложила Кристину рядом с собой, после чего поцелуи ее стали еще более затяжными и страстными. При этом Сардони каким-то образом умудрилась постепенно стаскивать с нее брюки. И шведка, которая поначалу вяло сопротивлялась и поцелуям, и обнажению, затем как-то совершенно незаметно для себя стала помогать ей в том и другом.

* * *

Снова вспыхнула стрельба, на сей раз она долетала уже с небольшого перевала, на который взбиралось шоссе, ведущее на Геную. То есть бой постепенно перемещался в сторону горного ресторана «Тарантелла». Но Марию-Викторию это уже не тревожило. Рядом с партнершей она чувствовала себя на удивление умиротворенной, а зарождавшаяся в ней нежность к женщине, на которую еще вчера посматривала искоса, как на соперницу и просто нежелательную гостью, ибо понимала, что при случае Кристина способна была заменить ее в качестве ставленницы Паскуалины, становилась всепоглощающей.

Да, шведка и в самом деле могла рассматриваться папессой в роли новой управительницы виллы. Сардони определила это для себя сразу же, как только Кристина оказалась в «Орнезии». Все объяснялось просто: в случае появления здесь англичан или американцев папе римскому куда выгоднее иметь на вилле в качестве своей наместницы шведку, нежели запятнанную сотрудничеством с фашистской разведкой итальянку. К тому же не с самой лучшей репутацией.

«Но хватит об этом», — урезонила себя Сардони. Шведка открывала совершенно новый мир ее сексуальности, который в свое время так грубо, не так надолго приоткрыла когда-то садистка-эсэсовка. Но таков был этот мир, таковой была эта странная любовь, внезапно вспыхнувшая на одре войны, почти в самом эпицентре боя, посреди всеобщего страха и насилия.

Естественная женская любовь в неестественном, неженском мире.

32

Роммель появился таким, каким Бургдорф несколько раз видел его в штабе сухопутных войск, а также в «Вольфшанце», «Бергхофе» или в «Вольфшанце — II». Чёрный, почти до пят, кожаный плащ; с каким-то особым шиком пошитая фуражка с невообразимо высокой тульей, и... — что особенно бросилось сейчас в глаза генералу — маршальский жезл в руке. При этом лицо бывшего командующего Африканским корпусом источало то истинно германское высокомерие, которое возводило фельдмаршальский чин в абсолют непоколебимого достоинства.

— Ну с жезлом — это он, пожалуй, зря... — проворчал Майзель.

«Жезл — явное излишество», — в тон ему проскрипел зубами Бургдорф, вновь подумав о том, что всё же лучше было бы прибегнуть к вынесению «цианистого приговора Суда чести» прямо там, в домашнем кабинете Роммеля.

— Что это за гора такая у вашего дома, Эрвин? — спросил он первое, что пришло на ум. — Внешне похожа на занесённую песками египетскую гробницу.

— Это и есть гробница, — угрюмо подтвердил владелец Герлингена. — Гробница фельдмаршала Роммеля, если угодно. Недостроенная, правда, ну да что уж тут... Вначале давайте к её подножию, — обратился к водителю «мерседеса», опускаясь на сиденье рядом с ним.

Гестаповец радушно развёл руками: «Только-то и проблемы! Куда прикажете!».

Ведущая к горе старинная брусчатка напоминала дорогу римлян. Её булыжники хранили в себе отзвуки решительной поступи императорских легионеров и громогласных команд центурионов.

У часовни Роммель и Бургдорф вышли из машины и приблизились к валуну, у которого зарождалась горная тропинка.

— Гора Крестоносца, — проговорил фельдмаршал таким тоном, словно произносил первые слова молитвы.— Того самого крестоносца, который освятил своими нетленными мощами часовню.

— И, насколько я понимаю, одного из ваших предков?

— Так уж случилось, генерал. Существуют места, словно бы созданные для того, чтобы в них зарождался дух истинного рыцарства.

— Согласен с вами: именно в таких, величественных по духу и своей истории, краях рождаются великие полководцы и мыслители.

— Как, впрочем, и великие злодеи, — задумчиво поддержал его Роммель, заставляя Бургдорфа заинтригованно взглянуть на него.

Дополнение было явно не в пользу фельдмаршала, обвиняемого в предательстве рейха и в участии в заговоре против фюрера. Неужели Роммель не почувствовал этого? Или, может быть, упоминание о великих злодеях следует считать своеобразной иронической провокацией?

— Относительно злодеев вам, господин фельдмаршал, лучше поговорить с Майзелем, — обронил Бургдорф, оглядываясь на тщедушную фигурку плетущегося шагах в пяти позади них генерала. — Суд чести — это по его части. — Он выдержал паузу, выжидая реакция Роммеля, а не дождавшись её, произнес: — Есть в Горе Крестоносца, в этой круто уходящей под небеса тропе, что-то такое... манящее.

— Не зря уже в течение нескольких веков её называют Тропой Самоубийц. Последний шаг по ней достоин полета с двадцатиметрового обрыва.

Бургдорф заинтригованно взглянул на Роммеля, прошелся взглядом по тропе и вновь обратил свой взор на фельдмаршала. Могло показаться, что он вот-вот скажет: «Тогда какого чёрта мы стоим здесь, время тратим? На Тропу Самоубийц!». Однако вместо этого генерал благодушно поинтересовался:

— Сами вы не пытались? Тропа не манила?

Фельдмаршал остановился и, запрокинув голову, попытался рассмотреть медленно погружающуюся в сумерки вершину горы.

— Манила. Но только тропа, а не смерть. Убить себя, Бургдорф, ничуть не проще, чем убить кого-то, если, конечно, ты не в окопе, где со своей совестью мы разбираемся значительно проще.

— Не спорю: на фронте, в бою, всё действительно проще. Тропа Самоубийц, да к тому же в такой идиллической местности! Кто бы мог предположить?! Ну да хватит предаваться воспоминаниям, у нас мало времени.

Как только они вновь сели в «мерседес», сзади, из-за холма, появился бронетранспортер с эмблемой какого-то эсэсовского полка на борту. За ним еще один. Причем передний остановился настолько близко, что едва не протаранил задок их машины.

Роммель, которого на сей раз Бургдорф усадил рядом с собой, на заднее сиденье, удивленно оглянулся, однако, наткнувшись на холодный, словно бы уже остекленевший взгляд адъютанта фюрера, так и не решился спросить, что бы это могло значить. Впрочем, Бургдорф и не стал дожидаться вопроса.

— Машины сопровождения, — бросил он. И тотчас же приказал водителю: — Вперед, к шоссе!

33

Проснулся полковник Курбатов на склоне холма, когда солнце поднялось уже настолько высоко, что начало припекать лицо и слепить полуоткрытые глаза.

Еще какое-то время он царственно возлежал посреди небольшого, напоенного запахами цветов луга, распластавшись

между двумя кустами жасмина, в идеальном ложе странника и идеальной могиле воина.

Едва придя в себя, полковник заметил, что где-то далеко впереди розоватая лазурь неба сливается с разреженной белесой синевой воды, но, лишь приподнявшись на локте, понял, что прямо перед ним открывается морская бухта.

«Черт возьми, неужели и в самом деле море?» Часть его, окаймленная гористыми берегами, представляла собой удивительно красивую, тихую бухту, в чаще которой виднелось несколько построек, а между ними и поросшими соснами скалистым островком, словно бы высеченная из синевы горизонта и окрашенная белой пеной прибоя, красовалась величественная яхта.

Еще чуть-чуть приподнявшись и опираясь руками о гряду каменной осыпи, Курбатов почти изумленно осмотрел лепестком открывавшуюся посреди залива белую, с красной черепичной крышей трехэтажную виллу, прячущуюся в глубине изумрудной долины, и только теперь с трудом начал припоминать, где они и почему он лежит здесь, посреди горного луга. Он, человек, прошедший от Маньчжурии до Италии, безо всякого преувеличения исходивший полмира... море видел впервые в жизни. Так уж сложилось: попадались реки, озера, но море... море ему не встречалось.

— Господин полковник! Вы ранены, господин полковник! — вдруг услышал он позади себя немецкую речь. — Мы повсюду ищем вас!

Курбатов резко оглянулся и замер: в трех шагах от него, на небольшом пригорке, завалившись спиной на куст, покоилось тело какого-то человека в немецком галифе и в изодранном гражданском пиджаке. Брюшина его была разорвана взрывом, а винтовочный ремень всё еще зависал на конвульсивно согнутой руке. Чуть правее и ниже по склону, уткнувшись лицом в траву, лежал еще один партизан, очевидно, погибший от осколков той же гранаты.

Поднимаясь на ноги, Курбатов видел, как, охватывая его полукольцом, по склону продвигались отличавшиеся своими

мундирами курсанты разведшколы и егеря, между которыми чернело и несколько эсэсовских кителей.

— Вы на кого это ведете свое воинство, штурмбаннфюрер?! — узнал он между ними комбата корсиканцев. И даже оглянулся, уж не ощетинился ли позади него штыками взвод партизан.

— Прежде всего, нужно было найти вас, господин полковник. Мы уж подумали, что...

— Это не война, полковник, это великосветское дерь-рьмо! — огласил предгорные склоны оберштурмбаннфюрер Шмидт, двигаясь чуть позади цепи. — Вы так рванулись в атаку, так расшвырялись гранатами и врезались в группу партизан, что мы уж решили было, что партизаны убили вас или прихватили с собой.

— Слишком тяжелая ноша, — проворчал Курбатов и, переведя взгляд чуть левее, увидел в лощинке еще двоих партизан. Но этих он помнил: одному из них в рукопашной схватке он проломил автоматом череп, другого сбил с ног и, пока тот поднимался, почти мгновенно задушил. Был еще третий, вслед которому он швырнул нож, и был уверен, что попал. Однако тела его поблизости не оказалось. — Я действительно сдуру рванулся в самую их гущу, это так, но что-то не припоминаю, чтобы кто-то из вас, прохиндеев архиерейских, поддержал меня.

— В этом просто не было необходимости, князь, — рассмеялся Умбарт. Он больше всех радовался тому, что Курбатов отыскался живой и невредимый. — Такой рукопашной партизаны за всю жизнь свою не видели. Мы даже стрелять не могли, поскольку вы разметали этих бродяг, протаранили их гурьбу, а потом исчезли за возвышенностью.

— Не старайтесь, всё равно не оправдаетесь, вояки хреновы! — проговорил полковник по-русски.

Но по существу Умбарт был прав: тогда он действительно рассвирепел. Еще вчера утром в предгорьях по ту сторону хребта они наткнулись на партизанскую засаду. Потерь в его отряде не было, поскольку засаду вовремя обнаружило боковое охранение гладиаторов, но колонну пришлось отвести под прикрытие скал и потом несколько часов выкуривать гари-

бальдийцев из кустарников и ущелий. Уже тогда партизаны поняли, что в этот раз они столкнулись не с обычным армейским подразделением и не с трусливыми гвардейцами Муссолини.

Прорвавшись к миниатюрному городку, Курбатов обнаружил, что небольшой отряд партизан блокирует в городской ратуше десятка два верных дуче солдат и полицейских. Горные бродяги ожидали, что блокированные вот-вот выйдут и сдадутся, а потому, постреливая и попивая вино, не заметили, что в обоймах у них осталось по два-три патрона. Оцепив городок, Курбатов переловил всех уцелевших партизан и, пристыдив осажденных за их трусливое сидение за стенами, отдал им красных на растерзание. После казни он включил солдат и полицейских в свой отряд и в авангарде, как штрафбатовцев, погнал к перевалу.

Узнав, что целью колонны является вилла «Орнезия», лейтенант карабинеров пытался убедить Курбатова, что туда ей не пройти: все окрестные горы забиты партизанами, здесь, неподалеку, сразу две их базы. Однако Курбатова это не остановило. Он заставил Умбарта связаться по рации со своими корсиканцами и двумя отрядами двинуть их на оба партизанских лагеря. А сам разделил отряд на три группы, в каждую из которых, наряду с гладиаторами, были включены егеря, полицейские и итальянские солдаты, и сумел пробиться с ними к пологой вершине хребта. Там отряды разделились на более мелкие группы и, по классическим канонам диверсионной науки, начали снимать посты, нападать на заслоны, создавая при этом видимость полного окружения.

Партизанам не осталось ничего иного, как отходить на северо-запад, по гребню и горным лугам. Их отход продолжался весь вечер и всю ночь, и все это время гладиаторы и корсиканцы теснили их, сбрасывали в ущелья, огнеметами выжигали по альпийским лугам и пещерам.

— Я первый заметил вас в бинокль, — объяснил Шмидт Курбатову, — и решил, что вы погибли или, по крайней мере, тяжело ранены. Но вы, судя по всему, попросту спали!

— Зато теперь выгляжу намного бодрее, нежели любой из вас, валящихся с ног.

— Но уснуть во время боя, посреди трупов! — изумился Умбарт, которому так никогда и не пришлось побывать даже поблизости от передовой. — Такого попросту не может быть!

— Мне тоже когда-то так казалось, — благодушно возразил Курбатов.

Выбивая партизан из ущелья, он спустился почти к подножию горы и затем уже поднимался сюда, как бы заходя к ним с тыла. Он еще помнит, что метнул гранату в куст, из-за которого по нему открыли огонь, слышал крик партизана, сраженного его выстрелом. Когда он заполз сюда, на это плато, рядом, на перевале, еще постреливали партизаны, несколько из них даже попытались сбросить его со склона, однако он отбил атаку последним магазином патронов и последней гранатой. И тот, что лежит сейчас, уткнувшись лицом в траву, кажется, был последним, кто испытывал здесь свое фронтовое счастье.

Однако сам он, Курбатов, тоже оказался в сложном положении. Скатившись в эту лощину, полковник залег в ней, пытаясь не вступать в перестрелку. Автомат его был пуст, в пистолете оставалось три патрона, поэтому вступать в бой было бессмысленно. Спасло его только то, что, чувствуя приближение рассвета, партизаны тоже не решались больше спускаться с перевала, предпочитая уйти подальше в горы, пока не окончательно рассвело.

В ожидании развязки Курбатов лишь на несколько минут закрыл глаза, чтобы передохнуть и хоть как-то развеять свое полусонное состояние. И словно бы провалился в небытие. Вновь проявилась эта его ошарашивающая способность засыпать где угодно, в любой ситуации.

— Сколько мы потеряли людей, Умбарт?

— Троих убитыми и четверых ранеными. Среди раненых — один гладиатор. Остальные убитые и раненые — егеря и итальянцы-полицейские.

— Что ж, это война... Скольких уложили партизан?

— Черт их знает. Полагаю, не менее двадцати.

— Они тоже были солдатами, — попытался отпустить им грехи Курбатов. — Кстати, что это за дворец там, внизу?

— Это и есть вилла «Орнезия».

— Неужели?! Потрясающее зрелище. Тогда какого дьявола мы стоим здесь? Пошлите своих людей, чтобы привели туда всю колонну. Только первыми пустите минеров. Оборотень!

— Я здесь, господин полковник.

— Еще не навоевались?

— Нет пока.

— Штурмбаннфюрер, выделите ему десять гладиаторов и десять егерей, пусть пройдется по склонам, да так, чтобы выйти к морю по ту сторону виллы. Вы поняли меня, Оборотень?

— Еще как понял!

— Всех подозрительных — задерживать. Всяк сопротивляющихся — истреблять!

— Как и положено.

— Все остальные — за мной, к вилле. Умбарт, троих корсиканцев — в авангард. Пусть выяснят, что там, на вилле, в этом раю земном, происходит.

— Вилла на берегу Лигурийского моря! — мечтательно проворчал барон фон Шмидт. — Два часа в ее стенах стоят всей жизни. Только здесь начинаешь понимать, что война в Италии, кем бы она ни была затеяна, — всего лишь великосветское дерьрьмо!

— Вам всерьез придется заняться своими манерами, барон, — заметил Курбатов. — Вот чего владелица виллы уж точно не потерпит — так это вашей плебейской невоспитанности.

Спустившись к подножию, полковник хотел было дождаться исчезнувших на вилле разведчиков, но увидев, что ворота распахнулись и в проеме возникли фигуры двух женщин в форме английских десантников, от излишних предосторожностей решил отказаться.

— Эй, вы кто такие?! — спросил их рослый солдат, высунувшись из-за мешков с песком.

— Отряд полковника Курбатова! — ответил князь. — Вас должны были предупредить.

— И отряд штурмбаннфюрера Умбарта, — добавил командир батальона СС. — Со своими корсиканцами, о появлении которых вас лучше не предупреждать!

— Так вы и есть Умбарт?! — человек что-то прокричал на непонятном Курбатову языке, перевалился через мешки и, скатившись по внешней стороне укрепления, побежал к воротам.

Таким же образом с радостными воплями начали оставлять свои позиции и другие защитники «Орнезии».

— Что-то мы не ощущали вашей поддержки, вояки, — упрекнул их Умбарт. — Бьюсь об заклад, что вы, сержант, — обратился он к тому, что бежал первым, — всю ночь проспали за своим пулеметом!

— Мог бы и вздремнуть, но кто-то до самого утра бесновался на прибрежных склонах.

Все это время женщины стояли, не проронив ни слова. Когда Курбатов был уже в пяти-шести шагах от них, они переглянулись и более рослая, рыжеволосая, осталась на месте, а та, что поэлегантнее, с растрепанными на ветру золотистыми волосами, пошла ему навстречу.

— Я не ошиблась: вы и есть тот самый князь Курбатов? — лишь приблизившись к полковнику, Мария-Виктория по-настоящему поняла, насколько громаден этот человек: рослый, широкоплечий, с невероятно большими ручищами, в которых автомат казался невесомой безделушкой. Он предстал перед ней, словно горный дух.

— Совершенно верно. Надеюсь, меня пустят сюда на постой, — Сардони вдруг уловила, что князь не очень-то обращает внимание на ее красоту, а смотрит как бы мимо нее. Уж не на Кристину ли?

— Можете считать, что приют вам обеспечен.

— А вы, стало быть, княгиня Мария-Виктория Сардони?

— Тоже верно.

— Мы все чертовски устали.

— Еще бы! Насколько мне известно, вы уже сутки блуждаете по окрестным ущельям.

— Очищали их от партизан, чтобы хоть несколько дней спокойно поблаженствовать на берегу Лигурийского моря.

— Из-за ваших блужданий нам пришлось провести тревожную ночь. Тем более что до сих пор партизаны нас не очень-то тревожили.

— Может показаться, что вы не рады нашему визиту, — мягко упрекнул ее Курбатов. Княгиня оказалась слишком близко от него, и полковник еле удержался, чтобы не прикоснуться рукой к ее волосам. — После такого боя женщины должны доставаться воинам как награды. Вы же ведете себя как воинственная амазонка.

— Тем не менее, стол для офицеров уже накрыт. И даже не на вилле, а на яхте.

— В таком случае можете считать, что всю ночь мы не перестреливались с партизанами, а распевали под стенами «Орнезии» горные серенады.

Умбарт, его корсиканцы-гладиаторы и все, кто спустился вместе с Курбатовым к вилле, уже вошли на ее территорию, а полковник и Мария-Виктория все еще стояли друг против друга, понимая, что все, что только что было сказано ими, является всего лишь неудачной прелюдией к тому истинному знакомству, которое им еще только предстоит.

— Так вот вы какой, князь... — вполголоса, чтобы никто не мог услышать ее, проговорила Мария-Виктория, едва заметно проводя рукой по его предплечью. — Я-то представляла вас совершенно другим. Более элегантным, аристократичным.

— Я вас — тоже другой, не столь убийственно красивой.

— Не расточайте лесть, полковник, оставьте это для намеченного нами офицерского бала.

— Всего лишь комплимент застенчивого рыцаря.

— Представляю, сколько врагов вам пришлось одолеть по пути сюда, чтобы иметь право на него, мой... застенчивый рыцарь.

34

Фельдмаршал в последний раз окинул взглядом Гору Крестоносца, Тропу Самоубийц, часовню с могилой рыцаря... Он уже всё понял. Ни ареста, ни суда не последует. В случае с ним

фюрер решил не рисковать. Но и не церемониться. Вся «прелесть» задуманного Гитлером плана расправы с ним в том и заключалась, что он, фельдмаршал Роммель, якобы сам должен был судить себя и сам же, по собственному приговору искупая свои грехи, казнить.

Причем с общественной точки зрения всё будет выглядеть вполне благопристойно: фельдмаршал осознал, ужаснулся собственной оплошности и покаянно смирился. А что фельдмаршал решил спасти свою репутацию ценой собственной жизни, так это его личное дело. Таковой была его последняя земная воля.

Зато фюрер предстанет перед нацией и всем миром в виде всепрощающего благодетеля. Он запретит где-либо на официальном уровне упоминать о том, что Роммель замешан в заговоре, уже хотя бы потому запретит, что теперь это явно не в его интересах; он устроит «лучшему из своих фельдмаршалов, народному маршалу» самые пышные похороны и заставит журналистов писать самые лестные некрологи.

Да, это был взгляд всеземного прощания. Всё, что попадало сейчас в поле его зрения, приобретало некий особый смысл, особую символику и особое предназначение. Но именно этот прощальный взгляд породил в нем последний взрыв негодования, последнюю волну внутреннего, душевного бунта.

— Насколько я уразумел, мне вынесен приговор, — жестко молвил Роммель, когда «мерседес» миновал ворота его усадьбы.— И, судя по всему...

— Хватит сантиментов, Эрвин, — неожиданно резко прервал его адъютант фюрера, впервые решившись назвать по имени, что само по себе уже было плохим предзнаменованием. И водитель сразу же резко увеличил скорость.

— Так всё же, как это понимать? — Всем туловищем Роммель повернулся к генералу, чуть ли не ткнув ему при этом в лицо острием своего жезла. Кроме всего прочего, он еще раз напомнил Бургдорфу о его собственном «солдатском ранце», в котором генералу уже вряд ли удастся ощутить тяжесть этой

«солдатской короны», как назвал маршальский атрибут один из рыцарствующих в рифмоплётстве поэтов. — Я что, арестован?

Конечно же, он всё прекрасно понимал, никаких объяснений не требовалось. И если всё-таки приставал к Бургдорфу с вопросами, то это был всего лишь отчаянный и почти бессмысленный, если не принимать в расчет нескольких отвоёванных у смерти минут, бунт обреченного.

— Нет, Роммель, — голос Бургдорфа стал предельно жёстким и почти агрессивным. — Как вы уже могли понять, к аресту решено не прибегать. Зачем обязательно доводить дело до суда и виселицы? Существуют ведь и другие способы искупления офицерской чести.

— Кем решено? Кем это ...решено: Судом чести, трибуналом? Хотите воспользоваться тем, что я остался без охраны и доверился вам как незапятнавшим свою честь генералам?

— Вот именно, — не оборачиваясь, проворчал Майзель, впервые вклинившись в их разговор, — как незапятнавшим. Именно на это я и хотел бы обратить ваше внимание, господин Роммель. — И, рванув кобуру пистолета, добавил: — Замечу, что это первая здравая мысль, которую нам с Бургдорфом пришлось услышать за время всего вынужденного общения с вами.

— Я не приглашал вас в своё имение, Майзель, — взъярился Роммель. — Уж вас-то я точно не приглашал. Даже не припоминаю, был ли когда-либо знаком с вами.

— Вы со мной, конечно же, были знакомы, господин Роммель, а вот я с вами — нет, это уж точно.

— Вас интересует, кем было решено? Фюрером, фельдмаршал Роммель, фюрером, — не позволил Бургдорф разгореться их ссоре. — Вам напомнить, чьим адъютантом я являюсь? И, как вы понимаете, прибыл сюда не для того, чтобы любоваться красотами Герлингена, а по личному приказу... И таково мнение всего высшего генералитета, — как только Бургдорф начинал нервничать, речь его тоже становилась отрывистой, а порой и бессвязной. Почти как речь Майзеля. — Генералитет возмущён. Весь германский народ. Фюрер и так достаточно долго проявлял великодушие. Он ко всем великодушен.

— Кроваво великодушен, — огрызнулся Роммель.

— Хотя участие ваше в заговоре доказано. И Народный суд... Совершенно неопровержимо...

— Вот и пусть этот Народный суд совершенно неопровержимо...

— Нет, Роммель, никогда! Это не в интересах рейха. Фюрер доверял вам, как никому другому. Чин фельдмаршала, командование группой армий. Но вы... С этими заговорщиками — Беком, Фроммом, с одноруким диверсантом...

— Да бред всё это, Бургдорф, — выстраданно вздохнул фельдмаршал. — К тому, в чем заварили в июле Бек, Ольбрехт, Фромм и этот ваш однорукий заговорщик, я никакого отношения не имею.

— И всё же ваше участие в заговоре неоспоримо, фельдмаршал Роммель.

— Это вы так считаете?

— Так считает сам фюрер. А потому неоспоримо. Вот почему сегодня я здесь, у исхода этой вашей Тропы Самоубийц.

Едва он произнёс это, как из-за небольшой рощицы появился ещё один бронетранспортер, из кабины которого высунулся гауптштурмфюрер Вольке.

— Как там у вас дела, господин генерал?!

— Пока что одни бессмысленные разговоры, — ответил Бургдорф, придерживая рукой открытую дверцу.

— Но ведь не для этого же мы прибыли сюда! — возмутился эсэсовец.

— Поначалу мне тоже казалось, что не для этого.

Лихо развернувшись у бампера притормозившего «мерседеса», бронетранспортёр возглавил фельдмаршальский эскорт, всё отчетливее напоминавший Роммелю фронтовую похоронную процессию, в которой ему приходится нести венок за собственным гробом.

35

Это прибытие на виллу «Орнезия» Отто Скорцени с группой своих диверсантов хотя и оказалось неожиданным для всех, зато очень своевременным: в соседнем городке и в горном лесу

неподалеку от виллы сосредоточились сразу два отряда партизан. Причем от своих итальянских агентов Скорцени точно знал, что окончательной целью этого хорошо спланированного нападения должно быть похищение эсэсовцев, которые владели тайной корсиканского клада Роммеля.

Узнав об этом, обер-диверсант рейха немедленно уведомил об угрозе Гиммлера и получил от него четкий приказ: партизан истребить, Шмидта доставить в Берлин. И вот теперь гарнизон виллы готовился к решающей схватке с местной партизанской бригадой.

— Вы устроились на открытой палубе, — негромко напомнила обер-диверсанту рейха Мария-Виктория. — На яхте есть более защищенные места.

— Непременно хочется, чтобы перебрался поближе к вам? Так и скажите.

— Можете лежать на своей бухте каната, — медленно обводила береговое пространство окуляром снайперского прицела княгиня, — но только помните, что мишень вы преотличная. Сразу же предупреждаю: оплакивать не стану, попросту не умею.

— А жаль: княгиня-плакальщица! Это выглядело бы так трогательно. Знал бы, что не станете оплакивать, вообще не ввязывался бы в эту войну.

Сардони намеревалась что-то ответить, но в это время из-за горы, прикрывавшей ближайший серпантин дороги, донёсся гул моторов, который становился всё отчётливее. После длительного спуска с перевала, неподалёку от моста, дорога вновь потянулась ввысь, и Скорцени слышал, как чахоточно, натужно и обречённо надрывались грузовики.

— Вы слышите меня, княгиня?!

— Прислушиваюсь к каждому вашему вздоху. — Отто показалось, что девушка молвила это без малейшего намёка на иронию.

— Когда мы разнесём грузовик, и парни, что залегли по ту сторону дороги, начнут отстреливать налётчиков, те, конечно же, попрут на нас.

— Но вы уверяли, что отлично владеете пулемётами всех систем и всех армий мира, — попыталась подтрунивать над ним Мария-Виктория.

— Что не подлежит сомнению. Но с вашей башни будет видно, кто из партизан пытается подползти к яхте. Так вот, стреляйте только по тем, кто слишком приблизится и кого я не смогу достать из своей «косилки».

Машины приближались, не включая фар. Они уже сошли с уползавшего на северо-запад шоссе и направились к мосту, за которым дорога выходила прямо к вилле. Несмотря на то, что звёзды в высоком южном небе уже мерцали, словно пасхальные свечи, водителям приходилось вести машины почти наощупь, поэтому двигались они медленно, по-бандитски, подкрадываясь к вилле.

— Появилась! — негромко предупредила Мария-Виктория, когда на мосту начала вырисовываться бегемотоподобная тень крытой машины.

— Не стрелять, — как можно тише предупредил Скорцени. И тут же мысленно попросил, чтобы впредь девушка не произносила ни слова.

Стоя на коленях, он навёл фаустпатрон на резко выступавший на фоне вечерней синевы склон утёса. Едва второй грузовик партизан высунулся из-за него, как штурмбаннфюрер тотчас же выстрелил, а еще через несколько секунд над парапетом взметнулось пламя взрыва. По инерции горящая машина еще прокатилась до конца моста и запылала у придорожного валуна огромным костром. Скорцени некогда было следить за тем, что там происходило дальше. Припав к пулемёту, он поливал пламя свинцовой струей, настигая выскакивавшие из машины и разбегавшиеся в разные стороны фигурки людей.

Тем временем из засады, что таилась на склоне хребта, открыли такой массированный огонь, что партизаны, очевидно, решили, будто путь назад, к шоссе, тоже отрезан, и ринулись в сторону яхты. Один из них залег за камнем буквально в нескольких метрах от берега и пытался снять пулемётчика. Стрелок из него был неважный, но палил он всё же почти в упор, и пули

секли бухту каната, за которой устроился Скорцени, щекотали нервы, посвистывая над его головой или впиваясь в борт.

— Сардони, вы видите этого, на берегу?

— Вижу.

— Так снимите же его, дьявол меня расстреляй!

Мария-Виктория выстрелила, но как-то слишком уж поспешно, и хотя партизан больше не выглядывал из своего овражка, однако уверенности в том, что он был, у княгини не было.

— Там появилось ещё двое! — крикнула она обер-диверсанту. — Первый грузовик тоже остановлен, его пассажиры отходят сюда!

— Где этот ваш американец? Эй, сержант, уводи шхуну, иначе они возьмут нас на абордаж!

— Вы слышите, Шеридан? — присоединился к голосу обер-диверсанта голос княгини.

— Как глас Божий! — ответил Морской Пехотинец. Однако прошло ещё несколько минут, прежде чем он вновь запустил двигатель.

Княгиня была права: группка партизан жалась к берегу, на склоне которого эти люди только и могли укрываться от пуль береговой засады. Они уже поняли, что на яхте всего два-три человека и готовы были захватить её.

Как только заработал двигатель, яхту начало сотрясать, и целиться Марии-Виктории стало труднее. К тому же оказалось, что расстреливать мишени в тире — не то же самое, что пытаться поражать их в бою.

Пройдясь по нападающим ещё тремя короткими очередями, Скорцени принялся менять ленту, но в это время откуда-то донёсся голос Морского Пехотинца:

— Да мы же пришвартованы! Скорцени, отшвартуйте яхту! Приближаюсь к берегу.

Идея пришвартовать яхту, забросив канатную петлю на пень, пришла в голову самому американцу. Он считал, что так лучше — яхта не будет дрейфовать, а главное, можно будет в случае необходимости быстро высадиться на берег.

Приподнявшись, штурмбаннфюрер выстрелом из пистолета уложил слишком уж обнаглевшего гарибальдийца и метнулся на берег. Рослый детина возник буквально в трех-четырёх шагах от Скорцени. Он выстрелил, и Отто ощутил, что пуля растерзала рукав и обожгла предплечье. Уже забросив конец каната за борт, он сумел отбить штыковой удар и, перехватив винтовку, подножкой уложил партизана на землю, а затем, ударом приклада в лицо, буквально вогнать его голову в рыхлую мелкокаменистую почву прибрежья. В эту же минуту прозвучал выстрел снайперской винтовки, после которого еще один воитель гор вскрикнул и, перевалившись через гребень склона, скатился к ногам штурмбаннфюрера

«А вот за этот выстрел спасибо, — мысленно поблагодарил Скорцени княгиню. — Очень уж он вовремя. И никаких псалмопений по этому поводу, никаких псалмопений!».

Перепрыгнуть с пирса на палубу он уже не сумел. Единственное, на что его хватило, это в прыжке схватиться руками за борт. Пулемет на палубе «Мавритании» вновь ожил, но теперь за него залёг Морской Пехотинец. Пули проносились прямо над головой обер-диверсанта рейха, и он вынужден был крикнуть американцу, чтобы тот не слишком усердствовал. И потом ещё несколько секунд штурмбаннфюреру пришлось провести между палубой и морем, между бортом и пирсом распятым на простреливаемом борту яхты.

«А ведь если бы американец захотел, он запросто уложил бы меня сейчас!» — последняя мысль, которая осенила Скорцени, когда он по-щенячьи вскарабкался по скользкому борту и перевалился через фальшборт на палубу. Единственное, чего он до смертного страха боялся, чтобы одна из партизанских пуль не досталась ему в ягодицу. Такой рыцарской отметины он попросту не смог бы потом пережить.

Прежде чем ухватиться за борт, Отто забросил свой пистолет на палубу и теперь, оказавшись на ней, под пулями врага ощупывал расползавшуюся из-под его мокрого мундира лужу, надеясь наткнуться на оружие. Бесполезное занятие это было прервано звериным рычанием Морского Пехотинца. Оставив

пулемёт, американец полулежал на палубе и сжимал руками раненое бедро. «А ведь в него вошла пуля, которая должна была достаться мне!» — почему-то решил Скорцени и, ухватив американца под мышки, потащил за рубку.

— Княгиня, разберитесь с двигателем яхты, иначе мы врежемся в прибрежные скалы.

— В Скалу Любви, — уточнила Мария-Виктория, однако свой снайперский пост всё же оставила.

Вернувшись к пулемёту, Скорцени опять включился в бой. С запада, со стороны ближайшего городка, к вилле приближалась колонна. По рёву моторов штурмбаннфюрер определил, что в её составе то ли бронетранспортёр, то ли танкетка. Партизаны уже поняли, что прибывает подкрепление, и по кромке берега пытались уйти назад, на серпантин, по которому спустились сюда. Однако сначала им предстояло преодолеть скалу, которая хребтом динозавра сползала в море, и за которой засело несколько солдат, спустившихся с возвышенности.

Чтобы не заниматься скалолазанием, двое партизан даже пустились вплавь, чтобы уйти вдоль берега. Но одного Скорцени сразу же сумел отправить на дно, а другой, прекрасный пловец, всё удалялся и удалялся, непотопляемый и неуязвимый.

«Только бы эти, из прибывшей колонны, вовремя разобрались кто есть кто, — с тревогой подумал Скорцени, прислушиваясь к перекрикиванию, доносившемуся из-за виллы, где остановилась колонна. — А то ведь логичнее предположить, что на дороге солдаты. А на возвышенности в лесу — партизаны. И тогда...».

36

С минуту фельдмаршал молчал, откинувшись на спинку сиденья и обессиленно запрокинув голову. Бургдорф незаметно расстегнул кобуру и терпеливо ждал. «Главное, — считал он, — сделано: приговор Лису Пустыни по существу зачитан». Это был самый трудный нравственный рубеж, который генералу предстояло преодолеть прежде всего и который до сих пор сдерживал его.

— Никогда бы не мог предположить, что этим гонцом смерти станешь ты, Вильгельм, — с явной грустью в душе проговорил Роммель. И теперь уже в его голосе не проскальзывало прежних нот агрессивности и пренебрежения. О, нет, в эти минуты обречённый явно пытался заговорить с ним доверительно, возможно, даже растрогать воспоминаниями о былой дружбе, которых генерал опасался больше всего.

— Этим гонцом смерти мог стать кто угодно, — сухо ответил Бургдорф, пытаясь не допустить новой волны сентиментальных экскурсов в прошлое. — Не в этом суть.

— Не спорю: мог. Однако же Гитлер избрал именно тебя.

— А кого прикажете фюреру избирать для столь деликатных поручений, как не личного адъютанта?! — искренне удивился его непонятливости Бургдорф. Теперь генерал уже не сомневался, что рядом с ним сидит окончательно сломленный и почти смирившийся со своей судьбой смертник, ничего общего не имеющий с некогда знаменитым «героем Африки». — Во-первых, фюрер полностью доверяет мне. А во-вторых, он помнит о наших с вами, фельдмаршал, некогда исключительно дружеских отношениях, к которым мне не хотелось бы сейчас обращаться. Решительно не хотелось бы.

— Не время, понимаю, — сочувственно согласился с ним Роммель.

— И не я виноват, — перешел на еще более жесткий, официальный тон Бургдорф, — что вы, фельдмаршал Роммель, не сумели сделать для себя надлежащих выводов еще до того, как в эту ситуацию вмешается фюрер. Извините, но фельдмаршал фон Клюге оказался дальновиднее.

— Если бы речь шла не о таких ничтожествах, как Фромм и фон Клюге, я бы мог предположить, что фюрер стремится истребить всю военную элиту рейха. Как в своё время советскую элиту истреблял Сталин.

— Он стремится истребить не элиту, а врагов рейха и своих личных врагов, что одно и то же. И стоит ли, упоминая имена врагов и предателей, твердить о какой-то там элите?

— Не согласен, — неожиданно окреп голос Роммеля, — быть личным врагом фюрера — ещё не значит быть врагом рейха.

— Разве не фюрер создал этот рейх?

— Его создавали многие люди, пусть даже и во главе с фюрером. — И Бургдорф заметил, как лицо «героя Африки» неожиданно превратилось в одну из ритуальных африканских масок, в которой отпечатался яростный гнев, замешанный на фанатичной ненависти и презрении. — Любить фюрера и любить рейх — не одно и то же, Бургдорф. И вы как адъютант Гитлера знаете это лучше меня, фронтовика.

Бургдорф раздраженно покачал головой. Он отказывался понимать Роммеля. Ведь всё ясно; к чему все эти бесконечные философствования и словоизлияния?

— Я прибыл сюда не для того, чтобы вести с вами политические диспуты, фельдмаршал Роммель. Постулаты философии меня тоже никогда не интересовали.

— Вам вообще не стоило прибывать сюда.

— Это не вам решать, Роммель. Фюрер предлагает вам выбор: позорный суд со всеми возможными изощрениями, на которые только способен председатель Народного суда Фрейслер, и с крючьями Плетцензее...

— На какие только способен... — прохрипел Роммель. Он видел хронику, родившуюся в стенах тюрьмы Плетцензее и запечатлевшую все детали повешения первых двенадцати осуждённых заговорщиков, в том числе фельдмаршала Витцлебена, поэтому прекрасно понимал, о чём идет речь.

— Так вот, фюрер предлагает вам выбор: позорный суд, после которого ваша семья превратится в семью предателя рейха, или вполне достойный выход из ловушки, в которую вы сами себя загнали, оказавшись в лагере заговорщиков. Фюрер гарантирует, что это будет по-настоящему достойный выход, с сохранением имени, чина, наград и заслуг, воинской чести и места в истории Германии. Прежде всего — в её военной истории. Так чего вы еще требуете от нас, Роммель? Что вы ещё вправе требовать от фюрера?

37

Рассвет застал «Мавританию» восточнее Скалы Любви, в горловине залива. Перебазировавшись с пулемётом на капитанский мостик, Скорцени продолжал короткими очередями «огрызаться» после каждого выстрела, доносившегося с поросших кустарником склонов. Время от времени бралась за оружие и Мария-Виктория, однако партизаны стреляли всё реже: то ли гибли, то ли уходили, а может, просто кончались патроны.

— Эй, штурмбаннфюрер, не пора ли нам завершать это сафари? — вновь выглянул из машинного отделения Джон Шеридан. Рана его оказалась пустяковой царапиной, ногу он перевязал и теперь во всю старался бодриться. — Совершенно ясно, что на этой охоте трофеи достанутся другим. Дичь — вон она, благополучно уходит.

На его слова Скорцени не отреагировал. Заметив на оголённом участке возвышенности фигуру человека, карабкавшегося к хребту, он прошёлся по нему несколькими короткими очередями и, лишь увидев, как партизан рухнул на спину, и, раскинув руки, начал съезжать вниз, прекратил стрельбу.

— Ну, всё, флотоводцы, угомонились? — вновь подал голос Морской Пехотинец. Заглянув вниз, Скорцени увидел, что он стоит с винтовкой на плече, придерживаясь рукой за стенку каюты. Другой рукой он сжимал раненую ногу. — Может, прикажете уводить крейсер из этого Пирл-Харбора?

— Что-то я не чувствую фронтовой злости, сержант, — ответил Скорцени. — Понимаю: там, на склонах, ваши союзники, дьявол меня расстреляй, поскольку воюют против германцев.

— Плохо же вы разбираетесь в том, что здесь происходит, штурмбаннфюрер. Мы имеем дело с партизанами из итальянского Сопротивления, то есть с коммунистами. Готов перегрызть себе горло, что сейчас мы перестреливались с карабинерами полковника Вальтера Аудизио, выступающего под кличкой «Валерио[1]».

---

[1] Вальтер Аудизио, он же «полковник Валерио», — полковник итальянского Сопротивления. Вошёл в историю войны как человек, лично расстрелявший в апреле 1945 года схваченного партизанами Гарибаль-

— Валерио говорите? Кое-что слышал о нём. Почему бы вам, синьора Сардони, не пригласить его на виллу.

— К следующему вашему визиту. Кстати, у них здесь уже Сталин свой объявился, некий Луиджи Лонго. Чем ближе к Берлину части Красной армии, тем гарибальдийцы становятся назойливее и наглее.

— Ничего, через месяц-другой мы их успокоим, — убежденно молвил Отто.

— Сомневаюсь, — проворчал Морской Пехотинец. — Если вам угодно выслушать личное мнение сержанта морской пехоты, то мне сдаётся, что расправляться с ними уже придется ребятам с американских военных баз, причем после нашей полной оккупации Италии. Однако я заговорился. Синьора княгиня, прикажите увести яхту из-под обстрела, у неё пробоина чуть выше ватерлинии. При малейшей волне появится течь.

— Тогда чего вы ждёте? Пока потерпим кораблекрушение? — спокойно поинтересовалась Мария-Виктория, всё ещё осматривая склон через оптику прицела. Она и в самом деле вела себя как заядлый добытчик дичи, которого пытаются увести с охоты в самый её разгар. — К тому же нас заждались на вилле.

Словно бы подтверждая её слова, с берега крикнули в рупор:

— Княгиня, это я, Кальваччо! Вы слышите меня?! У вас всё в порядке?!

Мария-Виктория вошла в капитанскую рубку и из-за двери, тоже в рупор, ответила:

— Мы идем к вилле!

— У нас здесь подкрепление. Ждём вас!

— Все наши целы?

— Где-то исчез француз Матье, кажется, увлекся погоней.

дийской бригады дуче Муссолини. За убийство Муссолини заочно приговорен к смертной казни как сторонниками дуче, так и боевиками из «красных бригад», поэтому после войны долгое время вынужден был жить полулегально. Пули ему всё же удалось избежать, он умер от инфаркта. — *Примеч. авт.*

— Или сбежал к партизанам, — предположила княгиня, но уже не в рупор, а исключительно для Скорцени. Хотя меня заверяли, что он сторонник французских коллаборационистов, то есть союзник рейха. Впрочем, разбираться будем после войны.

* * *

Яхта медленно шла вдоль берега, приближаясь к причалу виллы «Орнезия». На пристани уже собралось человек тридцать, и большинство их них было в форме.

— Нас встречают, как экспедицию Магеллана, — молвила Сардони, останавливаясь рядом с обер-диверсантом, выступавшим сейчас в роли штурвального. — Кажется, там целая рота войск СС. Не понятно только, почему они топчутся здесь, вместо того чтобы преследовать гарибальдийцев.

— Они восхищены вашим «крейсером», синьора. Теперь вы предстанете перед ними как выдающийся итальянский флотоводец.

Она оттеснила Скорцени от штурвала и взялась за него сама. Княгиня много раз подводила яхту к причалу, а потому была уверена, что и этот подход у неё получится лучше, чем у постигающего азы мореходства штурмбаннфюрера. Прошло еще несколько минут, — и мастерски подведенная Марией-Викторией «Мавритания» коснулась стенки причала. На берегу её встречали возгласами приветствия и сотрясанием поднятого вверх оружия.

— Я рад видеть вас, Скорцени, — прыгнул на палубу какой-то офицер СС, не дожидаясь, пока Морской Пехотинец спустит трап.— Вы что, не узнаете меня?

— Дьявол меня по этому поводу расстреляй!

— Вот именно. Пауль Умбарт, командир батальона ваффен-СС «Корсика». Только, увы, уже не на Корсике. Месяц назад нас перебросили сюда, и с тех пор мы выслеживаем партизан, а партизаны — нас.

— Причем, насколько я понял, счастье почему-то упорно сопутствует партизанам, — холодно предположил Отто, явно

разочаровывая Умбарта, ожидавшего, что встреча начнётся с объятий и похлопывания по плечам.

— Вы, как всегда, слишком суровы, штурмбаннфюрер.

— Потому что не уверен, что при таком «усилении борьбы с партизанами» Муссолини опять не окажется под арестом на каком-то из островков, а то и на вершине ближайшей горы.

— Вот тогда уж вам без меня точно не обойтись.

Умбарт ещё больше располнел. Раскрасневшиеся щёки свидетельствовали о том, что мизерная разница в климате между Корсикой и лигурийским побережьем Италии на самочувствии и аппетите этого штурмбаннфюрера никак не сказались. В то же время пули партизан счастливо обходят его, правда, вместе с чинами, наградами и прочими добродетелями начальства.

— Не проще ли вам напасть однажды со своим батальоном на ставку Муссолини и похитить его раз и навсегда, коль уж для вас это стало пределом амбиций.

— Пусть даже амбиций, Скорцени, пусть амбиций, — продолжил Умбарт сию тему уже на берегу. — Для меня это последняя возможность отличиться в нынешнюю войну, войти в её историю.

— Так мне что, следует еще раз похитить дуче, только на сей раз доставить не в ставку фюрера рейха, а в ставку штурмбаннфюрера Умбарта?

— А что, это мысль! Не зря я всё чаще вспоминаю ваши слова, точнее, ваше заклинание: «Я ещё вернусь в этот мир! Я ещё пройду его от океана до океана!».

— Вот именно: вернуться бы и пройти... — с едва заметной грустинкой подтвердил верность своему девизу обер-диверсант.

38

Фельдмаршал недоверчиво взглянул на Бургдорфа и закрыл глаза.

— От фюрера я уже ничего не жду, — сдавленным голосом прохрипел он.

— Сами видите, что ваше участие в путче до сих пор никак не афишировалось. И впредь тоже никто не посмеет бросить тень

на ваше имя. Фельдмаршал Роммель так и останется в памяти германского народа как один из самых талантливых его полководцев.

Глубоко вздохнув, Роммель приказал остановить машину. Водитель оглянулся на Бургдорфа, но, прежде чем тот среагировал на требование фельдмаршала, нажал на тормоза. Еще спустя несколько мгновений Роммель открыл кобуру и взялся за ручку дверцы.

— Это исключено, — придержал его лежащую на кобуре руку Бургдорф. — Совершенно исключено. Фельдмаршал Роммель не может уйти, избавив себя от бремени полководца столь недостойным образом. С чего вдруг? Находясь дома, подлечившись после ранения?..

— Поймите, фельдмаршал, — вновь решился подать голос Майзель, до сих пор восседавший рядом с водителем, словно восковая кукла. — Решается вопрос чести не только Роммеля, но и всего вермахта, всей Германии. Еще бы: фельдмаршал Роммель... Германия... В истории Германии... — тут же потерял он нить своих рассуждений. — С чем нельзя не согласиться... Генерал Бургдорф, как личный адъютант фюрера...

Не обращая никакого внимания на его благочестивый бред, Бургдорф извлёк их нагрудного кармана ампулу, врученную ему в Берлине специалистом из «Особой химической лаборатории Мюллера». Увидев её, Майзель мгновенно сник и глубже осел в кресле, словно пытался спрятаться за спинку сиденья. Сейчас он вёл себя так, словно на самом деле ампула предназначалась не Роммелю, а ему.

— Это всё, что я могу предложить вам, фельдмаршал Роммель, — как можно убедительнее произнёс Бургдорф. — Как утверждают, действует этот яд-«гестапин» мгновенно и безболезненно, к тому же обладает малиново-жасминным привкусом.

— И даже малиново-жасминным привкусом? Поди ж ты. Сами пробовали? — попытался изобразить саркастическую ухмылку на своём лице «герой Африки».

— Причем дважды, — не растерявшись, в тон ему ответил Бургдорф. — Лично испытывал.

— Ну что ж, будем считать, что решение принято. Извините, господа, придется вас покинуть, — едва слышно проговорил Лис Пустыни. — В такой ситуации сводить счёты с жизнью лучше наедине с самим собой.

— Нет, фельдмаршал.

— Что значит «нет»? Ни консультанты, ни зрители мне не нужны.

— И всё же вам не следует оставлять машину. Это должно произойти сейчас и прямо здесь, чтобы потом нам не пришлось подтаскивать вас к машине. К тому же свидетелями этой сцены не должны становиться солдаты из нашего сопровождения. Лишние свидетели нам и в самом деле не нужны.

— Тогда выйдите вы.

В машине воцарилось неловкое молчание.

— Я, пожалуй, оставлю вас, — то ли из уважения к фельдмаршалу, то ли просто опасаясь за свои нервы, проговорил водитель и, не дожидаясь разрешения генералов, поспешно выбрался из «мерседеса». Бургдорф и Майзель проводил его взглядами, а затем вопросительно переглянулись.

— Только в нашем присутствии, — с непонятным упорством настоял Бургдорф. — Мы двигались по шоссе, неожиданно вам стало плохо... Причем происходило всё это в нашем присутствии. Такова легенда. Германцам это будет преподнесено как смерть от сердечного приступа.

— Такое случается, — не из ехидства, а исключительно из-за своей растерянности заверил будущего самоубийцу Майзель. — Даже среди военных. Недавно был такой случай: один офицер...

— Да замолчите вы когда-нибудь, Майзель? — буквально прорычал личный адъютант фюрера. — Вашу историю мы выслушаем потом.

— Прошу прощения, фельдмаршал, — растерянно и покаянно пробормотал Майзель.

— Вот именно, — заключил Бургдорф. — Пока что говорю только я. Эта ампула, фельдмаршал Роммель, предназначена для вас. По личному приказу фюрера. Кстати, точно такие же ампулы постоянно носят с собой Шелленберг и Кальтенбруннер. Возможно, еще кое-кто из высшего руководства рейха, но эти два генерала СС — точно.

— Хотите сказать, что мне следует присоединиться к их компании прямо сейчас? — собрал остатки своей иронии Роммель.

— Хочу предупредить, что отказ принять содержимое этой ампулы будет расценен фюрером как отказ от исполнения приказа.

— Так это еще и приказ фюрера? Надеюсь, он и сам не забыл обзавестись подобным сувениром смерти?

— Решения фюрера обсуждению не подлежат. После приёма ампулы вы будете доставлены в ближайший военный госпиталь. Мы уже выяснили, где он находится. О соответствующем заключении медиков я позабочусь.

— Не сомневайтесь, фельдмаршал, мы позаботимся, — пробормотал Майзель, почти с ужасом наблюдая за тем, как решительно Роммель взял предложенную ему ампулу и стал рассматривать её на свет. — Обязательно позаботимся.

— Будьте вы все прокляты, — глухим, сдавленным голосом, словно только что вырвался из висельничной петли Плетцензее, проговорил Роммель. — Или, может, я несправедлив?

— Высшая справедливость здесь, в этом божественном сосуде, — ткнул Бургдорф пальцем в ампулу с цианистым калием. — Она — в малиново-жасминном привкусе вечной свободы.

— Ты, конечно, ловок, Бургдорф[1]. Фюрер знал, кого присылать, — хищно прищурился Роммель и, помедлив еще несколько секунд, решительно втиснул ампулу в просвет между зубами.

— Прощайте, фельдмаршал Роммель, — чётко, почти по складам произнёс генерал Бургдорф. — Всё остальное в этом мире вас уже не касается.

---

[1] Таковыми, по воспоминаниям самого генерала В. Бургдорфа, и были последние слова фельдмаршала Роммеля, прежде чем он раскусил ампулу. — *Примеч. авт.*

Ампулу Лис Пустыни раскусил, почти не колеблясь, с убежденностью самурая, с вызовом и полнейшим презрением, глядя прямо в глаза своему палачу. Он умирал так, как и должен умирать фельдмаршал Роммель, множество раз смотревший в глаза смерти, и чье имя уже навечно вписано в историю Европы, независимо от того, что по этому поводу думают господа из Суда чести, фюрер, все его приближённые и адъютанты.

«Счастлив тот, кто отрёкся от мира раньше, чем мир от него!», — последняя мысль, пронзившая сознание умирающего фельдмаршала. Он не просто запомнил эту мудрость другого полководца, Тимура, но и припас её для себя. Причем припас давно, именно для того случая, когда придётся делать выбор между смертью и пленом, между мучительной раной, тяжёлой болезнью — и смертью... То есть, когда придется делать выбор, осознавая, что никакого выбора судьба тебе уже не оставила, что и ему тоже пришла пора стать на Тропу Самоубийц, начинающуюся и заканчивающуюся у подножия усыпальниц великих предков.— «Счастлив тот, кто отрекся от мира...».

39

Солнце над Генуэзским заливом восходило, как всегда, чистое и невинное, словно христианские проповеди престарелой грешницы. Оно не имело никакого отношения к тому, что происходило в окрестностях виллы «Орнезия» в эту ночь, как и ко всему тому, что происходило в этом мире. Озаряя небесными лучами мёртвых и согревая живых, одним оно дарило благодушное забвение, другим — столь же благодушную надежду.

— Господин штурмбаннфюрер, партизаны потеряли тридцать два человека убитыми, — доложил Родль, швыряя к ногам Скорцени трофейный карабин. — Мы — двоих убитыми и троих ранеными. Раны, к счастью, нетяжёлые.

— Среди партизан раненых не обнаружено?

— Было двое, но не лечить же их. Остальным, очевидно, удалось уйти.

— Еще, как минимум, двоих мы отправили на дно моря, — добавил Морской Пехотинец.

Они стояли во внутреннем дворике виллы, куда солдаты и охранники наносили небольшой холм трофейного оружия, с видом полководцев, выигравших крупное сражение.

— Что-то я не вижу одного их своих охранников — Матье, — неожиданно встревожилась Мария-Виктория, обращаясь не столько к Родлю, сколько к присутствующим здесь итальянцам — Кальваччо и Нантино.

— Пока что причислим его к пропавшим без вести, — ответил лейтенант Кальваччо. — Но можно не сомневаться, что он ушел с партизанами.

— Безумное решение.

— Не такое уж безумное, если учесть, что в борьбе против рейха, — искоса взглянул он на эсэсовцев, — невольными союзниками партизан становятся англичане, американцы, французы и русские. Так что акции наших гарибальдийцев с каждым днём повышаются.

— Странно, что вы, лично вы, всё еще остаётесь в нашем лагере, — недовольно проворчала Сардони.

В сопровождении офицеров Мария-Виктория обошла всю прилегающую к вилле холмистую территорию. Здание «Орнезии» почти не пострадало, если не считать нескольких пулевых отметин на фронтоне. Зато опорные столбы ворот были изувечены взрывами гранат, а одна из статуй воинов-римлян, охранявших вход, расстреляна с таким усердием, словно все партизаны только в неё и целились. Осматривая её, Скорцени так и решил, что, наверное, в сумерках налётчики приняли статую за живого охранника. Усердие, с которым гарибальдийцы палили по ней, наверняка спасло жизни нескольким истинным защитникам виллы.

— Не кажется ли вам, что этот парень сражался упорнее всех? — поддержал его мысль адъютант Родль. — Жаль, что не удастся угостить его хотя бы бокалом корсиканского вина, — при этом Родль многозначительно взглянул на командира «корсиканцев».

— Это предусмотрено, гауптштурмфюрер, — охотно откликнулся Умбарт. — Кстати, лично вас, господин Скорцени,

ждет небольшой сюрприз. И тоже с корсиканскими воспоминаниями.

— Что вы имеете в виду?

— Ну кто же спрашивает, что имеется в виду, когда речь идёт о сюрпризе?!

— Послушайте, Умбарт, я не пойму: вы здесь сражались или плели интриги?

— Одно другому не мешало, — признался комбат. — Кстати, моё появление здесь — тоже сюрприз. Если бы мне не сообщили, что здесь находится Скорцени...

Появилась служанка и сообщила, что завтрак для господ офицеров готов. Солдат тоже накормят.

— Не будем огорчать моих поваров, — мило улыбнулась Мария-Виктория. — Пока мы сражались, они мужественно колдовали над нашим завтраком, еще не зная толком, кому он достанется: нам или партизанам.

— Зато, вдыхая источаемые кухней запахи, мы знали, за что сражаемся, — пошутил Родль.

— Что будем делать с оружием? — спросил лейтенант из батальона Умбарта, занимавшийся сбором трофеев.

— Погрузите в одну из машин, — распорядился штурмбаннфюрер.

— Не торопитесь, господин Умбарт, — вмешалась княгиня. — Оружие добыто в бою за виллу. И останется в арсенале «Орнезии».

— Но вы не имеете права складировать у себя оружие, тем более — трофейное.

— Вот как? Значит, право сражаться мы, гарнизон «Орнезии», имеем, а хранить оружие — нет? Может, оставите здесь одну из своих рот, которая составит гарнизон виллы?

Умбарт, княгиня и лейтенант вопросительно взглянули на Скорцени, как на верховного судью.

— Вы глядите на меня, Умбарт, с такой грустью в глазах, словно сомневаетесь в правоте владелицы «Орнезии», — отреагировал обер-диверсант рейха, только теперь осматривая свой

порядком измятый, буквально изжеванный мундир. — Которая к тому же оказалась очень гостеприимной хозяйкой.

— Да, но есть приказ...

— О роте охраны виллы речи, конечно, быть не может. Но постоянный пост из трёх солдат всё же придётся учредить. Видите вон ту плоскую высотку по ту сторону дороги, почти напротив ворот виллы? Пусть соорудят из камня некое подобие форта и установят там пулемет. В случае нападения на него партизан, ваших солдат поддержат люди с виллы, и наоборот.

* * *

Считая, что инцидент исчерпан, все направились на веранду, на которой были накрыты столы, но в это время появился фельдфебель, прибывший в составе охраны Скорцени, и сообщил, что объявился француз Матье. И что будто бы один их солдат уверен, что видел, как этот француз помогал раненому партизану.

— Это действительно так? — холодно поинтересовался Скорцени уже у самого Матье, сидя при этом за столом рядом с Марией-Викторией. — Вы помогли одному из партизан?

— Из раненых... партизан, — уточнил Матье.

Высокий, невообразимо худой, в изорванной одежде полувоенного образца, он напоминал то ли Робинзона, то ли изловленного в горах и представшего перед военно-полевым судом дезертира.

— И в чём же заключалась ваша помощь?

Матье устало взглянул на обер-диверсанта и столь же устало пожал плечами.

— Мой рассказ будет короче, чем вы предполагаете, — при каждом слове копьеподобный кадык француза упрямо прорезал тощую морщинистую кожу. Казалось, ещё одно движение — и она не выдержит, разойдется, словно под ударом ножа. — Я вытащил партизана из кювета, протащил метров двести, чтобы оба мы оказались вне зоны огня, и там перевязал. А затем тащил, а временами нес на себе, еще более часа, пока не наткнулся

на какую-то горную хижину, в которой обитает старуха. Там и оставил его.

— Вы говорите об этом с такой откровенностью, словно не понимаете, что вас ждет за эти старания по законам военного времени! — молвил Умбарт, грохнув кулаком по столу. — Пока мы здесь сражались с партизанами, вы спасали одного из партизан. Это разве не предательство?

— Прощаясь, партизан сообщил, что дома у него хранится около двухсот литров вина, — невозмутимо продолжил свой рассказ Матье. — Он спрятал его в тайном погребе, чтобы спасти от солдат. Как только кончится война, он приглашает всех нас, уцелевших в ней участников нынешнего боя, к себе, на это вино.

— Вы что, бредите, мсье предатель?! — не удержался Скорцени.

— Нет, партизан тем более не бредил. Кстати, фамилия его Массино. Антонио Массино. Деревню он тоже назвал. Полагаю, что у нас появился еще один послевоенный союзник, а главное, еще один дом, в котором в трудные минуты нас могут приютить. Кажется, я ответил на все ваши вопросы, господа? А теперь, если вы, синьора княгиня, не возражаете, я присяду за стол и выпью бокал-второй вашего вина. К тому же я страшно изголодался.

Штурмбаннфюреры угрюмо переглянулись. Больше всего их удручало даже не то, сколь независимо ведёт себя этот французишка, а то, что, в конечном итоге, он прав. Сама логика развития событий, житейская мудрость — на его стороне.

— Стоит ли так торопиться к столу, мсье? — побагровел Умбарт, угрожающе приподнимаясь и хватаясь за пистолет. Перед ним был француз, что само по себе вызывающе, поскольку он терпеть не мог французов, эту нацию предателей. Тем более, этот француз оказался пособником партизан.

— Остановитесь, штурмбаннфюрер, — медленно, с достоинством поднялась княгиня. — Никто не дал вам право стрелять здесь, тем более — в моих охранников.

— Я остановлюсь. Но мои солдаты сейчас угостят вашего француза такой порцией свинца, что он не сумеет запить его

даже двумястами литрами партизанского вина. Эй, шарфюрер Шоргер!

Появился высокого роста широкоплечий детина, с огромным «гениальным» лбом и длинными, гориллоподобными руками, свисающими ниже колен. Глядя на этого человека, можно было предположить, что появился он на свет в результате скрещивания одного из классических европейских интеллектуалов с гориллой. Причем продукт оказался с преобладающими признаками гориллы.

— Что?! — зычным басом прорычало это существо, уставившись на Умбарта из-под широких надбровных дуг. — Армейский этикет оказался ему явно не под силу.

— Ты видишь этого француза?

— Вижу. Это приказ?

— Вы прекрасно сражались, шарфюрер Шоргер, — попыталась перехватить инициативу княгиня. — Как и этот француз. Вам полагается наградной бокал вина.

Морской Пехотинец мгновенно наполнил один из пустующих бокалов и поднёс его мутанту в форме СС. Пока тот был занят напитком, Шеридан, прихрамывая, подошел к Матье, взял его за предплечье и подтолкнул к двери.

— Я помогу этому мсье привести себя в порядок.

— Отведите этого господина в дозорную башню, — согласилась княгиня. — И стреляйте в каждого, кто попытается арестовать его. В каждого!

— Прежде чем оставить столь достойную компанию, — задержался Матье, — хотел бы сказать о том, что на самом деле заставило меня сохранить жизнь этому раненому гарибальдийцу.

— Вот это уже интересно. Говори, — приказал Скорцени.

— Этот винодел слышал, как перед выступлением в рейд командир его отряда беседовал с полковником Валерио. Тот приказывал как можно больше обитателей виллы взять живыми и говорил о каких-то несметных сокровищах, которые затоплены где-то здесь, неподалеку, по приказу фельдмаршала Роммеля. Так вот, партизан-винодел интересовался, знаю ли я об этих

фельдмаршальских бочонках с золотом, и предлагал после войны вместе заняться их поисками.

Скорцени и княгиня многозначительно переглянулись: «Значит, к охоте за золотом Роммеля уже подключились и партизаны, — прочитывалось в этих взглядах, — что еще больше усложнит нам жизнь!».

— Это всё разговоры, — произнесла Сардони. — Мы сами хотели бы знать, существует ли подобный клад на самом деле, где он затоплен или на каком побережье зарыт?

На веранде возникло неловкое молчание, наподобие того, что воцаряется, когда мужчинам становится ясно: они злоупотребили гостеприимством хозяйки.

— Можете не сомневаться, что я в точности выполню приказ княгини, — нарушил его сержант, на ходу врезаясь плечом в плечо Шоргера. Разговоры о сокровищах его не интересовали, он спешил обезопасить Матье. Несмотря на ранение морского пехотинца, толчок у него получился настолько сильным, что на ногах эсэсовец устоял только потому, что привалился спиной к дверному косяку.

— Вы всё поняли, синьор Умбарт? — обратилась Мария-Виктория к командиру батальона корсиканцев, когда оба «орнезийца» ушли. — Я не позволю вам осмысливать то, что происходит сейчас на территории виллы, категориями проигранной рейхом идиотской войны. Собравшиеся здесь люди разных национальностей начинают жить по законам послевоенного времени, когда о былой вражде уже забыто, а в качестве союзника рассматривается каждый, кто отстаивает ценности белой расы как таковой и кто пытается искоренить раковую опухоль коммунизма.

— Вы неподражаемо прекрасны, княгиня, — болезненно поморщился Умбарт, движением руки выпроваживая Шоргера. — Но о чем вы говорите? Кто здесь может выступать против святынь европейской цивилизации? — осмотрел он присутствующих с таким воинственным видом, словно в самом деле намеревался схватиться за пистолет.

40

Спустя несколько минут после самоубийства фельдмаршала его тело было доставлено генералами в военный госпиталь в Ульме.

— Кто это?! — ужаснулся еще относительно молодой врач с бородкой-эспаньолкой, увидев на носилках человека в фельдмаршальском мундире.

— Слава и бесславие Германии, — твёрдо ответил Бургдорф.

Врач непонимающе уставился на него.

— Но всё же, кто это, господин генерал?

— Каков ваш военный чин, доктор?

— Оберштурмфюрер СС.

— Так вы еще и офицер СС? Тем лучше для нашего дела. Я — генерал Бургдорф, личный адъютант фюрера.

— Хайль Гитлер! — вскинул руку в приветствии хирург-эсэсовец.

— А на этих носилках лежит Роммель. Мёртвый... Роммель.

— Сам фельдмаршал Роммель?! В нашем госпитале? Не может такого быть!

— Вот именно: быть такого не может. Поэтому вы никогда его здесь не видели, — угрожающе предупредил Бургдорф. — Ваших санитаров это тоже касается

— Он умер? Убит? — еще на ходу принялся нервно ощупывать тело фельдмаршала врач, не обращая внимания на предостережения генерала, но и не решаясь при этом расстегнуть китель Роммеля, на стоячем вороте которого отливал серебром Рыцарский крест.

— Умер, доктор, умер, — объяснил Бургдорф, как только Роммеля положили на стол перевязочной. — Только что, в машине. Ничего не поделаешь: иссеченное ранами сердце старого солдата не выдержало.

— Такое порой случается даже с фельдмаршалами, не говоря уже... — сунулся было со своими дурацкими объяснениями Майзель, но, наткнувшись на уничижительный взгляд Бургдорфа, пристыженно умолк. Он еще помнил, как резко поста-

вил его на место в подобной же ситуации адъютант Гитлера буквально полчаса тому назад.

— Нам придётся сделать вскрытие, — молвил врач.— Фельдмаршала следует раздеть.

— Никакого вскрытия.

— Мы сделаем его в вашем присутствии, господин генерал.

— Вы не расслышали мой ответ? Я сказал: «Никакого вскрытия!» — тоном, не допускающим возражения, заявил Бургдорф. — Этот человек умер не здесь. Он умер еще в Берлине, вы поняли меня?! Поэтому от вас не требуется ничего, кроме медицинского заключения.

— Какого именно? — растерянно смотрел на него врач.

— Кто здесь медик: я или вы? Вам ведь уже сказано было: «убедительного».

Врач хотел что-то возразить, но в это время в перевязочной появился человек в черном штатском костюме. Наткнувшись на удостоверение офицера гестапо, которым этот «в штатском» врезался в клинышек его бородки, врач решил, что от дальнейших выяснений мудрее будет воздержаться. Тем более что и так уже понял, что, скорее всего, фельдмаршал воспользовался ампулой с ядом. Вернее, ему помогли ею воспользоваться.

— Майзель, — распоряжался тем временем Бургдорф. — Идите в кабинет начальника госпиталя и позвоните родным фельдмаршала. Номер телефона вам известен. Сообщите о том, что произошло и что похороны состоятся в Берлине. Со всеми надлежащими фельдмаршалу почестями.

— Может, это лучше сделать вам самому? — промямлил Майзель.

— Для чего тогда, спрашивается, я приглашал вас в эту поездку? — не постеснялся присутствия врача и появившейся медсестры адъютант фюрера. — Чтобы вы разглагольствовали о непогрешимости вашего, извините, Суда чести?

— Сейчас, сейчас! — успокаивающе поднял руки Майзель, словно опасался, что у Бургдорфа припасена еще одна ампула. Теперь уже для него. — Я позабочусь, чтобы родные были оповещены.

— Вы звоните только в Герлинген. Берлином и ставкой фюрера я обеспокоюсь лично.

— Но что же нам делать? Медицинское заключение — это видите ли... Как-никак речь идет о фельдмаршале Роммеле, — всё еще не мог успокоиться врач. — Позвольте хотя бы формально осмотреть его.

— Не прикасаться! — отрубил Бургдорф. — Именно потому, что это фельдмаршал Роммель, а не местный лавочник, не прикасаться! И всем, всему персоналу, прикусить языки. Десять минут вам для того, чтобы вы составили медицинское заключение.

— Есть составить заключение через десять минут!

Бургдорф в последний раз взглянул в искаженное гримасой смерти лицо своего давнего боевого товарища и положил рядом с его телом маршальский жезл, который до сих пор держал в руке, как трость.

«Это ж надо: малиново-жасминный привкус яда! — покачал он головой. — Специалиста из Парижа приглашали, дегустатора французских духов!» — умиротворенно позавидовал он последнему «жесту особого уважения», оказанного прославленному полководцу колдунами из «Особой химической лаборатории гестапо».

41

И всё же обещанный штурмбаннфюрером Паулем Умбартом «сюрприз» действительно состоялся. Увидев, что с подносом на руке в зале появился «закоренелый баварский сепаратист герр Шварц», недавний владелец отеля и ресторана «Солнечная Корсика», Скорцени застыл от удивления.

— Дьявол меня расстреляй, — только и мог сказать он, наблюдая, как масон ложи иллюминатов[1] невозмутимо проходит

[1] Орден иллюминатов был основан в 1776 году в Баварии профессором канонического и естественного права Ингольштадтского университета Адамом Вейсгауптом. Иллюминаты проповедовали свободу, равенство и братство между людьми всех рас и сословий, стремились к всемирной революции. — *Примеч. авт.*

мимо него и, остановившись между Умбартом и княгиней, расставляет на столе отдающие подвальной прохладой винные бутылки, хотя на столах их и так было предостаточно. — Где я — на вилле «Орнезия» или в «Солнечной Корсике»?

— У «Солнечной Корсики» на время появился другой хозяин, — сдержанно просветил его Шварц. — Мне пришлось якобы продать её одному надёжному человеку, к которому у новых французских властей особых претензий не появится и который, надеюсь, сумеет сохранить этот, как его с некоторых пор называют, «корсиканский бункер Скорцени» до лучших знамений.

— Однако вы как закоренелый баварский сепаратист в эти «лучшие знамения», конечно же, не верите, — иронично поиграл улыбкой Отто, — поскольку знамения эти будут касаться Германии.

Кирпично-пепельное лицо Шварца слегка удлинилось. Он слишком давно не общался с обер-диверсантом рейха, и теперь ему заново следовало привыкать к его манерам, способу мышления, а главное, к принципам изложения мыслей. Австриец Скорцени всегда считал его закоренелым баварским сепаратистом, но предупредил начальника корсиканского гестапо, что пристрелит каждого, кто посмеет преследовать владельца «Солнечной Корсики» и давнего агента СД за этот «мелкий грешок юности».

Обер-диверсант, конечно же, шантажировал его «баварским сепаратизмом», за который легко можно было угодить на виселицу, но делал это всегда со своеобразным, «расстрельным» юмором.

— Политические постулаты становятся доступнее после бокала корсиканского вина, — молвил Шварц, любовно осматривая три запотевшие от холода бутылки красного вина, точно такие же, какими осчастливливал своих гостей в «Солнечной Корсике».

— И всё же не представляю вас вне Корсики, — с лёгкой грустинкой признал Отто, прощупывая леденящую твердь бутылочного стекла. — Вы и этот священный остров — неразделимы, да простит вас Великая Бавария, горделиво возвышающаяся

над погрязшими в отчаянии, «померанниями», «саксониями» и прочими «германиями».

— Вам не кажется, штурмбаннфюрер, что с синьором Шварцем вы общаетесь на некоем языке символов и намёков? — не удержалась Сардони. — Что совершенно лишает всех нас, остальных, возможности принимать участие в вашей великосветской беседе.

— Вы очень точно уловили суть нашего общения, княгиня. Мы с великим магистром ордена иллюминатов синьором Шварцем действительно общаемся с помощью символов. Будь вы, княгиня, коммунисткой, вы бы, конечно, знали... Кстати, вы всё ещё не коммунистка?

— Я ещё окончательно не решила, — мило улыбнулась Мария-Виктория, с благоговением наблюдая за тем, как Шварц наполняет вином её бокал. — Вполне возможно, что сразу же после войны возглавлю легион местных революционеров.

— ... Тогда вы бы знали, что основной символ коммунистов — пятиконечная звезда — перешёл к ним как символ всемирного масонства вместе с лозунгами: «Свобода, равенство, братство!», пионерским приветствием «Будь готов! Всегда готов!», столетиями служившим паролем масонов; а также номенклатурным утверждением при назначении на должности, которое в точности соответствует ступеням посвящения в масонские степени. Все европейские революции были организованы масонами. И вообще, им есть чем гордиться: Кромвель, Наполеон, Ленин, сотни военачальников, политиков, монархов и прочих деятелей — всё это масоны. Я не прав, герр Шварц?

— Мне кажется, назрела необходимость обсудить проблемы масонства более обстоятельно, — неожиданно парировал баварский сепаратист, свинцово взглянув на Скорцени. — В иной обстановке, а также в ином составе.

И штурмбаннфюрер вновь ощутил, что перед ним уже не тот запуганный владелец ресторанчика, который чуть было не ронял поднос после каждого полушутливого выпада против него. Даже после того, как Скорцени добился, чтобы Шварцу выделили несколько тысяч марок для реконструкции его заведения,

смелее вести себя тот не стал. А тем временем Скорцени явно повело:

— Какую ещё великую революцию вы затеяли, брат Шварц, мастер Ложи Девяти Сестер[1]? Бастилия, как уверяет нас Мария-Виктория, княгиня де Сардони, давным-давно взята. Людовик XVI, а равно, как и королева Мария Антуанетта, казнены. Пятиконечная звезда и всемирный интернационализм восторжествовали. Я ничего не напутал во всей этой марксистско-масонской истории?

— Не масонохульствуйте, Скорцени, — в тон ему ответила княгиня. Однако лицо её оставалось при этом предельно сосредоточенным, и было ясно, что разговор о масонах, да ещё в таком тоне, какого-то особого удовольствия ей не доставляет. — Не пытайтесь войти в историю Германии, в ипостаси величайшего масононенавистника. Всё равно ложи в рейхе были разогнаны Гитлером, а не вами.

Скорцени едва заметно улыбнулся.

— Вы слышали, Шварц, «не масонохульствуйте», — благополучно избежал Отто призыва: «не гитлерохульствуйте». — Прислушайтесь к совету княгини де Сардони, одной из мастериц местной ложи. Однако всё это шутки, в то время как вы, герр Шварц, престолоблюститель Корсиканского королевского трона, понадобитесь мне для более серьёзных бесед.

— Я тоже уверен в этом, — вежливо склонил голову Шварц, и степенно, как прекрасно вышколенный дворецкий, удалился.

Ещё несколько минут победный завтрак проходил почти что в полном молчании. Отдельные слова вежливости и пожеланий в счёт не шли. С той минуты, когда Скорцени решил, что обмен мнениями закончен, все остальные офицеры, вместе с хозяйкой и сержантом Шериданом, сразу же вспомнили, что находятся в некоем аристократическом заповеднике, каким-то образом сохранившемся посреди войны.

---

[1] Ложа Девяти Сестер (первоначально называлась Ложей Наук) была основана в 1769 году во Франции. Среди её членов в разное время числились такие известные философы и политические деятели, как Вольтер, Монтескье, Руссо, Дидро и пр. — *Примеч. авт.*

42

Расправившись со своей отбивной, обер-диверсант рейха вежливо поблагодарил Марию-Викторию за угощение и спустился на берег залива.

Поднявшись на небольшой холм, Скорцени видел, как в долине, по ту сторону дороги, сносят тела убитых партизан и складывают в штабель. По просьбе владелицы виллы их должны будут сжечь. Княгине очень не хотелось, чтобы окрестности «Орнезии» превращались в солдатское кладбище. Да и Скорцени этого тоже не хотелось: слишком уж нетронутым, почти райским, казался сейчас этот уголок Лигурии. Всё, что происходило здесь прошлой ночью, представлялось теперь даже не кошмарным сном, а неким сатанинским наваждением.

Чтобы как-то отрешиться от него, Скорцени перевел взгляд на «Мавританию». Яхта стояла неподвижно, и лишь легким покачиванием вершины мачты, словно стрелкой осциллографа на голубом валике небес, отмечались сердцебиение утреннего моря и дуновение легкого ветерка, зарождавшегося где-то между вершинами гор и морским заливом.

— Если я верно воспринимаю ход событий, сегодня у нас день прощания? — услышал он позади себя голос Марии-Виктории.

— Как видите, мой очередной визит умиротворения этому краю тоже не принёс.

— С вами трудно не согласиться, — молвила княгиня, всё еще находясь у подножия холма.

— Где бы я ни появлялся, любая благословенная Богом вилла превращается в цитадель, осажденный лагерь гуситов или что-то в этом роде.

— В ваших действиях, в предначертанном вам пути, действительно просматривается нечто непостижимое, — княгиня поднялась на поросшую густой травой вершину и остановилась в двух шагах от штурмбаннфюрера.

— Не сомневаюсь в этом.

Княгиня была уверена, что Скорцени умышленно пришел сюда, чтобы выманить её из особняка и получить возможность попрощаться. И чувствовала себя признательной за это. Марии-

Виктории очень не хотелось, чтобы посещения «Орнезии» врезались в память штурмбаннфюрера всего лишь двумя штурмами: любовным — на Скале Любви и военным — на ночном побережье. Верилось, что должно появиться ещё нечто духовное, возвышенное, способное воссоздаваться в воспоминаниях, подобно сладостным грёзам.

— Теперь уже никто не способен оспорить тот факт, что вы тоже защищали виллу «Орнезия», а потому после войны у вас будут все основания вернуться сюда. Если не вернуться, так хотя бы заглянуть. Пусть даже ненадолго.

— А кому вы обязаны будете доказывать мою причастность к этой легендарной обороне? Уж не синьоре ли Паскуалине Ленерт, именуемой в ватиканском мире «папессой»?

Прежде чем ответить, Мария-Виктория спустилась с холма к самому пирсу и, пройдясь вдоль борта яхты, внимательно осмотрела её. На стальном корпусе судна видны были вмятины от срикошетивших пуль, следы недавнего сражения.

— Вы ведь прекрасно понимаете, что без финансового и прочего покровительства Ватикана мы не смогли бы заполучить ни этой виллы, ни яхты, ни Скалы Любви, — с обречённой грустью молвила княгиня уже тогда, когда Отто показалось, что она попросту забыла о его вопросе. — Что только заступничество Святого Престола хоть в какой-то степени способно защитить нас от местных властей и масонов.

— И от масонов — тоже? — оживился штурмбаннфюрер.

— Естественно. Это я в продолжение вашего разговора с франкмасоном Шварцем.

— Но ведь он баварский сепаратист, а не всемирный интернационалист.

— Масоны не имеют национальности. Иное дело, что у них есть определенные обязанности. В частности, дробить Европу, истощая её мировыми войнами и великими революциями, чтобы затем решительно объединить под властью великих магистров. Впрочем, мы основательно отвлеклись. Да, синьор Скорцени, вилла «Орнезия» — вотчина папессы и её людей. Причем

не столько папы римского, сколько именно «папессы». И не удивляйтесь, если однажды увидите её здесь.

Скорцени спустился с холма вслед за княгиней. Ни один человек из охраны виллы и отряда корсиканцев на берегу так и не появился. Они давали возможность обер-диверсанту попрощаться с княгиней тет-а-тет.

— О моей встрече с «папессой» на Корсике вам известно что-либо такое, что осталось неизвестным для меня? — поинтересовался Скорцени.

— Только планы «папессы» относительно вас. Именно ей поручено поддерживать связь между папой и вами, поэтому готовьтесь к следующей встрече. Кстати, предупреждаю, что, прежде всего, её будет интересовать сотрудничество Ватикана с вами в поисках и охране сокровищ фельдмаршала. И поверьте, более надёжного союзника, нежели Святой Престол, для этой операции вам не найти. Как и более надежной организации, которая способна была помочь вам продержаться в первые месяцы мира, когда людей из иерархии СС начнут выслеживать и отстреливать, как диких вепрей, — произнесла княгиня, перепрыгивая с причала на борт яхты. Скорцени хотел последовать её примеру, но в это время на тропинке, ведущей к причалу, появился его адъютант Родль.

— Передайте «папессе», что возможности подобного сотрудничества я не отвергаю, — поспешно произнёс Скорцени, чтобы завершить разговор до приближения гауптштурмфюрера.

— Господин штурмбаннфюрер, только что из штаба полка люфтваффе сообщили, что вылет вашего самолёта назначен на тринадцать ноль-ноль.

— Постараюсь не опоздать.

— Но это ещё не всё. Перед отлётом в столицу с вами хотел бы переговорить обергруппенфюрер СС Вольф. Он ожидает вашего звонка из штаба летунов в двенадцать тридцать.

Скорцени взглянул на часы: как же ничтожно мало времени ему отведено было, чтобы насладиться этим затерянным посреди войны и диковатого морского побережья лигурийским раем!

— Как всё просто, — с грустью молвила Сардони, глядя в глаза Отто, — появляется адъютант, сообщает время отлета — и вы уже принадлежите иному миру!

43

Те полчаса, которые Скорцени ещё мог пожертвовать на более обстоятельный разговор с бывшим владельцем ресторана «Солнечная Корсика», он решил провести, осматривая поле ночного боя. Выйдя за ограду виллы, они направились к прибрежной холмистой гряде, как бы прикрывающей шоссе от штормовых ветров и служащей почти идеальной естественной дамбой.

— Умбарт поведал мне, что, появившись здесь, на лигурийском побережье, вы тотчас же оказались в камере гестапо, — молвил Скорцени. При этом он пытался узнавать места, которые простреливал во время боя из пулемёта и из которых пытались пристрелить его самого.

Остатки машины уже успели столкнуть с ближайшего обрыва, вторая машина, с изрешеченными бортами, была отбуксирована на опушку леса. Но вся местность поблизости от виллы всё ещё источала гарь, ветки деревьев были иссечены осколками, а зависший на вершине гранитного утёса автомат, который, очевидно, забросило туда взрывом, превращал эту красноватую глыбу в идеальный постамент памятника Второй мировой.

— Так оно всё и случилось, господин штурмбаннфюрер. Это были страшные дни. Просто не верилось, что удастся вырваться на свободу.

— И всё же удалось.

— Только благодаря вам.

Скорцени, шагавший чуть впереди Шварца, остановился и резко оглянулся.

— Благодаря мне?! Послушайте, вы, всё ещё не расстрелянный баварский сепаратист!.. — полушутя, но от этого не менее грозно проговорил он. — Ваше молчание я ценю куда больше ваших недомолвок. Очевидно, вас удалось спасти Умбарту.

— Он слишком труслив для этого и слишком невлиятелен. Это сделала княгиня Сардони. Узнав о моём аресте, она явилась к руководителю гестапо и, очевидно, переспав с ним, намекнула, что я — строго засекреченный агент и личный друг Скорцени.

Замешательство, в которое Шварц пытался ввергнуть Отто, развеялось на удивление быстро. Мало того, Скорцени отреагировал так, как способен был реагировать в подобной ситуации только... Скорцени:

— А вас это, конечно, возмутило, ибо вы, лично вы, Шварц, другом и агентом Скорцени себя не считаете. Не говоря уже о «строго засекреченном» агенте, — воинственно осклабился обер-диверсант рейха.

— Оказавшись на свободе, я почувствовал себя не только вашим агентом, но и вашим рабом. Но для меня важно было еще и другое: убедившись, что подействовало ваше имя, я таким образом понял, что в гестапо меня засадили не по вашей воле. То есть вы к этому не причастны, несмотря на всю вашу нелюбовь к баварскому сепаратизму и ордену иллюминатов.

— ... К которому вы все еще преступно принадлежите, Шварц, хотя прекрасно осведомлены, что в рейхе масоны — вне закона.

— ...К которому я, извините, никогда не принадлежал. — Они стояли на гряде, склон которой круто сбегал к морю. Подозрительный взгляд Скорцени баварский сепаратист выдержал спокойно, не отводя глаз, всматриваясь в каменистую зелень противоположного берега залива. — Зато с ним тесно связана княгиня Сардони, если, конечно, для вас это имеет какое-то значение?

— Странные вопросы вы сегодня задаете, мсье Шварц.

— Признаю, что этот мой вопрос — непростительное любопытство. Однако предвижу, что через княгиню орден иллюминатов попытается заполучить вас. Если не сейчас, то уж, во всяком случае, после войны.

— Значит, на вас у иллюминатов тоже есть свои виды, баварский сепаратист и фюреронenавистник Эрнст Шварц, проходивший в мюнхенской полиции по делу о растлении несовершеннолетних мальчиков-подростков?

— Господь с вами: моё освобождение — всего лишь мелкая услуга местного гестапо Скорцени, его реверанс в сторону обер-диверсанта рейха. И, ради бога не вспоминайте впредь о моем давнем мюнхенском грехе, — вырисовалась на кирпично-пепельном лице Шварца гримаса прискорбия. Он знал себе цену и никогда не пытался выглядеть значительнее, нежели был на самом деле. — Кстати, гонцом ордена может стать не только княгиня, но и любой другой человек, которого вы хорошо знаете и с которым можете говорить совершенно откровенно.

— А вы и есть именно такой, близкий мне человек?

«Неужели люди, которые рекомендовали мне Шварца как масона, ошибались? — недовольно проворчал про себя Скорцени. — Не может такого быть! Разве что их сбило с толку то, что будущим владельцем «Солнечной Корсики» заинтересовались масоны. Однако, похоже, что для них Шварц действительно всего лишь «гонец к Скорцени».

— Но учтите, Скорцени, что масонам всегда трудно отказывать в их просьбах и предложениях.

— Просто отказывать им следует решительно.

— Это тоже могут позволить себе немногие. Тем более что не обязательно становиться масоном, можно оставаться всего лишь другом масонской ложи. Для них это тоже вполне приемлемо.

— Существенная подсказка, — согласился обер-диверсант рейха. — Ладно, агент «Баварец», с масонами мы как-нибудь разберемся. Но замечу: некоторые из высокопоставленных франкмасонов всё ещё не поняли, что организация СС более подготовлена к будущим сражениям на тайных фронтах Европы, более организована и вооружена, нежели их масонская рать. И в этом их ошибка. Однако мы в состоянии в любое время отрезвить их.

— Убежден, что они ищут не вражды, а сотрудничества, — смиренно заверил его баварский сепаратист.

— Иначе не стали бы столь тесно связываться с княгиней Сардони, а также с владелицей еще одной виллы, «Карпаро», баронессой фон Эслингер и их людьми, существующими на

деньги «папессы», а следовательно, Святого Престола. У вас возникли какие-то просьбы, агент Баварец?

— Было бы неплохо, если бы местное гестапо и СД оказались официально извещенными о наших с вами связях и о том, что я действительно ваш агент. Коль уж вы сами изволили называть меня «агентом Баварцем».

— Я позабочусь о том, чтобы местные службы гестапо и СД не трогали вас. Но если вы когда-нибудь решите, что масоны — более надежные покровители, нежели СС, никакая княгиня запугать этих амбалов какими бы то ни было страшными именами не сумеет.

И вот тут Скорцени услышал то, чего никак не ожидал услышать от «баварского сепаратиста»:

— Да не собираюсь я отрекаться: ни лично от вас, ни от масонов или СС, — пожал плечами Шварц. — Объединив эти две силы — масонов и СС, — мы станем непобедимыми. Разве есть нечто такое, что может разделить масонов и всемирную организацию СС, которая, конечно же, станет всемирной и которой не дано погибнуть даже вместе с гибелью рейха. А главное, во главе которой будет стоять новый, покрывший себя славой вождь, — многозначительно посмотрел Шварц в глаза обер-диверсанта рейха.

«Вот, оказывается, для чего ты понадобился масонам! — подумал себе Скорцени, только теперь осознавая, сколь уместной и своевременной оказалась его беседа со Шварцем. — Возникла идея воссоединить два могущественных ордена — масонов и СС. Или, точнее, подчинить СС, которая вскоре окажется без покровительства фюрера и рейха, да и вообще как бы не у дел, масонству. Хотя почему бы не наоборот? Впрочем, к этому вопросу у нас ещё будет время вернуться».

Скорцени спустился к кромке моря, зачерпнул ладонью воды и хотел омыть лицо, но, вспомнив, что где-то здесь, на дне, покоятся убитые им партизаны, выплеснул её. Обер-диверсант вдруг с ужасом подумал, что однажды, возможно, таким же утром, он откроет для себя, что война завершилась. И кем он, «человек войны», предстанет тогда перед миром? Кто он таков — в глазах странного, свыкшегося с войной мира? «Остаток своей жизни, — сказал себе штурмбаннфюрер, — ты маниакаль-

но будешь думать о тех, кого убил ты сам, и кто намеревался, но не сумел, убить тебя».

— А вы не так просты, как казались, герр Шварц.

— Разве в свою команду вы подбираете людей, оценивая их по уровню простоты? И потом, в отличие от вас, господин штурмбаннфюрер, я так и не сумел найти себя, не сумел понять, кто я на самом деле, — с грустью молвил «закоренелый баварский сепаратист». Но если вам еще когда-нибудь понадобится владелец ресторана, в котором вы могли бы чувствовать себя, как в собственном бункере, вспомните о бывшем владельце «Солнечной Корсики».

— Вы правы, Шварц, нам нужны не «простые», нам нужны преданные. И не сомневайтесь: мы вернем вам «Солнечную Корсику», каких бы денег нам это ни стоило. Жаль, что нужно срочно возвращаться в Германию, а то мы с вами ещё о многом поболтали бы, господин Шварц.

— Меня и так удивляет, что вы слишком долго задержались в этих краях, штурмбаннфюрер.

— Хотите, чтобы поскорее убрался из Италии? — поползли вверх брови обер-диверсанта.

— Да нет, просто в Венгрии, в Будапеште, сейчас очень неспокойно. Адмирал Хорти потерял всякое доверие фюрера.

Скорцени замер от удивления. Он и в самом деле в ближайшие дни должен был вылетать в Будапешт, но это было одной из величайших тайн рейхсканцелярии и РСХА.

— Вы действительно не так просты, Шварц, как могло бы показаться на первый взгляд, — удивленно повёл подбородком Скорцени, мысленно решая для себя: намёк на Венгрию — это агентурные сведения или результат аналитических размышлений самого «баварского сепаратиста»?

44

...Уже с телефонной трубкой в руке барон фон Шмидт переждал очередной налет на Берлин английской авиации и только тогда решился на звонок, который способен был резко изменить всю его фронтовую солдатскую жизнь.

— Господин Скорцени? Здесь оберштурмбаннфюрер СС Фридрих фон Шмидт.

— И что из этого следует? — Скорцени терпеть не мог, когда ему звонил кто-либо, чьего звонка он не ждал, тем более — из числа людей, не являвшихся сотрудниками Главного управления имперской безопасности (РСХА).

— Знаю, что вы только что вернулись из Будапешта, поэтому позволю себе поздравить с повышением в чине и Золотым рыцарским крестом[1]. Проведённая вами операция...

— О важности этой операции, — резко прервал его Скорцени, — уже всё сказано фюрером. Так что говорите по существу.

— Для меня это полнейшая неожиданность, но... только что я получил приказ поступить в ваше полное распоряжение.

Скорцени замялся, покряхтел в трубку, затем вдруг произнёс:

— Я знаю, как минимум, десяток всевозможных «шмидтов», каждый из которых мнит себя бароном. Так не могли бы вы объяснить, с кем именно имею честь?

«Он что, настолько измотан венгерскими событиями, что действительно не может понять, с кем говорит, или же это всего лишь один из способов унизить равного себе по чину?», — задался естественным в этой ситуации вопросом бывший боксёр, воинственно настраиваясь на поединок, пусть даже словесный. Однако, вспомнив, что беседует-то он со Скорцени, с ответным ударом решил повременить.

— Я — тот самый оберштурмбаннфюрер фон Шмидт, с которым связана одна важная страница в биографии фельдмаршала Роммеля. Как, впрочем, и ваши воспоминания о Корсике.

---

[1] В день гибели Роммеля, 14 октября 1944 года, Скорцени завершал операцию, целью которой стало совершение государственного переворота в Венгрии. Скорцени арестовал адмирала Хорти и позволил прийти к власти руководителю партии ««Скрещённые стрелы» Ференцу Салаши. Похороны Роммеля состоялись 18 октября, когда Скорцени уже принимал поздравления с успешным проведением этой операции, за которую был повышен в чине до оберштурмбанфюрера (подполковника) СС и награждён Золотым рыцарским крестом. — *Примеч. авт.*

— Так это вы, Шмидт?! — и резкий, гортанный голос Скорцени зазвучал вызывающе. Трудно было предугадать, чем закончится этот разговор уже в следующую минуту. — Тогда какого дьявола?!

— Как я уже доложил: мне приказано поступить в ваше распоряжение.

— Вы забыли добавить, что для вас это стало приятной неожиданностью. Именно приятной. Тем более что сам я и приказал вам поступить... в моё распоряжение. Что вы так таинственно приумолкли, великий первооткрыватель корсиканского побережья?

«Как же он позволяет себе говорить со мной?!» — вновь мысленно возмутился барон фон Шмидт, но не настолько, чтобы решиться приструнить начальника диверсионного отдела РСХА.

— Кажется, вы последний из корсиканских корсаров фельдмаршала Роммеля? — спросил тем временем обер-диверсант рейха.

— И что скрывается за этими словами?

— А то, что только позавчера на Восточном фронте геройски погиб известный вам обер-лейтенант Кремпке, ювелир и сын известного ювелира, знаток бриллиантов и прочих драгоценностей. Причем погиб, хотя и нелепо, но... вполне геройски.

«Значит, цепь скоропостижных и нелепых "геройских" гибелей корсиканских корсаров Роммеля всё ещё продолжается! — извлёк важную для себя информацию фон Шмидт. — Так стоит ли пополнять число неудачников?». А вслух произнёс:

— Всем нам будет не хватать Кремпке. Особенно Роммелю. Разве не так?

— Завтра, в десять утра, жду вас у себя. По поводу пропуска можете не волноваться. И никаких псалмопений по поводу Корсики и Роммеля, барон; никаких псалмопений!

— В десять буду у вас, оберштурмбаннфюрер, — опыт общения со Скорцени подсказывал последнему из корсаров Роммеля, что лучшая из одежд, в которые ему стоит сейчас рядиться, — тупоголовая смиренность.

— Советую до этого времени никуда не отлучаться из своего номера. В девять утра вам позвонит мой адъютант гауптштурмфюрер Родль. Он подскажет, каким образом добраться до меня.

— Но я уже был у вас.

— Были, — безмятежно согласился Скорцени. — Но очевидно только, что вы не всё поняли. Для начала советую прочитать сегодняшние берлинские газеты. — И повесил трубку.

— Дерь-рьмо! — с аристократической вальяжностью излил душу барон фон Шмидт. — Скорцени, Родль, корсиканские сокровища фельдмаршала — всё дерь-рьмо!

Немного успокоившись, барон вспомнил о том, что обер-диверсант посоветовал ему просмотреть сегодняшние газеты. Что он имел в виду?

Спустившись в фойе, он купил у дежурного три свежие газеты и, настороженно оглядываясь по сторонам, не следит ли кто-либо за ним, вновь поднялся к себе, на третий этаж отеля. Но, прежде чем открыть дверь, поразился, увидев на первой полосе портрет фельдмаршала Роммеля в чёрной рамке.

— Да, господин е-е... оберштурмбаннфюрер, — со скорбной миной на лице проговорил проходивший мимо штатский, с виду какой-то средней руки чиновник, внимательно присматриваясь к плетеным квадратам на левой петлице френча[1] барона, — Германию постигла ужасная беда: скончался фельдмаршал Роммель. Наш народный маршал.

— Он что, погиб?!

— Нет, просто, по-человечески скончался. Очевидно, дала знать о себе недавняя рана.

— Какая еще рана?! — уставился на него Шмидт. — Рана у фельдмаршала была такой, что с ней он мог прожить ещё сто лет.

— Неужели? В это трудно поверить, особенно когда речь идет о Роммеле! Впрочем, вам виднее, господин оберштурм-

---

[1] Офицеры войск СС в чине до штандартенфюрера (полковника) СС носили знаки различия не на погонах, а на левой петлице френча. — *Примеч. авт.*

баннфюрер, вам виднее... — предостерегающе выбросил руки вперед штатский. — Но кто бы мог предположить, что Роммель способен просто так, взять и умереть?!

Прежде чем войти к себе в номер, Шмидт снова внимательно осмотрелся. Только теперь он понял всю проявленную Скорцени недосказанность. Оказывается, дело было не в гибели оберлейтенанта Кремпке, который, как ювелир и сын известного ювелира, выступал главным экспертом при формировании африканских сокровищ фельдмаршала, а в смерти самого Роммеля, истинного владельца корсиканских сокровищ, имени которого в беседе обер-диверсант упомянуть почему-то не решился. Даже он, исходя из соображений безопасности, не решился.

Закрывшись в номере, оберштурмбаннфюрер проверил пистолет, положил его на стол перед собой и только тогда принялся за чтение номера «Фёлькишер беобахтер».

«Ему хотя бы на некролог не поскупились, в обмен на все его африканские богатства, — злорадно подумал Шмидт, закончив чтение погребального панегирика «герою Африки» и «герою нации». — Всех прочих убирают куда скромнее».

Но, опять же, Шмидт прекрасно понимал, что дело не в таинственной смерти Роммеля, которого, по всей вероятности, заставили застрелиться или принять яд, а в том, что только теперь, после смерти Лиса Пустыни, по-настоящему развернётся охота на его сокровища. А также на тех корсаров Роммеля, кто еще уцелел и кто способен хоть чем-то помочь при поисках этих богатств. «Да, и на тех, кто еще уцелел», — напомнил себе бывший командир Африканского конвоя Роммеля.

45

Возвратясь поздно вечером из рейхсканцелярии к себе на квартиру, Бургдорф увидел на столе газету, сложенную так, чтобы в глаза сразу же бросался огромный портрет фельдмаршала Роммеля, опубликованный рядом с подобающим чину и заслугам «героя Африки» некрологом.

Пробежав его взглядом, генерал отшвырнул газету и обессиленно опустился на диван.

— Мне почему-то казалось, что вы уже не решитесь вернуться сюда, — появилась в дверях Альбина. Тот же японский халатик, та же растрепанная золотистость волос. Только складка у губ казалась основательнее и жёстче — отметина на лице всякой женщины, которой несколько дней пришлось провести в ожидании и душевных терзаниях.

— Казалось или хотелось, чтобы не вернулся? — спросил Вильгельм, вальяжно раскинув руки по спинке дивана.

— Вас ведь слишком долго не было, — неожиданно кротко и, явно оправдываясь, напомнила Крайдер.

— Вы правы, Альбина, долго, — столь же кротко признал генерал.

Ночь после самоубийства Роммеля он провёл в офицерской гостинице в Ульме, улаживая кое-какие дела, связанные с предстоящими похоронами и ведя непрерывные переговоры со ставкой фюрера «Вольфшанце». Однако нервотрёпка с погребением и гражданской панихидой была лишь вуалью, за которой скрывались внутренние терзания генерала.

Нет, он не чувствовал себя убийцей. Для него это было бы слишком утончённо. Бургдорф почти мистически боялся, что вслед за Роммелем уберут и его, как нежелательного свидетеля. А если не уберут, обязательно произойдет что-то трагическое, благодаря чему фельдмаршал попросту «уведет его за собой», на тот свет.

Две ночи в одном из отелей Штутгарта, которые были отведены генералу в качестве отдыха за труды праведные, на самом деле превратились для него в дни ожидания с петлей на шее.

Отправив в Берлин убийственно раздражавшего его Майзеля, генерал Бургдорф пытался предаться упоительному безделью, благодаря Бога и фюрера за то, что великодушно избавили его от необходимости присутствовать на похоронах Роммеля. Предложить своему бывшему сослуживцу, оказавшемуся перед угрозой позорной казни, ампулу с ядом — это одно. Явиться же на похороны и скорбеть по поводу «неожиданной, безвременной, несправедливой смерти» — совершенно иное.

По существу его спас от этого позора командующий Западным фронтом — фельдмаршал фон Рундштедт, под началом которого Роммель какое-то время служил. Прекрасно зная о том, что Лиса Пустыни как заговорщика заставили принять яд, он, тем не менее, решился присутствовать на похоронах и даже произнести над телом усопшего слова, которые тотчас же были процитированы по радио и во многих газетных публикациях: «Роммель был талантливым полководцем, безгранично преданным рейху. Он любил солдат, а солдаты любили его. Безжалостная судьба вырвала его у нас. Но мы всегда должны помнить, что сердце его принадлежало фюреру!».

Конечно же, по поводу того, что сердце Лиса Пустыни принадлежало фюреру, фон Рундштедт лгал и лукавил. Как всегда, лгал и лукавил. Но, с другой стороны, сам фюрер приказал похоронить Роммеля со всеми воинскими почестями, как подобает хоронить фельдмаршала и популярного в народе полководца. А что касается его участия в заговоре, так ведь не зря же Майзель и все, кто хоть что-либо знал о его миссии в Герлингене, получили строжайший приказ молчать и забыть. Всегда молчать и навечно забыть!

Сам он, Бургдорф, тоже заметал сейчас следы, как преступник, который больше всего опасается, чтобы главарь не перестарался, награждая его за усердие.

— Вы правы, фрау Крайдер, меня не было здесь слишком долго. Поэтому велено считать, что все эти дни я никуда не отлучался. В связи с легким недомоганием.

— Я всего лишь хотела сказать, что теперь вот и фельдмаршала Роммеля у Германии больше нет, — утвердилась в своем подозрении Альбина. — Вы хоть понимаете, наш генерал Бургдорф, что осиротили всю нацию?

— А вы, фрау Крайдер, хотя бы способны понять, что осиротил не я, что я всего лишь выполнял приказ. Вспомните: я даже не скрывал, какова моя миссия.

— Что, конечно же, должно быть по-достоинству оценено мною? — Альбина опустилась рядом с генералом и, упершись

руками в края дивана, задумчиво смотрела в пространство перед собой.

— Что вас угнетает, фрау Крайдер? Что вас-то может угнетать во всей этой истории? Встречались с фельдмаршалом? Были влюблены в него?

— Кажется, мы уже говорили с вами на эту тему, генерал Бургдорф, — обиделась «Двухнедельная Генеральша». — Я знала об этом человеке только то, что знал каждый германец, слушающий радио и время от времени читающий «Фёлькишер беобахтер». Но не более. И никогда не считала себя поклонницей Лиса Пустыни.

— Тогда почему вам так жаль Роммеля? Сейчас гибнут сотни тысяч германских мужчин. Гибнут честно, в бою, за фюрера и Германию. Чего нельзя сказать об участнике заговора против фюрера, фельдмаршале Роммеле. Ему бы молить Господа за то, что Гитлер пощадил его: ни разжаловал, ни казнил, и даже ни судил, а позволил уйти, сохранив честь и мундир. Как бы кто ни относился сейчас к фюреру, но все вынуждены будут признать, что в отношении Роммеля он был снисходителен, как ни к одному из заговорщиков.

— Причем здесь Роммель?

Бургдорф ощутил, что горло его сжимают тиски жажды. Одна рука его мысленно потянулась к столику, на котором стояли бутылки с вином и коньяком, другая, тоже мысленно, — к талии хозяйки.

— Тогда о чем мы говорим? — неудовлетворённо спросил он, так и не дотянувшись ни до одного из этих источников.

— Мне ведь не Роммеля жаль. Мне искренне жаль вас, генерал.

46

Проснувшись, Шмидт приподнялся на локте, и какое-то время всматривался в окно, занавешенное пеленой осеннего тумана, щедро замешанного на удушливом берлинском смоге. Всю ночь ему снилось, что он плывёт на корабле, том самом, что увозил африканские сокровища фельдмаршала, поэтому

даже теперь, проснувшись, всё ещё чувствовал себя так, словно, сдерживая тошнотную усталость качки, смотрит в иллюминатор своей каюты.

«Только вот подполковника Крона ни в этой каюте, ни на корабле уже нет, — напомнил себе барон. — Как нет уже и оберлейтенанта Кремпке, командора Аугштайна, а также подавляющего большинства солдат охраны и членов экипажа».

«Каждый бриллиант должен погубить столько жизней, сколько в нём каратов, — изрек марокканский ювелир-араб, у которого Шмидт, по поручению Роммеля, консультировался по поводу двух камней, чья ценность показалась фельдмаршалу сомнительной. — Только после этого он приобретает свою истинную красоту и очаровательность. После чего, как правило, достаётся отъявленнейшему из негодяев».

А что, всё может быть...

«Вы знаете, почему Наполеон остался без короны и без империи? — спросил этот ювелир.— Вы, конечно, скажете, что причиной явилось его поражение в битве под Ватерлоо. Но поражение на этом поле — не причина, а следствие. Причина же кроется в том, что императору подсунули бриллиант "Регент", которым он приказал украсить рукоять своей шпаги. На "Регенте" уже была кровь человека, нашедшего этот камень. Однако в нём таилось слишком много каратов, чтобы он мог удовлетвориться одной жертвой».

— Если этот ювелир прав, то сколько же тогда жизней понадобится, чтобы искупить кровью все сокровища Роммеля?! — вслух ужаснулся барон фон Шмидт, поднимаясь со своей «усыпальницы» и принимаясь за утренний туалет. — А главное, кому же они, в конце концов, достанутся? Кто тот «отъявленнейший из негодяев», в чье владение они в конечном итоге перейдут? А теперь скажи мне, — обратился он к своему отражению в мутноватом зеркале, у которого брился. — Перед судом Господа и Сатаны ты, лично ты, за такого отъявленнейшего смог бы сойти?

— Задатки, в общем-то, есть, — ответил он сам себе после некоторого колебания. — К тому же пока ещё остается время, чтобы развить их.

Адъютант Скорцени оказался подчеркнуто пунктуальным: телефон ожил ровно в девять, как только Шмидт успел запить свой с вечера приготовленный бутерброд с колбасой холодным кофе из небольшой фляги. К еде он всегда старался относиться по-спартански.

— Как бы вы ни удручались по этому поводу, господин оберштурмбаннфюрер, заниматься вами поручено почему-то мне, — явно старался подражать своему командиру Родль. Однако после всего того, что барон узнал вчера по поводу гибели оберлейтенанта и смерти фельдмаршала, он готов был простить гауптштурмфюреру любые его вольности.

— Наоборот, это воодушевляет меня, — почти искренне заверил он.

— Тогда спускайтесь вниз, я жду вас у машины.

Выйдя из отеля, Шмидт с опаской покосился на двух верзил в штатском, равнодушно посматривавших в его сторону.

— Это мои парни, — успокоил его адъютант Скорцени. — «Коршунам Фриденталя» порой не мешает испытать себя в роли телохранителей. Тем более — телохранителей барона фон Шмидта. Не возражайте, барон, всё, как приказано Скорцени: личная охрана, эскорт мотоциклистов, «Баденвайлерский марш»[1] и прочие атрибуты...

Ни эскорта, ни марша не последовало, зато эти двое громил сели в такой же подержанный «опель», в каком прибыл Родль, и принялись неназойливо сопровождать их. Вначале Родль внимательно наблюдал за их машиной, затем попробовал оторваться, чем очень заинтриговал Шмидта, наконец выругался и заявил:

— Придётся изменить маршрут и заманить их к Главному управлению имперской безопасности.

— Так это что, слежка?! — изумился Шмидт.

— Нечто, напоминающее слежку.

---

[1] В Третьем рейхе «Баденвайлерский марш» был официально объявлен «маршем фюрера», и его предписывалось исполнять в особо торжественных случаях, даже если сам фюрер на торжествах не присутствовал. — *Примеч. авт.*

— Значит, это не ваши люди?

— Будем считать их «почетным караулом».

— Но это немыслимо: в центре Берлина — слежка за машиной Скорцени! Кто может позволить себе такое?!

— О том, что это одна из машин Скорцени, им ещё только надлежит узнать. Точно так же, как Скорцени интересно будет узнать, кого представляют сами эти молодчики.

— Вы же сказали, что это ваша личная охрана, дерь-рьмо!

— Лестный отзыв об адъютанте Скорцени, — невозмутимо улыбнулся Родль.

— Но я-то имел в виду не вас, — своеобразно извинился Шмидт, — а то окопное дерь-рьмо, которое преследует нас.

— Что, конечно же, смягчает вашу участь.

В двух кварталах от здания Главного управления имперской безопасности Родль завёл машину в огромный внутренний двор и, петляя по нему, остановился у одного из подъездов. Машины преследователей видно не было, но Родль не сомневался, что они рядом.

На дверной звонок отозвалось четверо громил, на полупьяных рожах которых выражение вины за своё существование слегка затуманивалось ещё более выразительным желанием мгновенно выполнить любой приказ повелителя.

— Пьянствуете, мерзавцы? — незло поинтересовался Родль.

— Никак нет! Как приказано, находимся в карауле, — объяснили обитатели этого тайного лежбища СД.

— Сейчас здесь появится машина с людьми, которые следили за нами. Обоих сыщиков нужно загнать в ловушку.

Один из охранников сразу же метнулся к воротам, чтобы закрыть их, как только во двор въедет машина преследователей. Остальные пятеро, включая Родля и Шмидта, приготовили оружие и притаились за порталами маленького дворика, в котором нашёл приют «опель» Скорцени. Не прошло и трёх минут, как преследователей из «опеля» заставили выйти из машины, ничего не объясняя и не выясняя, сбили с ног, оглушили и уволокли в караулку.

— Они, красавцы, считали, что мы будем вести их с собой до здания на Принцальбрехтштрассе, а то и до нашей явочной квартиры, — воинственно осклабился Родль, вновь возвращаясь за руль и приказывая барону сесть на своё место.

— Но что это за люди?

— Следует полагать, что это не моя, а ваша личная охрана, барон, — спокойно просветил его гауптштурмфюрер, выводя машину из дворика, а затем и из большого двора на улицу. — А эти три соединённых друг с другом дворика, в придачу с «караулкой» — ловушка диверсионной службы СД, точнее, одна из ловушек, в которые мы заманиваем такие вот хвосты. Ну а в караулках начинаем основательно интересоваться любым, кто пытается следить за нами.

— Что же у вас здесь происходит, чёрт возьми?! Они ведь тоже германцы.

— Будем надеяться, что не англичане. И тем более — не русские. Хотя всё может быть. Когда речь идет о сокровищах фельдмаршала, среди преследователей могут оказаться даже кардиналы из окружения папы римского.

— Считаете, что и эти шпионские страсти тоже связаны с африканскими сокровищами фельдмаршала?

— Не пытайтесь мнить себя резидентом разведки Сталина, за которым следит половина Берлина. Конечно же, с сокровищами, а не с вашей особой как таковой. Кстати, я не зря упомянул о кардиналах. Нам уже абсолютно точно известно, что служба разведки Святого Престола всерьёз заинтересовалась северной частью Корсики и очень хотела бы заполучить карту с местами затопления контейнеров и наземными тайниками.

«Разве у папы римского тоже имеется своя разведслужба?! — хотелось воскликнуть фон Шмидту. — Такого просто не может быть!». И если он сдержался, то лишь потому, что не желал выглядеть в глазах Родля законченным идиотом. Тем не менее, адъютанту Скорцени удалось перехватить его взгляд.

— Ваша реакция меня не удивляет, — успокоил он корсиканского мореплавателя. — В службе внешней разведки СД привыкли и не к таким вещам.

— Нет, но это и в самом деле немыслимо: разведка Святого Престола, личные агенты папы римского[1]...

— Чтобы успокоить вас, замечу, что разведка Ватикана — одна из самых древних и эффективных в мире. Слишком много агентов в сутанах, слишком много исповедей им приходится выслушивать.

— И, тем не менее: разведка Святого Престола!.. Тогда это не Святой Престол, а настоящее окопное... пардон.

— Так и будет доложено самому Пию XII, — изобразив послушническую мину на лице, заверил его Родль голосом боголюбивого монаха.

— Зря вы острите, гауптштурмфюрер. Лучше бы позаботились о том, чтобы меня как можно реже преследовали.

— Благоразумная просьба, которая, однако, налагает некоторые обязанности и лично на вас, оберштурмбаннфюрер. То есть требует внимательности и крайней осмотрительности, а ещё — постоянной связи с людьми, которые будут приставлены для контактов с вами, умения молчать и оставаться преданным той команде, к которой принадлежите. Я ничего не упустил, барон фон Шмидт?

— И если я соглашусь на эти условия, то?..

— Полной гарантии не даст даже Господь. Но поверьте, что заступничество со стороны Скорцени и его людей — вот в чём

---

[1] Во время Второй мировой войны в Ватикане (папой римским был тогда Пий XII) действовала специальная церковная сыскная служба, носившая название «Содалициум Пианум», во главе которой стоял яростный приверженец Муссолини, фашист по убеждению, прелат Бенини. Создана была эта служба еще папой Пием X для выяснения настроений среди церковников-модернистов, пытавшихся ревизовать некоторые христианские догмы, однако вскоре она приобрела все признаки классической разведслужбы, действовавшей в интересах государства Ватикан. Агенты «Содалициум Пианум» использовали в своей работе слежку, доносы, провокации. Сила этой разведслужбы заключалась в том, что, во-первых, она опиралась на всемирную церковную организацию, а во-вторых, что большинство её агентов составляли истинные рыцари плаща и кинжала — иезуиты, прекрасно вышколенные, приученные хранить верность и тайны, умеющие использовать слово и яд. — *Примеч. авт.*

ваше спасение. Сам тот факт, что ваше имя станут связывать с именем «человека Скорцени», уже многих будет охлаждать.

— Что неоспоримо.

— Другое дело, что к этому заступничеству ещё нужно будет прийти, его еще нужно заслужить.

«А ведь тебя уже вербуют, — сказал себе Шмидт. — Открыто и нагло вербуют. Хотя Родль прав: если уж кто-то и способен взять тебя в этом предразгромном бедламе под своё крыло, так это Скорцени — со своими легионами диверсантов и тайных агентов».

48

Бургдорф подошёл к шкафчику, взял бутылку коньяку, но, прежде чем наполнить рюмочки, обратил внимание, что коньяк той же марки, какой он пил в кабинете Роммеля. Коньяк причастия перед ампулой с цианистым калием.

— Наливайте, генерал Бургдорф, наливайте! — иронично подбодрила его хозяйка квартиры. — И мне тоже. Не так уж часто выпадало нам пить вдвоём.

— Поскольку вы слишком рано и поспешно исчезали в своей вдовьей спальне, а я слишком подолгу пропадал то в «Вервольфе», то в «Вольфшанце», то еще чёрт знает где.

Альбина взяла свою рюмку, залпом, по-мужски, выпила и вновь подставила, чтобы её наполнили.

Бургдорф исполнил её желание, но поведение женщины от этого не прояснилось. «Мне ведь не Роммеля жаль. Мне искренне жаль вас!». Ничего более оскорбительного за всю эту войну генералу слышать не приходилось.

— В юности я была влюблена в кадета военного училища, который самозабвенно мечтал стать прославленным генералом. Кумирами его были Ганнибал, Македонский, а также всякие там германские полководцы. Так вот, этот кадет настолько уверовал в свой военный гений, что позволял себе с одинаковым неуважением отзываться о Наполеоне и Веллингтоне, не говоря уже о Кутузове.

— Хотелось бы знать имя этого вашего кадета-избранника, — подбодрил её Бургдорф. — Неужели этим счастливчиком-кадетом оказался Роммель?

— К сожалению, нет. Этот несостоявшийся воитель случайно утонул в Рейне за месяц до присвоения ему офицерского чина.

Бургдорф опустошил свою рюмку и так, с бутылкой и рюмкой в руках, прошёлся по комнате.

— Судьбу осуждать бессмысленно. Её можно лишь покорно воспринимать да иногда сокрушаться... по поводу безжалостности своей судьбы.

— Но это лишь часть моей военно-свадебной саги, — неожиданно возобновила свой рассказ Альбина Крайдер.— Со временем за мной начал усиленно ухаживать некий полковник, успевший к тому времени получить должность, именуемую «генеральской». Он порывался прослыть завоевателем Франции, но погиб, пройдя со своей дивизией всего лишь два километра её территории.

— Всё, что можно было сказать о подобной судьбе, я уже сказал, — развёл руками с бутылкой и рюмкой Бургдорф. — Жаловаться на судьбу можно только самой судьбе. А это, увы, бессмысленно.

— Но я всё же вышла замуж за офицера, которому было откровенно наплевать на то, дослужится он до каких-либо чинов или нет. Он был достаточно богат, чтобы всю жизнь оставаться подполковником, и достаточно ленив, чтобы предполагать, что кроме офицерского чина существуют еще и такие понятия, как самолюбие, цель жизни, слава, величие...

— Но к тому времени сами вы уже были заражены бациллой генеральства, поражающей многих офицерских жен.

— Не считайте себя провидцем, наш генерал Бургдорф. Можно подумать, что так уж трудно догадаться, какой неизлечимой «генеральшей» я прослыла к тому времени. Но даже вы не способны понять, сколько усилий мне пришлось приложить, чтобы этот богатый бездельник, оставивший мне — что правда, то правда — целое состояние, в том числе и этот прекрасный особняк, дослужился до генерал-майора. Скольких

друзей и знакомых мне пришлось срочно приобрести, скольким высокородным генеральшам подсунуть молодых любовников из полка моего мужа, в обмен на то, что они замолвят перед своими рогоносцами-мужьями слово о подполковнике, а затем и полковнике Крайдере. И не только перед мужьями, но и перед прежними, некстати состарившимися любовниками. Да и самой иногда приходилось ложиться под них — чего уж тут...

— Успокойтесь, фрау Крайдер. Эта история мне давно известна. Да и ваш «двухнедельный генерал» не стоит столь мучительных откровений.

— Стоят ли наши откровения нас самих — вот что меня теперь интересует куда больше. — Альбина поднялась и решительно направилась к двери. — Может случиться так, что этой ночью я вдруг забуду закрыть свою спальню, — бросила она уже из-за двери. — Как говорится, воля случая.

49

Ещё через несколько минут Родль доставил оберштурмбаннфюрера фон Шмидта на одну из конспиративных квартир диверсионной службы СД.

Лестница чёрного хода в старинном особняке, едва заметная узкая дверь, мимо которой можно было трижды пройти, не заметив; две небольшие комнатушки, из одной из них замаскированный ход вёл на чердак... Всё в этой квартире представало серым и неприметным. Однако озарял её своим присутствием золотоволосый гигант с четко очерченным эллинским лицом, плечами циркового борца и могучими ручищами, которые, встав посреди гостиной во весь свой рост, властно положил на грани офицерского ремня.

— Какое знакомое изваяние! — не мог сдержать своего восхищения барон фон Шмидт, опытным глазом бывшего боксёра оценив мощь и красоту телосложения представшего перед ним полковника вермахта. Нет, Шмидт и в самом деле мысленно признался себе, что никогда не видел красавца, равного этому мужчине.

— Насколько мне известно, с оберстом Курбатовым вы, барон, уже знакомы, — тоном дворецкого произнёс Родль.

— Имел честь. — Сняв фуражку, поскольку оберст стоял посреди комнаты без головного убора, Шмидт приветствовал русского диверсанта весьма неуклюжим кивком массивной, заметно суженной к темени головы. — Рад видеть, господин оберст.

— Корсиканские корсары Роммеля вновь сходятся под пиратскими парусами, — сдержанно улыбнулся Курбатов.

— Кем только меня после операции по захоронению сокровищ фельдмаршала, носившей странное название «Бристольская дева», ни называли. В том числе и корсиканским корсаром Роммеля.

— Обязан напомнить, что полковник, князь Курбатов — бывший командир русского диверсионного отряда, который...

— Я в курсе, Родль, — прервал его барон. — Мне приходилось слышать об этом сибирском рейде, в том числе и от самого диверсант-полковника.

— Если бы вам представилась возможность читать русские эмигрантские газеты, там о князе — взахлёб. По просьбе Скорцени, некоторые статьи были специально переведены на германский. Они впечатляют.

— Не следует акцентировать внимание на делах прошлых лет, — сдержанно предостерёг гауптштурмфюрера Курбатов.

— Смею возразить, господин оберст. Время вашего знакомства тоже должно быть использовано рационально, — молвил Родль. — Представляете себе чувства истосковавшихся по родине русских аристократов, — вновь обратился он к фон Шмидту, — когда они вдруг узнают, что из глубины Сибири, с дикого Востока, к ним явился этот молодой белогвардейский, как говорят русские, офицер, князь! Словно бы пришёл из красивой легенды, из вечности. Но хватит эмоций. Садитесь, господа, разговор наш будет недолгим. Господин оберштурмбаннфюрер, — продолжил он, когда собеседники уселись в приземистые кресла, — вам придётся провести в этих апартаментах ещё, как минимум, трое суток.

Шмидт устало взглянул на Родля и красноречиво пожал плечами. После того как ему продемонстрировали арест двух типов, устроивших за ним слежку, оберштурмбаннфюрер воспринял сообщение о домашнем аресте с иронией человека, и не такое видевшего на своём веку. Единственное, на что он имел полное и неотъемлемое право, так это проклинать тот день, когда Роммель втравил его во всю эту историю со своими африканскими сокровищами.

— Ясно: в течение трёх суток я нахожусь здесь. Что дальше?

— Затем вновь появится полковник Курбатов, который в эти дни не станет стеснять вас своим присутствием. — Слушая эти слова, князь полузакрыл глаза: то ли от усталости, то ли от безразличия. — Он доставит вам документы и деньги. Маршрут и транспорт, которым вам надлежит отправиться в Италию, мы к тому времени определим.

— Опять в Италию?! — приподнялся Шмидт. — Уж не на переговоры ли с американцами?

— В Северную Италию, естественно, под крыло великого дуче.

— Но что нам делать в вотчине дуче? Во всяком случае, мне?

— Не пойму, с чего вдруг вы столь агрессивно настроены против Италии? Страна философов, поэтов и этих... как их там, скульпторов: Микеланджело, Родена, если только они, в самом деле, были итальянцами, поскольку, признаться, в истории искусства я не силен.

— Что вы валяете дурака, гауптштурмфюрер?! — побагровел фон Шмидт, вспомнив, что значительно старше Родля по чину. — Какая, к чертям собачьим, «страна философов и поэтов»?!

— Если вы решительно настроены скрываться от преследователей-кладоискателей на Восточном фронте, противостоять вашему желанию я, конечно, не смогу.

— Почему вдруг скрываться? — возмутился Шмидт, мысленно согласившись при этом, что Северная Италия всё же лучше, чем Южная Польша или Венгрия.

— Да потому, что, спрятав вас на время в одну из разведывательно-диверсионных школ в Италии под чужим именем, мы таким образом получим хоть какой-то шанс спасти вам жизнь. Пока о вас не забудут, пока не прояснится ситуация в Италии и на других фронтах. Официально вы — представитель отдела диверсий имперской безопасности.

— По-моему, подполковнику СС стоит сказать правду, — неожиданно вмешался Курбатов. — И состоит эта правда войны в том, что мы ещё будем использовать вас как приманку, выясняя, какие силы будут пытаться подобраться через вас к сокровищам Роммеля. Выяснять и истреблять.

Родль взглянул на русского диверсанта с почти гневным осуждением: эта информация была явно не рассчитана на самого Шмидта. И был слегка удивлён, когда сам барон отреагировал на его искренность с абсолютным спокойствием:

— Благодарю, полковник, это уже по-солдатски. Что же касается вас, Родль... Поскольку я поступил в распоряжение Отто Скорцени, то готов выполнить любой его приказ.

— Что тоже оч-чень по-солдатски. Тем более что многие офицеры СС сочли бы за честь выполнять приказы первого диверсанта рейха, — совершенно серьезно, без какой-либо назидательности, молвил Родль. На сей раз он был уверен, что говорит святую правду: к Скорцени действительно стремились, к нему тянулись. Вокруг него сотворялась некая романтическая аура, становившаяся всё более притягательной для всякого ослабевшего духом. — Да, господа, иные и в самом деле сочли бы за честь. «Отчаянная борьба сохраняет свою вечную ценность в качестве примера» — когда фюрер изрекал эту мысль, он прежде всего имел в виду Отто Скорцени и таких воинов, как он.

— У меня тоже создается впечатление, что, когда фюрер говорит о мужестве наших воинов, в качестве образца он всегда имеет в виду Скорцени, — великосветски поддержал его мысль фон Шмидт.

— Оказывается, и в этом вопросе мы единомышленники, барон. Прежде чем откланяться, сообщу вам, что у этого убежища имеется хозяйка. Она появится через полчаса и приготовит вам

лёгкий ужин. Не думаю, что она способна скрасить вам эти три дня одиночества, поскольку к красавицам не принадлежит, зато стреляет отменно. За это ручаюсь. Так что молитесь на неё, как на богиню судьбы Мойру,[1] — посоветовал Родль, направляясь к двери.

— Мне тоже позвольте откланяться, господин оберштурмбаннфюрер, — молвил Курбатов, отходя к двери вслед за адъютантом Скорцени. — И не сомневайтесь: Италия будет нашей, независимо от событий на фронтах. Так что Барра, оберштурмбаннфюрер, барра!

— Италия — дерь-рьмо, дуче Муссолини — тоже дерь-рьмо, — процедил барон. — А вот, что значит ваше «барра», этого я не знаю.

— Боевой клич римских легионеров времён Римской империи. Кое-что из истории Рима нам по ходу нашей стажировки в школе «Гладиатор» всё же придётся почерпнуть. Барра!

Оставшись наедине со своим презрением ко всему, что происходило в последние дни лично с ним, с Берлином и со всем прочим миром, фон Шмидт извлёк из походного чемоданчика подаренную бывшим сокурсником, недавно вернувшимся после ранения с Восточного фронта, русскую гранату «лимонку» — вдруг его и здесь выследят; рядом с ней он положил пистолет и нож и припечатал донышками имевшиеся у него в запасе две бутылки вина.

— Барра! — как можно воинственнее прорычал он, откупоривая бутылку и с явным наслаждением отведывая её содержимого прямо из горлышка.

Главное, что впереди его ждали три дня «офицера, вполне законно сбежавшего от войны». Всё остальное никакого значения сейчас не имело.

---

[1] Мойра — в греческой мифологии — богиня судьбы. Считалось, что существуют три мойры-сестры, олицетворяющих три проявления судьбы. Одну из них звали Лахесис, то есть «дающая жребий»; вторую — Клото, то есть «прядущая нить жизни», а третью — Атропос, то есть «неотвратимая», неотвратимо приближающая предначертанное. — *Примеч. авт.*

50

Оголённая, изнеженная сном и освещённая лунным сиянием женщина. Всё ещё упругая, высокая грудь, пухлые губы, податливая вожделенность плоти... Вот то, чего он не мог по-настоящему познать во время холостяцких экзальтаций у себя на диване, на письменном столе, на балконе, во время их ночного безумия. Хотя в каждом из этих грехопадений проявлялись свои собственные, никогда ранее не познанные им и ничем не заменимые эротические взлёты.

Бургдорф умышленно пришёл в спальню Крайдер лишь под утро, испытав свою страсть монашеским воздержанием, измучив себя мысленными ласками и нафантазированным сексуальным бредом.

Добившись вчера от Альбины намёка на то, что его даже могут впустить в спальню, как приблудную дворнягу, Вильгельм поначалу твёрдо решил деликатно проигнорировать это позволение. Великодушно проспать его, не снисходя утром ни до каких извинений. В конце концов, он столько раз прорывался в спальню Альбины и его столько раз пинали у двери, что теперь имел полное право хотя бы один раз отвергнуть снисхождение этой красавицы.

Но, как оказалось, хватило генерала не надолго. Уже после полуночи, снедаемый страстями, Бургдорф решил, что, чёрт возьми, если уж сия спальня досталась ему как награда за убиение фельдмаршала (или за стойкую верность фюреру, тут уж кто как воспримет), то несостоявшаяся генеральша вполне заслужила, чтобы он отомстил ей за определение столь большой платы. Причём отомстил самой циничной любовью.

Бургдорфу показалось, что по-настоящему Альбина проснулась только тогда, когда он окончательно испепелил себя последним поцелуем яростной страсти, переходящей в блаженное бессилие.

— Вы неплохой любовник, — молвила она, когда мужчина, всё ещё лёжа на ней, затих, уткнувшись лицом в её разгоряченную сном и экстазом шею. — Но для меня этого мало.

— О чём вы, фрау Крайдер?

— Я сказала, что для меня этого слишком мало.

— Не понимаю. До сих пор вам всегда хватало генеральских лампас. Но вот они есть. О фельдмаршале же, насколько я помню, речь до сих пор не заходила.

— Признаюсь и каюсь: я действительно решила было, что вы и есть — «мой генерал». Тот самый, настоящий, за которого стоит сражаться. «Генерал, за которого стоит сражаться!» — я точно определила свою цель?

— Вам виднее, фрау Крайдер, — откатился он на краешек кровати и замер, обессиленно раскинув руки. — Постель — тоже поле сражения. Один стремится во что бы то ни стало истребить врага, другому достаточно его бегства.

— Вы завидовали Роммелю, мой храбрый полководец, слишком отчаянно завидовали.

— А кто ему не завидовал? Но вы ведь прекрасно знаете, что в Герлинген я отправился не из зависти и вообще не по своей воле.

— И всё же отправились.

— Потому что получил приказ.

— Я и не собираюсь обвинять вас в убийстве из зависти. Я всего лишь говорю о зависти, о том, что Роммеля вы воспринимали как своего более удачливого соперника, поскольку тоже бредили фельдмаршальским жезлом.

— Не скрою, немного завидовал. Это последний чин, который способен получить любой из генералов. Как можно не бредить о короне, когда она уже парит над твоей головой? Тут уже или секира, или корона. Всё зависит от случая. Фюрер вполне мог заменить мною, генералом пехоты, любого из своих фельдмаршалов, любого из командующих группой армий. Надеюсь, после этого признания вы не станете вредить мне с тем же упрямством, с каким помогали восходить своему «двухнедельному генералу»?

— Не стану, — просто и убедительно заверила его Альбина. — Ни вредить, ни помогать. Как не стану когда-либо впредь открывать перед вами свою спальню.

— Ну, на это я, собственно, и не рассчитывал.

— Предусмотрительно. Вы сегодня же оставите мою квартиру и поищете себе другое жилье.

Бургдорф приподнялся, очумело посмотрел на женщину, которая только что подарила ему несколько умопомрачительных минут утренней нежности и, ничего не сказав, принялся одеваться.

— Может, вы всё же объясните, что произошло? — спросил он, оставляя спальню, в которую был допущен только один раз, чтобы затем навсегда быть изгнанным оттуда. — Вы чем-то обижены?

— Никаких обид. Просто я действительно мечтала о вас как о своем генерале, который, конечно же, мог бы стать фельдмаршалом. Для этого я подключила бы своего шефа, который дружен с Борманом и с Гиммлером; подключила бы всех остальных, необходимых нам... И меня вовсе не пугало то обстоятельство, что вы завидовали Роммелю. Наоборот, это воодушевляло. Не могу терпеть рядом с собой мужчину, который ни к чему не стремится, не пытается сравниться в славе с Ганнибалом или ещё кем-то там. Вот почему соперничество с Роммелем, Рундштедтом, Манштейном лишь вдохновляло бы меня. То есть вполне смогла бы воспринять вас как соперника Роммеля, пусть даже потерпевшего в этом соперничестве поражение. Но никогда не смогу смириться с вами как с убийцей Роммеля.

— Это я, по-вашему, убийца Роммеля?!

— Как с соперником и завистником — да, но как с убийцей Роммеля, а именно им вы и войдёте в историю этой мировой войны, — никогда! Для меня, женщины, всегда мысленно видевшей себя рядом с кем-то из сильных мира сего, это выглядело бы крайне унизительно. Всё, генерал Бургдорф, всё, не смею вас больше задерживать!

«Привкус, говорите, малиново-жасминный»?! — мрачно ухмыльнулся про себя Бургдорф, сознавая, что сегодня на рассвете он потерпел одно из самых сокрушительных в своей жизни поражений. После которого самый раз раскусить одну из ампул, изобретённых специалистами «гестаповского мельника».

Знал бы этот дегустатор из Парижа, знаток всех запахов, вкусов и привкусов, насколько горьким становится привкус поражения, нанесенного тебе красивейшей из женщин, каких только пришлось познавать в своей жизни! А он — «привкус малиново-жасминный»! Господи, да это же привкус райского яблока, преподнесенного тебе за неимением поблизости библейской змеи, обычным лампасным иудой!

— Внешне вы напоминаете мне Еву Браун, — бросил он на прощание. — Но только внешне, потому что Браун более благоразумна.

— Я и сама знаю, что внешне, и не только, напоминаю рейхсналожницу Еву Браун, не зря же меня готовят к тому, чтобы я выступала в роли её двойника. Но дело в том, что на самом деле это не я напоминаю Еву Браун, это Ева Браун поразительно напоминает меня. Хватит у вас духа смириться с таким поворотом реальности?

«Странно, — подумал Бургдорф, посмотрев на Альбину плотоядным взглядом. — То, что можно прояснить двумя словами, женщина темнит уже добрых полчаса. Но дело не в этом. Кто бы мог предположить, что для того, чтобы спальня смазливой вдовушки наконец-то открылась, нужно было всего лишь извести ядом одного из лучших фельдмаршалов Германии?!»

51

Встреча с оберштурмбаннфюрером фон Шмидтом была предельно короткой. Когда Скорцени появился на квартире, барон уже прождал его более часа и заметно нервничал, не понимая, зачем его заманили в эту мрачную обитель — с двумя черными ходами, низким потолком и окнами-бойницами, очень напоминавшими амбразуры средневековой крепости.

Он был равным Скорцени по чину, но когда тот наконец появился, фон Шмидт вытянулся перед ним так, как не вытягивался ни перед Роммелем, ни перед Гиммлером. Никогда он еще не осознавал себя стол незащищенным, как сейчас, оказавшись один на один с этим угрюмым, с исполосованным шрамами лицом, громилой.

— Кажется, вы хотели видеть меня, оберштурмбаннфюрер? — взорвался хрипловатым рыком первый диверсант рейха после убийственной паузы, во время которой барон чувствовал себя так, словно это молчание палача, колдующего над петлей, что вот-вот набросят ему на шею.

— Извините, господин оберштурмбаннфюрер, вышло какое-то недоразумение... Хотя в общем-то... — так и не решился барон напомнить Скорцени, что прибыл в Берлин по его личному приказу.

— В этом-то и заключается ваша ошибка, барон фон Шмидт, — не давал ему опомниться обер-диверсант рейха. — Страстное желание увидеться со мной должно было преследовать вас с тех пор, как вы погрузили сокровища известного вам фельдмаршала на морское дно у побережья Корсики.

— Но ведь я никогда не стал бы возражать против нашей встречи, — совершенно опешил фон Шмидт. Всегда самоуверенный и неописуемо наглый, он представал теперь перед начальником диверсионной службы СД, как безвольный тыловик — перед фронтовым генералом.

— Где карта?

— Простите...

— Это непростительно, оберштурмбаннфюрер. Я спросил вас, где карта, на которую нанесены места погребения африканских сокровищ Роммеля.

— Со мной её нет.

— Именно поэтому я и спрашиваю, где она, — налился металлом голос Скорцени.

— Господин оберштурмбаннфюрер, — наконец-то начал приходить в себя фон Шмидт, — о карте клада вам лучше переговорить с рейхсфюрером СС Гиммлером. Согласно его приказу я не имею права предъявить её кому бы то ни было. Никому, кроме самого рейхсфюрера СС Гиммлера.

— Вы совершенно не вовремя озадачили меня, барон. Что с вашей стороны весьма неосмотрительно.

— Поверьте, даже вашему непосредственному начальнику, доктору Кальтенбруннеру, пришлось отступить, когда он узнал о приказе рейхсфюрера.

— Кальтенбруннер — великий стратег, барон. Слишком великий, чтобы заниматься какими-то там кладами и картами. Его замыслы столь глубоки и дальновидны, что время от времени он позволяет себе отказываться... даже от них.

Шмидт покачал головой, пытаясь понять, что скрывается за словами Скорцени, но понял только одно: тот настроен агрессивно.

— И всё же заставить меня предъявить вам карту может лишь рейхсфюрер Гиммлер. Причем в его отсутствие я подчинюсь только письменному приказу, подписанному рейхсфюрером, — всё тверже становился и голос барона. В нём уже явно взыграли не только страх перед предводителем диверсионной службы СД, но и собственная родовая спесь.

Скорцени понимал, что фон Шмидт имеет все основания вести себя так, но ему было ясно и то, что с ним, начальником отдела диверсий СД, вести себя так непозволительно никому. Не исключая Гиммлера. К тому же Отто добила ссылка барона на неудачу Кальтенбруннера, единственного из руководителей СД, к авторитету которого он мог сейчас апеллировать, и который мог бы воздействовать на великого магистра Ордена СС.

— Рейхсфюрер абсолютно прав, резко сужая круг лиц, посвященных в эту тайну, — нашелся Отто. — Тем более что без вашего участия в операции нам всё равно вряд ли удастся обнаружить эти контейнеры, дьявол меня расстреляй.

— Вы правы: в данном случае любая карта — дерь-рьмо, — примирительно согласился Шмидт, поняв, что, спасая карту, он в то же время спасает свою жизнь. Как только карта и приметы станут достоянием этого похитителя Муссолини, барон фон Шмидт сразу же покажется ему слишком задержавшимся на этом свете опасным свидетелем. До барона уже давно доходили слухи о том, как один за другим исчезают участники конвоя Роммеля — и солдаты, и моряки.

— Что же тогда не дерь-рьмо? — спародировал его обер-диверсант рейха.

— Нужны верные приметы. Насколько я понял, вы собираетесь снаряжать экспедицию? Так вот, я готов присоединиться к ней.

— И каковой же вы представляете себе эту экспедицию в наше время? Для кого, спрашивается, вы будете извлекать африканские сокровища? Мне нужна сейчас не карта, а гарантия того, что ориентиры расположения клада утеряны не будут и что к нему не подберется никто, кроме людей моей команды.

— Правомерно.

— Поэтому поездка в Италию отменяется, хотя мы и распустим слух о том, что отправили вас к макаронникам. На самом деле завтра же вы отправитесь в Берхтесгаден и до конца войны, до моего особого приказа, будете оставаться там, в районе Альпийской крепости. — Шмидт хотел что-то возразить, однако Скорцени упредил его: — Приказ о назначении вы получите завтра же, не покидая не только Берлина, но и стен этой квартиры. Там, в Альпийской крепости, вы тоже обязаны будете находиться в строго отведённом месте службы, под моим личным присмотром.

— Стоит ли прибегать к подобным мерам? — пожал плечами фон Шмидт.

— Еще как стоит! Теперь вы, барон, сами превратились в одну из африканских жемчужин фельдмаршала Роммеля. И не стану утверждать, что завидую вам по этому поводу.

— Я и сам себе уже не завидую, — проворчал барон, и широкоскулое шелушащееся лицо его покрылось густой сетью багровых капилляров.

— Отныне вы входите в особую группу коммандос «Корсика» и, независимо от положения на фронтах и даже общего исхода войны, всегда, при любых обстоятельствах будете выполнять все мои приказы, причем только мои, — внушающе молвил обер-диверсант рейха. — И никаких псалмопений по этому поводу, барон! Никаких псалмопений!

Мюнхен-Берлин-Арона (Италия) — Одесса

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 3
ЧАСТЬ ВТОРАЯ 177

Литературно-художественное издание

Секретный фарватер

Сушинский Богдан Иванович

ФЕЛЬДМАРШАЛ ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

Выпускающий редактор *Д.С. Федотов*
Художник *Ю.М. Юров*
Корректор *Л.В. Суркова*
Верстка *И.В. Левченко*
Художественное оформление *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательский дом «Вече»
Почтовый адрес:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 16.12.2009. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «PetersburgC». Печать офсетная. Бумага газетная.
Печ. л. 12. Тираж 10 000 экз. Заказ № 612.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, д. 8.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:
127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-71, (499) 940-48-72, 940-48-73.
Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (499) 940-48-70.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:
Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва,
2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labirint-shop.ru
В Санкт-Петербурге:
ЗАО «Диамант» СПб.
г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 105.
Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.
Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)
В Нижнем Новгороде:
ООО «Вече-НН»
603141, г. Нижний Новгород, ул. Геологов, д. 1.
Тел.: (8312) 63-97-78
E-mail: vechenn@mail.ru
В Новосибирске:
ООО «Топ-Книга»
630117, г. Новосибирск, ул. Арбузова, д. 1/1.
Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33
www.top-kniga.ru
В Киеве:
ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 2б, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20,(380 44) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский Дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

НОВАЯ ЖИЗНЬ
ЗНАМЕНИТОЙ СЕРИИ

СЕРИЯ КНИГ

Военные Приключения

- Только приключенческие романы
- Только военная тематика
- О войнах больших и малых, великих и неизвестных
- Классика советского приключенческого романа
- Современные авторы
- Более 50 книг в серии

ISBN 978-5-9533-4217-9
9 785953 342179
Вече

В основу романа положены малоизвестные факты, связанные с вынужденным самоубийством одного из участников антигитлеровского заговора, бывшего командующего Африканским корпусом вермахта фельдмаршала Эрвина Роммеля, а также с событиями, разворачивающимися вокруг поиска затопленных его солдатами у берегов Корсики контейнеров с африканскими сокровищами, и участием в них легендарного Отто Скорцени.

интернет-магазин
OZON.ru
29385665

секретный фарватер